

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВОЙНА ЗАХВАТЫВАЕТ АМЕРИКУ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга VI

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ВОЙНА ЗАХВАТЫВАЕТ АМЕРИКУ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга VI

Перевод с английского Е. НЕЛЕДИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1955

WINSTON S. CHURCHILL
WAR COMES TO AMERICA

THE SECOND WORLD WAR
Book VI

Translated from the English by EUGENE NELEDINSKY

© 1955, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

1.

НАШ СОВЕТСКИЙ СОЮЗНИК

Вторжение Гитлера в Россию перевернуло все расчёты и соотношения в войне. Советские вожди, ослепленные своей догмой, не приняли тех мер предосторожности, какие диктовались благоразумием. С другой стороны, благодаря своему безразличию к судьбе других народов, они выиграли время и, когда ударил их час — 22 июня 1941 — они были уже гораздо сильнее, чем предполагал Гитлер. Быть может, не только сам Гитлер, но и его генералы были введены в заблуждение жалкими «успехами» Советского Союза в финской войне. Тем не менее русские были захвачены врасплох и вначале подверглись страшному разгрому. В моем рассказе я смогу наметить лишь главные черты той гигантской борьбы армий и народов, которая теперь начиналась.

Германский фронт протянулся вдоль всей западной границы СССР, от Балтийского до Черного моря. Северная группа армий генерала фон Лееба — всего 29 дивизий, в том числе 3 танковых и 3 моторизованных — должна была продвигаться из Восточной Пруссии на Ленинград. Центральная армейская группа генерала фон Бока — всего 50 дивизий, в том числе 9 танковых и 6 моторизованных — должна была двинуться из северной Польши на Смоленск. Южная группа фон Рундштедта — всего 41 дивизия, из них 5 танковых и 3 моторизованных, — направлялась из

южной Польши к нижнему течению Днепра. Дальнейшие 26 дивизий держались наготове, как общий резерв. Германские воздушные силы, двинутые в Россию, насчитывали свыше 2700 самолётов. На севере 12 финских дивизий должны были идти на Ленинград, поддерживая главное наступление. На юге 11 дивизий румынской армии должны были занять оборонительные позиции вдоль реки Прута, а 7 дивизий должны были присоединиться к наступающей южной группе. Всего хлынуло на восток одновременно 164 дивизии.

Согласно имеющимся данным, этому нашествию противостояло 119 русских дивизий и по крайней мере 5000 самолетов. Помимо того, 67 дивизий оставались в резерве в Финляндии, на Кавказе и в Центральной России. Хотя русские армии по численности почти равнялись германским, они были сразу же разорваны и отброшены назад глубокими вклинениями германских танков, а русская авиация понесла тяжкие потери. Все предыдущие противники Германии были захвачены врасплох и их территории пройдены насквозь. Одна лишь обширная Россия обладала решающим преимуществом пространства; и в этом еще раз оказалось ее спасение. В течение первого месяца немцы проникли на 300 миль в глубь России. Смоленск был взят после упорных боев, в которых русские вели сильные контратаки. Но до Ленинграда немцам еще не удалось дойти, и Киев был еще в русских руках.

Вплоть до нападения Гитлера на Россию советское правительство, повидимому, не заботилось ни о ком, кроме самого себя. После нападения это его поведение естественно стало еще более заметным. До того советская власть с ледяным спокойствием взирала на

крушение фронта во Франции в 1940 г. и на наши тщетные усилия создать фронт на Балканах в 1941 году. Она оказала существенную экономическую помощь нацистской Германии и содействовала ей во всем, где только могла. Теперь, обманутая и захваченная врасплох, она сама оказалась под огненным мечом Германии. Ее первым побуждением, которое превратилось затем в планомерную политику, было просить всяческой помощи у Великобритании и ее Империи — той самой Империи, план раздела которой между Сталиным и Гитлером за последние 8 месяцев так занимал внимание советской власти, что она не заметила приготовлений Гитлера к войне на Востоке. Теперь советское правительство, не колеблясь, обратилось в самых настойчивых и резких выражениях к озабоченной и ведущей тяжкую борьбу Британии, требуя присылки вооружения, которого так не хватало самим британским армиям. Москва убеждала США отправить в Россию те огромные количества амуниции и снабжения, которые предназначались для Англии; в довершение всего она потребовала летом 1941 г. британской высадки в Европе, чего бы это ни стоило, для восстановления второго фронта. Британские коммунисты, которые до того вредили нам, как могли, кляня «капиталистическую и империалистическую войну», теперь сразу изменили тактику и на стенах и заборах появились надписи: «даешь второй фронт!»

Мы не позволяли этим прискорбным и постыдным фактам влиять на наше мнение; мы не спускали взора с героических жертв, приносимых русским народом в разгар бедствий, вызванных политикой его правительства, с его доблестной защиты родной земли. Пока длилась война, это искупало всё остальное.

Русские никогда не могли хоть сколько-нибудь понять характера земноводных операций, необходимых для высадки и поддержания большой армии на обороняемом вражеском берегу. Даже американцы в то время очень плохо представляли себе все трудности этого предприятия. Одного преобладания на море было недостаточно, нужно было иметь в данном районе также и господство в воздухе. Кроме того, тут было и третье необходимое условие: огромная флотилия специально сконструированных десантных судов, особенно судов для высадки танков разного типа. Это являлось необходимой предпосылкой для каждой успешной попытки высадки. Как я уже писал, я посвятил много времени и усилий созданию такой флотилии. Она не могла быть готова, даже в зачаточной форме, раньше лета 1943 г.; и в полном размере, как теперь всеми признается, раньше, чем в 1944 г. Тогда, осенью 1941 г., мы не имели превосходства в воздухе над Европой нигде, кроме Па-де-Калэ, где были зато сосредоточены сильнейшие укрепления немцев. Десантные суда были еще только в периоде конструирования. Мы еще не имели в Англии армии столь большой, столь обученной и снаряженной, как та, с которой мы должны были померяться силами на французской земле. По вопросу о втором фронте высказывалась масса глупостей и вздора. Конечно, у нас не было надежды убедить советское правительство в данный момент, как и в более поздний. Сталин даже намекнул мне при одном случае, что если англичане не решаются (на создание второго фронта), то он готов послать 3 или 4 русских корпуса для выполнения этой задачи. Я не был в состоянии — по недостатку тоннажа и по другим материальным причинам — принять его предложение всерьез.

**
*

Советское правительство не дало прямого ответа на мое обращение по радио к России в день нападения Гитлера; единственной реакцией было то, что часть моей речи была напечатана в «Правде» и других правительственных органах, да еще то, что к нам обратились за разрешением прислать в Англию русскую военную миссию. Молчание советских верхов производило удручающее впечатление и я счел своим долгом пробить лед. Я отлично понимал, что причиной мог быть стыд за все, что происходило между СССР и союзниками с самого начала войны, а также и воспоминания о том, что произошло 20 лет тому назад между мною и большевистским правительством. Поэтому я обратился к Сталину и изложил ему наше намерение оказать всяческую посильную помощь русскому народу.

«Премьер-министр — господину*) Сталину 7 июля 41 г.

Мы все здесь очень радуемся тому, что русские армии оказывают столь упорное и энергичное сопротивление этому ничем не вызванному и беспощадному нашествию нацистов. Все в восхищении от храбрости и стойкости русских солдат и всего народа. Мы сделаем всё, чтобы помочь вам, поскольку время, расстояние и наши всё растущие ресурсы позволят нам. Чем дольше будет длиться война, тем большую помощь мы сможем оказать вам. Мы ведем непрерывные атаки, днем и ночью, нашими воздушными силами на все занятые немцами территории и на всю Германию, поскольку это в наших силах. За вчерашний день было произведено 400 дневных вылетов за море. В субботу ночью 200 тяжелых бомбардировщиков совершили налёты на германские города, причем некоторые самолеты несли каждый 3 тонны бомб; вчерашней ночью было в деле около 250 тяжелых бомбовозов. Так пойдет и дальше. Этим мы надеемся заставить Гитлера оттянуть часть своих воздушных сил на Запад и постепенно ослабить атаки на вас. Помимо того Адмиралтейство, по моему настоянию, готовится к серьезной операции в близком будущем в Арктике, после которой, я

*) В подлиннике: Monsieur Stalin.

надеюсь, будет установлен прямой контакт между британским и русским флотом. Одновременно, патрулируя вдоль берегов Норвегии, мы успели захватить несколько судов, везших снабжение нашим врагам.

Мы приветствуем прибытие к нам русской Военной Миссии с целью согласования наших будущих планов.

Мы должны действовать и биться вместе, чтобы прикончить этих злодеев».

Очевидно, что прежде всего надо было установить контакт с русским военным командованием, поскольку это допускали советские власти. Соответственно с этим, немедленно по получении согласия наших новых союзников, от нас была послана в Москву полномочная Военная Миссия. Также необходимо было спешно установить контакт и согласованность в действиях между обоими морскими министерствами и флотами. 10-го июля я послал нашему Адмиралтейству следующую записку:

«Премьер-министр — Первому лорду и Первому морскому лорду.
10 июля 41 г.

Мне кажется абсолютно необходимым послать небольшую смешанную эскадру британских судов в Арктику для установления контакта и согласованных действий с русскими морскими силами. Это должно быть сделано раньше, чем мы приступим к каким-либо операциям. Прибытие в Арктику некоторой части британского флота может произвести огромное впечатление на русский флот и значительно повысить общую сопротивляемость русской армии, и это сбережет нам много английской крови. Выгоды, которые ожидают нас в случае, если русские устоят, и война продлится по крайней мере до наступления зимы — просто неизмеримы. Если Россия пойдет на преждевременный мир, то это будет страшным разочарованием для широких масс нашего народа. Поскольку их сопротивление продолжается, не так уж важно, где проходит фронт. Русские показали себя достойными поддержки и мы должны пойти на риск, на жертвы, на всякие затруднения, которые я хорошо учитываю, чтобы поддержать их

дух... Наша эскадра должна без сомнения идти в Архангельск.

Пожалуйста сообщите мне ваши соображения возможно скорее».

**
*

В этот ранний период мы также надеялись установить общий базис для военного союза обеих стран.

«Премьер-министр — сэру Стэффорду Криппсу.

10 июля 41 г.

Прошу вас немедленно переслать нижеследующее послание премьер-министра г-ну Сталину:

1. Посол Криппс сообщил мне о своем разговоре с вами и наметил основные пункты декларации о предполагаемом англо-русском соглашении в виде двух разделов, а именно:

- 1) взаимная помощь без уточнения ее количества и качества.
- 2) ни одна из стран не заключит сепаратного мира.

Я тотчас же созвал Военный Кабинет, включая Фрезера, премьер-министра Доминиона Новой Зеландии, который сейчас находится здесь. Нам придется запросить мнения Доминионов — Канады, Австралии и Южной Африки — но и сейчас я могу заверить вас, что мы все стоим за принятие согласованной декларации, предлагаемой вами. Мы полагаем, что она будет подписана как только мы получим ответы от Доминионов и немедленно вслед за этим она будет объявлена всему миру.

2. К вашему сведению, мы представляем себе декларацию следующего содержания:

Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительство СССР в полном согласии заявляют о следующем:

- 1) Оба правительства обязуются взаимно оказывать друг другу всяческую помощь в настоящей войне против Германии.

2) Далее они обязуются в течение этой войны не вступать в переговоры с неприятелем и не заключать перемирия или мирного договора иначе, как по обоюдному согласию.

3. Так как правительства Доминионов еще должны быть запрошены, то вам не следует пока сообщать настоящий текст Сталину. Но вам полезно знать наши замыслы, чтобы дать ему разъяснения в случае если он их потребует».

Официальное сообщение прошло через два министерства иностранных дел, но первое ответное послание от Сталина я получил не раньше, чем 19 июля. В этот день Майский, советский посол в Лондоне, позвонил мне, чтобы передать мне следующее письмо.

«Сталин — премьер-министру

18 июля 41 г.

Разрешите мне выразить вам мою благодарность за два личных письма, которые вы послали мне.

Ваши письма явились отправным пунктом того процесса, развитие которого, в конце концов, привело к соглашению наших Правительств. Теперь, как вы совершенно справедливо отметили, Советский Союз и Великобритания стали союзниками в борьбе против гитлеровской Германии. Я не сомневаюсь в том, что, несмотря на все затруднения, наши два государства окажутся достаточно сильными, чтобы сокрушить нашего общего врага.

Мне кажется уместным отметить, что положение советских сил на фронте остается напряженным. Последствия неожиданного нарушения Гитлером пакта о ненападении, равно как и его внезапное нападение на Советский Союз — что дало значительный гандикап германским армиям — все еще ощущаются советскими армиями.

Легко себе представить, насколько опаснее было бы положение советских армий, если бы германские войска были сейчас не на линии Кишинев — Львов — Брест — Ковно — Выборг, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и в окрестностях Ленинграда.

Мне кажется поэтому, что военное положение Советского Союза, а также и Великобритании, значительно бы улучшилось, если бы удалось создать фронт против Гитлера на Западе — в северной Франции, и на севере — в Арктике.

Фронт в северной Франции не только отвлек бы силы Гитлера от Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Великобританию. Создание вышеупомянутого фронта было бы популярно как в британской армии, так и среди населения южной Англии.

Я вполне учитываю трудности, связанные с созданием такого фронта. И однако я верю, что, несмотря на все затруднения, он все же будет создан, не только в наших общих интересах, но также и в интересах самой Великобритании. Сейчас самый благоприятный момент для образования такого фронта, так как силы Гитлера устремлены на Восток, но он еще не успел укрепиться на позициях, занятых им на Востоке.

Создать фронт на Севере еще легче. Здесь со стороны Великобритании нужны были бы только морские и воздушные операции, без высадки войск и артиллерии. Советские сухопутные, морские и воздушные силы приняли бы участие в таких операциях. Мы приветствовали бы посылку Великобританией на этот театр войны одной или двух легких дивизий из норвежских добровольцев, которые могли бы быть использованы в северной Норвегии с целью поднять там восстание против немцев».

Таким образом настояния русских на создании второго фронта появились уже в самом начале нашей переписки, и эта тема повторялась во всех наших последующих сношениях при упорном игнорировании реальных, физических фактов (за исключением Дальнего Севера). Эта первая телеграмма Сталина содержала единственную нотку сожаления или угрызения совести, какую я уловил за все время в поведении СССР. В ней Сталин пытался защищать перемену фронта Советским Союзом и его довоенное соглашение с Гитлером и подробно разъяснял (как я указал уже в

1-м томе) стратегическую необходимость для России поддерживать развертывание Германии, как только возможно, за счет Польши, с целью выиграть время для полной мобилизации военной мощи России. Я всегда считался с этим доводом, но имел на него исчерпывающий ответ.

«Премьер-министр — Сталину.

20 июля 41 г.

1. Я был очень рад получить ваше письмо и узнать из многих источников о доблестном сопротивлении и о сильных контратаках, которыми русские армии отстаивают свою родную землю. Я вполне учитываю то тактическое преимущество, которого вы достигли, заставляя неприятеля развертывать и удлинять его фронт, то есть расточать динамику первого удара.

2. Все разумное и действенное, что только мы можем сделать, чтобы помочь вам, — будет нами сделано. Однако я прошу вас учитывать пределы, поставленные нашими ресурсами и географическим положением. С первого же дня нападения Германии на Россию мы изучали возможности наступления в оккупированной Франции и в Нидерландах. Начальники наших штабов не видят никакой возможности сделать что-либо в таком масштабе, чтобы, это могло хоть сколько-нибудь помочь вам. Германия держит в одной Франции 40 дивизий, а все побережье укреплялось немцами с присущей им методичностью в течение целого года с лишком; оно все оцетинилось орудиями, колючей проволокой, бункерами и минами. Единственное место, где мы могли еще иметь хоть временное превосходство в воздухе под защитой наших истребителей, это участок Дюнкерк — Булонь. Там солидные укрепления, множество тяжелых орудий, которые господствуют над Ламаншем и могут стрелять через Па-де-Калэ. Там ночь длится всего пять часов, но и в эти часы все пространство освещено прожекторами. Пытаться высадить крупный десант открытой силой значит встретить кровавый отпор, а мелкие попытки окончатся верной неудачей, которая не поможет, а только повредит и нам и вам. Все закончится раньше, чем немцы успеют снять одну дивизию с вашего фронта.

3. Вы должны помнить, что мы сражались совершенно одни в течение более года и что, хотя наши ресурсы растут и будут расти теперь еще быстрее, тем не менее мы находимся в крайнем напряжении, как дома, так и на Среднем Востоке, как на суше, так и в воздухе; вы должны помнить, что битва за Атлантический океан, от исхода которой зависит наше существование, что судьба наших морских караванов, угрожаемых подводными лодками и Фокке-Вульф'ами, что все это держит в крайнем напряжении все наши морские силы, как бы они ни были велики.

4. Поэтому мы могли бы оказать вам скорую помощь только на севере. В течение последних 3-х недель наш Морской Штаб подготовил операцию наших воздушных сил, перевезенных морем, против германского судоходства в северной Норвегии и в Финляндии, с целью помешать немцам перебрасывать войска морем для нападения на ваш арктический фланг. Мы просили ваши штабы очистить определенные районы от русских кораблей в период между 28 июля и 2 августа, когда мы предполагаем нанести удар. Во-вторых, мы посылаем немедленно несколько крейсеров и истребителей к Шпицбергену, откуда они смогут в контакте с вашими морскими силами делать набеги на неприятельское судоходство. В-третьих, мы посылаем флотилию подводных лодок с тем, чтобы парализовать германский морской транспорт вдоль побережья Северного Ледовитого океана, хотя это особенно опасно из-за белых ночей. В-четвертых, мы посылаем в Архангельск наш минный заградитель со всем необходимым снабжением. Это все, что мы можем сделать в данный момент. Я хотел бы большего. Очень прошу держать все в строжайшем секрете вплоть до момента, когда мы сообщим вам, что огласка уже более не опасна.

5. Норвежская легкая дивизия не существует и, пока мы не получим необходимого воздушного прикрытия, никакая высадка наземных войск, ни британских, ни русских, на оккупированной немцами территории при непрерывном дневном свете невозможна. Мы имеем уже горький опыт у Намсоса*) в прошлом году и на острове Крите в этом году.

*) Фиорд Намсос в северной Норвегии.

6. Мы планируем также — как дальнейшее развитие — посылку в Мурманск нескольких эскадрилий наших воздушных истребителей. Это потребовало бы прежде всего посылки зенитных орудий, затем посылки самолетов — часть из них могла бы быть доставлена на авианосцах, остальные в разобранном виде. Когда все это будет готово, наша эскадрилья может прилететь из Шпицбергена в Мурманск и работать вместе с вашими морскими силами. Мы имеем основание думать, что немцы послали сильную группу пикирующих самолетов (Штука), которую они держат на случай нашего прибытия; поэтому необходимо действовать осторожно, шаг за шагом. Все это, однако, потребует многих недель.

7. Пожалуйста без стеснений предлагайте все, что вы найдете полезным, а мы также будем изыскивать всяческие способы наносить удары нашему общему врагу».

**
**

С первого же момента я делал все возможное, чтобы помочь России боеприпасами и снабжением, как уступая часть посылаемого из США, так и прямо из наших запасов. В начале сентября мы послали в Мурманск на корабле «Аргус» эквивалент двух эскадрилий истребителей Ураган для обороны этой морской базы и для участия в операциях русских воздушных сил в этой области. 11 сентября эти эскадрильи были уже в действии и доблестно сражались в течение трех месяцев. Я отлично сознавал, что в первые дни нашего союза мы мало чем могли помочь, и я старался заполнить пустоту любезностями.

«Премьер-министр — Сталину.

25 июля 41 г.

1. Я рад известить вас, что Военный Кабинет решил — невзирая на то, что это значительно ослабит наши ресурсы воздушных истребителей — послать в Россию как можно скорее 200 аэропланов — истребителей типа «Томагавк». 140 из них будет послано в Архангельск из Англии,

а 60 — из наших запасов, находящихся в США. Вопросы, относительно запасных частей, американского персонала для сборки машин и т. д., будут разрешены позднее по соглашению с американским правительством.

2. От 2-х до 3-х миллионов пар солдатских ботинок будут вскоре подготовлены в Англии для погрузки на корабли. Мы готовим также отправку еще в этом году большого количества резины, жести, шерсти и шерстяных изделий, джуты, свинца и шеллака. Все прочие ваши потребности в сырье будут внимательно рассмотрены. В случаях, когда доставка из Англии невозможна или ограничена, мы обратимся к США.

Все детали будут, конечно, сообщены обычным официальным порядком.

3. Мы с восхищением и волнением следим за великой борьбой России, и наша информация говорит о тяжелых потерях и разочаровании неприятеля. Налёты наших воздушных сил на Германию будут продолжаться, все усиливаясь».

Резины было мало и она была дорога, а русские требовали ее в огромных количествах. Я решил дать им из нашего скудного запаса.

«Премьер-министр — Сталину.

28 июля 41 г.

Резина. Мы пошлем вам ее отсюда или из США наиболее верным и быстрым путем. Пожалуйста назовите точно сорта резины и укажите желательный для вас путь. Предварительные распоряжения уже сделаны...

Великолепная стойкость русской армии в обороне своей земли воодушевляет нас всех. Германии предстоит страшная зима — зима бомбежек. Никто до сих пор еще не переживал того, что ожидает теперь их. Морские операции, о которых я упоминал в моей последней телеграмме к вам, уже на ходу. Благодарю вас за то, что в разгар вашей великой битвы вы понимаете, что нам трудно сделать для вас больше. Мы сделаем все возможное».

«Премьер-министр — Сталину.

31 июля 41 г.

В результате моего личного вмешательства, все не-

обходимые меры уже приняты для отправки из Англии 10.000 тонн резины в один из ваших северных портов.

Ввиду настоятельности вашего требования мы рискнули позанимствовать это количество из наших ограниченных резервных запасов, пополнение которых потребует времени. Британские суда, везущие эту резину, как и другое снабжение, будут погружены через неделю, самое большое через 10 дней, и отплывут в один из ваших северных портов как только Адмиралтейство сможет дать им конвой. Эти 10.000 тонн посылаются дополнительно к первым 10.000 тонн, отправленным из Малайи».

**
*

Я старался, как мог, создать путем частых личных телеграмм такие же хорошие отношения со Сталиным, какие у меня сложились с президентом (Ф. Д. Рузвельтом). В этой долгой переписке с Москвой я получил много резких ответов и отказов и очень мало приятных слов. Во многих случаях мои телеграммы оставались в течение многих дней или даже вовсе без ответа.

Советское правительство, повидимому, считало, что оно оказывает нам большую милость, сражаясь в своей собственной стране за свое собственное существование. Чем дольше они сражались, тем тяжелее становился наш долг. Эта система не выдерживала критики. Два или три раза в течение этой долгой переписки я вынужден был протестовать в резких выражениях, в особенности против плохого обращения с нашими матросами, которые с таким риском возили снабжение в Мурманск и Архангельск. Однако я неизменно отвечал на все придирки и грубости терпеливым пожиманием плеч; ибо страдание есть удел всех тех, кто имеет дело с Кремлем. Более того, я делал постоянную скидку на тот гнет, под которым сейчас находится Сталин и вся бесстрашная русская нация.

**
*

Германские армии глубоко вклинились в тело России; но в конце июля возникло коренное расхождение во взглядах между Гитлером и Браухичем, главнокомандующим. Браухич считал, что армии маршала Тимошенко, стоявшие перед Москвой, представляли собою главную силу и должны были быть разбиты в первую очередь. Это была ортодоксальная доктрина. В согласии с ней Браухич утверждал, что Москва — главный военный, политический и промышленный центр России — должна быть взята. Гитлер упорно не соглашался. Он хотел выиграть территорию и разгромить русские армии на широком фронте. На севере он требовал взятия Ленинграда, а на юге — промышленного Донецкого бассейна, Крыма и прохода к кавказской нефти. Москва пока могла подождать.

После страстной дискуссии Гитлер взял верх над своими генералами. Северная армейская группа, усиленная из центра, должна была ускорить операции против Ленинграда. Центральная армейская группа должна была, наоборот, ограничиться обороной. Танковая группа была послана к югу, чтобы взять с фланга русские части, отброшенные Рундшtedтом за Днепр. Все эти операции германских армий были успешны. В начале сентября русские армии оказались в мешке в треугольнике Конотоп — Кременчуг — Киев и свыше полумиллиона русских было убито или взято в плен в отчаянных боях, длившихся целый месяц. Но на севере такого успеха не было. Ленинград был окружен, но не взят. Решение Гитлера было неправильным. Теперь он переменял свое мнение и направил усилия снова к центру. Армиям, осаждающим Ленинград, было приказано выделить моторизованные дивизии и часть воздушных сил для нового удара на Москву. Танковые группы, посланные на юг к Рундшtedту, бы-

ли возвращены обратно для участия в наступлении. В конце сентября было восстановлено первоначальное размещение сил для удара в центре, тогда как южные армии устремились на восток, в низовья Дона, и уже Кавказ лежал перед ними открытый.

**
*

Отношение Советской России к Польше лежало в основе наших ранних отношений с СССР.

Нападение Германии на Россию не явилось сюрпризом для польских заграничных кругов. Начиная с марта 1941 г., польское подпольное движение сообщало польскому правительству в Лондоне о сосредоточении германских войск близ западных границ России. В случае войны неизбежна была радикальная перемена в отношениях между Советской Россией и польским правительством в изгнании. Первая проблема была: насколько пункты германо-советского пакта августа 1939 г., касающиеся Польши, могли быть изменены, не подвергая опасности англо-русский военный союз? Когда известие о нападении Германии на Россию разнеслось по свету, то восстановление польско-русских отношений, прерванных в 1939 г., стало настоятельно необходимым. Соповещения между двумя правительствами начались 5 июля в Лондоне, под покровительством Британии. Польша была представлена премьер-министром правительства в изгнании генералом Сикорским, а Россия советским послом М. Майским. Поляки выставили два требования: 1) признание советским правительством раздела Польши в 1939 г. между Германией и Россией недействительным, и 2) освобождение Россией всех польских военнопленных и граждан, сосланных в СССР после русской оккупации восточных частей Польши.

В течение всего июля переговоры продолжались в холодной атмосфере. Русские упрямо отказывались дать точное обязательство в смысле польских требований. Россия считала, что вопрос о ее западных границах не подлежит дискуссии. Можно ли было положиться на нее, на то, что она будет вести себя честно в этом вопросе в будущем, возможно отдаленном, когда военные действия прекратятся в Европе? Британское правительство с самого начала было в затруднительном положении. Мы вступили в войну с Германией автоматически в результате наших гарантий Польше. У нас были строгие обязательства поддерживать интересы нашего первого союзника. На той стадии борьбы мы не могли признать легальной оккупацию польской территории в 1939 г. Теперь, летом 1941 г., едва через две недели после того, как Россия оказалась на нашей стороне в борьбе с Германией, мы не могли принуждать нашего нового союзника, находящегося в тяжелом положении, отказаться, хотя бы на бумаге, от тех пограничных районов, которые он в течение ряда поколений считал необходимыми для своей безопасности. Выхода не было. Решение территориальных границ будущей Польши должно было быть отложено до лучших времен. Мы вынуждены были взять на себя одиозную ответственность и рекомендовать генералу Сикорскому положиться на добросовестность Советского Союза при будущем установлении русско-польских отношений и не настаивать в данный момент на письменных гарантиях на будущее время. Я лично искренне надеялся, что военное сотрудничество в борьбе против Гитлера превратится в братство по оружию и союзники смогут разрешить территориальные проблемы в дружеской дискуссии за зеленым столом. Во время войны всё должно быть подчинено одной цели: усилению общего военного потенциала. И в этой общей борьбе возрождающаяся

польская армия, черпающая свои силы из тех масс поляков, что живут сейчас в России, должна была играть видную роль. В этом вопросе русские были готовы на соглашение.

30 июля, после долгих острых прений, было наконец заключено соглашение между польским и русским правительствами. Дипломатические отношения были восстановлены и польская армия должна была формироваться на русской земле и быть подчинена верховному командованию советской армии. О границах не было упоминания за исключением общего подтверждения, что Советско-германский договор 1939 года о территориальных изменениях Польши «утратил свою силу». В нашей официальной ноте от 30 июля Польскому правительству британский министр иностранных дел изложил нашу точку зрения в следующей форме:

«По случаю сегодняшнего подписания Советско-Польского соглашения я хотел бы довести до вашего сведения, что в соответствии с пунктами соглашения о взаимной поддержке между Великобританией и Польшей от 25 августа 1939 г., Правительство Его Величества обязалось не заключать с СССР таких договоров, которые затрагивали бы отношения между Великобританией и Польшей. Я также хотел бы заверить вас, что правительство Его Величества не признает территориальных изменений, произведенных в Польше после августа 1939 г.»

Иден огласил эту ноту в Палате общин в тот же день и добавил:

«Параграф 1-й «Советско-Польского соглашения» гласит, что Советское правительство признает советско-германское соглашение от 1939 г. касательно территориальных изменений в Польше утратившим силу. Точка зрения Правительства Его Величества в этом вопросе была изложена в общем виде премьер-министром в Палате общин 5 сентября 1940 г., когда он сказал, что Правительство

Его Величества не предполагает признавать территориальные изменения, произведенные помимо свободного согласия и доброй воли заинтересованных сторон. Это относится к территориальным переменам, произведенным в Польше после августа 1939 г., о чем я уведомил Польское правительство официальной нотой».

И, отвечая на вопрос, Иден заключил: «Обмен нотами, которые я только что прочел Палате, не влечет за собою каких либо гарантий границ Правительством Его Величества».

На этом все и кончилось, и в течение осени поляки занимались печальным делом — собиранием своих земляков, уцелевших от лагерей военнопленных в СССР.

**
*

Вступление России в войну приветствовалось нами, но в первое время оно несколько не помогло нам. Германские армии были настолько сильны, что повидимому они были способны в течение многих месяцев угрожать Англии вторжением и в то же время углубляться все дальше в Россию. Почти все ответственные военные авторитеты считали, что в скором времени русские армии будут окончательно разбиты и в значительной степени истреблены. Тот факт, что советская авиация по вине правительства была застигнута врасплох на своих аэродромах, и что военные приготовления армии были еще далеко не закончены, положил плохое начало военным действиям. Русские армии понесли неслыханные потери. Несмотря на героическое сопротивление, суровое, но компетентное руководство войной, на полное презрение к человеческой жизни, на беспощадную партизанскую войну в тылу наступающих немцев — мы увидели генеральное от-

ступление русских на всем фронте, 1200 миль длиною, к югу от Ленинграда на 400-500 миль. Сила советского правительства, стойкость русского народа, его неисчислимы́е резервы людской силы, необозримые просторы страны, суровость русской зимы — вот факторы, в конце концов погубившие армии Гитлера. Но ни один из этих факторов еще не проявился в 1941 г. Президент Рузвельт заявил в сентябре 1941 г., что русский фронт удержится и что Москва не будет взята. Это его заявление было тогда сочтено слишком смелым; однако чудесная сила и патриотизм русского народа оправдали его предсказание.

Даже в августе 1942 г., после моей поездки в Москву на конференцию, генерал Брук, сопровождавший меня, разделял мнение, что горы Кавказа будут перейдены и весь бассейн Каспийского моря будет захвачен немцами; и сообразно с этим мы уже готовились в широких масштабах к оборонительной кампании в Сирии и Персии. Я всегда держался более оптимистического взгляда на оборонные силы России, чем мои военные советники. Я с доверием полагался на заверение Сталина, данное мне в Москве, что он удержит Кавказ и что немцы не дойдут до Каспийского моря ни в каком случае. Но мы получали такую ничтожную информацию о советских ресурсах и намерениях, что все наши представления были не более, как догадками.

Несомненно, что вступление России в войну отвратило германские налеты на Великобританию и уменьшило угрозу вторжения. Оно принесло нам значительное облегчение в Средиземном море. С другой стороны, оно возложило на нас крупнейшие жертвы и расходы. Наше снабжение только что приходило в порядок. Наши военные заводы только что начали поставлять нам все, что требовалось. Наши армии в Египте и Ливии вели напряженные бои и им требовалось

новейшее оружие, прежде всего танки и аэропланы. Британские армии в Англии нетерпеливо ждали давно обещанного современного вооружения, все более сложного и многообразного; и теперь они, наконец, его начали получать. И в такой-то момент мы были вынуждены широко раздавать на сторону наше оружие и драгоценное снабжение всякого рода, включая резину и нефть. На нас падало бремя организации караванов судов и конвоев к ним для перевозки британского (и еще больше американского) снабжения в Мурманск и Архангельск, включая все опасности и трудности пути в Ледовитом океане. Все американские грузы были остатками того, что первоначально предназначалось для нас самих, для нужд британской армии, но еще или не было отправлено из США, или не израсходовано в Англии. Для того, чтобы позволить себе эти огромные поставки чужим странам — самим отказываясь от все растущего наплыва американской помощи — и в то же время вести войну в Западной пустыне, нам пришлось свести к минимуму все те меры укрепления и обороны, которые становились необходимыми на Малайском полуострове и в восточной части нашей Империи, ввиду все растущей угрозы со стороны Японии.

Я нимало не собираюсь оспаривать тот факт — который история несомненно утвердит, — что сопротивление России сломало силу германских армий и нанесло смертельный удар жизненной энергии Германской нации; и тем не менее следует подчеркнуть, что в течение всего первого года участия России в войне она представлялась нам как бремя, а не помощь. И тем не менее мы были рады, что эта могучая нация стоит на нашей стороне: мы все чувствовали, что даже если советские армии отступят до Урала, то все же Россия останется огромной силой и, если только она не выйдет из войны, то эта сила, в конце концов, явится решающим фактором.

2.

ПЕРЕДЫШКА В АФРИКЕ. ОБОРОНА ТОБРУКА

Генерал Окинлек фактически принял командование на Среднем Востоке 2 июля, официально 5 июля 1941 г. Вступая в сношения с нашим новым Главкомом, я возлагал на него большие надежды.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 1 июля 41 г.

Вы принимаете ваше высокое назначение в период кризиса. После того, как вам были изложены все факты, вам придется самому решать — возобновить ли наступление в Западной Пустыне и если да, то когда? В особенности следует обратить внимание на положение в Тобруке, накопление неприятельских сил в Ливии, и на тот факт, что немцы временно поглощены своим вторжением в Россию. Вам следует также учесть специфические опасности операций в слабеющей Сирии и необходимость добиться решения на одном из этих фронтов или на обоих. Вы должны решить, могут ли эти операции вестись одновременно, и каким образом их координировать? Безотлагательность этих решений будет конечно ясна вам самому. Пожалуйста при первой возможности давайте знать о себе».

И опять на следующий день:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 2 июля 41 г.

Как только Сирия будет очищена, мы надеемся, что вы назначите Вильсона в Западную Пустыню, но, конечно, решение принадлежит вам».

Приходится очень пожалеть, что этот совет, впоследствии еще раз повторенный, не был принят.

4 июля генерал Окинлек ответил на мою первую депешу. Он соглашался, что, как только Сирия будет обеспечена и тем самым наше положение в Ираке восстановлено, нужно будет перейти к подготовке наступления в Западной Пустыне. Однако для успеха предприятия нужны соответствующие танковые силы. Генерал считал, что потребуются две-три танковые дивизии и одна моторизованная дивизия. Наступление с целью изгнания неприятеля из Северной Африки придется, по административным соображениям, вести этапами. Первой задачей явится обратное завоевание Киренаики, опять же по этапам. В заключение генерал заявил, что одновременные действия в Западной Пустыне и в Сирии «приведут к крушению обоих фронтов».

Я считал разумным уточнить положение, каким оно нам представлялось:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 6 июля 41 г.

1. Я согласен с тем, что сперва мы должны покончить в Сирии; нельзя забывать, что удержание Сирии является необходимым условием для сохранения или захвата обратно Кипра. У нас надеются, что в Сирии конец уже не за горами и что вы не дадите опередить себя на Кипре. После всего того, что случилось, первенство этих двух операций перед Западной Пустыней признается вполне.

2. Тем не менее этой осенью Западная Пустыня будет решающим театром военных действий для обороны Нильской долины. Только после обратного завоевания потерянных нами аэродромов в Восточной Киренаике наши флот и авиация смогут предпринять успешные операции против снабжения неприятеля морем.

3. Генерал Уэйвел в своем донесении от 18 апреля сообщал, что у него 6 полков обученных танкистов ожидают прибытия танков. Это и было главным мотивом в

решении послать туда «тигров». Помимо того еще три полка танкистов находятся сейчас в пути у мыса Доброй Надежды. Таким образом ваша потребность в танковых войсках теперь вполне удовлетворена, хотя вы оба — Уэйвел и вы — настаиваете на дальнейшем обучении этих уже обученных частей. Мы считаем, что к концу июля вы будете иметь 500 средних танков, пехоту и американские крейсер-танки, если только ваши мастерские надлежаще организованы, не считая большого числа легких танков и броневых автомобилей.

4. Мы не можем дать вам больше ничего в течение июля и августа, кроме того, что пришлют американцы, и некоторой замены из Англии. Но и после этого срока не забывайте, что с первого сентября нам придется готовиться к встрече вторжения на наш Остров. Генеральный Штаб, конечно, не захочет посылать большую партию танков вокруг Мыса Доброй Надежды (теперь это единственный путь) и таким образом до октября задерживать их использование. После октября снабжение наше из Америки будет налажено, и нам станет легче, но до того времени произойдет еще много событий.

5. Сейчас наша разведка сообщает о значительном усилении итальянцев в Ливии; немецких же подкреплений почти нет. Однако, крушение России может очень быстро изменить все положение к вашей невыгоде, опасность же вторжения к нам останется в силе.

6. Схема нашего усиления в воздухе была вам послана. Весьма вероятно, что в течение июля, августа и частично сентября вам предстоит разрешить вопрос превосходства в воздухе; но тут опять крушение России освободит значительные воздушные силы Германии для посылки их в Африку, а если неприятель не сделает попытки вторжения, но будет ее лишь симулировать, то они смогут достигнуть превосходства в воздухе на вашем западном фронте в течение сентября.

7. И, наконец, самое главное — вопрос о Тобруке. Мы не можем судить отсюда, какое значение будет иметь наступление на Тобрук через два месяца, или что случится за это время. Казалось бы, что сокращение территории осажденного Тобрука или полная закупорка его непри-

ятелем являются необходимой предпосылкой для серьезного вторжения в Египет.

8. Со всех этих точек зрения трудно себе представить, как ваше положение во 2-й половине сентября могло бы улучшиться; оно может и ухудшиться. Я не сомневаюсь в том, что вы быстро, но глубоко и правильно расцените проблему во всей ее широте...

9. Относительно воздуха. Я считаю, что для выполнения любой крупной операции вы должны иметь в своем распоряжении все наши воздушные силы на всем Ближнем Востоке. Наша авиация без сомнения должна играть доминирующую стратегическую роль, а не быть растрачиваема наподобие мелких зонтиков для армии, как, повидимому, было в битве под Соллумом. В вашей телеграмме вы говорите о войсковой авиации, об авиации, поддерживающей морской флот, и об авиации, употребляемой для самостоятельных стратегических задач. Вопрос в том, каковы пропорции этих сил? Они должны устанавливаться время от времени совещанием командующих начальников. Но эти постановления ни в коем случае не должны посягать на интегральную активность авиации, как целого, согласно общему плану, который у вас имеется. Трудно отделаться от впечатления, что в битве у Соллума (операция «Алебарда») наше превосходство в воздухе не было надлежаще использовано и что наши силы в Тобруке бездействовали в то время, когда неприятельские танки были посланы, чтобы отразить наше наступление в пустыне».

На это письмо генерал Окинлек ответил 15 июля, что он предполагает в ближайшее время подкрепить гарнизон Кипра силами одной дивизии, что он вполне признает необходимость удержания Киренаики, но что он не уверен в том, что Тобрук сможет удержаться после сентября.

По поводу шести полков обученных танкистов он сказал, что устройство и вооружение новых американских танков внесли изменения в тактику боя и что нужно время для усвоения этих изменений. Он подтвердил, что с конца июля у него будет около 500 сред-

них танков, пехота и американские танки. Однако каждая операция потребует 50% резервных танков, из которых половина пойдет в мастерские, а половина для немедленного пополнения убыли в бою. Это было почти невозможное условие, осуществимое разве только в раю. И те, кто этого требовал, не получали своего. Окинлек подчеркнул важность элемента времени для обучения, как индивидуального, так и совместного, в частности для развития духа общности, столь важного для успеха в войне. По его мнению Север (то есть наступление немцев в Турции, Сирии и Палестине) скорее может стать решающим фронтом, чем Ливийская пустыня.

Из вышеприведенных телеграмм ясно, что у нас были серьезные расхождения во взглядах и оценках. Это было для меня большим разочарованием. Прежние распоряжения генерала также ставили меня в тупик. Путем долгих настояний я добился того, что 50-я британская дивизия была отправлена в Египет. Я был уязвлен вражеской пропагандой, которая утверждала, что британская политика состояла в том, чтобы сражаться чужими руками, щадя кровь граждан Соединенного Королевства. В действительности, потери британцев на Среднем Востоке, включая Грецию и Крит, были выше, чем потери всех остальных союзников взятых вместе; но обычная номенклатура давала ложное представление об этом деле. Индийские дивизии, в которых треть пехоты и вся артиллерия были укомплектованы англичанами, не считались за британские дивизии. Танковые дивизии, которые выносили на себе главные удары неприятеля, были целиком британские, но об этом нигде не упоминалось. Неоднократные приказы о добавлении слова «британский» не могли преодолеть практики, вошедшей в привычку. Многие батальоны 6-й британской дивизии принимали постоянное участие в тяжелых боях, но в потоке собы-

тий не было возможности представить их действия, как участие целой дивизии. Это были далеко не мелочи. Тот факт, что слово «британский» реже упоминалось в отчетах о сражениях, давал пищу неприятельским насмешкам и вызывал неблагоприятные комментарии не только в США, но и в Австралии. Я рассчитывал на прибытие 50-й дивизии, как на действительное средство для подавления этого вредного течения. Решение генерала Окинлека послать эту дивизию на Кипр было явно неудачным и давало пищу упрекам, которым мы незаслуженно подвергались. Наши Начальники Штабов в Лондоне были также поражены, с военной точки зрения, тем странным назначением, которое давалось этой великолепной дивизии. Действительно, оно не вязалось ни с одной стратегической концепцией, мало-мальски разумной.

Гораздо более серьезным было решение генерала Оправдание операции Уэйвела 15 июня у Соллума со-Западной Пустыне сперва на 3, а затем на 4½ месяца. Оправдание операции Уйвела 15 июня у Соллума состоит в том, что, хотя мы и понесли частичное поражение и отступили на наши исходные позиции, однако немцы оказались совершенно неспособны к наступлению в течение всего этого долгого периода. Их линии коммуникации, находящиеся под угрозой Тобрука, оказались недостаточными для подвоза им необходимых подкреплений, танков и даже просто артиллерийских снарядов. В таких условиях Роммель мог держаться только своей силой воли и престижем; но он был бессилен что-либо сделать. Питание и пополнение его армии было настолько затруднительным, что она могла расти лишь крайне медленно. При этих обстоятельствах он надолго был связан британской армией, которая обладала шоссейными, железнодорожными и морскими путями и все время пополнялась, как людьми, так и материально.

Генералы часто бывают склонны, если им представляется возможность, дать противнику продуманную и подготовленную решающую битву в ими избранный момент, вместо того, чтобы изматывать его непрерывными монотонными нападениями. Они, естественно, уверенность предпочитают риску. Они забывают, что война никогда не останавливается, но горит со дня на день с переменным успехом не только на одном театре, но на всех. В то время русские армии были в критическом положении, почти в агонии.

Третьей ошибкой мне казалась чрезмерная забота о нашем северном фланге. Там действительно требовалась неусыпная бдительность и все оборонительные меры и сооружение сильных укрепленных линий в Палестине и Сирии были необходимы и вполне оправданы. Однако уже вскоре положение на этом участке фронта стало гораздо лучше, чем оно было в июне. Сирия была завоевана. Восстание в Ираке было подавлено. Все ключевые позиции в пустыне были заняты нашими войсками. Помимо того, борьба Германии с Россией придала новую уверенность Турции. Пока судьба войны была еще не решена, у Германии не было шансов получить от Турции разрешение на проход германских армий через турецкую территорию. Персия, под влиянием России и Англии, была склонна присоединиться к лагерю союзников. Это нас поддерживало бы в течение зимы. Тем временем общая обстановка благоприятствовала нашим решительным действиям в Западной Пустыне.

**
*

19 июля Начальники Штабов телеграфировали генералу Окинлеку:

«Вы писали, что о наступлении в Западной Пустыне не может быть и речи, пока у вас не будет двух или лучше трёх, надлежаще обученных танковых дивизий. Пока Германия не напала на Россию, мы не могли и думать о посылке вам значительных подкреплений в виде крейсер-танков, так как мы должны были считаться с вероятностью германского вторжения в Англию в августе или сентябре. Мы не можем утверждать, что эта вероятность теперь совсем миновала, так как крах России может наступить очень скоро; однако мы готовы рискнуть (на посылку), если этим мы сможем вернуть Киренаику, со всеми благотворными последствиями этого...

В телеграмме от 15 июля вы выражаете сомнение в том, что вам удастся удержать Тобрук после сентября. Мы поэтому полагаем, что наступление с целью обратного завоевания Киренайки не может быть отложено далее сентября. По нашим расчетам, наши воздушные силы должны значительно увеличиться к сентябрю, а возможно, что рост их будет продолжаться и после этого срока; но это конечно зависит от исхода кампании в России.

По всем этим соображениям нам отсюда кажется, что наилучший, если не единственный, шанс вернуть Киренаику — это начать наступление не позже конца сентября. Согласны ли вы на это при условии, что мы пришлем вам сразу 150 крейсер-танков? Мы рассчитываем, что они могут прибыть в Суэц между 13-м и 20-м сентября. Мы были бы также готовы послать вам до 40.000 солдат с караваном W.S.II. Мы предоставляем вам решить, что вам наиболее необходимо из того, что мы могли бы вам послать или сделать для вас. Если, с другой стороны, вы не чувствуете себя в силах начать наступление в Западной Пустыне в конце сентября, то мы не считали бы себя в праве отнимать тоннаж от снабжения страны, расформировывать 1-ю танковую дивизию и послать вам 150 крейсер-танков до тех пор, пока не выяснится с точностью, что вторжение в Англию не угрожает нам в этом году».

В полном согласии я также телеграфировал от своего имени:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку 19 июля 41 г.

1. Ваша телеграмма от 15 июля (в ответ на мою

телеграмму от 6 июля) была детально обсуждена как Начальниками Штабов, так и Комитетом Обороны Военного Кабинета. Начальники Штабов теперь шлют вам свое мнение, с которым я вполне согласен.

2. Повидимому, если вы получите дополнительно достаточное количество танков от нас и от США и если они придут к вам, вместе с прочими пополнениями, около середины сентября, то они явятся вашим резервом, на который вы можете рассчитывать для развития вашего наступления, если оно окажется удачным, или же для обороны Египта, если оно не удастся.

3. Комитет Обороны озабочен тем, что 50-я дивизия — ваша единственная комплектная, свежая британская дивизия — заперта на Кипре и обречена там, повидимому, на совершенно пассивную роль. Быть может для этой роли нашлись бы другие войска?

4. Комитет Обороны считает, что германское наступление с севера на Сирию, Палестину и Ирак может развиваться не раньше конца сентября. Комитет полагает, что Персия находится в гораздо большей опасности от германской инфильтрации и интриг, и что нам следовало бы предпринять там энергичную акцию. Это однако уже находится в сфере генерала Уэйвела, и его очевидная готовность к действию уже обратила здесь на себя серьезное внимание.

5. Если мы не используем сейчас передышку, которая нам предоставлена благодаря затруднениям немцев в России, для восстановления положения в Киренаике, то этот благоприятный случай, быть может, никогда не повторится. Уже месяц прошел после неудачи у Соллума и, вероятно, еще месяц пройдет, пока мы соберемся с силами для новой попытки. Этот перерыв дает время для подготовки. Казалось бы разумным дать жестокую и решающую битву в Западной Пустыне, раньше, чем ситуация обернется не в нашу пользу, и пойти на тот крупный риск, без которого редко даётся победа.

Мы все еще думаем, что Вильсон должен бы командовать в следующем наступлении, поскольку оно состоится, если только, конечно, вы сами не предполагаете взять на себя командование».

23 июля генерал Окинлек ответил на мою депешу. Он писал, что решение послать 50-ю дивизию на Кипр было принято им после самого тщательного рассмотрения. «Если вы желаете, я могу сообщить вам подробно те причины, которые вынудили меня к этому и которые казались мне бесспорными. Я надеюсь, что вы предоставите мне полную свободу в решениях такого рода». Он думал, что германское наступление на Сирию через Анатолию может развернуться в первой половине сентября.

«Я вполне согласен, что нужно использовать нынешние затруднения немцев в России, чтобы ударить на неприятеля в Ливии, но я должен повторить, что начинать наступление с недостаточными средствами, как например в данный момент, не является, по моему мнению, правильным ведением войны, и почти наверно все закончится тем, что операция будет отложена на такой срок, когда мы сможем начать наступление с разумными шансами на успех. Для достижения цели надо идти на риск, и я готов на это, если риск разумно оправдан».

И наконец:

«Мои ближайшие намерения следующие: 1-е: укрепить наше положение на Кипре и в Сирии как можно скорее и поддерживать его в Сирии. 2-е: поспешить с настоятельно необходимой перегруппировкой, реорганизацией, и переснаряжением дивизий и бригад, которые не только несли потери и лишились снаряжения в Греции, на Крите, в Ливии, в Эритрее и в Сирии, но зачастую служили и сражались не как целые соединения, но разбитые на мелкие подразделения. 3-е: совместно с генерал-интендантом ускорить реорганизацию и модернизацию тыловых отделов — снабжения, передвижения, ремонта. 4-е: охрана, обучение и оборудование наших танковых соединений, без которых никакое наступление невозможно. 5-е: произвести разведку и составить план наступления в Ливии, намеченного в телеграмме Главнокомандующего от 19 июля Начальникам Штабов. В результате этой программы мне придется, я уверен, просить вас в ближайшем будущем о дальнейших средствах, необходимых для успеха».

В это время я не мог не почувствовать в положении генерала Окинлека некоторой неловкости, которая могла лишь повредить тому делу, которому мы все служили. Книги, написанные после войны, показали, как подчиненная, но влиятельная группа Оперативного Штаба в Каире сожалела о принятом решении отправить армию в Грецию. Эти люди не знали, как охотно и без возражений генерал Уэйвел принял этот план целиком; еще меньше они подозревали о том, как осторожно Военный Кабинет и Начальники Штабов изложили ему план операции, как бы напрашиваясь на отклонение его. Тогда полагали, что Уэйвел был сбит с толку политиками, и все бедствия последовали лишь потому, что он уступил их настояниям. Теперь, как бы в возмездие за свое добродушие, он был отставлен после всех своих побед в момент поражения. Я не сомневаюсь, что в этих кругах Штаба сложилось твердое убеждение, что новый Главнокомандующий не может позволить вовлечь себя в азартные авантюры, но должен сообразовать свои задачи и сроки с реальностью. Такая линия поведения могла быть внушена генералу Окинлеку. Было уже ясно, что путем переписки достигнуть ничего не удастся.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку 23 июля 41 г.

Все ваши телеграммы нам, как и наши вам, показывают, что нам необходимо лично переговорить. Начальники Штабов очень хотят этого. Если положение на фронте не удерживает вас в данный момент, то я надеюсь, вы приедете тотчас же, взяв с собою одного или двух штабных офицеров. В ваше отсутствие, которое должно держаться в секрете, за вас останется Блэми».

Окинлек выразил согласие приехать. Его короткий визит в Лондон был во многих отношениях очень полезен. Ему удалось установить хорошие отношения

с членами Военного Кабинета, с Начальниками Штабов и с военным министерством. Он провел со мной субботу и воскресенье в Чекерсе. Когда мы ближе познакомились с этим достойным офицером, от личных качеств которого теперь в значительной степени зависела наша судьба, и когда он познакомился с высшим кругом британской военной машины и увидел, как легко и гладко она работает, то взаимное доверие укрепилось. Но, с другой стороны, нам не удалось отговорить его от его плана длительной подготовки к решающему наступлению, которое он наметил на 1-е ноября. Мы назвали эту операцию «Крестonosец» и она должна была стать наибольшей из всех, до сих пор проведенных. Окинлек, конечно, потряс моих военных советников своими тщательно продуманными аргументами. Я лично не был убежден. Но бесспорные способности генерала, его красноречие, его высокая, представительная фигура и властная натура внушали мне ощущение, что, в конце концов, он может быть и прав, а если даже и не прав, то все же это самый подходящий человек. Поэтому я согласился на отсрочку наступления до ноября и обратил свою энергию на то, чтобы обеспечить его успех. Мы все были очень опечалены тем, что нам не удалось уговорить Окинлека поручить командование в будущей битве генералу Мэйтланду Вильсону. Окинлек предпочитал генерала Алана Каннингхэма, репутация которого стояла очень высоко после его побед в Абиссинии. Надо было найти лучшее решение, и никогда не стоит идти на компромисс. Поэтому мы одобрили его решения и таким образом разделили с ним ответственность.

**
*

Теперь нам в точности известно, как германское командование расценивало положение Роммеля. Оно

восхищалось его отвагой и невероятными успехами, к которым она привела, но, тем не менее, оно считало его положение слишком опасным. Оно строго запретило ему идти на дальнейший риск, пока он не получит солидных подкреплений. В его шатком положении он, с своей отвагой, мог зайти слишком далеко, где ему уже нельзя будет оказать помощь. Его линия коммуникаций тянулась в тыл на тысячу миль, вплоть до Триполи. Бенгази было гораздо ближе и могло быть использовано — хотя бы частично — для доставки снабжения и войск, но надо было платить все возросшую пошлину за доставку морем к этим двум базам. Британские войска, уже далеко превосходившие немцев численностью, росли с каждым днем. Превосходство Германии в танках было только в качестве и в организации. В воздухе немцы были слабее. У них был большой недостаток в артиллерийских боеприпасах и было опасение остаться совсем без них. Тобрук казался смертельной угрозой в тылу Роммеля, откуда каждый день можно было ожидать вылазки с целью перерезать пути сообщения. Немцы не могли знать наших планов: ожидать им вылазки из Тобрука или наступления главных наших сил? Однако пока мы оставались пассивными, они могли быть благодарны за каждый лишний день.

2 июня 1941 г. в Бреннере*) состоялась конференция, где главными участниками являлись фельдмаршал Кайтель и генерал Каваллеро. Кайтель согласился, что наступление на Египет не может начаться раньше осени. Предполагалось послать не крупные массы войск, а небольшую армию из хорошо снабженных специальных войск. Главной ударной силой являлись бы 4 танковых дивизии (2 из них германские) и три моторизованных дивизии. В Северной Африке не должно

*) Горный проход в Тироле, на границе Австрии и Италии.

быть праздных едоков, но лишь столько бойцов, сколько можно прокормить там. Генерал Каваллеро заявил, что итальянские дивизии, состоящие в Африканском Корпусе, изнурены; они потеряли от 40% до 60% своего личного состава и снаряжения. С транспортными средствами дело очень плохо; дивизия из области Павии имеет только 27 грузовиков.

Кайтель считал, что еще более острая нужда была в зенитной и береговой артиллерии для защиты торговых портов и складов снабжения. Затем необходимо переправить артиллерию через Средиземное море, т.к. первым условием для всех последующих операций является взятие Тобрука; сейчас это невозможно за отсутствием тяжелой артиллерии. Помимо регулярного снабжения действующей армии, абсолютно необходимо сделать крупные запасы — склады снабжения и приготовить транспортные колонны еще до начала наступления. Один только германский Африканский Корпус требует не менее 40-50 тысяч тонн продовольствия в месяц; к этому надо добавить снабжение итальянцев. Итальянцы получают весь колесный транспорт, не забранный германским корпусом. Германский воздушный транспорт был очень ограничен в пространстве. Итальянцы должны одни охранять морской и каботажный транспорт, т.к. германские воздушные силы были уведены с Сицилии. Крупные соединения германской авиации были размещены в Северной Африке для охраны побережья и берегового транспорта.

Генерал Каваллеро благодарил Кайтеля за его сообщение. Как он, Каваллеро, так и Дуче вполне разделяют мнения Кайтеля. Самое главное для Италии — это удержать ее настоящие позиции. Оборонительные силы в Северной Африке слишком малы. Войска, осаждающие Тобрук, должны быть сменены в ближайшее время. Положение в Соллуме все время напряженное.

В августе оперативный штаб германских воздушных сил сообщал:

«Затруднения со снабжением наших сил в Северной Африке хорошо известны... До сих пор еще не удастся полностью использовать гавань в Бенгази. Со времени обратного взятия Дерны ничего еще не сделано в районе порта для восстановления разрушений, причиненных англичанами... Гавань в Бардии тоже должна быть восстановлена. Мы поэтому настойчиво просим известить итальянцев, чтобы они немедленно приступили к необходимым работам. Абсолютно необходимо использовать Бенгази, Дерну и Бардию для снабжения; это несколько разгрузит порт Триполи и сократит опасное побережное сообщение между Триполи и Бенгази. Это оказывается еще более необходимым, если мы учтем весьма серьезное положение с транспортом в Африке, где пользование сухопутной дорогой от Триполи до Бенгази становится все опаснее.

Усиление наших воздушных сил в районе Средиземного моря возможно лишь по окончании военных операций на Востоке».

В конце августа, на совещании Кайтеля и Каваллери в Главной Квартире Гитлера на русском фронте, Кайтель сказал, что положение в Северной Африке нельзя считать упроченным, пока Тобрук не пал. Если с транспортом в Африку все будет в порядке, то германские силы, предназначенные для наступления, будут готовы к середине сентября. Генерал Каваллери ответил, что Дуче приказал ускорить приготовления к наступлению на Тобрук. Было ясно, что итальянцы не будут готовы к наступлению в середине сентября; они вероятно не будут готовы и к концу месяца.

И действительно они не были готовы в конце сентября; как немцы, так и итальянцы, не были готовы ни в октябре, ни даже в ноябре. Но если бы мы попытались наступать, то без сомнения встретили бы упорное сопротивление.

29 августа германский и итальянский штабы заключили следующее соглашение:

«В близком будущем нет никаких надежд начать наступление из Ливии на Суэцкий канал. Даже если бы Тобрук и мог быть взят этой осенью, то баланс сил не позволил бы нам этого. Это относится также к наступлению с ограниченным заданием, так как всякое продвижение к востоку ухудшает наше положение в смысле снабжения и улучшает положение англичан».

9 сентября 1941 германский штаб связи резюмировал ситуацию следующим образом:

«Несмотря на непрерывные налеты германской и итальянской авиации, положение у Тобрука в общем не меняется. Нам до сих пор не удалось фактически застопорить снабжение крепости по ночам с миноносцев и небольших пароходов... По сообщению главного командования Воздушными Силами в Африке противовоздушная оборона Тобрука уже настолько сильна, что почти сравнялась с обороной Мальты... Многие вылазки британского гарнизона, как слабые, так и сильные, повидимому произведены с целью обнаружить слабые места во фронте окружения. Это подготовка к прорыву, которого надо ожидать одновременно с началом наступления на южном фронте...».

**
*

Я изложил военную дискуссию противника об отсрочке наступления и я должен высказать мое убеждение, что отсрочка на 4½ месяца наступления генерала Окинлека была ошибкой и несчастьем.

В эту главу я должен еще включить отчет о наших расхождениях с правительством Австралии, храбрые войска которой играли важную роль в нашей совместной обороне Египта.

Г-н Мензис, премьер-министр Австралии, покинул нас в мае. Его затянувшееся пребывание в Англии было очень продуктивно. В течение двух критических месяцев он посещал все заседания Военного Кабинета и принимал участие в разрешении самых сложных вопросов. Он не был удовлетворен ни организацией Кабинета, ни моим методом применения моей широкой власти в деле ведения войны. Он поднимал оба эти вопроса в нескольких случаях и я привел мои доводы, в силу которых я не соглашался с ним. Он хотел образования Имперского Военного Кабинета с представителями от каждого из четырех самоуправляющихся Доминионов. Проезжая на обратном пути через Канаду, г-н Мензис внес формальное предложение в письменной форме, адресовав его Макензи Кингу, генералу Смэтсу и Фрэзеру. Однако никто из них не высказался за перемену и Макензи Кинг, в частности, выставил сокрушающие конституционные аргументы против привлечения Канады в лице ее представителей к участию в решениях совета, заседающего в Лондоне.

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

19 авг. 41 г.

Излишне говорить, что если бы вы могли приехать к нам еще раз в качестве премьер-министра, то ваше присутствие в нашем совете, поскольку вы могли бы оставаться здесь, было бы крайне желательно. Мы рады видеть премьер-министров всех Доминионов, которые таким образом заходят разделить с нами ответственность. Участие прочих министров Доминионов — помимо премьер-министров — было бы невозможно, так как это слишком расширило бы состав Военного Кабинета, что в свою очередь повлекло бы за собою чреватые последствия структурные изменения. По моим сведениям, вряд ли прочие Доминионы согласятся, чтобы министр одного из Доминионов представлял их в Военном Кабинете. Я надеюсь, что

вы примете это к сведению при составлении ваших планов. Всего хорошего»!

Вскоре, однако, в Австралийском правительстве произошли крупные перемены. Естественно, что после стольких тяжелых ударов мнения членов австралийского кабинета по поводу ведения войны разделились. Рабочая партия Австралии воспротивилась резолюции, одобряющей поездку Мензиса в Лондон. Ввиду этой политической манифестации, проведенной как внутри, так и вне правительства, Мензис подал своим коллегам прошение об отставке и предложил себя к услугам Австралийского Национального Кабинета. 25 августа австралийская Рабочая партия отклонила это предложение и потребовала отставки правительства. 28 августа Мензис вышел в отставку и его заменил его заместитель, г-н Фадден. Австралийское правительство, ослабленное уходом наиболее способного члена его, имело большинство всего в 1 голос, и начался прискорбный период борьбы с оппозицией, стремившейся к местной власти. Несмотря на наше разногласие, о котором я упоминал, я с большим сожалением узнал об уходе Мензиса. Хотя мое расхождение с ним и было серьезным, но наши личные отношения были вполне дружескими. Я крайне сожалел о том, что вся его отличная осведомленность о наших делах и о войне, которую он приобрел за два месяца его участия в Военном Кабинете, и весь налаженный контакт с ним — что все это теперь пропало даром. Я послал ему следующую телеграмму:

«Премьер-министр — м-ру Мензис.

28 авг. 41 г.

Хотя я тщательно воздерживаюсь от вмешательства в политику Австралии, однако я не могу не высказать вам того сожаления, с каким я узнал о вашей отставке. Вы были у руля в течение этих двух страшных лет бури и вы были здесь с нами в самые тревожные минуты, пред-

ставляя собою Австралию. Мы все вам крайне благодарны за мужество, которое вы проявляли, и за помощь, которую вы нам оказывали. Я в выигрыше от нашей личной дружбы. Я прошел через подобное же испытание, когда я был отставлен от Адмиралтейства в тот момент, когда я мог дать Анзаксу верный шанс победы в Дарданеллах. В таких обстоятельствах наилучшим утешением служит сознание, что ты исполнил свой долг и сделал что мог. Моя жена и семья шлют вам привет».

Я поспешил завязать личные сношения с г-ном Фадденом и представить ему наши соображения по поводу структуры Военного Кабинета, а также и по поводу японской опасности.

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

29 авг. 41 г.

Теперь, когда вы заняли ваш высокий пост, я шлю вам мои самые сердечные пожелания успеха и заверяю вас, что я и мои коллеги сделаем все, что только будет в наших силах, чтобы работать с вами в том же духе дружбы и благожелательности, в каком мы работали с м-ром Мензисом, который — как мы с радостью видим — состоит в вашем кабинете министром координации и обороны...»

Затем я изложил взгляды — мои и моих коллег — с точек зрения имперской и конституционной, на те вопросы, которые поднял Мензис.

Наши отношения с правительством Фаддена, а позднее с рабочим правительством Кэртина были не столь гладки, как с их предшественниками, и даже был один случай острого расхождения, вредный для нашей войны. Новое правительство — под сильным давлением оппозиции — очень беспокоилось о поло-

жении австралийской дивизии в Тобруке. Оно хотело бы собрать свои войска на Среднем Востоке в одном месте с тем, чтобы дать им возможность отдыха, восстановления дисциплины и перевооружения, а также для удовлетворения общественного мнения Австралии. Правительство было также встревожено санитарными условиями своих войск в осажденной крепости и опасностью полной катастрофы в результате упадка их духа и неспособности выдержать напор неприятеля. Поэтому новое правительство потребовало немедленной замены этих войск другими частями. Окинлек категорически протестовал против этой замены, указывая на трудности ее проведения и на расстройство его плана нового наступления. Я пытался успокоить генерала.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 6 сент. 41 г.

Я совершенно уверен, что австралийцы поступят корректно, если им открыто и честно привести все факты. Мы не хотим тормозить ваше снабжение Тобрука, или мешать вашим планам и комбинациям. Если удовлетворение их требований явится тормозом, то дайте мне факты, чтобы я мог им это объяснить. Австралия не допустит ничего недостойного. Если, конечно, это не грозит серьезными последствиями, нам следовало бы удовлетворить их желания».

Я считал правильным дать подробные объяснения члену нашего Содружества Наций.

**
*

После моих представлений генерал Окинлек решил освободить одну из австралийских пехотных бригад в Тобруке и заменить ее польской бригадой. Но надо было считаться со значительным риском отпра-

ки ее морем, так как почти все суда подвергались атакам с воздуха. Главнокомандующий подробно изложил свои доводы против этой операции, заявив, что она может повлечь за собою дальнейшую задержку наступления в Западной Пустыне. «Я намерен поэтому — сказал он — окончательно отказаться от идеи дальнейшего массового вывода австралийских войск из Тобрука и немедленно подкрепить гарнизон танковым дивизионом». Я переслал эту телеграмму Фаддену со следующим письмом:

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

11 сент. 41 г.

Пересылаю вам полностью частную телеграмму генерала Окинлека ко мне касательно смены австралийских войск в Тобруке. Делаю это с полной уверенностью в вашей осмотрительности. Телеграмма генерала Окинлека есть результат длительных совещаний с морским и воздушным командованием на Ближнем Востоке.

2. Вы увидите из его телеграммы, что если вы настаиваете на освобождении австралийцев из Тобрука, то это физически не может быть выполнено в желательный для вас срок, так как вы хотите сделать заявление в Парламенте уже в середине этого месяца. Фактически только половина может быть отправлена в течение безлунного периода сентября, а вторая половина могла бы быть отправлена во второй половине октября — то есть как раз в то время, когда будут вестись усиленные приготовления к наступлению и когда подготовительная работа воздушных сил потребует их полного сосредоточения на тыловом районе неприятеля, его складах и аэродромах.

Помимо того, вы никоим образом не можете делать заявления в Парламенте, так как каждый публичный намерк на предстоящий отъезд войск может повести к тяжелым бомбардировкам с воздуха гавани Тобрука и всего побережья во время отхода ваших войск. Если тем не менее вы настаиваете на уходе австралийских войск, то будут отданы соответствующие приказы, не глядя на издержки и возможный ущерб в будущем. Я верю, что вы

взвесите с надлежащим вниманием огромную ответственность, которую вы принимаете на себя перед историей, лишая Австралию славы участия в обороне Тобрука вплоть до самого момента победы; славы, которая иначе, с Божьей помощью, останется Австралии навеки.

3. Я вынужден снова подчеркнуть вам крайнюю необходимость соблюдать абсолютную тайну о будущих операциях и передвижениях войск, которые стали известны нам с вами только потому, что вопрос об освобождении ваших войск заставил Главнокомандующего открыть нам эти сведения».

Это мое письмо оказалось тщетным и мне не оставалось ничего иного, как ответить:

«Премьер-министр — Фаддену. 15 сент. 41 г.

Распоряжения будут сделаны немедленно согласно вашему решению. Теперь соблюдение всеми строгой тайны является абсолютно необходимым».

Окинлеку я телеграфировал следующее:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку 17 сент. 41 г.

Я опечален требованием Австралии, но я уже долгое время опасался вредной реакции общественного мнения Австралии и всего мира на тот кажущийся факт, что мы ведем борьбу на Ближнем Востоке якобы лишь войсками Доминионов. Поэтому, помимо желания подкрепить вас, я все время настаивал на посылке на фронт британских пехотных дивизий. Ваше решение отправить 50-ю британскую дивизию на Кипр было, как вам известно, тяжело для нас. Я знаю, что когда вы ее отправляли, вы думали, что Кипр является особенно опасным театром военных действий; но ситуация изменилась благодаря войне с Россией, и я уверен, что не откажетесь от мысли о использовании этой британской дивизии в другом месте, а не там, где она, повидимому, выполняет спокойную оборонительную роль.

Я очень надеюсь, что отзывание австралийцев не вызовет новой отсрочки вашего наступления. Ситуация уже

ухудшилась. Неприятель теперь гораздо лучше снабжен бензином. Африканский танковый корпус немцев теперь превращен в Африканскую танковую группу. Ожидая, пока вы получите от нас еще одну вспомогательную бригаду, вы можете дожидаться целой лишней дивизии противника. Передвижения вашего транспорта и организация полевых складов наверно уже учтены неприятелем. Вся судьба кампании 1942 года в Малой Азии и наши отношения с Турцией и Россией тут поставлены на карту».

Генерал Окинлек со своей стороны был так глубоко оскорблен настойчивыми требованиями правительства Фаддена, что он хотел было подать в отставку на том основании, что он не пользуется доверием австралийского правительства. Но это было бы в данный момент вредным со всех точек зрения.

Я обратился за поддержкой к Оливеру Литльтону, государственному министру, находящемуся сейчас в Каире.

«Премьер-министр — государственному министру.

18 сент. 41 г.

1. Невероятно, чтобы Окинлек мог предположить, что мы не согласны с ним (относительно австралийцев в Тобруке). Целый ряд моих телеграмм, в особенности телеграмма Фаддену от 11 сентября, с копией Окинлеку (сейчас посылаю ее вам снова в приложении) ясно показывают, как энергично мы возражали против решения Австралии покинуть фронт при такой ситуации. Более того, я всячески внушал Окинлеку, когда он был в Англии, не подвергать опасности оборону Тобрука излишними послаблениями.

2. Я был поражен решением австралийского правительства. Я уверен, что если бы вся обстановка была им известна, то Австралия отвергла бы такое решение. Надо, впрочем, принять во внимание, что правительство располагало большинством всего одного голоса, а против него была жестокая оппозиция, частью состоявшая из принципиальных изоляционистов.

3. Очень важно, что по этому поводу не произошло публичного диспута между Великобританией и Австралией. Поэтому все личные чувства должны быть подчинены внешней видимости единства. Все дело возникло главным образом потому, что в некоторых наших операциях британские пехотные дивизии не принимали участия, и это дало повод всему миру, и Австралии в частности, предполагать, что мы ведем войну только силами наших Доминионов.

4. Я телеграфирую Окинлеку, чтобы заверить его, что Начальники Штабов всецело разделяют его военные взгляды».

Таким образом личные шероховатости были временно заглажены, но фактически перспектива увода остатков австралийцев в октябре попрежнему висела над нами.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 29 сент. 41 г.

Теперь все зависит от исхода битвы. Вполне возможно, что противник предоставит вам то время, о котором вы просите. Но каждый день отсрочки дорого оплачивается в общем балансе. Призом является Турция, поведение которой может определиться исходом битвы в Киренаике.

Я надеюсь убедить австралийское правительство не препятствовать вам уводом двух последних бригад из Тобрука в безлунные ночи октября».

Вслед за тем я изложил все положение дел мр-у Фаддену, закончив снова энергичным призывом. Ответом было упрямое повторение, но в этот момент правительство Фаддена потерпело поражение при голосовании бюджета и установилось рабочее правительство, опять с большинством одного голоса, под председательством мр-а Кэртина. Я поспешил войти в дружеские сношения с новым премьером, который послал мне каблогранму.

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

8 окт. 41 г.

Благодарю вас за вашу телеграмму о взятии вами на себя управления делами Австралии, и дружески шлю вам добрые пожелания в ответ на ваши. Вы можете быть уверены, что мы будем с вами работать на основах полного взаимного доверия и дружбы».

Но и новое правительство также противилось нашей просьбе и здесь будет кстати окончание этого злосчастного эпизода. 5 октября я телеграфировал Окинлеку:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку.

5 окт. 41 г.

К сожалению, я не мог получить удовлетворительного ответа от последнего австралийского правительства по вопросу о том, как избежать дальнейшей «перегрузки» (смены австралийцев в Тобруке) и до сих пор я еще не установил контакта с новым правительством. Я надеюсь, однако, что новой отсрочки нашего «Крестоносца» не будет».

После приличного интервала я обратился к мр-у Кэртину с вопросом о Тобруке.

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

14 окт. 41 г.

Я должен просить вас обсудить еще раз вопрос, поднятый в моей телеграмме вашему предшественнику. Я снова слышу от генерала Окинлека, что его крайне бы устраивало, если бы остающиеся еще в Тобруке австралийские войска могли задержаться там до конца приближающейся решительной битвы. Я не буду повторять доводов, которые я уже приводил, но я хочу лишь добавить, что если бы вы могли на это согласиться, то это не подвело бы ваши войска какому-либо чрезвычайному или

несправедливому риску и в то же время было бы принято крайне благожелательно, как акт подлинного товарищества в общей борьбе».

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 14 окт. 41 г.

1. Ввиду вашего заявления, что вам было бы большой помощью, если бы отъезд остающихся австралийцев мог быть отложен до окончания операции «Крестоносец», я посылаю сегодня утром прилагаемую (см. выше) телеграмму австралийскому правительству. Возможно, что новое правительство захочет удовлетворить ваше желание. Я был бы рад за Австралию и за историю, если бы это случилось так. Через несколько дней я узнаю, что они там решили, и сообщу вам.

2. Новости из России становятся все серьезнее. Все сейчас зависит от вас».

Правительство м-ра Кэртина подтвердило решение своих предшественников и я был вынужден сообщить генералу Окинлеку, что австралийцы должны быть отпущены.

**
*

Во все время осады гарнизон Тобрука был поддерживаем флотом, несмотря на непрерывные и все усиливавшиеся налеты авиации. Притом, так как наши аэродромы были уже слишком далеко к востоку, то наши воздушные истребители не могли защищать гавань Тобрука. Морской путь из Египта вскоре стал недоступным для обычных торговых судов; все доставлялось в Тобрук лишь на эсминцах и мелких судах и притом только с безлунные ночи. Начиная с июля, снабжению Тобрука много помогали два быстроходных минных заградителя «Абдиэль» и «Латона». Помимо регулярного снабжения крепости боеприпасами и продуктами, все время поддерживалась перевозка по

морю войсковых частей в осажденную крепость и обратно из нее и доставка морем нового оружия всякого рода, вплоть до танков включительно. Всего флот доставил в Тобрук 34.000 солдат, 72 танка, 92 орудия и 34.000 тонн припасов всякого рода. Почти такое же количество солдат было вывезено из Тобрука — больных, раненых и военнопленных. Эта суровая, но необходимая служба стоила нашему флоту одного минного заградителя, двух истребителей и 22-х прочих судов потопленных и 18-и тяжело поврежденных. 9 торговых судов и 2 госпитальных судна были также потоплены или повреждены. Эти жертвы позволили гарнизону Тобрука выдержать непрерывные атаки в течение 242 дней. За все это время крепость играла активную и заметную роль в стратегии общей кампании и в особенности в грядущем наступлении.

**
*

В ночь на 25 октября была сделана попытка провести операцию, столь желанную для обеих австралийских политических партий; эта попытка была сопряжена с огромной опасностью и обошлась нам дорого. Я телеграфировал эту новость м-ру Кэртину.

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

26 окт. 41 г.

Наш новый быстроходный минный заградитель «Латона» потоплен, а истребитель «Герой» поврежден минувшей ночью авиабомбами во время попытки вывезти 1200 последних австралийцев, оставшихся в Тобруке. К счастью, ваших солдат на борту не было. Наши потери мне еще неизвестны. Адмирал Каннингхэм сообщает, что вывезти этих 1200 солдат уже не удастся до следующего новолуния — в ноябре. Все, доступное человеческим силам, было сделано для исполнения вашего желания».

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

27 окт. 41 г.

К счастью, корабль «Латона» вез только 38 солдат в Тобрук; все остальные, числом около 1000 человек, были на трех сопровождавших его истребителях. Было около 15 низких налетов между 19.00 и 22.30 часами. Потери на «Латоне»: морских офицеров — 4 без вести пропавших, 1 ранен; нижних чинов — 25 без вести пропавших, 17 раненых; офицеров армии — 6 раненых, нижних чинов — 7 без вести пропавших, 1 ранен. На корабле «Герой» потерь не было. Мы должны быть счастливы, что эти налеты не начались раньше, при начале эвакуации.

Мне было больно сообщать об этом инциденте. Но замолчать его было бы невозможно. К тому же народ Австралии имеет право знать — что случилось и почему. С другой стороны, надо вспомнить, что помимо ограничений своей жесткой партийной системы, у австралийского правительства было в это время мало оснований доверять Британскому руководству ведением войны, и рискованное положение, в котором австралийские войска очутились, когда фланг в Пустыне был прорван, а также и в кампании в Греции, очень тяжело отзывались на них. Мы никогда не забудем того благородного импульса, который побудил Австралию послать ее единственные три полные дивизии, цвет ее населения, на фронт Ближнего Востока, равно как доблестное поведение этих войск во всех боях.

3.

МОЯ ВСТРЕЧА С РУЗВЕЛЬТОМ

Вторжение в Британию уже не раз было темой этого и предыдущих томов. В мае 1941 г. сэр Джон Дилл, Начальник Имперского Генерального штаба, поставил этот вопрос снова в самой решительной форме. 6 мая он представил мне нижеследующий доклад, копию которого он разослал своим коллегам — Наштабам морских и воздушных сил, а также генералу Исмэю. Согласиться с его докладом значило бы полностью ограничиться обороной. Он не предусматривал нашего усиления на Ближнем и Дальнем Востоке, но лишь пополнение убыли. Его проект не давал никакой возможности захватить в свои руки инициативу. В самом деле, так как танковые силы на Ближнем Востоке должны были поддерживаться на одном уровне и мы могли рассчитывать лишь на пополнение нормального износа, то есть около 50 танков в месяц, то генерал Окинлек был не только неспособен к наступлению, но и легко мог быть осилён противником.

ЗНАЧЕНИЕ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

6 мая 41 г.

«1. Может казаться, что вероятность вторжения в настоящее время как будто уменьшилась, но германские наземные и воздушные силы могут быть стянуты для вторжения в течение 6-8 недель с Балканского театра. Так как помощь из Америки все возрастает, то противник должен

пристально следить, выжидая благоприятного момента для нанесения удара, которым он может выиграть войну.

2. Успехи Германии на Балканах и в Ливии — двух совершенно различных типах местности — снова доказывают универсальное могущество танковых и броневых частей, поддерживаемых мощной авиацией. Эта комбинация побеждает во всех битвах в течение всей войны. Так как место удара не может быть заранее предвидено, то оборона вынуждена разбрасывать свои силы и для того, чтобы быть успешной, должна располагать огромными резервами танков, противотанкового оружия и авиации.

3. Начальники Штабов после исчерпывающего исследования недавно составили расчет сил, необходимых для вторжения в Великобританию и пришли к цифре шести танковых дивизий, общим числом 2400 танков. По мнению Главнокомандующего территориальными войсками, с которым я вполне согласен, для успешной обороны Великобритании против вторжения таких сил нужно иметь шесть танковых дивизий и четыре армейские танковые бригады, то есть всего около 2600 танков. Из них две танковые дивизии и две армейские бригады были бы расположены в восточной и юговосточной части Англии для контрудара против высадки в восточной Англии или на побережье Кента и Суссекса. Две другие танковые дивизии оставались бы в резерве, одна из них была бы предназначена для обороны севера.

Далее генерал Дилл излагал состояние танковых соединений к июню 1941 г., указывая общий итог сил внутренней обороны в 1250 танков, в том числе 150 легких и 490 учебных, из которых 360 могли бы быть приведены в боевую готовность в течение 3-х недель. Он настаивал на необходимости специальной тренировки для танковых частей и продолжал:

6. Пехотные соединения, охраняющие нашу длинную и уязвимую береговую линию, расположены на широких фронтах; дивизия, растянутая на 45 миль, может иметь лишь незначительную глубину. Наши береговые препятствия на-

дежны, но дивизии имеют менее половины причитающихся им противотанковых орудий и у них ощущается недостаток противотанковых мин. Германские танковые части, переправившиеся через море на специальных судах, без сомнения смогут высадиться. У британской авиации будет много своей работы, и у нас нет воздушных частей, предназначенных и специально тренированных для совместных действий с пехотой. Германская авиация поставит все на карту, чтобы добиться местного превосходства на путях своего наступления. Поэтому наша оборона на суше будет зависеть главным образом от нашей способности отвечать сильными и быстрыми контратаками. Принимая в расчет необходимость учений, я полагаю, что в июне месяце наши танковые силы в целом будут равняться трем полноценным танковым дивизиям — против 6 дивизий противника.

7. Было бы опасным не считаться с возможностью сильного танкового удара немцев на том основании, что Германия не господствует на море; что наши воздушные силы уничтожат экспедицию еще до ее прибытия, а также на берегу, или же они разобьют и прогонят германскую сопровождающую авиацию; или же что технические трудности высадки в таких размерах окажутся непреодолимыми. Нам потребуется от 5 до 7 дней, чтобы сосредоточить необходимые морские силы в территориальных водах. Наши бомбардировщики не смогут справиться больше, чем с шестью пунктами высадки, и то лишь при благоприятной погоде. Бомбежка с воздуха не может воспрепятствовать высадке, как она не могла воспрепятствовать нашей посадке на суда в Дюнкерке. Наши истребители не смогут полностью подавить германские бомбардировщики, если те будут готовы жертвовать собой, и без сомнения немцы постараются разгромить наши истребители еще на их базах. Что касается технических трудностей высадки, то немцы дали уже много доказательств своего искусства и доскональности в планировании и подготовке специальных приспособлений; и у них было время для усовершенствования своих приготовлений. Эксплуатация технической части будет не так уж дорога, как могло казаться: пропитание и горючее для танковых соединений в течение короткого периода выразится в сравнительно скромных цифрах, и к тому же неприятель найдется на занятой территории достаточно запасов.

8. Мы недооценивали немцев в Норвегии и в Бельгии, а недавние события в Ливии и на Балканах показали нам еще раз их способность преодолевать колоссальные трудности.

9. Потеря Египта явилась бы бедствием, которое я считаю мало вероятным; оно могло бы настать лишь после отчаянной борьбы, но оно не закончило бы войну. Только успешное вторжение противника на нашу территорию может означать наше конечное поражение. Поэтому Соединенное Королевство, а не Египет, является жизненно важным и оборона Соединенного Королевства должна быть поставлена на первое место. Египет даже не является вторым по значению, так как, согласно установленному принципу нашей стратегии, в конечном счёте безопасность Сингапура важнее Египта. И однако оборонительные сооружения Сингапура все еще далеко не удовлетворительны.

10. Риск в войне, конечно, неизбежен, но он должен быть рассчитан. Мы не должны впасть в заблуждение и забывать о безопасности наших жизненных узлов. Если это нужно, мы должны прекратить борьбу в тех местах, где она не является существенно необходимой, пока еще не поздно.

11. Я думаю, что мы дошли до предела, если не перешли его, в отношении безопасности Великобритании, с которой неразрывно связана оборона Ирландии и островов в Атлантике. На мой взгляд было бы непростительно в течение ближайших 3-х месяцев рисковать отправкой из Великобритании большего числа танков, чем строго необходимо для пополнения убыли в дивизиях, уже находящихся на Ближнем Востоке или на пути туда. Даже и это, считая ежемесячное изнашивание в 10 проц., составляет ежемесячную отправку около 50 танков.

Я был удивлен, получив этот документ, и неделю спустя я ответил в дискуссионном порядке следующее:

«Премьер-министр — начальнику Имп. Ген. Штаба.

13 мая 41 г.

1. Со многим в вашем письме от 6 мая я согласен. Но в нем есть и много утверждений, которые меня не убеж-

дают. Я целиком согласен с вами в §8, что наши военные советники недооценивали немцев в Норвегии, в Бельгии и в Ливии. Из них Бельгия особенно замечательна. Но я не помню, чтобы я когда-либо слышал хоть от одного английского солдата критику линии Суб-Мажино или нашей оккупации Бельгии. Я упоминаю об этом лишь с тем, чтобы показать, что даже самый опытный профессионал может иногда заблуждаться среди многих превратностей войны.

2. ...Я заключаю, что вы скорее готовы смириться с потерей Египта и долины Нила и попутно капитуляцией или гибелью армии в полмиллиона, сосредоточенной нами там, чем потерять Сингапур. Я не разделяю этого взгляда и я не думаю, чтобы подобная альтернатива могла представиться. Защита Сингапура потребует лишь очень малой части тех сил, которые необходимы для обороны Нильской долины против немцев и итальянцев. Я уже привел вам политические соображения, на которых должны быть основаны военные меры для обороны Сингапура, а именно, что в случае, если Япония вступит в войну, то США, по всей вероятности, присоединятся к нам; и во всяком случае Япония не начнет немедленно осаду Сингапура, так как это было бы операцией гораздо более опасной для нее и безвредной для нас, чем перерезать своими крейсерами и линейными кораблями торговые пути Востока».

(В то время, конечно, Япония еще не утвердилась в Индо-Китае).

«3. Интересно знать, почему это германская операция на Балканах может быть приведена, как пример «их способности преодолевать громадные трудности». С точки зрения исторической перспективы я сказал бы, что это прямо обратный пример. Германии позволили собрать без помехи огромные силы и напасть на Югославию прежде, чем та успела провести мобилизацию, и в тот момент, когда она была предана своим довоенным правительством. Греция была бессильна и сдерживаема итальянской армией, а мы были фактически оставлены одни — имея лишь одну пятую наших танковых сил и фактически без авиации — против нападающего огромными силами противника. И при всех этих преимуществах, так дешево добытых, немцы не су-

мели серьезно помешать мастерскому отступлению и эвакуации морем наших сил! Этот факт внушает мне уверенность, а не мрачные опасения.

4. Трюизмы, приведенные в параграфе 10-м, зависят целиком от их применения к обстоятельствам. Но я надеюсь, что последняя фраза не имеет отношения к нынешнему положению в Египте».

Многие правительства, которые мне пришлось видеть, поникли бы главой, получив столь серьезное предупреждение от высшего военного авторитета, но мне не трудно было ободрить моих политических коллег, в чем я был, конечно, поддержан начальниками морских и воздушных сил. Таким образом мои взгляды одержали верх и поток подкреплений на Ближний Восток шел без сокращений. Я не считал даже нужным в моем ответе повторять доводы против вероятия успешного вторжения в Британию. Сэр Джон Дилл сам сознавал единодушную оппозицию его мнению в этом вопросе и, сделав свое предостережение, он больше не возвращался к этому вопросу.

Однако два месяца спустя этот вопрос был поднят снова из другого лагеря. В середине июля Гарри Гопкинс прибыл в Англию со второй миссией от президента Рузвельта. Первое, о чем он со мной заговорил, была новая ситуация, создавшаяся благодаря вторжению Гитлера в Россию, и ее влияние на то снабжение, которое мы рассчитывали получить от США на основе соглашения о ленд-лизе. Второе: один американский генерал, получив полную возможность инспекции, высказал в своем докладе сомнение в нашей способности отразить вторжение. Это вызвало у президента беспокойство. Третье: в связи с этим, сомнения президента в разумности нашей попытки оборонять Египет и Ближний Восток еще усилились. Не рискуем ли мы потерять всё, пытаясь защищать слишком многое?

И, наконец, был еще один вопрос — об устройстве свидания между мною и Рузвельтом, как угодно, где угодно, но вскоре.

В этот раз Гопкинс был не один. В Лондоне находился целый ряд американских высших офицеров армии и флота, официально связанных с ленд-лизом, в частности адмирал Гормли, работавший каждый день в Адмиралтействе над Атлантической проблемой и над ролью Америки в ее разрешении. Я устроил совещание Гопкинса и его окружения с нашими Начальниками Штабов вечером 24 июля. Гопкинс привел с собой, кроме адмирала Гормли, генерал-майора Чани, которого называли «специальным наблюдателем», и бригадного генерала Ли, американского военного атташе. Аврелл Гарриман, только что вернувшийся из поездки по Египту, где ему по моей инструкции все было показано, завершал собою состав совещания.

Гопкинс сказал, что «лица в США, занимающие ответственные места и решающие вопросы обороны», — считают, что Ближний Восток не может быть удержан Британской Империей и что слишком крупные жертвы приносятся для сохранения его. По их мнению, битва за Атлантический океан будет решающей битвой в войне и все должно быть сосредоточено на ней. Президент же — сказал Гопкинс — более склонен поддерживать борьбу за Ближний Восток, так как неприятеля надо бить всюду, где его можно найти. Затем генерал Чани распределил четыре проблемы Британской Империи в следующем порядке: оборона Соединенного Королевства и атлантических морских путей; оборона Сингапура и морских путей в Австралию и Новую Зеландию; оборона океанских путей вообще; и наконец оборона Ближнего Востока. Все четыре были важны, но он разместил их в этом порядке. Генерал Ли согласился с генералом Чани. Адмирал Гормли выра-

зил беспокойство по поводу путей сообщения с Ближним Востоком, если снабжение из Америки пойдет этим путем в больших количествах. Не может ли это неблагоприятно отразиться на битве в Атлантике?

Тогда я попросил британских Начальников Штабов высказать их мнения. Первый морской лорд объяснил, почему он в этом году еще более уверен в неминущей гибели вторгнувшейся в Англию армии, чем раньше. Начальник штаба воздушных сил указал насколько сейчас британский Воздушный флот сильнее по сравнению с германским, чем это было в прошлом сентябре, и говорил о растущей силе нашей обороны в предполагаемых портах вторжения. Начальник Имперского Генерального штаба также говорил в уверенном тоне; он сказал, что армия наша сейчас неизмеримо сильнее, чем в минувшем сентябре. Я со своей стороны рассказал о специальных мерах, принятых нами для обороны аэродромов на основании опыта с островом Критом. Я пригласил наших гостей посетить любые из наших аэродромов, которые могли бы заинтересовать их. «Противник может пустить в ход газы, но это обратится против него самого, так как мы все приготовили для немедленной отплаты и, если противник сделает на нашем берегу окопы, то они будут отличной целью для газа. Газовая война будет также немедленно применена и в его родной стране».

Затем я попросил Дилла обрисовать положение на Ближнем Востоке. Не противореча ни в чем своему майскому докладу, он весьма красноречиво изложил причины, которые заставляют нас оставаться там.

К концу беседы я почувствовал, что наши американские друзья были убеждены нашими доводами и что наша солидарность произвела на них отличное впечатление.

Однако уверенность, какую мы ощущали у себя дома, не распространялась на Дальний Восток в случае, если бы Япония вступила в войну против нас. Эта перспектива тревожила также и генерала Дилла. Я не мог забыть, что для него Сингапур был важнее Каира. Это была поистине трагическая дилемма, точь-в-точь как если бы вам пришлось выбирать: лишиться сына или дочери? Я лично считал, что вся Малайя не стоила и одной пятой Египта, Суэцкого канала и Ближнего Востока, вместе взятых. Для меня была невыносима мысль о прекращении борьбы за Египет и я был готов заплатить любой выкуп за Малайю. Такого же мнения были и мои коллеги.

Я почувствовал необходимость восстановления на Дальнем Востоке должности государственного министра, который, будучи в тесном контакте с Военным Кабинетом, взял бы на себя часть функций Главнокомандующего и местных губернаторов и помогал бы им в решении серьезных политических проблем, которые быстро накапливались. Мой коллега и друг — Даф Купер — в то время министр информации — по своему положению был хорошо ознакомлен с общей обстановкой. Твердость его характера, которая заставила его отказаться от должности Первого лорда Адмиралтейства в 1938 г. после Мюнхенского соглашения, его дар слова и литературные способности, его военная карьера в качестве офицера гвардейских гренадер в войне 1914-18 гг. — все это вместе взятое делало его наиболее достойным кандидатом на высокий пост. 21 июля он был назначен Канцлером Герцогства Ланкастер, а пост министра информации заместил Бренден Бракен. В начале августа Даф Купер в сопровождении своей жены, леди Дианы, отбыл на Дальний Восток через США. Лишь в конце октября он прислал свой рапорт из Сингапура.

В течение многих месяцев правительства Великобритании и США действовали в тесном контакте в отношении Японии. В конце июля японцы закончили военную оккупацию Индо-Китая. Благодаря этому акту неприкрытой агрессии, их силы готовы были в любой момент напасть на британцев в Малайе, на американцев на Филиппинах, или на голландцев в Восточной Индии. 24 июля президент Рузвельт предложил японскому правительству, чтобы до окончательного разрешения территориальных вопросов Индо-Китай был нейтрализован и японские войска уведены оттуда. Для придания веса этому предложению был издан приказ о наложении запрета на все японское имущество в США. Этим была парализована вся торговля. Британское правительство предприняло тот же шаг одновременно, а два дня спустя за ним последовали Нидерланды. Присоединение Голландии сразу лишило Японию ее источников снабжения нефтью.

В конце июля Гарри Гопкинс приехал ко мне на Даунинг-стрит и мы с ним уселись в саду на солнце. Он сказал мне, что президент очень хотел бы встретиться со мной в какомнибудь уединенном морском заливе. Я выразил уверенность, что Кабинет даст мне отпуск. Таким образом все быстро наладилось. Местом свидания была избрана бухта Пласенша Бэй на Ньюфаундленде; день — 9 августа. Наш новейший линейный корабль «Принц Уэльский» получил соответствующие распоряжения. У меня было сильнейшее желание встретиться с Рузвельтом, с которым у меня уже почти два года шла переписка, становившаяся все бо-

лее интимной. Помимо того, наша встреча означала более тесное сближение Британии с США, причиняла беспокойство врагам, заставляла Японию задуматься и радовала наших друзей.

Было также много деловых вопросов, требовавших разрешения: интервенция Америки в Атлантике, наша помощь России, наше собственное снабжение и самое главное — все возрастающая угроза Японии.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 25 июля 41 г.

Кабинет одобрил мою поездку. Я предполагаю — если это подходит вам — отплыть 4 августа и встретиться с вами между 8-9-10 августа. Пока не нужно уточнять время тайного свидания. Адмиралтейство установит детали обычным путем. Со мной едут Первый морской лорд адмирал Паунд, Начальник Генштаба Дилл и заместитель Начальника воздушных сил Фримэн. Возлагаю огромные надежды на нашу встречу, которая поможет в будущем».

Я сказал Исмэю: «А вы и Портл*) оставайтесь дома и смотрите за порядком!»

Я взял с собою также Александра Кадогана из мин-ва иностранных дел, лорда Червелла, полковников Холлиса и Джейкоба из мин-ва обороны и мой личный штаб. Кроме того, с нами было несколько высших офицеров технической и административной службы и планового отдела. Президент сказал, что он привезет с собой начальников армии, флота и авиации и г-на Сомнера Уэлса из Государственного департамента. Необходима была величайшая осторожность, так как в это время в северной части Атлантического океана было много напряительских подводных лодок. Для соблюдения тайны президент, который официально совершал праздничную прогулку по морю, пересел в море на крейсер «Августа», оставив свою яхту стоять

*) Маршал Авиации сэр Чарлз Портл.

для отвода глаз. В свое время Гарри Гопкинс — хотя он был тогда нездоров — получил от президента поручение лететь в Москву; это было далекое, утомительное и опасное путешествие, через Норвегию, Швецию и Финляндию, с целью получить непосредственно от Сталина полные и точные сведения о положении Советского Союза и о его нуждах. Теперь он должен был быть взят на борт «Принца Уэльского» в Скапа-Флоу.

Длинный экстренный поезд, который вез всю нашу компанию, включая большой штат шифровальщиков, взял меня на станции близ Чекерса. Мы взошли на борт «Принца Уэльского» с эскадренного миноносца в Скапа-Флоу.

4 августа перед наступлением темноты «Принц Уэльский» с эскортом миноносцев vyplыл в широкие воды Атлантического океана. Я нашел Гарри Гопкинса крайне изнуренным его долгим воздушным путешествием и утомительными конференциями в Москве. Он прибыл в Скапа-Флоу два дня тому назад в таком состоянии, что адмирал сразу уложил его в постель и не позволил ему вставать. Тем не менее он был, как всегда, весел, понемногу набирал силы во время путешествия и рассказывал мне о своей миссии.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 4-5 авг. 41 г.

Гарри вернулся из России смертельно усталый, но сейчас он снова ожил. Мы его приведем в полный порядок за время плавания. Мы только что отплыли. Как раз в этот день 27 лет тому назад гунны начали войну. В этот раз мы должны с ними хорошенько разделаться. Достаточно двух раз. Предвкушаю нашу встречу. Сердечный привет».

Просторные каюты на корме над винтами, такие комфортабельные, пока мы стояли в гавани, оказались почти невозможными из-за дрожания винтов во время

свежей погоды в океане, и потому для работы и для сна я переселялся в адмиральскую каюту на мостике. Мне очень пришлось по душе наш капитан Линч, прекрасный и достойный человек, воплощенный тип британского моряка. Увы! Четыре месяца спустя он, многие из его товарищей и его великолепный корабль навсегда исчезли под волнами. На следующий день море было так беспокойно, что нам пришлось выбирать одно из двух: либо уменьшить ход, либо идти вперед одним, оставив наш эскорт позади. Первый морской лорд, адмирал Паунд принял решение: мы пошли вперед одни полной скоростью. Были получены донесения о нескольких подводных лодках и мы шли зигзагами, чтобы избежать их. Мы искали абсолютно-го отсутствия радио-волн. Мы могли получать сообщения, но сами могли высылать лишь с перерывами. Таким образом в моей ежедневной привычной деятельности образовался перерыв и меня охватило странное ощущение пустоты, незнакомое мне с самого начала войны. В первый раз за много месяцев я мог читать книгу для удовольствия. Оливер Литльтон, наш посланник в Каире, дал мне книгу «Капитан Хорнблоуэр»*), которую я нашел очень занимательной. Позднее я послал Литльтону записку: «я нахожу «Хорнблоуэр» замечательным». Это произвело переполох в Главной Квартире Ближнего Востока: они решили, что «Хорнблоуэр» — условное обозначение какой-то особой операции, о которой им не сообщили.

Море было бурно и на ют выйти было невозможно, но я три или четыре раза в день совершал прогулку из моих кают через все помещения и вверх и вниз по всем лесенкам на капитанский мостик и обратно. По вечерам у нас было отличное кино, где показывали лучшие из новейших фильмов для нашей группы и

*) Роман, К. С. Форестера.

для офицеров, свободных от службы. Кадоган в своем дневнике отмечает: «фильм «Леди Гамильтон» после обеда. Превосходен. П. М. (премьер-министр) смотрит ее уже пятый раз и каждый раз глубоко взволнован. По окончании он обратился к присутствующим: «Джентльмены, я полагал, что этот фильм заинтересует вас; он рисует великие события, подобные тем, в которых вы сами принимаете участие». Поездка наша была приятной интермедией.

**
*

Проводя время в моей небольшой, но уютной каюте на мостике, я размышлял о будущей битве в Северной Африке, вспоминая все изученные мною религии о весенней битве, и писал меморандум Начальникам Штабов, первая фраза которого мне очень нравилась: «Слава тому военачальнику, который первый в этой войне восстановит примат артиллерии на поле битвы, перешедший в последнее время к тяжелым танкам». Этот меморандум помещен в соответствующем месте моего рассказа.

К. Эттли, который в мое отсутствие замещал пост премьер-министра, очень беспокоился о моей безопасности. Он опасался, что если хоть что-нибудь просочится о моем путешествии, «Адмирал Тирпиц» будет послан вдогонку за «Принцем Уэльским».

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

6 авг. 41 г.

Я не вижу особой опасности обнаружения тайны. Если (в Палате) будет задан прямой вопрос, то надо попросить оратора снять свой вопрос; но если он будет настаивать, то ответ можно дать такой «я не считаю возможным реагировать на всякие слухи». Относительно «Тирпи-

ца»: я боюсь, что это ему не удастся. Рузвельт без сомнения увидит нас выходящими в море на обратном пути. Мы теперь получили новый эскорт истребителей.

**
*

Перед моим отъездом я подумал о том, что было бы хорошо поручить лорду Бивербруку взять на себя весь вопрос об американских поставках России. Я боялся потерять то, чего мы так ожидали и в чем так страшно нуждались. Уезжая, я оставил следующую инструкцию:

«Премьер-министр — Эдварду Бриджесу, генералу Исмю и личному кабинету. 3 авг. 41 г.

10 августа или около этого к нам прилетит аэроплан; возможно, что на нем прибудет лорд Бивербрук. Он должен привезти, помимо писем и срочных бумаг, ассортимент весьма важных телеграмм мин-ва иностранных дел, быть может в пересказе. Надежные люди должны составить этот ассортимент и уложить его в тяжелый ящик, так чтобы он мог потонуть в море, если что-либо случится с аэропланом».

Когда мы вышли в море, я сигнализировал:

«Премьер-министр — лорду Бивербруку. 7 авг. 41 г.

Если вы собираетесь сюда, чему я был бы очень рад, постарайтесь прибыть 11-го после полудня или 12-го утром. Только пожалуйста не подвергайте себя ненужному риску. Я бы советовал вам остаться подольше на этой (американской) стороне».

**
*

Мы прибыли к месту нашей встречи, в Пласенша Бэй на Ньюфаундленде в 9 ч. утра в субботу 9-го августа.

«Премьер-министр — Его Величеству королю. 9 авг. 41 г.

По долгу службы я прибыл благополучно и увижусь с президентом сегодня утром».

Как только обычные морские обряды взаимной вежливости были выполнены, я перешел на борт «Августы» и приветствовал президента Рузвельта, который принял меня со всеми почестями. Он стоял, поддерживаемый под руку своим сыном Эллиотом в то время, как исполнялись национальные гимны, а затем приветствовал меня самым сердечным образом. Я передал ему письмо короля и представил членов моей группы. Затем завязался разговор между президентом и мною, Сомнером Уэллсом и сэром Александром Кадоганом и штабными офицерами обеих сторон; разговоры эти продолжались более или менее непрерывно в течение всех дней нашего посещения, иногда с глазу на глаз, иногда в общих совещаниях.

В воскресенье утром 10 августа Ф. Рузвельт прибыл на борт корабля Его Величества «Принц Уэльский» и вместе с офицерами своего штаба и представителями всех рангов флота и морской пехоты США присутствовал при Божественной Литургии на юте. Эту службу мы все восприняли, как глубоко трогательное выражение единства веры двух наций. Никто из присутствовавших никогда не забудет этого солнечного утра на палубе корабля, этого аналога, драпированного флагами, где британский «Юнион Джэк» сплетался с американскими звездами и полосами. Американские и британские священники чередовались при произнесении молитв; высшие офицеры флота, армии и авиации Великобритании и США сплотились в одно целое позади президента и меня; тесные ряды британских и американских моряков слились между собою, слушая молитвы и песнопения, общие для нас всех,

Я сам выбрал гимны: «О тех, кому грозит гибель на море» и «Вперед, воины Христа». Мы закончили пением гимна «Боже, наш спаситель в прошлые века» — того самого гимна, который пели «железные» всадники Кромвеля, провожая тело Джона Хэмпдена в могилу. Каждое слово ударило по сердцу. Это был незабываемый момент. Почти половине участников было суждено вскоре умереть.

4.

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ

В одном из наших первых разговоров президент Рузвельт сказал, что, по его мнению, хорошо было бы нам составить совместную декларацию, в которой были бы сформулированы основные принципы, направляющие политику наших стран по общему пути. Идя навстречу этой крайне счастливой идее, я вручил ему на следующий же день (10 августа) пробный набросок такой декларации. Вот мой текст:

Совместная Англо-Американская декларация основных принципов.

«Президент США и премьер-министр Черчилль, представляющий Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, сойдясь, чтобы наметить и согласовать меры по обеспечению безопасности их стран ввиду агрессии нацизма и Германии и опасности, возникающей отсюда для всех народов, считают нужным провозгласить известные принципы, которые оба они принимают, как руководящие при определении их политики, и на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее мира.

Первое: их страны не стремятся к расширению территориальному или иному.

Второе: они не признают территориальных изменений, не согласованных со свободным волеизъявлением заинтересованных народов.

Третье: они признают за всеми народами право самим избрать форму правления, под каким эти народы желают

жить. Они хотят лишь обеспечить права свободы слова и мысли, без которых подобный выбор становится иллюзорным.

Четвертое: они будут стремиться осуществить справедливое и равномерное распределение предметов первой необходимости и продуктов питания не только в пределах собственных территорий, но и между остальными нациями мира.

Пятое: они ищут мира, который не только сбросит навеки тиранию нацистов, но при помощи активной международной организации обеспечит всем государствам и народам возможность жить в безопасности в своих границах и пересекать моря и океаны, не опасаясь незаконных нападений и не нуждаясь в обзаведении обременительным вооружением».

Учитывая все рассказы о моем реакционном, старосветском образе мыслей и о том, как он был, якобы, неприятен президенту, я рад засвидетельствовать, что сущность и дух того, что получило название «Атлантической Хартии», были в своей первоначальной редакции британским произведением и выражены моими собственными словами.

11-е августа обещало быть днем напряженной работы.

«Премьер-министр — Адмиралтейству. 1 авг. 41 г.

Все усилия должны быть приложены к расшифрованию телеграмм, посылаемых отсюда в течение следующих 24-х часов».

При нашем утреннем свидании президент передал мне исправленный им мой проект, который мы приняли как базис для дискуссии. Единственное серьезное отличие от написанного мною было в пункте 4-м (доступ к сырью). Президент хотел вставить слова: «без дискриминации и на равных началах».

Он предложил сверх того еще два параграфа:

Шестое: они желают установления такого мира для полной безопасности в открытых морях и океанах.

Седьмое: они считают, что все нации мира должны быть направляемы в духе отказа от применения силы.

Всеобщий мир не может быть обеспечен, пока оружие — сухопутное, морское и воздушное — остается в руках наций, которые грозят, или могут грозить, применением его за пределами своих земель. Поэтому США и Британия считают необходимым разоружение таких наций; они будут и далее способствовать принятию всех иных практических мер, чтобы облегчить для миролюбивых народов тяжелое бремя вооружений».

Раньше, чем приступить к обсуждению этого документа, президент объяснил мне, что его идея — выпустить одновременно в Вашингтоне и в Лондоне, примерно 14 августа, краткое сообщение о том, что президент и премьер-министр имели совещание в океане, что их сопровождали члены обоих штабов, что премьер-министр выдвинул вопрос о помощи демократиям, в виде «акта о займе и найме» («ленд-лиз») и что это совещание на военные темы не влечет за собой никаких особых обязательств, не подлежащих утверждению Конгрессом. Далее, в сообщении говорилось бы, что премьер-министр и президент обсуждали некоторые принципиальные вопросы общего характера, о которых будет сказано в особом сообщении. Я возражал против подчеркивания факта отсутствия обязательств. Это было бы подхвачено Германией и послужило бы источником глубокого разочарования в нейтральных и побежденных государствах. Нам, в Англии, это тоже не понравилось бы. Поэтому я очень надеялся, что президент смог бы ограничиться в заявлении положительной частью его, где говорится о помощи демократиям, особенно ввиду того, что он

ссылается на «Ленд-лиз-акт». Президент согласился с этим.

Затем последовало детальное обсуждение исправленного текста декларации. Мы легко сошлись на нескольких незначительных поправках. Главные затруднения возникали по поводу параграфов 4 и 7, в особенности первого из них. Относительно этого пункта я сразу же заявил, что слова «без дискриминации» могут быть поняты, как отход от соглашений в Оттаве, и что я не мог этого принять.

Этот текст, конечно, должен быть передан на рассмотрение моему правительству, а если его редакция не будет изменена — то и правительствам доминионов. Я сильно сомневался, что он будет принят в такой форме. Сомнер Уэллс указал, что здесь самая суть дела и что этот параграф воплощал в себе тот идеал, к которому министерство иностранных дел стремилось за последние девять лет. Я не мог не упомянуть, что Британия в течение 80 лет твердо держалась принципа свободной торговли несмотря на то, что Америка все время повышала свои тарифы. Мы разрешали свободный ввоз во все наши колонии. Даже каботажное плавание вокруг Великобритании было свободно для наций всего мира. Все, что мы получили в обмен на это, было последовательное усиление американских протекционистских пошлин. М-р Уэллс, казалось, был слегка поражен. Тогда я сказал, что если вставить слова «с надлежащим соблюдением существующих обязательств», если слова «без дискриминации» исчезнут и слово «торговля» будет заменено словом «рынки», то я смогу отослать текст правительству Его Величества с некоторой надеждой на то, что оно найдет возможным принять его. Президент был, повидимому, убежден моими доводами. Он никогда более не возвращался к этому пункту.

Что касается общих фраз §7, то я указал, что, несмотря на то, что я принял этот текст, я предвижу, что общественное мнение Англии будет разочаровано отсутствием даже намека на создание после войны международной организации для охраны мира. Я обещал попытаться найти подходящее добавление и в тот же день я предложил президенту добавить ко второму предложению слова: «впредь до установления более широкой и постоянной системы гарантий общей безопасности».

**
**

В то же время между морскими и армейскими начальниками шли непрерывные совещания, в которых были достигнуты соглашения по целому ряду вопросов. Я обрисовал президенту опасность германского вторжения на Пиренейский полуостров и посвятил его в наш план занятия Канарских островов (так называемая «Операция Пилигрим») для предупреждения этого вторжения. Затем я сообщил Идену содержание нашей беседы.

«Премьер-министр — мин-ву иностранных дел. 11 авг. 41 г.

1. Президент получил письмо от д-ра Салазара, из которого ясно, что он смотрит на Азорские острова, как на убежище для него самого и для его правительства в случае германского вторжения в Португалию, и что вековой союз Португалии с Англией позволяет ему рассчитывать на покровительство Британии в течение его вынужденного пребывания на островах.

2. Если бы, однако, Британия была слишком занята в иных местах, то он охотно готов был бы принять помощь от США вместо Англии. Президент (США) расположен пойти навстречу этому обращению и хотел бы, чтобы Британия в вышеуказанном случае предложила д-ру Сала-

зару перенесение ответственности. Вышесказанное относится также к островам Зеленого Мыса.

3. Я сообщил президенту, что мы имеем ввиду операцию «Пилигрим»; что мы можем быть вынуждены действовать раньше, чем произойдет германское вторжение на полуостров и в это время мы будем крайне заняты. Я указал на то, что «Пилигрим» по всей вероятности — хотя не абсолютно наверно — вызовет кризис на полуострове и запросил президента, не явится ли наша акция «Пилигрим» препятствием для взятия им на себя ответственности, указанной в пункте 1. Президент ответил, что так как «Пилигрим» не затрагивает Португалии, то это никак не повлияет на его действия.

4. Он чувствовал бы себя вправе предпринять акцию, если бы португальские острова оказались под угрозой, и мы согласились, что они, конечно, были бы под угрозой, если бы «Пилигрим» был нами осуществлен, так как немцам нужно было бы во что бы то ни стало предупредить наш захват их.

5. При таких обстоятельствах он был бы, тем не менее, готов придти на помощь Португалии на атлантических островах и держал бы для этой цели крупные силы наготове.

Я показал это письмо президенту, который подтвердил правильность изложения фактов.

**
*

В тот же самый день мы занялись Дальним Востоком. Наложение нами экономических санкций (26 июля) вызвало шок в Токио. Пожалуй никто из нас тогда не подозревал, насколько эти санкции оказались действенными. Принц Коноэ немедленно попытался возобновить дипломатические переговоры и 6 августа адмирал Номура, японский специальный уполномоченный в Вашингтоне, предложил Государственному де-

партаменту*) проект общего урегулирования. Япония обязывалась не продвигаться далее в юго-восточной Азии и предлагала эвакуировать Индо-Китай в случае благоприятного разрешения «китайского инцидента» (так они называли свою шестилетнюю завоевательную войну в Китае). За это США должны были возобновить торговые сношения с Японией и помочь ей в получении всего сырья, в котором она нуждалась, с юго-западного побережья Тихого Океана. Это были красиво изложенные предложения, по которым Япония получала все, что она только могла в данное время, и сама ничего не давала в будущем. Без сомнения это было лучшее, что Коноэ мог выжать из своего кабинета. Наша конференция за круглым столом на «Августе» обошлась без долгих дебатов. Моя телеграмма, посланная после заседания Идену, дает полный отчет о всем деле:

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

11 авг. 41 г.

Положение с Японией следующее:

1. Президент недавно предложил Японии нейтрализацию Индо-Китая и Сиам под совместной гарантией США, Японии, Британии, Китая и др. Япония в своем ответе — он будет передан вам по кабелю полностью немедленно по отправке более срочных сообщений — соглашается в принципе воздержаться от вторжения в Сиам и увести свои войска из Индо-Китая, но ставит при этом несколько условий, в корне неприемлемых. Например: вывод войск состоится лишь после того, как «китайский инцидент» будет улажен, иными словами после подавления Чан Кай-ши и признания за Японией первенства в этих областях; затем требование, чтобы США воздержались от дальнейших военных приготовлений в этих районах; и, наконец, попытка отменить экономические санкции.

2. План президента заключается в следующем: вести переговоры об этих неприемлемых условиях и таким об-

*) Мин-во иностранных дел США.

разом создать себе мораториум, скажем на 30 дней, в течение которых мы можем укрепить нашу позицию в районе Сингапура, и японцы должны будут бездействовать. Но он хочет сделать это лишь при условии, что японцы не вторгнутся тем временем дальше и не обратят Индо-Китай в свою базу для наступления на Китай. Он будет также поддерживать в полной силе экономические меры, направленные против Японии. Эти переговоры имеют, повидимому, мало шансов на успех, но президент считает, что выигрыш месяца имеет большую цену. Я, конечно, заметил, что японцы перехитрят его и начнут наступление на Китай, или перережут пути сообщения с Бирмой. Однако вы можете не сомневаться, что они считают правильным начать переговоры на этих позициях и, ввиду того, что произошло между США и Японией, придется считаться с этим фактом.

3. Во время этих переговоров президент хотел бы возобновить свои предложения о нейтрализации Сиам, равно как и Индо-Китай.

4. В конце ноты, которую президент вручит японскому послу, когда он через неделю вернется из своей морской поездки, он добавит следующий пассаж, взятый из моего черновика:

«Всякое дальнейшее продвижение Японии на юго-западном побережье Тихого Океана создаст такое положение, что правительство США будет вынуждено принять контрмеры, даже если они поведут к войне между США и Японией».

Он хотел бы добавить к этому что-нибудь в том смысле, что поскольку СССР является дружественной державой, США были бы заинтересованы в подобном же конфликте на северо-западном побережье Тихого Океана.

5. Я думаю, что это совершенно правильно и что мы должны присоединиться к этому и постараться и голландцев привлечь к полному соглашению, так как японцы либо отвергнут условия, поставленные президентом, а именно: продолжение экономических санкций и никаких продвижений Японии, никакого вторжения в Сиама — либо же они будут продолжать свои военные мероприятия, и в то же время их дипломаты будут лгать, отрицая их активность.

В этом случае условия, указанные в § 4-м для конечной стадии, вступят в игру с огромной силой, и может быть достигнут полный эффект параллельных деклараций. Советское правительство тоже надо держать в курсе дела. Было бы рискованно сообщать китайцам о том, что мы для них делаем, хотя можно заверить их в общих выражениях, что во всех наших акциях мы всегда имели ввиду их безопасность.

6. При соблюдении этих условий я полагаю, что мы можем принять намеченную линию поведения и что ее надо сообщить Доминионам и показать им, что она является лучшим способом сдержать агрессию Японии соединенными силами».

**
*

М-ру Эттли я послал исчерпывающую сводку всех главных пунктов обсуждения:

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 11 авг. 41 г.

1. Достигнуто удовлетворительное разрешение Морского Плана № 4 (военный флот США берет на себя линию Америка-Исландия в Атлантическом Океане).

2. Президент готов предпринять весьма полезную акцию, параллельную или вытекающую из операции «Пилигрим».

3. Он намерен обратиться к Японии с предложением моратория, примерно на месяц, в течение которого Япония не будет производить военных передвижений в Индо-Китае и вторжения в Сям. Он согласился закончить свое сообщение очень строгим предупреждением, которое я набросал...

4. Президент хочет обнародовать в ближайший удобный момент, вероятно 14-го или 15-го августа, совместную декларацию, подписанную им и мною — по поручению Правительства Его Величества — об общих принципах, которые воодушевляют США и Великобританию в эту благоприятную минуту. Я посылаю вам в приложении его проект декларации, который, как вы увидите, не свободен от

недостатков, свойственных всем подобным декларациям. 4-й пункт её очевидно придётся исправить, чтобы соблюсти обязательства, принятые нами на себя в Оттаве, и не нанести в будущем ущерба имперским таможенным льготам. Этот пункт мог бы найти себе место после войны в общем экономическом уложении, вместе с радикальным понижением тарифов и упразднением барьеров для торговли во всём мире. Но мы не можем ввести его сейчас. Я не сомневаюсь что президент, ради ускорения всей процедуры, примет наши поправки. 7-й параграф наиболее замечателен своим реализмом. Президент без сомнения предусматривает разоружение виновных наций и одновременно сохранение сильного вооружения Британии и Америки, как на море, так и в воздухе, на долгий, неопределённый период времени.

Учитывая наши взгляды на Лигу Наций и на другие международные организации, я предложил бы следующую вставку после слова «существенный»: «впредь до установления широкой и более постоянной системы гарантий общей безопасности».

Ему это не очень понравится, но он придаёт такое значение этой «Совместной Декларации», которая, по его убеждению, увлечет всё общественное мнение США, что я надеюсь, он согласится.

С нашей стороны было бы крайне неблагоприятно создавать тут излишние затруднения. Мы должны смотреть на этот акт, как на временное и частичное заявление о целях войны, задачей которого является убедить все страны в наших справедливых стремлениях, а вовсе не как на законченную формулу — её мы создадим после нашей победы.

Пожалуйста созовите полный Военный Кабинет — пригласив еще и других, кого вы найдете нужным — на сегодняшний вечер и сообщите мне ваши соображения без малейшей задержки. Одновременно вам посылается полный отчет по другому делу, вместе с рапортом Кадогана о разговоре. Я боюсь, что президент будет очень расстроен, если совместной декларации не получится, и от этого могут пострадать интересы первостепенной важности. Я намеревался уехать 12-го после полудня, но теперь мы оба отложили отъезд на 24 часа».

Я закончил диктовать свои телеграммы около 2 часов дня и тот факт, что через 12 часов я должен был

иметь в руках в высшей степени ценный ответ Военного Кабинета, наполнял меня радостным волнением. Позднее я узнал, что мои телеграммы дошли в Лондон только после полуночи, и что многие из министров уже легли спать. Тем не менее Военный Кабинет был созван в 1.45 ночи и заседание началось в полном составе, включая м-ра П. Фрэзера, премьер-министра Новой Зеландии, который был в то время в Англии. В результате обсуждения они отправили мне телеграмму после 4 ч. утра, приветствуя проект и предлагая новую версию параграфа 4-го (без дискриминации в мировой торговле), а также новый параграф о социальном обеспечении. Между тем я узнал, что президент принял все поправки, которые были мною предложены 11 августа.

**
*

12 августа, около полудня, я пришел к президенту, чтобы договориться об окончательном тексте Декларации. Я предложил ему измененную Кабинетом версию параграфа 4, но он предпочел остаться при старой, нами уже принятой, и я не настаивал более на этом пункте. Он охотно принял вставку нового параграфа о социальном обеспечении, предложенного Кабинетом. Мы внесли ещё несколько стилистических поправок и декларация приняла свою окончательную форму:

СОВМЕСТНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

12 августа 1941 г.

Президент Соединенных Штатов Америки и премьер-министр В. Черчилль, представляющий Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, сой-

дьясь вместе, полагают нужным провозгласить некоторые общие принципы государственной политики их стран, на которых они основывают свои надежды на лучшее будущее мира.

1. Их страны не стремятся к расширению, территориальному или иному.
2. Они не желают видеть территориальных изменений, не согласованных со свободно выраженной волей затронутых этим народов.
3. Они признают за всеми народами право выбирать себе ту форму правления, под которой они будут жить; и они желают, чтобы суверенные права и самоуправление были возвращены тем, кто был насильственно лишен их.
4. Они будут стараться — с должным уважением к их существующим обязательствам — обеспечить всем государствам, крупным и малым, победителям и побежденным, доступ на равных правах к хозяйственной деятельности и к мировым запасам сырья, необходимым для их экономического благополучия.
5. Они стремятся к достижению самого полного сотрудничества всех наций в экономической области с целью обеспечить для всех наилучшие условия труда, экономический прогресс и социальное обеспечение.
6. Они надеются после конечного свержения нацистской тирании увидеть прочный мир, который позволит всем народам жить в безопасности в собственных границах и создаст уверенность, что все люди во всех странах могут проводить свою жизнь в свободе от страха и нужды.
7. Такой мир даст возможность всем людям беспрепятственно пересекать моря и океаны.

8. Они верят, что все народы мира должны — как по практическим, так и по идейным соображениям — прийти к отказу от применения силы. Так как будущий мир не может быть прочным, пока нации, которые угрожают или могут угрожать вторжением в чужие пределы, будут располагать наземным, морским и воздушным оружием, то они (США и Британия) считают, что — впредь до установления широкой и постоянной системы всеобщей безопасности — разоружение подобных наций является необходимым. Они будут также поощрять и поддерживать все другие практические меры, которые смогут облегчить миролюбивым народам давящее их бремя вооружений.

Лишь после этого я получил телеграмму, сообщающую о результатах следующего заседания Кабинета, утром 12 августа. Телеграмма объясняла причины опасений Кабинета по поводу § 4-го. Но я чувствовал, что окончательный текст со словами «с должным уважением к их существующим обязательствам», в которых была вся суть этого параграфа, достаточно охраняет нашу позицию.

Глубокое и чреватое последствиями значение этой совместной декларации было очевидно. Уже самый тот факт, что США, до сих пор фактически нейтральные, присоединились к воюющей державе в такой декларации, был поразителен. Включение в неё слов о «конечном свержении нацистской тирании» (заимствованных из моего первоначального наброска) звучало как вызов, обычно означающий вступление в войну. И наконец не менее поразительным был реализм последнего параграфа, где было ясное и смелое указание на то, что после войны США присоединятся к нам в установлении в мире лучшего порядка.

Президент и я составили также вместе послание Сталину.

«Мы пользуемся случаем рассмотрения нами доклада м-ра Гарри Гопкинса по его возвращении из Москвы, чтобы совместно с вами обсудить вопрос: как наши две страны могли бы лучше всего помочь вашей стране в ее блестящей обороне против нападения нацистов. В настоящий момент мы стараемся общими силами доставить вам максимум снабжения, в котором вы наиболее нуждаетесь. Уже целый ряд судов оставил наши берега и еще большее число их отправится к вам в ближайшем будущем.

Мы должны теперь перенести наше внимание на обсуждение политики более дальнего действия, так как нам предстоит еще долгий и трудный путь, прежде чем мы сможем одержать полную победу, без которой все наши усилия и жертвы были бы напрасны.

Война идет уже на многих фронтах и, быть может, еще и новые фронты возникнут прежде, чем она закончится. Наши ресурсы, хотя и громадны, однако все же ограничены, и встает вопрос — где и когда эти ресурсы могут быть использованы наилучшим образом для достижения максимального общего успеха. Это в равной степени относится как к предметам военного снабжения, так и к сырью.

Потребности и нужды ваших и наших вооруженных сил могут быть определены только после полного ознакомления со многими факторами, которые должны быть приняты во внимание для наших решений. Для того, чтобы быть в состоянии быстро принимать решения по распределению наших общих запасов, мы предлагаем устроить общее совещание в Москве, куда мы послали бы своих полномочных представителей для обсуждения этих вопросов непосредственно с вами. Если такое совещание подходит вам, то мы обещаем впредь до этой конференции попрежнему посылать вам снабжение и материалы так быстро, как только возможно.

Мы вполне учитываем, какое решающее значение для поражения гитлеризма имеет храброе и стойкое сопротивление Советского Союза, и мы поэтому чувствуем, что мы при любых обстоятельствах должны действовать быстро и

немедленно в деле планирования будущего распределения наших объединенных ресурсов».

**
*

Лорд Бивербрук охотно принял мое приглашение, которое я послал ему из моего заграничного путешествия. В то же время мне был нужен и м-р Пёрвис, который во всяком случае возвращался в Вашингтон. Я рассудил, что комбинация из Бивербрука и Пёрвиса — который во многих отношениях представлял Канаду — даст нам наилучшую возможность справиться с трудной задачей распределения снабжения между Великобританией и Советской Россией, желательного и неизбежного. Я также надеялся, что Бивербрук сможет прищипорить и повысить размах всего производства Америки. В ожидании их приезда я набросал текст меморандума.

Бивербрук и Пёрвис вылетели из Прествика на разных аэропланах почти в одно и то же время и мы не знали, кто на каком аэроплане летит. Бивербрук спустился благополучно на Ньюфаундлендском аэродроме и прибыл ко мне после долгого путешествия поездом утром 12 августа. Пёрвис и все, кто был с ним, погибли в одной из этих нелепых воздушных катастроф — их аэроплан через несколько минут после старта налетел на невысокую гору. Смерть Пёрвиса была тяжелой потерей — он держал в своих руках много нитей, связывавших британские, американские и канадские интересы и умело управлял ими, достигая гармонического сочетания. Когда Бивербрук прибыл, я сообщил ему эту потрясающую новость. Он принял ее молча, без комментариев. Это было военное время,

**
*

Нижеследующая телеграмма подводит итоги нашей заключительной конференции.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 12 авг. 41 г.

1. Передайте мою благодарность Кабинету за поразительно быстрый ответ. Я предложил вашу альтернативу § 4-го президенту, но он предпочел остаться при той редакции, на которой мы уже согласились. Я лично не вижу большой разницы. Фраза о «соблюдении существующих обязательств» охраняет наши отношения с Доминионами. Нам не приходится опасаться конкуренции дешевой рабочей силы, так как за всеми странами остается право сохранять старые или устанавливать новые государственные тарифы, как им заблагорассудится, впредь до изыскания лучших решений.

2. Президент охотно принял ваш новый § 5, но вы увидите, что упоминание о «нужде» перенесено туда, куда президент с самого начала хотел его поместить, то есть в конец § 6. Добавлены кое-какие цветы красноречия, не изменяющие содержания.

3. Мы подчеркнули предостережение по адресу Японии, которое является главной целью послания президента. Мы все время боялись, что Государственный департамент (Минво иностранных дел) попытается смягчить его; но Президент категорически обещал выдержать твердый тон речи.

4. Вступление России, как желанного гостя за скудным столом, и необходимость в новых дополнительных программах, как для нас самих, так и для США, настоятельно требуют ревизии и расширения продукции США. Президент предполагает просто испросить у Конгресса еще 5 миллиардов долларов в счет «ленд-лиза». Президент одобряет прибытие Бивербрука в Вашингтон и я уверен, что это был необходимый практический шаг. Просмотрите также послание Рузвельта-Черчилля дорогому «старому Джо». Я думаю, что они пошлют Гарримана в качестве своего представителя, и я бы предложил, чтобы Бивербрук ехал от нас в Москву, или туда, где находится русское правительство. Мы бы хотели, чтобы конференция в России началась не раньше конца сентября, когда, я надеюсь, мы будем знать, где будет проходить русский фронт к началу зимы.

5. Они посылают нам немедленно еще 150.000 винтовок, а я думаю о том, как лучше распределить тяжелые бомбовозы и танки. Я надеюсь, что они возьмут перевозку морем на себя и дадут своих пилотов для доставки бомбовозов в Англию и в Западную Африку. Пилоты могли бы потом остаться у нас, как тренеры.

6. Быстрота вашего ответа дала мне возможность отправиться в обратный путь сегодня, 12-го. Президент шлет с нами отряд американских истребителей, не как почетный эскорт, но как боевую силу на случай, если что-нибудь произойдет. Франклин Рузвельт младший служит на одном из них и он назначен офицером для связи при мне в течение моего пребывания в Исландии (С)*), где будет произведен общий смотр Британских и Американских сил.

7. Лорд Бивербрук сейчас летит вместе с Гарриманом в США.

8. Я надеюсь, что мои коллеги убедятся, что моя миссия была плодотворна. Я уверен, что мне удалось установить теплые и глубокие личные отношения с нашим великим другом».

Перед возвращением домой я получил поздравительную телеграмму от Короля. Во время пути я ответил на нее, и на прочие телеграммы.

«Премьер-министр — Его Величеству королю. 13 авг. 41 г.

Очень благодарен Вашему Величеству за добрые пожелания. Лорд хранитель печати представит на рассмотрение полный текст всех телеграмм, занесенных в протокол. Я установил самые сердечные отношения с президентом и надеюсь, что Ваше Величество убедится, что результаты оправдывают нашу миссию. Президент передал мне личное письмо, которое я надеюсь вручить вам за завтраком на дневном приеме во вторник, 19 августа».

И м-ру Эттли, который телеграфировал мне от имени Кабинета:

*) Во избежание смешения с Ирландией я предписал обозначать Исландию, как Исландия (С). Это было необходимо.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 13 авг. 41 г.

1. Большое спасибо за ваше милое письмо. Я в восторге, что вы лично огласите в радио заявление и декларацию. Пожалуйста сделайте ясное разграничение между вступительным заявлением и самой декларацией, вставив слова: «Я сейчас прочту точный текст Совместной Декларации». Я полагаю, что от меня не требуется никаких комментариев, так как заявление само даёт достаточно пищи газетам. Я, может быть, выступлю по радио в воскресенье вечером по моем возвращении, когда реакция в США на нашу встречу и совместную декларацию будет уже известна.

Все необходимые указания могут быть даны прессе конфиденциально, но они, конечно, увидят, что Совместная Декларация, провозглашающая конечное свержение нацистской власти и разоружение агрессивных наций, в то время как Британия и США остаются вооруженными, представляет собой событие огромной важности. Хорошо было бы, если бы этот факт в должной мере проник в сознание как друзей, так и врагов.

2. К вашему сведению, но совершенно секретно, — президент остается в океане до конца недели с тем, чтобы замаскировать мой отъезд. Я говорил ему, что это излишне, но он настоял на своем.

3. Крайне интересно знать, как все это будет принято.

4. Я с большим удовольствием прочел ваше превосходное заявление в конце заседания».

Следующее письмо я послал м-ру Мензису, премьер-министру Австралии:

15 авг. 41 г.

«Вы без сомнения читали каблогаммы о встрече в Атлантическом океане. Я надеюсь, что вы одобряете ее результаты. Президент обещал мне объявить предостережение Японии в выработанной нами совместно форме. Теперь, когда мы знаем, что это сделано, нам надо примкнуть к нему и дать понять, что если Япония вступит в войну с США, то она очутится в войне также с Великобританией и Британским Содружеством Наций. Я как раз занят оформле-

нием этого с Иденом и вы получите указания обычным путем. Обратите внимание, что предупреждение президента относится также к нападению на Россию, так что Сталин, может быть, присоединится тоже, и, конечно, также и Голландия. Если удастся установить этот объединенный фронт, включая Китай, то я уверен, что Япония на некоторое время будет вести себя смирно. Однако для этого необходимо говорить с ней самым твердым языком и иметь внушительные аргументы.

2. Военный флот США принимает на себя охрану линии Америка-Исландия и этим сберегает нам свыше 50 контрминоносцев и корветов, которые вскоре будут переведены в территориальные воды и в южную часть Атлантики».

Переход в Исландию был спокойным, хотя в одном месте пришлось изменить курс, так как было сообщено о появлении невдалеке подводных лодок. В наш эскорт входили два истребителя США, на одном из которых был младший лейтенант Франклин Д. Рузвельт, сын президента. 15-го августа мы встретили возвращающийся в США смешанный караван из 73 судов, в полном порядке и в отличном состоянии после благополучного плавания через Атлантический океан. Это было ободряющее зрелище и суда каравана тоже любовались видом «Принца Уэльского».

Мы приплыли в Исландию в субботу утром 16-го августа и бросили якорь в Хвалс-фиорде, откуда мы достигли Рейкьявика на миноносце. По прибытии в порт меня горячо приветствовала многочисленная и шумная толпа; эти приветствия и клики повторялись каждый раз при нашем появлении и достигли апогея при нашем отъезде после полудня, вылившись в сцену такого энтузиазма, какой, я уверен, редко видели улицы Рейкьявика.

После короткого визита в Альтхингисхуз, где мы засвидетельствовали свое почтение Регенту и членам исландского Кабинета, я проследовал на смотр соеди-

ненных британских и американских сил. Было долгое прохождение войск рядами по три, под звуки марша «Моряки США», звуки которого так глубоко запали мне в память, что я долго не мог от них освободиться.

Я успел осмотреть новые аэродромы, построенные нами, а также посетить замечательные горячие ключи и оранжереи, отапливаемые ими. Мне тут же пришла в голову мысль, что они могли бы также отапливать и весь Рейкьявик, и я старался дать ход этому плану еще во время войны. Я рад, что теперь этот план осуществлен. Во время парада, который я принимал, сын президента стоял рядом с мной; парад этот был блестящей демонстрацией англо-американской солидарности.

По возвращении в Хвалс-фиорд я посетил наш линейный корабль «Рамильес» и произнес речь перед представителями команд британских и американских судов, стоявших на якоре, включая минные истребители «Гекла» и «Черчилль».

С наступлением темноты, после этих долгих и утомительных церемоний, мы отплыли в Скапа-Флоу, куда мы прибыли без всяких происшествий утром 18 августа; и на следующий день мы вернулись, наконец, в Лондон.

5.

НАША ПОМОЩЬ РОССИИ

Два месяца шла уже война на русском фронте и германская армия успела нанести страшные удары. Но теперь показывалась оборотная сторона дела. Несмотря на страшные потери, русское сопротивление оставалось упорным и непреклонным. Русские солдаты дрались до последней капли крови, их армии приобретали опыт и умение. Партизаны появлялись в тылу германского фронта, перерезали пути сообщения и вели беспощадную войну. Захваченная русская железнодорожная сеть оказывалась недостаточной; грунтовые дороги приходили в негодность по проезде тяжелых машин и от дождей становились непроезжими. Транспортные средства вскоре были изношены. Всего лишь три месяца оставалось до прихода суровой русской зимы. Могла ли Москва быть взята за это время? И если да, то достаточно ли было этого для победы? Здесь был роковой вопрос. Хотя взятие Киева и ободрило Гитлера, однако немецкие генералы предчувствовали, что их первоначальные опасения оправдаются. Они опаздывали уже на 4 недели именно на том участке фронта, который теперь становился решающим. Задача «уничтожения неприятельских сил в Белоруссии», поставленная центральной армейской группой, до сих пор еще не была выполнена.

Но поскольку надвигалась осень, а с нею и глущайший кризис русского фронта, советские просьбы к нам о помощи становились все более настойчивыми.

Лорд Бивербрук вернулся из США. Ему удалось там привести в движение уже значительные силы и добиться огромного подъема продукции. Теперь он стал в Военном Кабинете главным агитатором за помощь России. В этом деле он оказал ценные услуги. Надо припомнить то бремя, которое ложилось на нас в виде подготовки войны в Ливийской пустыне; надо вспомнить глубокую тревогу, которую внушала нам Япония в связи со всеми нашими делами в Малайе и на Дальнем Востоке, и надо учесть, что все, посылаемое нами в Россию, приходилось урывать от наших собственных насущных нужд; и тогда нам станет ясным, что обращения и настояния русских нуждались в энергичной поддержке на самом верху, в решающей инстанции.

Я старался соблюдать общую пропорцию, как она представлялась мне, и мои коллеги поступали так же. Это было неприятное балансирование: рисковать все время собственной безопасностью и своими планами ради помощи нашему новому союзнику — самоуверенному, угрюмому, жадному и еще так недавно безразличному к нашей судьбе.

На пути домой из Исландии я пришел к заключению, что когда Бивербрук и Гарриман вернутся из Вашингтона, и мы сможем составить общую картину нашего вооружения и снабжения, то им надо будет поехать в Москву и там предложить все, что мы можем без риска для себя уделить им. У нас шли долгие и упорные дискуссии по поводу деталей нашего совместного предложения от 12 августа. Отделы военного снабжения чувствовали себя так, как если бы с них живьем сдирали кожу. Тем не менее мы собрали, что было в наших, силах, согласились на то, чтобы американцы иначе распорядились тем, что мы так до-

бивались для себя, для того, чтобы как можно лучше подкрепить сопротивление Советского Союза. 28 августа я внес в Кабинет предложение о посылке лорда Бивербрука в Москву. Кабинет охотно согласился с тем, чтобы он представлял эту акцию у Сталина, а президент Рузвельт был вполне удовлетворен тем, что его будет представлять в Москве Гарриман.

Я поэтому послал извещение лорду Бивербруку.

«Премьер-министр — лорду Бивербруку. 30 авг. 41 г.

Я хочу, чтобы вы поехали в Москву вместе с мр. Гарриманом с тем, чтобы наладить там регулярное снабжение русских армий. Это может быть достигнуто почти целиком из американских ресурсов, хотя у нас есть своя резина, обувь и т. п.. В США будут созданы новые крупные учреждения и предприятия. Размеры снабжения будут конечно ограничены малым числом доступных портов назначения и недостатком тоннажа. Если однокольная железная дорога из Басры к Каспийскому морю будет к весне перешита на две колеи, то она станет важным транзитным путем. Наш долг и наш интерес — оказать самую широкую помощь русским, даже за счёт серьезных жертв с нашей стороны. Однако широкий поток снабжения может начаться лишь с середины или с конца 1942, а в полном размере согласно плана — лишь в 1943. Ваши функции будут состоять не только в содействии при составлении плана помощи России, но и в том, чтобы не допустить нас обескровить самих себя этой помощью; и даже если вы дадите увлечь себя находясь в русской атмосфере, я останусь здесь совершенно непреклонен в этом. Я уверен, однако, что вы подходящий человек для этого дела и общественное мнение уже подтвердило это.

Решение послать Гарримана означает, что Гопкинс чувствует себя недостаточно хорошо, чтобы ехать самому. Сейчас нет смысла посылать Идена.

Что касается сроков, то тут мы в руках американцев; но мы должны действовать в духе взаимного доверия и не давать никому повода сказать, что мы дурачим русских или играем на отсрочку. Нужно будет установить день для кон-

ференции в ближайшее время. Я думаю, что две недели позже или раньше — не составляет разницы, так как 90% ее работы будет падать на долговременные проекты.

Как введение в эту миссию, я обрисовал положение в общих чертах в письме к Сталину.

29 авг. 41 г.

«1. Я искал путей для оказания вам помощи в вашем блестящем сопротивлении впредь до установления долговременного порядка, который мы обсуждаем с США, и который явится темой Московской конференции. Майский заявил, что истребительная авиация вам особенно необходима ввиду тяжелых потерь. Мы отправляем вам 200 Томагавков, о которых я вам телеграфировал последний раз. Две наши эскадрильи прилетят в Мурманск около 6 сентября, в составе 40 Ураганов. Вы поймете, без сомнения, что истребительная авиация составляет основу нашей территориальной обороны; помимо того мы стремимся достичь превосходства в воздухе в Ливии, а также хотим помочь Турции, чтобы привлечь ее на нашу сторону. Тем не менее я мог бы послать вам еще 200 Ураганов — что составит в общем 445 — если ваши пилоты могут использовать их продуктивно. Это были бы 8-ми и 12-ти пулеметные «Ураганы», которые показали себя превосходными в действии. Мы могли бы послать 100 немедленно и две партии по 50 позднее — включая механиков, инструкторов, запасные части и оборудование — в Архангельск. В то же время там могло бы быть проведено первое ознакомление ваших пилотов и механиков с новыми типами машин, если вы пошлете их в воздушные эскадрильи в Мурманске. Если вы считаете, что это могло бы быть вам полезным, то мы сделаем необходимые распоряжения и полный технический меморандум будет передан вам по телеграфу нашей Военно-воздушной миссией.

2. Известие, что персы решили прекратить сопротивление, крайне приятно. Цель нашего проникновения в Персию была не столько охрана нефтяных приисков, сколько установление второго пути к вам, который не мог бы быть перерезан. С этой целью мы должны построить железную дорогу от Персидского залива к Каспийскому морю и обеспе-

чить бесперебойное движение по ней доставкой специальных железнодорожных материалов из Индии. Наш министр иностранных дел передал Майскому для вас текст условий, которые мы хотели бы заключить с Персидским правительством с тем, чтобы иметь дело с дружественным народом и не быть вынужденными держать несколько дивизий для охраны жел.дор. линии. Провиант будет посылаться из Индии и, если персы подчинятся, мы снова будем платить им арендную плату за разработку нефти, которая теперь причитается шаху. Мы даем инструкции нашим авангардам продвигнуться вперед и войти в контакт с вашими силами в пункте, намеченном военным командованием, где-нибудь между Хамаданом и Казвином. Хорошо было бы известить мир о том, что британские и русские силы фактически уже соединились. С нашей точки зрения было бы лучше в данный момент как нам, так и вам, не вводить в Тегеран военной силы, так как все, чего мы хотим, это свободный проход. Мы устраиваем крупную базу в Басре и мы намерены сделать из нее благоустроенный порт для прибывающего из Америки снабжения, которое сможет отсюда доставляться к Каспийскому морю и в район Волги.

3. Я должен снова выразить от имени британской нации восхищение замечательной борьбой русских армий и русского народа с нацистскими преступниками. Генерал Макфэрлейн был совершенно потрясен всем, что он видел на фронте. Нам предстоит пережить еще очень тяжелое время, но и у Гитлера будет невеселая зима под нашими все возрастающими бомбёжками с воздуха. Твердое предостережение Вашего превосходительства Японии по поводу доставки снабжения через Владивосток было мне очень приятно. Президент Рузвельт, повидимому, намерен принять строгие меры против дальнейшей агрессии Японии, как на юге, так и в северо-западной части Тихого Океана, и я поспешил заявить, что мы присоединимся к нему в случае войны. Я очень хотел бы сделать для Чан Кай-ши больше, чем мы до сих пор могли себе это позволить. Мы не хотим войны с Японией и я уверен, что лучший способ предупредить ее — это поставить людей нерешительных и неуверенных в себе перед перспективой тяжелых осложнений».

Вечером 4 сентября Майский приехал ко мне, что-

бы вручить мне ответ Сталина. Это было первое личное письмо его с июля месяца.

«Премьер Сталин — премьер-министру. 4 сен. 41 г.

Я приношу благодарность за обещание продать*) Советскому Союзу дальнейшие 200 самолетов-истребителей в дополнение к 200-м ранее обещанным. Я не сомневаюсь, что советские лётчики сумеют справиться с ними.

Я должен, однако, сказать, что эти самолеты — которые, повидимому, не могут быть пущены в дело вскоре и все одновременно, но в разное время и группами — не в состоянии будут произвести существенных перемен на Восточном фронте. Они не смогут произвести таких перемен не только вследствие широкого размаха, в каком ведется война, требующая непрерывного пополнения самолетов в больших количествах, но главным образом потому, что общее положение советских сил за последние три недели значительно ухудшилось в таких важных районах, как Украина и Ленинград.

В действительности, относительная стабилизация фронта, которой нам удалось достигнуть около 3-х недель тому назад, была утрачена за последнюю неделю благодаря переброске на Восточный фронт от 30 до 34 свежих германских пехотных дивизий и огромного количества танков и воздушных сил, а также и усиленной деятельности 20 финских и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе за блеф и перебрасывают все свои силы на восток безнаказанно, в полной уверенности, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Германия считает вполне возможным разбить своих неприятелей по одиночке: сперва Россию, потом Англию.

В результате мы потеряли более половины Украины и вдобавок неприятель стоит у ворот Ленинграда.

Эти обстоятельства привели к потере нами Криворожского бассейна железной руды и ряда металлургических заводов на Украине; мы эвакуировали алюминиевые заводы из Днепропетровска и из Тихвина, автомобильные и аэропланнные заводы с Украины и из Ленинграда; и эти заводы

*) В подлиннике курсивом.

не могут быть пущены в ход на новых местах раньше семи, восьми месяцев.

Этим наша оборонная мощь была ослаблена и Советский Союз стоит сейчас перед смертельной угрозой. Встает вопрос — как выйти из этого, более чем неблагоприятного положения?

Я думаю, что есть только один выход: создание еще в текущем году второго фронта, где-нибудь на Балканах или во Франции, способного оттянуть от Восточного фронта от 30 до 40 дивизий; и в то же время доставка Советскому Союзу 30.000 тонн алюминия к началу октября этого года и ежемесячная помощь ему в размере минимум 400 самолетов и 500 танков (малого или среднего размера).

Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен в такой мере, что потеряет надолго способность оказывать содействие своим союзникам активными операциями на фронтах борьбы против гитлеризма.

Я понимаю, что это письмо может привести в ужас Ваше превосходительство. Но что же делать? Жизненный опыт научил меня смотреть фактам прямо в лицо, как бы жестоки они ни были, и не бояться говорить правду, как бы неприятна она ни была. В Персии дело действительно обернулось к лучшему. Совместные операции британских и советских сил привели к успеху. Так будет и в будущем до тех пор, пока наши силы будут действовать вместе. Но Персия это только эпизод. Исход войны будет решен конечно не в Персии.

Советский Союз, как и Англия, не желает войны с Японией. Советский Союз не считает возможным нарушать соглашения, включая и его договор о нейтралитете с Японией. Но если Япония нарушит это соглашение и нападет на Советский Союз, она получит должный отпор со стороны советских сил.

В заключение разрешите мне поблагодарить вас за то восхищение, которое вы выразили по поводу действий советских сил, ведущих кровавую войну с разбойничьими ордами гитлеровских бандитов, войну за наше общее дело освобождения».

Советский посол, пришедший ко мне в сопровождении мр. Идена, говорил со мной в течение полутора часов. Он горько жаловался на то, что за последние 11 недель Россия выносила всю тяжесть германского напора фактически одна. Русские армии должны были отбивать небывалые по силе атаки. Посол сказал, что он не хотел бы прибегать к драматическим выражениям, но данный момент может действительно стать поворотным пунктом истории. Если Советская Россия будет разбита, то как сможем мы выиграть войну? Майский обрисовывал крайнюю серьезность кризиса на русском фронте острыми словами, которые внушали мне симпатию. Но теперь я почувствовал скрытую угрозу в его словах и я был раздражен. Я сказал послу, которого я знал в течение многих лет: «вспомните, что только 4 месяца тому назад мы на нашем Острове еще не знали, не встанете ли вы на сторону Германии против нас! В самом деле, мы считали это вполне вероятным. Но даже и тогда мы были уверены, что в конечном счете мы победим. Мы никогда не считали, что наша судьба зависит каким-либо образом от вашего поведения. Что бы ни случилось, что бы вы не делали, но уж вы-то меньше, чем кто-либо, имеете право делать нам упреки». Так как я вспылil не на шутку, то посол воскликнул: «Успокойтесь, пожалуйста, мой дорогой м-р Черчилль!» Но после этого он заметно сбавил тон.

Дискуссия шла на тему, уже затронутую в обмене телеграммами. Посол просил о немедленной высадке на берегах Франции или Голландии. Я разъяснил ему военные доводы, в силу которых это было невозможно и бесполезно, т. к. не могло помочь России. Я сказал, что я провел недавно 5 часов, исследуя с нашими

экспертами способы повышения провозоспособности Транс-Персидской железной дороги. Я говорил ему о миссии Бивербрука-Гарримана и о нашем решении послать им все запасы снабжения, какие мы сможем сэкономить и подвезти. Наконец, м-р Иден и я сказали ему, что мы готовы дать понять финнам, что мы объявим им войну, если они начнут наступление на Россию, перейдя границы 1918 года. Майский, однако, продолжал настаивать на немедленном создании второго фронта. Продолжать спор было бесполезно.

**

Я тотчас же ознакомил Кабинет с содержанием этого разговора и с письмом Сталина; и в тот же вечер я послал Сталину ответ.

«Премьер-министр — г-ну Сталину.

4 сент. 41 г.

1. Я отвечаю немедленно по сути вашего письма. Как ни хотим мы вам помочь, однако фактически никакая британская акция на Западе невозможна для отвлечения германских сил с Востока — кроме воздушной — до наступления зимы. На Балканах нет никаких шансов создать второй фронт без помощи Турции. Если ваше превосходительство желает, я перечислю вам все доводы, которые привели наших Начальников Штабов к этим заключениям. Эти доводы были уже обсуждены сегодня в совещании при участии вашего посла, нашего министра иностранных дел и Начальников Штабов. Операции, хотя бы и прекрасно задуманные, но кончающиеся неудачей, не могут помочь никому, кроме Гитлера.

2. Информации, которыми я располагаю, создают впечатление, что предельная ярость германских атак уже пройдена и что зима принесет передышку вашим героическим армиям. Это, впрочем, мое личное мнение.

3. О снабжении. Нам хорошо известны тяжелые потери, понесенные русской индустрией, и мы делаем и будем де-

лать все, что можем, чтобы помочь вам. Я телеграфирую президенту Рузвельту, чтобы он ускорил отправку сюда в Лондон миссии м-ра Гарримана, и мы постараемся еще до московской конференции сообщить вам число аэропланов и танков, которые мы совместно можем обещать посылать вам ежемесячно, вместе с резиной, алюминием, одеждой и т. под. С нашей стороны, мы сейчас готовы послать вам из запасов нашего британского производства половину просимой вами месячной квоты аэропланов и танков. Мы надеемся, что США доставят вам вторую половину вашей квоты. Мы приложим все старания к тому, чтобы немедленно же начать регулярное снабжение вас.

4. Мы уже отдали приказание о снабжении Персидской железной дороги подвижным составом с тем, чтобы поднять ее сегодняшнюю провозоспособность с двух поездов в сутки в каждом направлении до полной провозоспособности, то есть до 12 поездов в сутки в каждом направлении. Эта норма будет достигнута к весне 1942 путем постепенного повышения. Паровозы и подвижной состав будут посланы из Англии кругом Африки после переделки их на нефтяное отопление и после того, как будет налажено водоснабжение всей дороги. Первые 48 паровозов и 400 стальных вагонов уже готовы к отправке.

5. Мы готовы составить с вами теперь же общие планы. Будут ли британские армии в 1942 достаточно сильны для высадки на материке Европы — это будет зависеть от непредвиденных обстоятельств. Однако можно будет помочь вам на крайнем севере, когда будет темнее. Мы надеемся довести наши армии на Среднем Востоке до трех четвертей миллиона к концу этого года и до миллиона к лету 1942. Как только германо-итальянские силы в Ливии будут уничтожены, все эти наши армии могут быть посланы на подкрепление вашего южного фланга и мы надеемся, что это побудит турок соблюсти по крайней мере верный нейтралитет. Тем временем мы будем продолжать громить немцев с воздуха со все возрастающей силой, очищать от них моря, и таким путем сохраним себя в живых.

6. В вашем первом параграфе вы употребили слово «продать». Мы не смотрели на дело таким образом и никогда не помышляли о платеже. Всякая помощь, какую мы можем оказать вам, будет основана скорее на той же самой базе

товарищества, как и американский «ленд-лиз акт», расплата по которому не мыслится в виде денег.

7. Мы намерены оказать на Финляндию все давление, какое только в наших силах, включая немедленное предупреждение ей, что мы объявим ей войну, если она преступит старые границы. Мы обращаемся к США с просьбой принять все возможные меры к тому, чтобы повлиять на Финляндию».

Я считал это дело столь важным, что одновременно послал президенту следующую телеграмму, пока впечатление еще было свежо в моей памяти:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 5 сент. 41 г.

Вчера вечером советский посол привез мне и Идену прилагаемое послание и говорил в туманных выражениях о серьезности положения и о решающем значении, которое придется нашему ответу. Хотя ничто в его словах не подтверждало этого предположения, однако у нас обоих содалось впечатление, что они, возможно, думают о сепаратных переговорах. Кабинет одобрил посылку вам прилагаемого ответа. Я надеюсь, что вы не возражаете против нашего упоминания о возможной помощи Америки. Я чувствую, что этот пункт может быть решающим. Мы делаем все, что можем.

Всего хорошего...»

Советское обращение к нам было, конечно, поддержано нашим послом в Москве в самых энергичных выражениях. Ему я тоже послал письмо, в котором давал ему аргументы для будущих дискуссий.

«Премьер-министр — сэру Стэффорду Крипсу. 5 сент. 41 г.

1. Если бы было возможно произвести успешную высадку на берегах Франции или Голландии, которая отвлекла бы германские войска от России, то мы предприняли бы её, даже дорогой ценой. Но все наши генералы убеждены, что всё закончилось бы для нас кровавым разгромом, а если бы нам и удалось задержаться на небольших участках, то

нам пришлось бы их оставить через несколько дней. Берега Франции укреплены до предела и у немцев все еще больше дивизий на Западе, чем у нас во всей Великобритании *) и к тому же колоссальная поддержка с воздуха. Тоннажа, необходимого для быстрой переброски большой армии на континент, у нас нет, с наличными же силами высадка длилась бы несколько месяцев. Мобилизация нашего флота для такой операции вызвала бы паралич наших армий на Среднем Востоке и полное расстройство всего движения в Атлантическом океане. Она могла бы привести нас к проигрышу борьбы за Атлантический океан и к истощению и гибели Британских Островов. Мы не могли и теперь не можем предпринять ничего, что повлияло бы на исход борьбы на Восточном фронте. С первого же дня нападения на Россию я, не переставая, побуждал Начальников Штабов исследовать все возможности воздействия. Они были единодушны в своих взглядах, здесь изложенных.

2. Сталин говорит о фронте на Балканах: вспомните, что даже при использовании всего наличного в Средиземном море тоннажа, мы затратили семь недель на переброску в Грецию двух пехотных дивизий и одной танковой бригады; и так как мы были выбиты оттуда, то все аэродромы в Греции и многие на островах были заняты германской и итальянской авиацией и теперь они находятся вне пределов, доступных нашей истребительной авиации. Я удивлен тем, что потери, понесенные нашим торговым и военным флотом во время эвакуации Греции и Крита, уже позабыты. Сейчас общая ситуация гораздо более неблагоприятна, чем была тогда, а наши морские силы уменьшились с тех пор.

3. Когда вы говорите о «сверхчеловеческих усилиях», то, я полагаю, вы имеете ввиду усилия, преодолевающие пространства, время и географию. К несчастью эти силы теперь против нас.

4. Положение на Западе было бы совершенно иным, если бы еще существовал фронт во Франции; тогда вторжение в Россию было бы невозможно, так как немедленно могли бы быть начаты сильнейшие контратаки на Западе. Нет нужды прибегать ко взаимным обвинениям, но это не

*) Подчеркнуто самим автором.

наша вина, что Гитлер имел возможность уничтожить Польшу раньше, чем повернуть свои силы против Франции, или уничтожить Францию раньше, чем обратиться против России.

5. 440 самолетов-истребителей, взятых нами из наших сильно уменьшившихся резервов, без сомнения представляют незначительную величину по сравнению с потерями, понесенными русской авиацией. Но для нас они являются болезненной и опасной жертвой. Рейды британских воздушных сил продолжаются без перерыва, днем и ночью, с крайним напряжением; и самый характер боев над французским побережьем показывает, что германская авиация на Западе до сих пор еще стоит на высоком уровне.

6. Что бы мы ни делали — сейчас или раньше — ничто уже не может повлиять на исход страшной битвы, идущей на русском фронте. Мы можем лишь готовиться к кампании 1942 года. Дорога, прокладываемая через Персию, будет открыта уже полностью и тогда все, что может быть взято и погружено из британских запасов, или из американских запасов, предназначенных для Британии, — все будет послано так быстро, как только возможно. Я настаиваю, чтобы президент Рузвельт послал мр. Гарримана сюда как можно скорей, чтобы русские знали, какую помощь они могут ожидать в 1942 г. для пополнения потерь, понесенных их военной промышленностью, и могли сообразовать с этим свои планы. Одновременно я посылаю ответ Сталину на его сегодняшнюю телеграмму, а это письмо пишется только для вашего личного руководства. Я совершенно разделяю ваши чувства при виде агонии России, которую вы наблюдаете вблизи, но ни симпатии, ни эмоции не могут преодолеть фактов, перед лицом которых мы стоим».

В ответ на одну из просьб Сталина я послал 9 сентября следующую телеграмму нашему послу в Москве:

«Пожалуйста передайте г. Сталину от премьер-министра, что мы готовим отправку 5.000 тонн алюминия из Канады, как только удастся достать для этого тоннаж; а после того — 2.000 тонн ежемесячно. Первая отправка пойдет через Владивосток, если только русское правительство не предпочтет персидскую дорогу».

15 сентября я получил следующую телеграмму от Сталина:

«В моем последнем письме я изложил точку зрения Советского правительства, что установление второго фронта является наиболее радикальным средством для улучшения нашего положения с точки зрения нашего общего дела. В ответ на ваше письмо, в котором вы подчеркиваете еще раз невозможность второго фронта в данный момент, я могу только повторить, что отсутствие второго фронта просто благоприятствует замыслам нашего общего врага.

Я не сомневаюсь, что британское правительство желает победы Советскому Союзу и ищет путей и средств для достижения этой цели. Если, как оно думает, создание второго фронта на Западе сейчас невозможно, то, быть может, иной путь может быть найден для оказания Советскому Союзу активной военной помощи?

Мне кажется, что Великобритания могла бы без риска высадить в Архангельске 25-30 дивизий, или отправить их через Иран в южные районы СССР. Таким путем могло бы быть установлено военное сотрудничество между советскими и британскими войсками на территории СССР. Подобная ситуация была в прошлую войну во Франции. Такое решение могло бы оказать большую помощь. Оно было бы серьезным ударом по агрессии Гитлера».

Почти невероятно, чтобы глава русского правительства, пользуясь советами своих военных экспертов, мог додуматься до такой нелепости. Казалось бесполезным спорить с человеком, не различающим реальное от нереального. Он продолжал далее:

«Очень вам благодарен за ваше обещание оказывать нам помощь ежемесячными поставками алюминия, танков и самолетов.

Я могу лишь приветствовать намерение британского правительства оказывать эту помощь алюминием, танками и самолетами не на обычном коммерческом базисе, но на принципах товарищества и сотрудничества. Я надеюсь,

что британское правительство будет иметь достаточную возможность убедиться, что советское правительство умеет ценить помощь своего союзника.

Одно замечание в связи с меморандумом, переданным 12-го сентября г. Молотову британским послом сэром Стэффордом Крипсом. В этом меморандуме сказано: «Если бы советское правительство оказалось вынужденным уничтожить свои военные корабли в Ленинграде, чтобы они не попали в руки неприятеля, то правительство Его Величества готово признать после войны притязания советского правительства на известную компенсацию от правительства Его Величества для восстановления уничтоженных кораблей».

Советское правительство понимает и ценит готовность британского правительства частично компенсировать ущерб, понесенный Советским Союзом, в случае, если бы советские корабли в Ленинграде были действительно уничтожены. Не может быть сомнения, что такое решение будет принято в случае необходимости. Однако ответственность за ущерб падет не на Британию, но на Германию. Поэтому я думаю, что ущерб после войны должен быть покрыт за счет Германии».

Я отправил на это послание лучший ответ, какой я только мог.

«Премьер-министр — г-ну Сталину.

17 сент. 41 г.

1. Большое спасибо за вашу депешу. Миссия Гарримана уже прибыла целиком и работает весь день с Биверброком и его коллегами. Их задача — обследовать общее положение ресурсов с тем, чтобы затем выработать с вами окончательную программу месячных поставок всеми возможными путями и тем восстановить, поскольку возможно, потери вашей военной индустрии. Президент Рузвельт полагает, что эта цель будет достигнута к концу июня, но, конечно, мы будем продолжать помощь вам вплоть до победы. Я надеюсь, что конференция в Москве может открыться 25 этого месяца, но нельзя делать огласки, пока все благополучно не соберутся. Маршруты и способы передвижения будут сообщены позже.

2. Я придаю большое значение открытию беспереса-

дочного сообщения от Персидского залива до Каспийского моря, не только по железной дороге, но и автострадой, при постройке которой мы надеемся использовать американскую энергию и организацию. Лорд Бивербрук сможет объяснить всю схему снабжения и перевозки; он в наилучших отношениях с Гарриманом.

3. Все возможные театры войны, на которых мы могли бы осуществить военное сотрудничество с вами, были исследованы Штабами. Оба фланга — северный и южный — бесспорно представляют наиболее благоприятные возможности. Если бы мы могли действовать успешно в Норвегии, то это сильно повлияло бы на позицию Швеции, но сейчас у нас нет ни войск, ни тоннажа, необходимых для этого предприятия. На юге призом является Турция: кто привлечет к себе Турцию, тот получит в помощь еще одну могущественную армию. Турция хотела бы идти с нами, но она боится, и не без основания. Возможно, что обещание значительных британских сил и снабжения техническими материалами, в которых турки сильно нуждаются, окажет на них решающее влияние. Мы будем с вами обследовать каждый иной вид полезной помощи с единственной целью собрать максимум сил против общего врага.

4. Я совершенно согласен с вами, что первым источником, из которого русский военный флот должен пополняться, должна быть Германия. Победа несомненно передаст в наши руки контроль над крупными германо-итальянскими военными судами и с нашей точки зрения эти суда будут наиболее подходящим возмещением потерь русского флота».

**
*

25 октября я ответил нашему послу относительно фантастического предложения о высадке 25-30 британских дивизий в Архангельске или в Басре.

«Премьер-министр — сэру Стэффорду Крипсу. 25 окт. 41 г.

1. Вы, конечно, были правы, сказав, что идея переброски «25-30 дивизий на русский фронт» есть физический аб-

сурд. Мы затратили 8 месяцев, чтобы снарядить и отправить 10 дивизий во Францию, через Ламанш, когда у нас было изобилие тоннажа, а германских подводных лодок еще было мало. Лишь с громадным трудом нам удалось отправить 50-ю дивизию на Средний Восток, в последние 6 месяцев. Сейчас мы посылаем 18-ю дивизию с чрезвычайными усилиями. Весь наш тоннаж полностью занят, и мы можем что-нибудь урвать лишь из наших караванов, питающих важный для нас Средний Восток, или из числа судов, занятых доставкой снабжения России. Запасы, за счет которых мы живем и ведем войну, лишь едва могут быть поддерживаемы. Войска, посланные в Мурманск, были бы обречены на бездействие в темноте полярной зимы.

2. Положение на южном фланге таково: русские имеют 5 дивизий в Персии, которые мы охотно готовы сменить. Ясно, что эти дивизии должны уйти на защиту своей страны раньше, чем мы заполним одну из немногих линий снабжения нашими войсками, направляющимися на север. перебросить две британские дивизии с полным вооружением отсюда на Кавказ или на север от Каспийского моря займет по крайней мере три месяца. А там они будут каплей в море».

Тем временем в Лондоне переговоры Бивербрука с Гарриманом были закончены и 22 сентября Англо-Американская Миссия Снабжения отбыла на крейсере «Лондон» из Скапа-Флоу через Северный Ледовитый океан в Архангельск, а оттуда аэропланом в Москву. От нее очень многое зависело. Я снабдил лорда Бивербрука общими инструкциями, которые были одобрены моими коллегами по Комитету Обороны. Сверх того я вручил лорду Бивербруку следующее письмо для передачи лично Сталину:

«Мой дорогой премьер Сталин,

21 сент. 41 г.

Британская и Американская Миссии сейчас отбывают и это письмо будет передано вам лордом Бивербруком. Он

пользуется полнейшим доверием Кабинета и является одним из моих старейших и вернейших друзей. Он установил самые тесные отношения с Гарриманом, этим замечательным американцем, который всей душой предан делу общей победы. Они изложат вам все то, чего нам удалось достигнуть в длительных и напряженных переговорах между Великобританией и США.

Президент Рузвельт решил, что в первую очередь нам надо установить план наших ежемесячных отправок вам в период от октября 1941 г. до июня 1942 г. включительно. Вы имеете право точно знать, сколько мы можем доставлять вам месяц за месяцем, чтобы вы могли свободно распоряжаться вашими запасами.

Американский план пока не идет дальше конца июня 1942 г., но я не сомневаюсь, что после этого срока обе страны смогут посылать значительно большие количества снабжения, и вы можете быть уверены, что мы сделаем все, что в наших силах, чтобы восполнить, поскольку возможно, тяжелые потери, понесенные вашей военной индустрией в результате вторжения нацистов. Я не хочу предвосхищать того, что лорд Бивербрук сам скажет вам на эту тему.

Вы увидите, что до конца июня 1942 г. посылки вам будут состоять почти исключительно из предметов британской продукции, или же американской, но приобретенных нами за наличный расчет, или по биллю о ленд-лизе. США решили передать нам фактически все свои излишки, могущие быть вывезенными, и для них не так легко в течение этого времени найти новые источники снабжения. Я надеюсь, что все производство США вскоре получит дальнейший сильный импульс, и что к 1943 г. вся могучая индустрия Америки достигнет полного военного размаха. С нашей стороны мы не только значительно увеличим наши посылки из наших собственных запасов, но будем стараться также получить от нашего народа повышенную продукцию для удовлетворения наших общих нужд. Однако вы учтете, что наша армия (и ее запланированное снабжение) представляет собою лишь 1/5 или 1/6 вашей или германской армии. Наши первые потребности и долг — охранять безопасность морей, а второе — достигнуть решающего превосходства в воздухе. Это — главные задания 44-х миллионного населения наших Британских Островов. Мы не можем надеяться, что наша ар-

мия или военная индустрия сравнивается с великими Державами континента. Тем не менее мы сделаем все, что можем, чтобы помочь вам.

Генерал Исмэй, который является моим личным представителем в Комитете Начальников Штабов и в совершенстве знает все отделы нашей военной политики, уполномочен изучать совместно с вашими командующими все планы практического сотрудничества, какие только могут возникнуть.

Если нам удастся очистить наш западный фланг в Ливии от неприятеля, то у нас освободятся значительные силы, как наземные, так и воздушные, для сотрудничества с вами на южном фланге русского фронта.

Мне кажется, что наиболее быстрая и существенная помощь для нас была бы, если бы удалось склонить Турцию отказать Германии в требовании пропустить ее войска или, еще лучше, склонить ее к вступлению в войну на нашей стороне. Я уверен, что вы оцените должным образом важность этого шага.

Я всегда разделял ваши симпатии к китайскому народу в его борьбе за оборону родной страны от агрессии японцев. Конечно, мы не хотим вступления Японии в ряды наших врагов, однако США, в результате моего разговора с президентом Рузвельтом, усвоили гораздо более трезвый взгляд на японское правительство. Я поспешил заявить от имени правительства Его Величества, что в случае, если США будут вовлечены в войну с Японией, Великобритания немедленно встанет на их сторону. Я думаю, что все наши три страны должны были бы, поскольку возможно, продолжать оказание помощи Китаю, и что это может продолжаться еще долго, не вызывая объявления войны Японией.

Нет никакого сомнения, что перед нашими народами лежит еще долгий период борьбы и страданий; но я очень надеюсь, что США вступят в войну, как воюющая сторона, и тогда я не сомневаюсь, что нам понадобится лишь выдержка, чтобы одержать победу.

Я полон надежды, что по мере того, как война длится, огромные массы населения Британской Империи, Советского Союза, США и Китая — которые составляют две трети все-

го человечества — окажутся идущими все вместе сплоченными рядами против своих угнетателей; и я уверен, что этот путь приведет их к победе.

С искренними пожеланиями успеха русским армиям и гибели нацистским тиранам,

Верьте мне,

Ваш искренне,

Винстон Черчилль.

28 сентября наша миссия прибыла в Москву. Прием был холодный, речи — отнюдь не дружественные. Можно было подумать, что Советский Союз попал в то положение, в каком он сейчас находился, по нашей вине. Советские генералы и чиновники не давали никаких информации своим британским и американским коллегам. Они не сообщили даже, каким путем они пришли к цифрам заявок о своих нуждах в драгоценных военных материалах. Для миссии не было устроено никаких приемов или развлечений, вплоть до последнего вечера, когда члены ее были приглашены на обед в Кремле. Было бы ошибкой думать, что людям, поглощенным важными делами, не до развлечений; наоборот, такая смена впечатлений часто идет на пользу дела, создавая атмосферу, располагающую к соглашению. Но здесь не было этого настроения; скорее выглядело так, как будто мы явились просить о милости.

Один эпизод, переданный генералом Исмэем в слегка апокрифической и живой форме, может дать картину общего настроения. Его ординарец, чин морской пехоты, осматривал Москву, пользуясь услугами одного из гидов Интуриста. «Вот — говорил русский

— «Иден-отель», бывший «Риббентроп-отель». Вот это — улица Черчилля, бывшая улица Гитлера. А вот там — вокзал Бивербрука, бывший вокзал Геринга... Хотите сигарету, товарищ?» Моряк отвечал: «Спасибо, товарищ, бывший бастард». Это конечно анекдот, но он характерен для атмосферы тех дней.*)

**
**

В противоположность всему этому мои американские связи становились все более сердечными.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 22 сент. 41 г.

Ваша ободряющая каблограмма (Гарриману) относительно танков пришла, когда мы были в полном унынии по поводу наших поставок России. Перспектива почти удвоить предыдущие цифры ободряет нас всех. Миссии были в отличном настроении. Искренний привет».

«Премьер-министр — м-ру Гарри Гопкинсу. 25 сент. 41 г.

1. Теперь, когда наши миссии уже на пути к Москве, может быть полезно обозреть результаты наших дискуссий в Лондоне.

2. Помощь, которую мы с вами предлагаем России, — необходима и она должна окупиться. Однако нельзя скрывать того факта, что это является опасным посягательством на то, что нужно нам самим — вам для развития ваших сил, нам для усиления нашего военного потенциала. Мы будем ощущать это очень болезненно в течение следующих 9 месяцев.

Мы оба должны направить наши усилия на исправление недочётов, неизбежных в таком деле. Мы здесь вряд ли сможем расширить наши программы значительно сверх то-

*) В английском языке Bastard — не только внебрачный сын, но и существо двойной природы, напр. оборотень. (примеч. переводчика).

го, что уже запланировано. Но я самым серьезным образом надеюсь, что вам не трудно будет поднять общий уровень вашей программы быстрым, коротким усилием.

3. Вы услышите, что в деле установления основных требований для победы достигнуты значительные успехи. Составлен совместный меморандум, содержащий перечень возможных требований, поскольку мы можем предвидеть их; этот меморандум был взят с собою в Вашингтон генералом Эмбином. Дальнейшая работа в этом направлении будет вестись в Вашингтоне. Будет представлена общая смета всего, что потребуется для поддержания русского сопротивления. Нельзя ли будет достигнуть уже во второй половине 1942 г. цифр продукции, запланированных на первую половину 1943 г. Если бы такая попытка оказалась успешной, то этим не только были бы заложены основы плана нашей победы, но также были бы удовлетворены в кратчайший срок наиболее насущные потребности нас обоих. Это также дало бы возможность оказать большую помощь русским во второй половине 1942 г.»

2-го октября президент сообщил мне американский план будущего производства танков и самолетов. С июля 1942 г. по январь 1943 г., США будут поставлять ежемесячно 1200 танков для Англии и России вместе, а в течение следующих 6 месяцев — 2000 танков в месяц. Американской миссии в Москве было предписано обещать русским 400 танков в месяц, начиная с 1 июля, и увеличенное количество их после этого срока, по соглашению с нашими представителями.

США будут в состоянии довести эти увеличенные поставки — как только их продукция танков будет удвоена — до 2500 танков в месяц и даже выше.

Президент сообщил мне также, что он предпринял шаги для отправки в Россию 3600 военных самолетов в период времени между 1 июля 1942 г. и 1 июля 1943 г. помимо того, что уже ранее было обещано.

В конце концов с Москвой было достигнуто дружественное соглашение. Был подписан протокол, перечисляющий все снабжение, которое Великобритания и США предоставляют России в период от октября 1941 г. до июня 1942 г. Это вызвало значительное расстройство в наших военных планах, уже и без того стесненных мучительным недостатком боеприпасов. Все падало на нас, так как мы не только давали нашу собственную продукцию, но еще должны были отказаться от крайне ценного для нас вооружения, которое иначе американцы послали бы нам. Ни американцы, ни мы не давали никаких обещаний о перевозке всего снабжения через грозящие опасностями Атлантический и Ледовитый океаны. Ввиду оскорбительных упреков, брошенных нам Сталиным, когда мы предложили, чтобы караваны не отправлялись, пока лед не растает, нам пришлось поставить ему на вид, что мы гарантировали лишь наличие снабжения на месте его производства, то есть в Британии и США. Вступительная часть протокола заканчивалась словами: «Великобритания и США будут оказывать содействие при перевозке этих материалов в СССР и при сдаче их».

4 октября лорд Бивербрук телеграфировал мне:

«Результатом этого соглашения был огромный подъем духа в Москве. Поддержание этого духа на высоте будет зависеть от поставок...

Я не считаю военное положение здесь твердым в эти зимние месяцы. Но я думаю, что дух мог бы укрепить его».

Мы отдали свои сокровища и они были приняты теми, кто боролся за свою жизнь.

«Премьер-министр — лорду Бивербруку (в Москве).

3 окт. 41 г.

Самые сердечные поздравления вам и всем. Провозглашение единства и успеха имеет огромное значение. Ни-

кто не мог сделать это лучше вас. Теперь возвращайтесь домой и делайте... (не расшифровано)...

Здесь невозможно сдержать чувство оптимизма».

«Премьер-министр — лорду Бивербруку (в море).

6 окт. 41 г.

Мы не теряли ни минуты, содействуя вашей миссии».

Я послал Сталину следующую телеграмму:

«Премьер-министр — премьеру Сталину.

6 окт. 41 г.

Я рад был узнать от лорда Бивербрука об успехе трехпартийной конференции в Москве. *Bis dat qui cito dat.*

Мы намерены наладить непрерывный поток караванов, отправка каждые десять дней. Сейчас в пути находятся и прибывают в Архангельск 12 октября: 20 тяжелых танков и 193 самолета-истребителя (дооктябрьская квота).

Следующая партия отплывает 12 октября, прибывает 29-го октября: 140 тяжелых танков, 100 «Ураганов», 200 пулеметных лафетов, 200 противотанковых ружей с патронами, 50 двух-фунтовых орудий с патронами.

Следующая партия, отплывает 22 октября:

200 самолетов-истребителей.

120 тяжелых танков.

Вышеперечисленное представляет собою октябрьскую квоту авиации, а 280 танков придут в Россию 6 ноября. Октябрьская квота пулеметных лафетов, противотанковых ружей и двух-фунтовых противотанковых пушек — вся прибывает в октябре. 20 танков были отправлены морем через Персию, и 15 погружаются в Канаде с назначением на Владивосток. Общее число танков, погруженных на корабли, доходит таким образом до 315, то есть на 19 меньше, чем полная квота. Это число будет додано в ноябре. Вышеприведенная программа не включает в себя снабжение из США.

2. Организуя этот регулярный поток отправок, мы имеем ввиду Архангельск, как главный порт назначения. Я считаю, что эта часть нашей задачи налажена. Нилучшие пожелания».

Хотя генерал Исмэй обладал всеми полномочиями и квалификацией для переговоров с советскими лидерами и для разъяснения им военной ситуации во всех ее вариантах, однако Бивербрук и Гарриман решили не усложнять свою задачу вопросами, в которых могли возникнуть разногласия. Поэтому такого рода вопросы не решались в Москве. Неофициально русские продолжали требовать немедленного установления второго фронта и повидимому были совершенно глухи ко всем аргументам, доказывавшим невозможность его создания. Их страдания были их извинением. Наш посол должен был это как-то улаживать.

Была уже поздняя осень. 2 октября центральная армейская группа фон Бока возобновила свой марш на Москву; две ее армии двигались прямо на столицу с югозапада, а танковая группа широко разворачивалась на каждом крыле. Орел был взят 8 октября, а неделю спустя пал Калинин, на дороге Москва-Ленинград. Маршал Тимошенко, угрожаемый с флангов и под сильным напором в центре, отошел со своими войсками на линию в 40 милях к западу от Москвы, где он и занял боевые позиции. Положение России в этот момент было крайне серьезным. Советское правительство, дипломатический корпус и все промышленные предприятия, способные к передвижению, были эвакуированы из Москвы на 500 миль к востоку, в Куйбышев. 19-го октября Сталин объявил в Москве осадное положение и издал приказ: «Москва будет защищаться до конца». Его приказания были в точности исполнены. Хотя танковая группа Гудериана прошла от Орла до Тулы, хотя Москва была теперь на $\frac{3}{4}$ окружена и под воздушной бомбардировкой, тем не менее конец октября был отмечен укреплением русского сопротивления и определенной задержкой германского наступления.

Я неустанно поддерживал нашего посла во многих испытаниях и затруднениях, которыми изобиловала его одинокая сложная миссия.

«Премьер-министр — сэру Стэффорду Крипсу. 28 окт. 41 г.

1. Я вполне сочувствую вам в вашем трудном положении, а также и России в ее агонии. У русских, конечно, нет оснований упрекать нас. Они сами навлекли на себя свою судьбу, когда благодаря их пакту с Риббентропом, они развязали руки Гитлеру с Польшей и тем вызвали войну. Они лишили сами себя уже существовавшего второго фронта, когда они допустили уничтожение французской армии. Если бы они посоветовались с нами заблаговременно, до 22 июня, то многое могло бы быть налажено, чтобы оказать им тогда же ту существенную помощь снабжением, которую мы посылаем им лишь теперь. Однако вплоть до нападения на них Гитлера мы не могли знать — будут ли они бороться и на чьей стороне они будут стоять. Мы были оставлены в полном одиночестве в течение целого года и в то время каждый коммунист в Англии, по приказу Москвы, делал все возможное, чтобы помешать нам в нашей обороне. Им было совершенно безразлично — будет ли Англия разгромлена вторжением Гитлера в июне или в августе 1941 г., или будет она умирать от голода в борьбе за Атлантический океан. Если бы они двинулись в момент нападения Гитлера на Балканы, то многое могло бы быть еще сделано; но они предоставили Гитлеру полную свободу в выборе момента и его противников. И такое правительство, с таким недавним прошлым, посмело упрекать нас в попытках делать завоевания в Африке, или искать выгод в Персии за его счет, или в намерении «драться до последнего русского солдата»! Такие упреки на меня не действуют. Если эти люди питают подозрение к нам, то только потому, что сами они чувствуют в душе собственную их вину.

2. Мы действовали абсолютно честно. Мы сделали все, что могли, чтобы помочь им, даже за счет расстройств всех наших собственных планов перевооружения; ради них мы подвергались огромному риску вторжения во время летних месяцев. Мы будем делать и дальше все, что будет в наших силах и в пределах разума; но было бы безумием посылать две или три британские или англо-индусские дивизии вглубь

России, где они будут окружены и уничтожены, как искупительные жертвы. В России никогда не было недостатка человеческого материала и у них сейчас есть миллионы обученных солдат, которые нуждаются лишь в современном снаряжении. Это снаряжение мы им посылаем и будем посылать, сколько позволяют наши порты и средства сообщения.

3. Тем временем мы будем теперь вести войну сами, осуществляя задолго подготовляемые планы, бросить которые было бы безумием. Мы предложили заменить пять русских дивизий в северной Персии индусскими войсками, годными для поддержания внутреннего порядка, но непригодными для войны с немцами. Я сожалею, что Молотов отвергает идею посылки наших скромных сил на Кавказ. Мы делаем все, что можем, чтобы удержать Турцию в состоянии дружественного нейтралитета и не дать ей поддаться на соблазнительные предложения Германии, сулящей ей территориальное расширение за счет России. Конечно, мы не ждем благодарности от людей, переносящих такие страшные удары и сражающихся так храбро, но мы не желаем также выслушивать и их упреков. Конечно, вам нет необходимости посыпать раны русских солью этих истин, но я надеюсь, что вы сделаете все, чтобы убедить русских в лояльности, честности и мужестве Британской Нации.

4. Я думаю, что вам и Макферлэйну (глава нашей военной миссии в России) нет смысла лететь сейчас домой. Я мог бы лишь повторить то, что я сказал сейчас в письме, и я надеюсь, что я никогда не буду вызван к публичному обсуждению этого вопроса. Я уверен, что ваш долг — оставаться с этими людьми в их испытаниях, из которых они могут также выйти и победителями. В любой день Гитлер может скомандовать «стой!» на Востоке и обратить все свои силы против нас».

Здесь мы можем на время прервать развертывание драмы Гитлер-Сталин. Зима набрасывает свой покров на судьбу русских армий.

Моя жена переживала трагедию России очень глубоко. Наша неспособность оказать России радикальную военную помощь волновала и мучила ее, как и всю британскую нацию, всё больше, по мере того, как уходили месяцы, а германские армии все продвигались к Востоку. Я говорил ей, что о втором фронте не приходится и мечтать, и что все, что может быть сделано в течение ближайшего времени, это посылка снабжения всякого рода в широком масштабе. М-р Иден и я побуждали ее обследовать возможности образования путем добровольной подписки фонда медицинской помощи. Это дело уже было начато Британским Красным Крестом и моей жене было предложено возглавить кампанию «Помощи России». В конце октября она выпустила свой первый призыв:

«В Англии нет ни одного человека, чье сердце не сжималось бы при мысли о страшной драме, происходящей сейчас в России. Мы поражены мощью русской обороны и искусством, с каким она ведется. Мы преклоняемся перед доблестью, упорством и патриотической жертвенностью русского народа. Но, быть может, больше всего мы потрясены ужасом и жалостью при виде неизмеримого человеческого страдания...

Нами уже послано в Россию, помимо всего прочего, 53 полевых набора операционных инструментов, 30 комплектов для переливания крови, 70.000 хирургических игл различного рода и один миллион таблеток М и В 693. Эти таблетки — превосходное, новое, антисептическое средство, которое совершило переворот в лечении многих болезней, вызываемых микробами. В дополнение к этому мы послали полтонны фенаcetина и около семи тонн гигроскопической ваты. И это, конечно, лишь начало...

Мы поставили своей целью собрать миллион фунтов стерлингов и дело у нас пошло хорошо. Мы имеем в нашем фонде уже 370.000 фунтов за первые 12 дней. Наши милостивые и любимые Король и Королева, посылая Красному Кресту на прошлой неделе 3.000 фунтов стерлингов, выра-

зли пожелание, чтобы 1000 фунтов из их дара были обращены на помощь Русскому Фонду. Они сделали этим характерный почин.

Многое зависит от работодателей и я бы сказала следующее: там, где работодатель создает благоприятную атмосферу тем, что сам подает пример, там рабочие охотно приносят свою лепту. Итак, мы все — от Короля и Королевы и до самого скромного работника и обывателя — можем принять участие в этом акте доброй воли и сострадания. Начиная с хижины и кончая дворцом, от тех, кто может дать лишь пенни, до крупных благотворителей, которые могут послать чек на 50.000 фунтов, есть миллионы людей, которые захотят принять участие в помощи русскому народу».

Ответ на призыв был немедленным и щедрым. В течение следующих четырех лет моя жена посвящала себя этой задаче с энтузиазмом и с полной ответственностью. Всего было собрано почти восемь миллионов фунтов — от богатых и от бедных. Многие богатые люди делали щедрые вклады, но большая часть общей суммы приходится на еженедельные взносы народных масс. Так через посредство мощных организаций Красного Креста и Св. Иоанна и несмотря на тяжелые потери караванов в Ледовитом океане, предметы медицинского и хирургического снабжения текли непрерывным потоком через ледяные и мертвые моря к блестящим русским армиям и русскому народу.

ПЕРСИЯ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

Лето и осень 1941 г.

Необходимость отправлять Советскому Союзу вооружение и снабжение всякого рода и крайние трудности плавания в Северном Ледовитом океане, равно как и стратегические соображения, — все это вызвало необходимость открыть путь в Россию через Персию. Нефтяные прииски Персии были особенно важны, как фактор военного значения. Многочисленная и энергичная германская миссия устроилась в Тегеране и германский престиж стоял там высоко. Подавление восстания в Ираке и англо-французская оккупация Сирии, достигнутые с такой легкостью, свели на нет «Восточный план» Гитлера. Мы были рады случаю протянуть руку русским и предложили им объединенную кампанию. У меня была некоторая тревога перед тем, как пуститься в войну в Персии, но доводы за были крайне убедительны. Я был очень рад, что генерал Уэйвел должен был прибыть в Индию, чтобы руководить подготовительными операциями.

11 июля 1941 г. Военный Кабинет предложил Начальникам Штабов рассмотреть вопрос о желательности военной акции совместно с русскими в Персии в случае, если персидское правительство откажется выслать германскую колонию, в настоящее время укрепившуюся в стране. 18 июля Начальники Штабов рекомендовали нам занять твердую позицию в перегово-

рах с персидским правительством. Эта точка зрения была поддержана и генералом Уэйвелом, который 17 июля телеграфировал военному министерству следующее:

«Уступчивая позиция в отношении Ирана непостижима для меня. Для обороны Индии необходимо, чтобы немцы были теперь же удалены из Ирана. В противном случае там повторятся события, которые только что были ликвидированы в Ираке. Нам необходимо соединиться с русскими через Иран и, если сегодняшнее правительство не хочет пойти нам навстречу в этом, то надо принудить его уступить место другому, которое захочет. Для достижения этой цели надо приложить самые энергичные усилия и притом тотчас же, пока исход германско-русской борьбы еще не определился...».

21 июля я отвечал генералу Уэйвелу:

«Кабинет будет обсуждать положение в Персии завтра. Я целиком разделяю вашу точку зрения и хотел бы предъявить персам ультиматум от имени Британии и России: удалить немцев немедленно или взять на себя ответственность за последствия. Вопрос лишь в том — каковы наши наличные силы в случае отказа».

Начальники Штабов советовали ограничиться действиями на юге, где нам потребуется по крайней мере одна дивизия, поддержанная небольшим авиаотрядом, для обеспечения нефтяных промыслов. Эти силы пришлось бы взять из Ирака, где у нас и так уже не хватает войск для внутренней охраны. Они заключали из этого, что если войска должны быть посланы в Персию в течение следующих трех месяцев, то их следовало бы возместить войсками со Среднего Востока.

В записке от 22 июля министр иностранных дел изложил мне свой взгляд на общее положение:

«Сегодня утром я снова обдумывал проблему воздействия на Иран. Чем больше я изучаю возможность

этого давления, тем яснее мне становится, что все зависит от нашей способности сосредоточить достаточные силы в Ираке для охраны Иранских нефтяных промыслов. Было бы в высшей степени опасно начать экономическое давление, пока мы не будем готовы в военном отношении, так как шах отлично знает о ценности нефтяных промыслов для нас и, если он заметит наше беспокойство и смущение, то он, вероятно, сделает сам первый шаг.

Мы получили сведения, повидимому надежные, о концентрации Иранских войск на русской границе, на границе Ирака и в районе нефтяных промыслов. Я надеюсь, что все меры будут приняты для увеличения наших сил в Ираке в кратчайший срок. Если мы успеем достигнуть этого раньше, чем русские потерпят крупное поражение на юге, то у нас будут серьезные шансы внушить нашу волю иранцам без применения силы. Но мы не должны выходить дипломатическим путем за пределы нашей военной силы, иначе мы вскоре потерпим крах.

Есть еще один фактор, который усиливает необходимость скорейшего усиления Ирака. Если Россия будет разбита, то нам надо быть готовыми к занятию иранских нефтяных промыслов самим; ибо в таком случае германское давление на иранцев с целью выжить нас оттуда будет непреодолимым».

**
*

Я не был вполне убежден, что эта персидская операция получила действительно координированный план, столь необходимый для ее возможного успеха. Поэтому 31 июля, накануне моего отъезда на Нью-фаундленд, я отдал распоряжение об учреждении с этой целью особого комитета под председательством лорда-президента.

«Я чувствую, что эта операция — которая, в случае неуступчивости персов может привести к войне с ними — не продумана с достаточным вниманием, какого она требует по своему чреватым последствиям характеру. Соглашаясь

с ее необходимостью, я считаю, что это дело еще требует исследования, согласованности и увязки, как между министерством иностранных дел с военным министерством, так и между командованием на Среднем Востоке с правительством Индии. Мы не должны предпринимать таких серьезных шагов, не подготовив четких планов в различных вариантах на все случаи. Например: что, если персидские войска, расположенные вокруг нефтяных промыслов Ахваза, захватят всех служащих Англо-персидской нефтяной компании и будут держать их как заложников? Какую позицию займут тогда Бахтиары и местные жители? Что будет с британцами, живущими в Тегеране? Нет ли опасности, что персы предпочтут лучше уничтожить промыслы, чем вернуть их в наше владение? Мы должны быть очень осторожны, бомбардировка Тегерана была бы непростительным промахом. Достаточны ли наши военные силы для занятия промыслов Ахваза при наличии народной и правительственной оппозиции Персии? Как далеко мы намерены продвигаться к северу? Какие у нас там аэродромы? Как будет железная дорога работать, если персы откажутся помогать?

Все эти вопросы, как и многие другие, надо хорошенько продумать. Хорошо было бы, если бы лорд-президент с министрами иностранных дел, военным и по делам Индии, проверили бы все дело целиком и сообщили бы Военному Кабинету в начале следующей недели. Тем временем надо провести в жизнь необходимые меры предупредительного характера. Я стою за благоразумие, но дело очень серьезно; нельзя предпринимать ничего, пока не проверены тщательно все возможные последствия и альтернативные решения и пока не составлен и одобрен тщательный детальный план».

Я был уверен, что сходство имен «Иран» и «Ирак» поведет к недоразумениям.

«Премьер-министр — министру иностранных дел, сэру Эдуарду Бриджесу и генералу Исмэю. 2 авг. 41 г.

В наших сообщениях было бы удобнее пользоваться словом «Персия» вместо «Иран», так как иначе возникает опасность смешения Ирана с Ираком. В некоторых случаях, где это нужно, можно ставить «Иран» в скобках после «Персия».

В официальной корреспонденции с персидским правительством следует, конечно, соблюдать форму, принятую им».

И далее:

«Премьер-министр — министру информации. 29 авг. 41 г.

Постарайтесь, во избежание недоразумений, ввести слово «Персия» вместо «Иран».

Я искренне рад, что персидское правительство теперь (1949) приняло официально эту замену.

Во время моего морского путешествия этот комитет сообщил мне телеграммой о результатах своей работы, одобренной тем временем Военным Кабинетом. Из его сообщения от 6 августа было ясно, что персы не склонны исполнить наше требование о высылке германских агентов и граждан из их страны и что нам придется прибегнуть к силе. Следующим шагом была координация наших планов, дипломатических и военных, с планами русских. 13-го августа Иден принял посла Майского в министерстве иностранных дел и они пришли к соглашению об отправке наших координированных нот Тегерану. Этот дипломатический ход должен был быть нашим последним словом. Майский сказал Идену, что «после представления меморандума советское правительство будет готово принять военную акцию, но оно предпримет ее только совместно с нами». По получении этого известия, я записал у себя (19 августа): «Я думаю, что точка зрения русских правильна, и что мы должны выступить с ними, пока еще есть время».

Итак, нам предстояло перейти к действиям. На случай более сильного сопротивления персов, чем ожидалось, надо было считаться с возможностью дальнейшего укрепления Среднего Востока. 24 августа, нака-

нуне нашего предполагаемого наступления в Персии, я послал следующую записку Начальникам Штабов:

«Важно, чтобы сразу было двинуто на восток как можно больше сил. Верно ли, что 10-я индусская дивизия не получила британского батальона в каждую бригаду? Если это так, то надо в самом спешном порядке отправить генералу Квайнану пополнение из 3-х британских батальонов. Так как генерал Окинлек предполагает оставаться пассивным в Западной пустыне в течение многих недель, то надо ему сообщить, чтобы он двинул на восток более крупные силы, чем это предполагалось. По крайней мере эквивалент еще одной дивизии, включая три вышеупомянутых британских батальона, должен быть двинут теперь. Если все пойдет хорошо, то они могут быть отозваны обратно. Сообщите мне, сколько сейчас примерно войск в Египте? Где находится последняя бригада 50-й дивизии? Кипр сейчас, без сомнения, вне непосредственной опасности».

Ввиду непокорности персидского правительства генерал Квайнан, командующий в Ираке, получил приказ быть готовым 22 июля занять нефтеочистительные заводы в Абадане, а также нефтяные промыслы, включая и те, что находятся в 250 милях дальше к северу, около Ханакина. Ответ на совместную англо-советскую ноту от 17 августа был неудовлетворительный и день выступления британских и русских сил в Персию был установлен на 25 августа. Имперские силы в секторе Абадана, под начальством генерала Харвейя, состояли из 8-й индусской пехотной дивизии; в секторе Ханакина, подчиненные генералу Слиму — из 9-й танковой бригады, индусского танкового полка, четырех британских батальонов и полка британской артиллерии. Воздушная поддержка состояла из одного отряда армейской авиации, одной эскадрильи бомбардировщиков и одной эскадрильи истребителей. Первой задачей было занятие нефтяных промыслов; второй — продвижение в Персию и, при содействии русских, контроль путей сообщения в Персии и обеспечение пу-

ти к Каспийскому морю. Сопротивления можно было ожидать: на южном фронте от двух персидских дивизий с 16 легкими танками, на севере — от трех дивизий.

Захват нефтеочистительных заводов Абадана был произведен пехотной бригадой, погрузившейся в Басре и высадившейся в Абадане на заре 25 августа. Большая часть персидских сил была захвачена врасплох, но успела спастись на грузовиках. На улицах была короткая стрельба, в порту было захвачено несколько персидских военных судов. В то же время другие части 8-й дивизии захватили порт Хурамшар с суши. На севере, к Авхазу, были посланы воинские части; когда они подошли к Ахвазу, то от шаха был получен приказ «прекратить огонь» и персидский генерал отвел свои войска обратно в казармы. На севере нефтяные промыслы были легко захвачены нами и войска генерала Слима прошли 30 миль по направлению к Керманшаху; здесь, однако, они очутились перед грозным проходом Пай-Так, неприступном при мужественной обороне. Колонна наших войск была послана в обход с южной стороны, преодолев сопротивление персов, она достигла 27 августа города Шах-Абад, в тылу защитников Пай-Така. Это движение, в сочетании с бомбежкой с воздуха, произвело сильное впечатление на защитников прохода и они спешно покинули свои позиции. Поход на Керманшах продолжался и 28 августа неприятель снова преградил нам дорогу. Но только что атака должна была начаться, как прибыл персидский офицер с белым флагом, и кампания окончилась. Наши потери были 22 убитых и 42 раненых.

Так закончилась эта короткая и успешная демонстрация подавляющего оружия в применении к слабому и архаическому государству. Британия и Россия боролись за свою жизнь. *Inter arma silent leges.* (Когда

говорит оружие — молчат законы). Мы можем радоваться тому, что при нашей победе независимость Персии была сохранена.

Соппротивление Персии прекратилось так быстро, что наш контакт с Кремлем снова стал почти исключительно политическим. Наша главная цель в предполагаемой совместной англо-русской кампании в Персии была в том, чтобы установить сообщение между Персидским заливом и Каспийским морем. Мы надеялись также, в процессе этого сотрудничества британских и советских сил, установить более интимные и дружеские отношения с нашими новыми союзниками. Мы, конечно, в полном согласии признавали необходимость изгнания из Персии, или взятия в плен, всех немцев и полной ликвидации германского влияния и интриг в Тегеране, как и вообще везде. Сложные и деликатные проблемы — нефть, коммунизм, послевоенное будущее Персии — лежали где то глубоко, на заднем плане, и мне казалось, что они не должны были мешать товарищеским отношениям и доброжелательству.

«Премьер-министр — генералу Исмэю (Для Комитета начальников Штабов).
27 авг. 41 г.

Теперь, когда выясняется, что сопротивление персов не очень серьезно, я желал бы знать, каковы наши планы продвижения вперед, соединения с русскими и обеспечения за нами железной дороги в полном порядке? Мы не собираемся засесть на нефтяных промыслах, нам нужно сквозное сообщение с Россией. Мы сделали несколько предложений шаху, но они могут быть отвергнуты или русские могут не согласиться на них. Поэтому: какие у нас планы соединения с русскими, и какие передвижения наших войск предусмотрены на будущей неделе, и какого рода войск?»

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 30 авг. 41 г.

Я очень рад, что персидская авантюра оказалась успешной. Теперь ничто не мешает вам вернуться домой, как вы предполагали. Я крайне заинтересован вашими железнодорожными проектами, которые внимательно изучаются здесь.

Все здесь в восхищении от вашего второго успеха».

Поездка генерала Уэйвела в Лондон была отложена, так как необходимо было его присутствие в Тегеране. Я также надеялся, что с его отличным русским языком он мог стать ценным звеном для связи с советским Верховным Командованием.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 1 сент. 41 г.

Я согласен с Начальниками Штабов, что ваше присутствие в Тегеране в настоящее время было бы весьма полезно для Булларда (британский посланник) в переговорах о военных нуждах и для того, чтобы сдерживать русское влияние в разумных границах».

«Премьер-министр — сэру Р. Булларду (Тегеран).

3 сент. 41 г.

Мы не можем предсказать, как война в этих районах будет развиваться; но хорошая прямая дорога от Персидского залива к Каспийскому морю будет прокладываться с предельной скоростью и любой ценой, чтобы послужить снабжению России. Весьма вероятно, что крупные британские силы будут оперировать в Персии и из Персии в 1942 г. и, без сомнения, здесь будут размещены мощные воздушные силы.

Мы надеемся, что не будет необходимости — во всяком случае в настоящей фазе — в англо-русской оккупации Тегерана, однако персидское правительство должно будет оказывать нам лояльную и верную помощь и проявить надлежащее рвение, если оно хочет избежать оккупации. В настоящее время мы не идем против шаха, но, если он не исправит методы управления своим народом, то придется принять это во внимание. Хотя мы и предпочитали бы до-

стигнуть наших целей путем соглашения с персидским правительством и не хотели бы переходить к враждебным действиям, однако наши требования должны как-то быть удовлетворены. Вы могли бы добиться необходимых уступок постепенно, пользуясь угрозой возможного занятия русскими Тегерана. Нам не приходится опасаться неожиданного вторжения русских в Персию, так как они больше всего нуждаются в свободном пути для доставки американского снабжения».

«Премьер-министр — премьеру Сталину. 16 сен. 41 г.

Я весьма озабочен тем, чтобы установить наш союз с Персией и наладить дружеское и успешное рабочее сотрудничество с вашими силами в Персии.

Там замечаются признаки серьезных непорядков между племенами и падение авторитета Персии. Если беспорядки усилятся, то нам придется посылать наши дивизии на усмирение их, что приведет к загрузке железных и грунтовых дорог Персии перевозкой войск и снабжения для них, в то время, как эти пути нужны нам для свободной и непрерывной доставки снабжения вам. Нам нужно добиться того, чтобы персы оставили друг друга в покое и не мешали нам вести нашу войну. Решительные указания вашего превосходительства в этом направлении еще ускорят и так уже благоприятное развитие наших дел на этом второстепенном театре».

**
*

«Премьер-министр — лорду Бивербруку (миссия в России).
21 сен. 41 г.

Генерал Уэйвел предполагает заехать в Тифлис из Багдада на обратном пути в Индию. Он говорит по-русски и я смотрю на него, как на будущего руководителя или, возможно, — если силы наши достаточно возрастут — как на командующего, который будет направлять нашу помощь России в районе Каспийского моря в предстоящей кампании. Поэтому важно, чтобы он мог поговорить с высшими военными авторитетами России об общем положении на южном фронте и в Персии.

Вы могли бы поднять этот вопрос в ваших переговорах и постарайтесь сделать все возможное».

«Премьер-министр — премьеру Сталину. 12 окт. 41 г.

Мы интересуемся Персией только: 1) как барьером против проникновения немцев на Восток и 2) как прямой дорогой для доставки снабжения в район Каспия. Если вы желаете взять оттуда 5 или 6 русских дивизий для переброски их на западный фронт, где идут бои, то мы готовы взять на себя полную ответственность за удержание порядка и поддержания и улучшения путей снабжения. Я ручаюсь честью Британии, что мы не будем искать никаких выгод для себя за счет законных интересов России в течение войны и по ее окончании. Во всяком случае подписание тройственного договора необходимо во избежание внутренних беспорядков, опасность которых возрастает ввиду возможности загромождения путей сообщения. Генерал Уэйвел прибудет в Тифлис 18 октября, чтобы обсудить с вашими генералами ряд вопросов, которые вы поручите им решить совместно.

Нет слов, чтобы выразить наши чувства, вызываемые вашей героической борьбой. Мы надеемся теперь проявить эти чувства действиями».

С русскими мы договорились по всем пунктам быстро и гладко. Персидскому правительству были поставлены следующие условия: прекращение сопротивления, затем удаление немцев, нейтралитет в войне и использование союзниками персидских путей сообщения для перевозки военного снабжения в Россию. Дальнейшая оккупация Персии была закончена мирно. Британские и русские силы встретились дружелюбно и Тегеран был занят соединенными отрядами 17 сентября. Накануне шах отрекся от престола в пользу своего одаренного 22-х летнего старшего сына. 20-го сентября новый шах по совету союзников восстановил конституционную монархию, а его отец вскоре после того удалился из страны и умер в Иоганисбурге в июле 1944 г. Большая часть наших сил была вывезена из

страны, остались только отряды для охраны путей сообщения, и Тегеран был покинут как британскими, так и русскими войсками 18-го октября. С этого времени наши войска под командой генерала Квайнана были заняты оборонительными сооружениями на случай вторжения германских армий из Турции или Кавказа, и подготовкой размещения крупных пополнений, которые должны были прибыть в тот момент, когда это вторжение покажется неминуемым.

Создание большой дороги для подвоза в Россию снабжения через Персидский залив, стало главной нашей целью. Благодаря дружественному нам тегеранскому правительству порты Персии были расширены, речное сообщение улучшено, дороги построены, железнодорожное сообщение реконструировано. Это преобразование, начатое в сентябре 1941 г., сначала велось и развивалось силами британской армии, а затем было перенято и дополнено силами США. Оно дало возможность переслать в Россию в течение 4½ лет пять миллионов тонн снабжения.

**
*

Мы можем теперь вернуться к главному театру военных действий — средиземноморскому.

Обе противные стороны использовали лето 1941 г. для усиления армий в Ливийской пустыне. Для нас поддержание Мальты было жизненно необходимым. Потеря Крита лишила эскадру адмирала Каннигхэма близкой базы снабжения топливом, необходимой для удержания нашего морского господства. Возможность атак на Мальту с моря — из Италии и Сицилии — возросла, хотя, как мы теперь знаем, Гитлер и Муссолини одобрили этот план не ранее 1942 г. Воздушные базы

неприятеля на Крите и на Киренаике угрожали дороге караванов из Александрии в Мальту настолько, что в вопросе снабжения мы оказались целиком в зависимости от Запада. В этом деле адмирал Сомервил, со своей группой «Эйч» в Гибралтаре сослужил нам огромную службу. Путь, который Адмиралтейство считало наиболее опасным, оказался единственным открытым для нас. К счастью, в это время потребность в авиации на русском фронте заставила Гитлера взять свои воздушные силы с Сицилии, что дало передышку Мальте и вернуло нам превосходство в воздухе над Мальтийским проливом. Это не только облегчало проход наших караванов с запада, но и давало возможность нам самим нападать на транспорты и суда, снабжавшие Роммеля.

Два значительных каравана пробились успешно. Проход каждого из них был тяжелой морской операцией. В июле караван из 6 судов, груженных продовольствием, прибыл в Мальту, и семь пустых кораблей было оттуда вывезено. Два дня спустя итальянцы произвели свою единственную сильную атаку на гавань Ла-Валетты, пустив в нее около 20 моторных торпедных лодок и 8 «карманных» подводных лодок. Защитники гавани, большей частью мальтийцы, уничтожили почти все суда неприятеля, несмотря на его отвагу. В сентябре прорвался еще один наш караван из девяти транспортов, потеряв при этом только один из них; у него был очень сильный эскорт — линейные корабли «Принц Уэльский» и «Родней», авианосец «Арк Ройал», пять крейсеров и 18 эсминцев. Помимо этих главных караванов еще целый ряд отдельных судов с провиантом проскочил в гавань. Всего 32 судна из 34-х дошло благополучно после героического плавания, полного опасностей. Это подкрепление дало возможность крепости не только жить, но и сражаться. Всего в течение трех месяцев, от июля по октябрь 1941 г., британскими

силами — авиацией, подводными лодками и истребителями, действовавшими с Мальты — было потоплено на пути в Африку или обратно 43 судна держав Оси общим водоизмещением в 150.000 тонн, не считая мелких судов. В октябре 1941 г. свыше 60% снабжения Ромеля было потоплено в пути. Это, несомненно, могло играть решающую роль в битве в Ливийской пустыне.

**
*

В сентябре, как мы теперь знаем, германский адмирал, причисленный к итальянскому Верховному Командованию, писал в своем рапорте:

«Сейчас, как и прежде, британский флот господствует в Средиземном море... Итальянский флот оказался не в силах помешать операциям неприятельских морских сил, но при содействии итальянских воздушных сил он препятствовал регулярному движению британских караванов в Средиземном море...

Наиболее опасным оружием британцев являются подводные лодки, в особенности те, что оперируют с Мальты. За отчетный период было 36 атак британских подводных лодок, из них 19 успешных...

Благодаря слабости итальянских воздушных сил в Сицилии угроза Мальты для германо-итальянских морских путей в Северную Африку возросла за последние несколько недель... Кроме того, почти ежедневно с Мальты производятся налеты на Триполи. За последнее время значительно участились налеты британских воздушных сил на итальянские порты в Сицилии... Соединения итальянской авиации, теперь размещенные в Сицилии и в Северной Африке, не в состоянии помешать операциям британского воздушного и морского флота... Я снова настойчиво предостерегаю от недооценки опасности, угрожающей нам вследствие такого положения на Средиземном море».

**
*

Мое беспокойство ввиду затяжки дела в Ливийской пустыне и подкреплений, полученных Роммелем, не уменьшилось в результате вышеописанных наших успехов и я требовал от Адмиралтейства еще больших усилий. Я в особенности настаивал на размещении на Мальте дополнительных наземных сил.

«Премьер-министр — Первому лорду Адмиралтейства.

Копия — генералу Исмэю.

22 авг. 41 г.

1. Пожалуйста, обдумайте вопрос о посылке флотилии и, если можно, крейсера или двух на Мальту, как можно скорее.

2. Мы должны оглянуться назад, чтобы заметить, насколько мы отклонились от нашей цели. У нас был план — и вы считали его крайне важным — заблокировать гавань Триполи, пожертвовав для этого кораблем «Бархэм». Была и альтернатива: отчаянное предложение Главнокомандующего флотом на Средиземном море — бомбардировать эту гавань, что впоследствии и было приведено в исполнение без потери единого человека, и без повреждений кораблям. Был приход флотилии Маунтбатэна на Мальту. Все это произошло несколько месяцев тому назад. Было бы хорошо установить даты. Как случилось, что необходимость этой задачи отпала? Как пришли мы к тому, что сейчас мы спокойно созерцаем то, что прежде мы считали недопустимым, хотя дело идет все хуже и хуже для нас?...

3. Флотилия Маунтбатэна была уведена с Мальты не столько из-за опасности пребывания там, сколько для участия в операциях на острове Крите, где она была фактически уничтожена. Таким образом мы потеряли из виду нашу цель, на которой все мы согласились и на которой Адмиралтейство настаивало так решительно и упорно.

4. Тем временем произошли три события. Во-первых, оборона Мальты была значительно усилена, как авиацией, так и зенитными орудиями, в то время как германские воздушные силы были частично переброшены в Россию. Во-вторых, битва за Атлантику резко повернулась в нашу пользу: мы имели больше истребителей подводных лодок и мы можем ожидать существенной помощи от американской ак-

ции к Западу от 26-го меридиана, касающейся наших истребителей и корветов. В-третьих, генерал Окинлек не намерен двинуться раньше ноября.

5. Что же, должны ли мы пассивно ждать и позволять неприятелю, главным образом итальянцам, накапливать силы и военные материалы в Ливии? Если так, то генералу Окинлеку от этого лучше не станет, скорее неприятелю, как скоро он почувствует себя готовым к действию.

6. Был бы рад получить от вас ответ как можно скорее и мы могли бы обсудить это на собрании Штаба в понедельник вечером».

План был составлен, но требовалось время, чтобы привести его в исполнение. В октябре на Мальте была собрана ударная группа, названная «группа К», состоявшая из крейсеров «Аврора» и «Пенелопа» и эсминцев «Ланс» и «Лайвли». Теперь эта группа сослужила нам важную и своевременную службу.

**
*

У меня в это время были более широкие планы. Во время войны всегда желательно, хотя не всегда возможно, строить планы на будущее. Затишье, которое последовало за решением Окинлека отложить свое наступление, и успешная кампания в Персии предоставляли мне эту возможность. Со всех точек зрения я считал в это время необходимым укрепить Восток, поскольку это позволяло наличие тоннажа. Я не мог предсказать, ни как разыграется надвигающаяся битва в Ливийской пустыне, ни как будет держаться русский фронт на Кавказе. Помимо того, все время была угроза Японии, со всей ее потенциальной опасностью для Австралии и Новой Зеландии. Мне нужны были еще две британские дивизии, чтобы двинуть их на Восток. Если бы к концу этого года они смогли обогнуть мыс

Доброй Надежды, то у нас в руках было бы нечто существенное на случай непредвиденных осложнений. Это был бы фактически подвижной резерв, маневренный кулак, который только и мог быть решающим фактором в нужную минуту. Я научился этому в суровой школе жизни, где уроки редко повторяются.

Теперь я поставил своей задачей застраховаться вдвойне: иметь 2 дивизии для посылки их в нашу армию в Ливийской пустыне, а также иметь подвижной резерв для других потребностей или случайностей на Среднем Востоке. Но для этого у нас не хватало тоннажа. Всё, что можно было сэкономить от борьбы за Атлантику, было занято в караванах, шедших кругом Африки, или же из Австралии или Индии. Даже Ледерс, наш министр военных сообщений, не мог найти решения. Но я в душе был уверен, на основании все возраставшей сердечности моей переписки с президентом, что он одолжит мне несколько быстроходных американских транспортов. И, как мы увидим, мое чувство не обманывало меня. Это, конечно, не могло быть долгосрочным займом, но я мечтал иметь сейчас под рукою хоть что-нибудь, плывущее в Индийском океане для ликвидации какого-то из неожиданных ударов, готовых каждую минуту разразиться над нами.

«Премьер-министр — начальнику Генштаба и министру морского транспорта. 22 авг. 41 г.

Приготовьте мне к вечеру понедельника разработанную схему отправки двух комплектных пехотных дивизий на Средний Восток, в ближайшее время. Сообщите, какой тоннаж для этого необходим? Часть грузовых автомобилей наверно может быть послана туда прямо из США, из числа тех, что сейчас грузятся для нас. Когда у меня будут эти цифры, я попрошу президента Рузвельта одолжить нам тоннаж именно для этого случая и я надеюсь получить его.

Как альтернатива, дивизии могли бы плыть в Галифакс или Нью-Йорк и там пересесть на американские суда. Министра транспорта прошу вдуматься в этот план и представить мне всесторонне разработанный рапорт. Я убежден, что к концу ноября нам нужно иметь на Среднем Востоке еще две дивизии; будут ли они действовать в Персии, Ираке, или еще где-нибудь — будет зависеть от обстоятельств. Пришлите мне также схему переброски первой танковой дивизии на Средний Восток».

Сложные детали были тщательно разобраны нами совместно с лордом Ледерсом и Наштабами.

«Премьер-министр — генералу Исмэю. 26 авг. 41 г.

Прошу договориться с лордом Ледерсом и с отделом перевозок военного министерства об ускоренной отправке этих пополнений на основе наших вчерашних решений. Надо приложить все старания, остроумие и находчивость, чтобы свести к минимуму наши просьбы, с которыми я должен обратиться к президенту. Мы будем просить о кругосветном плавании некоторого числа судов из Америки в Англию, отсюда на Средний Восток и обратно в США. США должны получить обратно свои суда в январе или в феврале. Если можно будет взять «Нормандию», то погрузка могла бы состояться в Тринидаде и тогда несколько меньших судов могли бы освободиться раньше срока. В этом случае надо учесть также необходимые приспособления для перегрузки на малые суда на Среднем Востоке.

Составьте мне лучший возможный план и обратите особое внимание на самые трудные пункты, так чтобы я мог сам председательствовать на заключительной конференции. Импорт может быть сокращен».

Затем я обратился к президенту:

«Бывший моряк — президенту. 1 сент. 41 г.

1. Хорошие результаты, достигнутые нами так гладко в Персии, привели нас к прямому контакту с русскими и мы предполагаем удвоить или по крайней мере значительно усовершенствовать железную дорогу от Персидского залива

к Каспийскому морю; таким образом будет открыт надежный путь, по которому снабжение может быть доставлено на резервные позиции русских в Волжском бассейне. Помимо этого важно, что мы поощряем Турцию стоять твердо и заслонять Германии проход к Сирии и Палестине. Имея ввиду эти две важные цели, я хочу подкрепить наши армии на Среднем Востоке двумя регулярными британскими дивизиями, всего 40.000 человек, в дополнение к 150.000, которые мы сами будем перевозить туда вплоть до Рождества. Мы однако не располагаем необходимым для этого тоннажем. Не нашли бы вы возможным одолжить нам 12 пассажирских пароходов и 20 ваших грузовых судов с американскими судовыми командами на срок с начала октября до февраля? Торговые суда возили бы грузы в порты Соединенного Королевства под любым флагом, по соглашению. Если бы они могли прибыть сюда в начале октября, то мы послали бы их вперед, как дополнение к нашим октябрьским и ноябрьским караванам на Средний Восток.

2. Я знаю, г-н президент, из наших разговоров, что это будет не легко для вас, но нам необходимо иметь больше войск на Среднем Востоке и для нас будет громадным достижением, если мы сможем сдержать Турцию и подержать Россию и преградить таким образом дальнейшую экспансию Гитлера на Востоке. Совершенно верно, что, уступая нам эти пароходы, вы тем самым препятствуете широкой посылке сил США в Европу или Африку, но, как вы знаете, я никогда не просил об этом в те времена, когда мы могли еще спокойно взирать на близкое будущее.

3. Вам самому надлежит сказать, что вы потребуете в возмещение за корабли, потопленные действиями неприятеля. До сих пор мы почти ничего не потеряли из наших хорошо охраняемых военных транспортов. Я уверен, что при настоящей конъюнктуре такое соглашение разумно и практично, и я буду вам весьма благодарен, если вы поможете его осуществлению».

Ответ был в высшей степени ценный и великодушный. «Я уверен, — писал президент 6 сентября, — что мы сможем помочь вам усилить вашу армию на Среднем Востоке. Во всяком случае я могу уже сейчас заверить вас, что мы сможем предоставить вам транс-

портные средства на 20.000 солдат». Он писал, что даст нам военные транспорты США, с экипажем из моряков военного флота, и что американский «Акт о нейтралитете» разрешает небоевым судам флота США заходить в любой порт. Помимо того «Морская Комиссия» США сможет отрядить 10-12 судов дополнительно для рейсов в северной части Атлантики между портами США и Великобританией, так что мы могли бы освободить 10-12 наших грузовых судов для отправки на Средний Восток. «Я вам предоставляю, сказал он, наши лучшие транспортные суда. Кстати, я в восторге от того, что вы собираетесь усилить Средний Восток».

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 7 сент. 41 г.

1. Я искренне благодарен за ваш скорый ответ на мое обращение к вам по поводу тоннажа для Среднего Востока и очень рад, что вы одобряете нашу политику. Я предполагаю также послать еще 17 эскадрилий воздушных истребителей на этот театр военных действий.

2. В моей телеграмме о помощи России снабжением, я имел ввиду добавить: «если они будут продолжать сражаться, то дело стоит того; если нет, то мы не пошлем его». Мы сами себя ограничиваем в танках самым чувствительным образом, но мой аргумент для меня является решающим.

3. Мы все с глубоким интересом ожидаем вашего заявления, обещанного на понедельник. Я во вторник выступаю в Палате».

В то же самое время президент ввел в действие соглашения, заключенные со мной в Пласенше о более прямом вмешательстве в Атлантическом океане.

**
*

Теперь я приступил к тому, чтобы лучшим способом использовать бесценный дар президента в виде транспортов.

«Премьер-министр — полковнику Холлису, для Комитета начальников штабов. 17 сент. 41 г.

1. Все возможное должно быть сделано для ускорения отправки и возвращения быстроходных американских транспортов с тем, чтобы использовать их для вторичного рейса. Отплытие этих транспортов из Америки не должно задерживаться ради перевозки канадских танковых войск. Перевезти их было бы очень кстати, но это не так существенно. Задержка с перегрузкой этих судов в портах Британии с 23 октября по 15 ноября недопустима. Надо сделать перестановку и погрузить дивизию № 1 на корабли в кратчайший срок. Мы сэкономим на этом по крайней мере две недели, если удастся согласовать с отправкой каравана.

2. Состояние Нильской армии — хорошее. Это не удивительно, если принять во внимание, что она отдыхает от военных действий уже почти 5 месяцев. В 60-ти британских батальонах в среднем по 880 чел., а в 45 артиллерийских полках нехватка до полного состава всего лишь 9%. Надо считать, что в ближайшие 4 месяца не более четверти этой артиллерии будет непрерывно в деле поэтому пополнения в артиллерию не так важны. Шесть танковых транспортеров и 16 Стандарт М. Т. рот заслуживают высокого назначения. Это относится также и к призывным морякам, к индусским подкреплениям, к артиллерии и т. д., для двух новых индусских дивизий в Ираке. От 10.000 до 20.000 призывных в пехоте могут быть распределены по усмотрению; среди них могут оказаться также и специалисты, в которых ощущается большая нужда. Вспомним, однако, что сейчас в первую очередь идет «Крестonosец». Малайя может подождать, Западная Африка может быть включена или нет, как придется. Нам предстоит установить очередь старшинства.

3. Главная цель наших усилий — это послать британские дивизии № 1 и № 2 на Средний Восток согласно нашему заявлению президенту Рузвельту. Если мы растянем операцию еще на месяц или на два — в особенности в расчете на 2-й рейс американских судов — то мы наверно сможем удовлетворить все пожелания. Нет таких проблем, которых нельзя было бы решить.

4. Я надеюсь, что министерство авиации увеличит наши

воздушные силы на Среднем Востоке, доведя число эскадрилий до 62½.

5. Я был бы благодарен, если бы эти пункты были включены в пересмотренную программу нашего усиления на Среднем Востоке и я охотно принял бы участие в обсуждении возникших затруднений с Комитетом начальников штабов сегодня вечером или завтра вечером».

**
*

Хотя Начальники Штабов согласились на посылку двух дополнительных дивизий на Восток, однако у нас все же не было уверенности. Мне представлялись многие опасности и я все еще отдавал предпочтение наступлению Окинлека.

«Премьер-министр — полковнику Холлису для Комитета начальников штабов. 18 сент. 41 г.

1. Нам необходимо решить вопрос: следует ли вступать в серьезные бои, пока не придут все наши пополнения? Надо учитывать, что риск при этом будет далеко не одинаков в течение всего периода и что от нас далеко не в каждом случае понадобится ввести в дело все наши боевые силы, включая и пополнения. Повидимому единственная серьезная операция, какой можно ожидать, — это наше долго откладываемое наступление в Западной Пустыне, для которого ничего более не может придти во время (если это уже не послано). Однако, если это наступление будет успешным, то на нашу транспортную службу, включая и специальные части, ляжет огромная нагрузка: ей придется либо удерживать занятую территорию, либо сделать внушительный скачок к западу. В этом случае я склонен принять, поскольку возможно, требования Службы Транспорта, которые я вначале считал чрезмерными. 13.500 человек предусмотрены в записке Комитета начальников штабов, еще 4000 можно получить, задержав отправку пяти батальонов пехоты, обещанных Индии с октябрьским караваном; здесь они будут нужнее, чем там. В Индии, спору нет, очень не густо с силами, но все же они получают вскоре пополнение

в 7.900 человек, а именно 3 батальона плюс новый набор. Это достаточная порция британских войск. Поэтому я хочу удержать 5 батальонов, то есть 4000 человек, до Нового Года, а сэкономленных 4000 отправить на усиление Службы Транспорта на Средний Восток. Надо будет объяснить Индии в Главной Квартире, что задержка будет недолгой и что программа пополнения будет выполнена.

2. Трудно предвидеть, в какой части фронта и в каком направлении может развиваться другая серьезная-боевая операция в то время, как наши караваны транспортов будут в море, то есть с конца 1941 г. по конец февраля 1942 г. Мало вероятно, чтобы за этот пятимесячный период Турция открыла двери для германского вторжения в Сирию, и еще менее вероятно, чтобы в случае ее отказа неприятель силой проложил себе дорогу через Малую Азию. Если не произойдет полной катастрофы России, то немцы не пойдут на большую войну с Турцией, которая вероятно потребует целого миллиона людей. Поэтому я не предвижу опасности германского вторжения в Сирию, Палестину и т. д. с севера, — вплоть до конца зимы, то есть, скажем, до марта. Такой же взгляд проводят и Начальники Штабов в своих докладах.

3. Другой возможный путь серьезного нападения на нас — это через Кавказ и Каспийское море. Но такой план предполагает овладение Черным морем, где сейчас русские имеют подавляющее превосходство в морских силах; этот план требует захвата Севастополя и Новороссийска, похода через Кавказ от Батума до Баку, или же движение в обход Черного моря и через весь Кавказ с севера к югу. Это движение немыслимо зимою. Третьим возможным решением был бы поход немцев кругом Каспийского моря, форсирование Волги и уничтожение последних резервов русских армий. Очевидно, что такая операция невыполнима в течение ближайших шести месяцев, разве только в случае полного разгрома или сдачи России. За исключением этого случая, Каспийское море, сильно охраняемое морскими силами России, остается надежным нашим оплотом с севера.

4. Поэтому, чтобы дело дошло до серьезных боев, упомянутых выше, Турция и Россия должны сдаться Германии в ближайшее время, или же Германия должна пробить себе путь силой или через Анатолию, или через Кавказ, или,

наконец, кругом Каспийского моря. Разумный, практический анализ этих предположений исключает все эти варианты по крайней мере до весны 1942 г.

5. Следовательно я не могу допустить теорию длительного, постоянного риска, со дня на день, и я заключаю, что мы вправе вплоть до марта 1942 г., не считаться на этом театре войны ни с какими серьезными боевыми действиями помимо Западной Пустыни (разве что мы сами перейдем в наступление). При этих обстоятельствах я могу свободно следовать за политико-стратегическими доводами, приводящими меня к решению послать дополнительно две дивизии, как авангард наших подкреплений.

6. Каковы же эти доводы? Первое, наше достоинство требующее от нас солидного, общепризнанного вклада: участия Британии на Ближнем Востоке и освобождения себя от обвинения — несправедливого конечно — в том, что мы всегда пользуемся войсками и кровью других народов. Второе: впечатление, произведенное на Турцию нашей способностью послать еще две дивизии вдобавок к силам, уже упомянутым в переговорах Штаба, что заметно повышает наш авторитет и влияние наше на поведение Турции. Третье: это — исходный пункт моего обращения к президенту, которого я не хочу лишиться. Четвертое: возможность, что эти две дивизии будут переброшены в Басру с целью подать руку помощи русским резервам на северном берегу Каспийского моря.

Различные альтернативы остаются открытыми для нас в течение тех трех месяцев, пока эти дивизии будут в пути...».

**
*

Генерала Смэтса я, по обыкновению, держал в курсе дела.

«Премьер-министр — генералу Смэтсу. 20 нояб. 41 г.

Я посылаю две дивизии и около 80.000 других подкреплений на Средний Восток еще до Рождества. Для этого

мне пришлось просить у Рузвельта в долг американские транспорты, которые он любезно одолжил. Если нам удастся очистить Киренаику, то у нас будет достаточно сил, чтобы протянуть руку помощи русским в районе Каспия и контролировать действия Турции. Последнее я рассматриваю, как наш непосредственный выигрыш. Надеюсь, по меньшей мере на то, что Турция окажет сопротивление требованию Германии свободного прохода через Анатолию. Бивербрук и Гарриман едут в Москву. Нам пришлось пойти на страшные жертвы танками, авиацией и другим снабжением, столь необходимым нам самим. Если русские устоят, то это все окупится; если сдадутся, то не нужно и посылать. Надеюсь в 1942 г. достигнуть 25 дивизий на фронте от Каспия до Нила. Очень сомневаюсь, чтобы русские потребовали от нас переброски к ним наших дивизий и снабжения по Транс-Персидской жел. дороге: этим дорога, которую мы сейчас спешно расширяем, была бы надолго загромождена. Все эти вопросы будут обсуждаться в Москве и изучаться нашими Штабами. Мы будем держать вас в курсе дела».

**
*

Все наши помыслы были неизменно устремлены к Пустыне. Мне вспоминается заметка, которую я написал во время моей поездки в Пласенша, в первую неделю августа, о надвигающихся операциях в Пустыне. Я показал мой черновик начальнику Имперского Ген. Штаба и генералу Бруку, Главнокомандующему Территориальными войсками. Они оба выразили свое полное согласие, ограничившись мелкими поправками, не меняющими основных положений.

Я разослал эту записку высшим начальникам в октябре 1941 г. Правило, приведенное в парагр. 4-м*) о командовании сухопутными и воздушными силами, было введено в действие телеграммами генералу Окинлеку и маршалу авиации Теддеру, в которых было оп-

*) См. ниже.

ределено их взаимоотношение и утверждено старшинство армейского командования над воздушным, как во время боевых действий, так и в подготовительный период. Это правило установилось с этого момента во всех Британских вооруженных силах, а впоследствии было развито независимо и в США.

ЗАПИСКА МИНИСТРА ОБОРОНЫ

«1. Слава ожидает того командира, который первый в этой войне восстановит примат артиллерии на поле битвы, перешедший теперь к тяжелым танкам. Для этого необходимо соблюдение трех условий:

а) Каждое полевое орудие или подвижное зенитное орудие должно иметь при себе запас бронебойных трассирующих гранат: таким образом каждое подвижное орудие становится противотанковым орудием и каждая батарея имеет свою противотанковую оборону.

б) Когда орудия будут атакованы танками, они должны хорошо использовать этот случай. Пушки должны стрелять до конца, в упор. Пока приближающиеся танки находятся в сфере огня, батареи должны поражать их беглым огнем и брзантными снарядами. В этой фазе гусеницы танка являются наиболее уязвимой целью. На близкой дистанции надо стрелять тяжелыми бронебойными снарядами: стрельбу надо продолжать так долго, пока хотя бы один из отрядов еще цел. Последний снаряд должен быть выпущен на расстоянии не более 10 ярдов. Может случиться, что некоторые орудийные расчеты (прислуга) бездействовали, или задерживали стрельбу; в этот момент они имеют отличный случай послать бронебойную гранату почти в упор.

в) Часто случается, в результате вышеописанной тактики, в особенности, если артиллерия имеет дело с танками, что орудия бывают подбиты. Если они стреляли до конца, то это вовсе не должно считаться за позор, наоборот, это величайшая честь для батарей. Уничтожение танков с лихвой возмещает потерю полевых орудий или подвижного зенитного (А. А.) орудия. Немцы не пользуются взятыми у нас орудиями, потому что у них избыток своих типов, которые они предпочитают; а наши собственные запасы достаточны для покрытия убыли.

Наша артиллерия должна установить традицию, что вражеским танкам невыгодно атаковать группу британских батарей, правильно расположенных, и что наши батареи всегда будут ожидать этих атак с тем, чтобы уничтожить добрую долю танков. Наши орудия должны также стойко держаться и не отступать при приближении танков, как каррэ Веллингтона под Ватерлоо держались при атаках вражеской кавалерии.

2. Немцы уже с самого начала своего вторжения во Францию усвоили один тактический прием и затем последовательно его развивали: при наступлении они посылали вперед отряды зенитной артиллерии, их так называемый «флак», размещая их между своими танковыми и вспомогательными колоннами. Мы должны делать то же самое. Надо, как правило, всем подразделениям, как в колоннах, так и развернутым, придавать зенитные орудия для их защиты. Этот принцип применим к колоннам любого рода; все они должны быть обильно снабжаемы пулеметами, равно как и орудиями Бофор,*) так как мы получаем теперь это оружие в большом количестве.

3. Сейчас 250 Бофоров посылаются генералу Окленду для использования по усмотрению во всех его колоннах, на всех сборных пунктах его войск и во всех пунктах снабжения горючим, необходимых в период наступательных действий.

Никогда впредь армия не должна будет полагаться только на авиацию для защиты от воздушных налетов. В особенности идея неподвижных патрулей воздушных сил над движущимися колоннами должна быть отвергнута. Это безумие — расходовать силы авиации подобным образом, и никакой воздушный флот не выдержит широкого применения такого порочного метода.

4. Когда Главнокомандующий сухопутными силами на Среднем Востоке объявит о близком наступлении битвы, то командующий воздушными силами должен будет оказывать ему всемерную помощь, не отвлекаясь другими задачами, как бы они ни казались значительны. Выигрыш битвы покрывает всё и создаёт новую благоприятную ситуацию

*) 40 м/м двухствольное автоматическое зенитное орудие, выпускающее 120 снарядов в минуту.

решающего характера. Главнокомандующий армией указывает командующему воздушными силами цели и дает задания, требующие выполнения, как для подготовительной воздушной атаки на тылы неприятеля, так и для действий воздушных сил в течение самой битвы. Это дело уже командующего воздушными силами распределить и использовать свои силы так, чтобы достичь максимального результата. Это относится не только к эскадрильям, прикомандированным для содействия наземным силам, но также и ко всем воздушным силам на данном фронте.

5. Бомбовозы могут в случае надобности быть использованы также для перевозки и снабжения удаленных армейских частей или колонн, поскольку это необходимо для успеха военной операции. Так как интересы обоих командующих (как войсками, так и авиацией) — тождественны, то тут не может возникнуть никаких осложнений. Командующий авиацией должен, конечно, отложить все рутинные программы и рецепты и в подготовительной фазе сосредоточить все свои усилия на бомбежке тыловых объектов неприятеля. Это он должен делать не только ночью, но и днем, под охраной истребителей. В этом процессе идет состязание с воздушными силами неприятеля и представляется возможность захватить местное преобладание в воздухе. Та же борьба, только в большем масштабе, повторяется во время самой битвы. Все пункты снабжения неприятеля и все его колонны на марше должны быть подвергнуты дневной атаке бомбардировщиков под сильной охраной истребителей; таким образом бои в воздухе являются не самостоятельными эпизодами, но включаются непосредственно в общий результат».

Генерал Монтгомери не был одним из тех, кому эта записка была послана, и я имел случай передать ему ее копию лишь в 1943 г., когда я встретился с ним в Триполи, через 18 месяцев после победы 8-й армии под Аламейном. Он написал мне: «это столь же верно сейчас, как и тогда, когда это было написано». Славой своей он без сомнения обязан тому, что он восстановил роль артиллерии на поле битвы.

7.

СИЛЫ БРИТАНИИ РАСТУТ

Осень 1941 г.

Приближалась зима и нужно было пересмотреть силу и организацию нашей армии на 1942 год в свете новой фактической обстановки. Мы не могли быть уверены, что Германия еще не сконструировала новых типов десантных судов и пловучих танков для вторжения к нам. Мы сами занимались этим во все возрастающем масштабе. Для Германии это было, конечно, еще гораздо нужнее. В октябре мы не могли быть уверены, что Гитлер, разбив и расшвыряв русские армии в первой фазе своего бешеного наступления, не остановится внезапно и не займет зимние позиции, как ему советовали его генералы. Если он приготовил все заблаговременно, то что ему стоит перебросить по своим внутренним дорогам на запад 20-30 дивизий для весеннего вторжения в Британию? Ведь даже неизвестно, не оставил ли он на западном фронте достаточного количества отборных войск. Также казалось возможным, что германские воздушные силы весьма быстро перенесут направление своего удара с Востока обратно на Запад. Во всяком случае мы должны были быть готовы к таким внезапным переменам. Сэр Алан Брук, Главнокомандующий Территориальными войсками, нес всю ответственность в этом деле первостепенной важности. Он был совершенно прав, выставляя на вид требования Территориальной обороны, и он де-

лал это со своим влиятельным штабом в самой энергичной форме. Территориальная оборона требовала себе большого количества мужчин и этим ставила нас перед угрозой серьезной убыли боеспособных элементов в регулярной армии, если она не будет достаточно пополняться. На меня, как министра обороны, падала задача решать совместно с Начальниками Штабов вопросы о справедливом распределении наших, уже и без того сильно ограниченных людских сил, как мужских, так и женских.

«Премьер-министр — военному министру и Начальнику Имперского Генштаба. 4 окт. 41 г.

1. Я крайне обеспокоен заявлением Главкома Территориальной обороны о том, что ему придется к весне уменьшить свой личный состав до 11 полевых дивизий, помимо трех, находящихся в Ирландии. Такое раскассирование более чем половины нашей армии было бы недопустимо, и вам без сомнения следует предупредить Кабинет еще до того, как этот вопрос приблизится к сроку обсуждения.

2. Нет ни оснований, ни необходимости так калечить нашу армию. Помимо активных операций, предстоящие зимой нормальные потери не могут превысить 60.000 человек, а прилив новых сил, уже запланированный, превзойдет эту цифру. 26 нормальных дивизий и 9 дивизий окружных (графств) плюс 7 танковых дивизий, включая гвардию, (формирующуюся) ни в коем случае не могут быть сокращены. Если нужны новые соединения, то выход легко может быть найден: создать 4 или 5 отдельных бригад и 12 отдельных батальонов.

3. Пожалуйста ознакомьтесь немедленно с рапортом Главнокомандующего и доложите мне о нем. Впредь следующее правило должно будет соблюдаться: ни одно из существующих дивизионных соединений не может быть сокращено ниже установленных норм, или превращено в иное соединение без моего специального утверждения, в каждом случае особого и заблаговременного. Я должен быть также извещаем о каждом новом соединении, которое вы пожелаете создать взамен существующих и о каждой ва-

жной перемене в учреждениях, как в личном составе, так и в материальной части. Представьте мне список таких перемен, как сейчас вводимых, так и предполагаемых».

В то же время я делал все, что было в моих силах, чтобы поддержать силу и рост Территориальной обороны и отводить всякого рода претензии и домогательства с какими обращались к ней гражданские власти.

«Премьер-министр — военному министру. 5 окт. 41 г.

1. Я не одобряю идеи использования армии для рытья дренажных канав и тому подобных работ в зимнее время. Неверно, будто воздушные силы уже имеют подобные же задания. Там предполагается послать 8.000 обученных техников из состава Королевских Воздушных сил в военной форме заимообразно на фабрики, на срок около 6 месяцев. Это совершенно иной случай, чем с армией, и я нахожу этот план вполне разумным.

2. Ваши мысли должны быть направляемы военными соображениями и вы не должны поддаваться слабым элементам страны, которые не понимают, что высокая квалификация, знания, умение держать себя, строгая дисциплина — вот типичная характеристика наших вооруженных сил, которым предстоит померяться с немцами.

3. В экстренных случаях — вроде большого налета или уборки урожая — армия конечно должна оказывать немедленную и широкую помощь населению. Но мы должны иметь всех наших солдат всегда на чеку и каждую войсковую часть в состоянии полной готовности. Они могут понадобиться для военных операций еще и до весны. На вашей ответственности лежит иметь их наготове, как боевых пехотцев, в согласии с директивами, которые я даю, как министр обороны. Правды, упражнения, маневры, детальное развитие индивидуальных качеств отделения, взвода и роты, постепенное совершенствование и шлифовка офицеров среднего ранга, состязания и испытания разного рода — вот занятия для всех чинов и рангов. Надо почаще маршировать с оркестром по городу и в промышленных районах. Монотонность должна оживляться более щедрыми отпу-

сками, как для офицеров, так и для солдат. Нужно облегчить им проезд в город для развлечения, это вознаградит их за суровый тренинг, который от них требуется. Нам нужны регулярные части наивысшего типа, а не развинченная, неряшливая милиция, которая якобы может быть в последнюю минуту превращена в воинскую силу, в случае вторжения неприятеля. На прошлой неделе я указал Парламенту на опасность поддаться на мягкие, вкрадчивые и соблазнительные уловки и на губительные результаты, к которым это приводит».

**
*

Главным объектом комплектования наших полевых войск были конечно зенитные батареи и другие противовоздушные части, состоявшие под командой генерала Пайла. Страх возобновления налетов в еще большем масштабе вызвал требования усилить нашу противовоздушную оборону. Я противился этим тенденциям и снова начал выступать против опасности вторжения, которая, тем не менее, не выходила у меня из ума.

«Премьер-министр — полковнику Холлису для Комитета начальников штабов.

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Директива премьер-министра.

8 окт. 41 г.

1. Мы не можем предсказать силу воздушных налетов этой зимой или степень опасности вторжения будущей весной. Эти две чудовищные угрозы будут висеть над нами до конца войны. Мы должны остерегаться, чтобы наши меры обороны против них не ослабили чересчур нашу полевую армию и иные формы наших наступательных сил.

2. Без риска крупной ошибки можно определить общую численность персонала противовоздушной обороны Великобритании сегодняшней ее цифрой в 280.000, плюс

некоторое добавочное число женщин, которые еще вступят в нее. Таких можно ожидать по крайней мере на 30.000 больше, чем дали нам налеты прошлого года. Предполагавшееся увеличение на 50.000, дающее общий итог в 330.000, не может быть достигнуто. Сейчас много новых орудий разной дальности поступает с завода на распределение. Многие из них могли бы быть включены в дополнительные батареи, но если противовоздушная оборона не сможет изыскать способов укомплектования их прислужкой в указанном числе, то придется их оставить без употребления.

3. Принимая во внимание, что британские и германские воздушные силы теперь выравнились численно, а также учитывая вступление в войну России, маловероятно, чтобы неприятель в этом году производил тяжелые и длительные воздушные налеты на Великобританию в комбинации со вторжением или как прелюдию к нему. Ему для этого нужны были бы резервные силы...

4. Наша противовоздушная оборона должна поэтому быть как можно более гибкой и свести статическую оборону до минимума. Для этого возможно большая ее часть должна быть подвижной. Генерал Пайл должен разработать проект максимального развития подвижного «флака»*) для армии генерала Брука. В некоторых случаях придется брать орудия с позиций. В других случаях может быть применен двойной комплект орудий на лафетах. Таким образом мы сможем «переносить тяжесть с одной ноги на другую», смотря по надобности...

5. Самое главное, мы не можем попрежнему прибавлять орудие к орудью и батарею к батарее, по мере того, как фабрики выпускают их, и таким образом прикреплять все больший процент нашей обученной рабочей силы к статической и пассивной обороне.

6. Генерал Пайл должен всячески помогать в составлении планов развития подвижного флака Армии и усиления береговых батарей, но при этом без увеличения (помимо женщин) общего числа (280.000) занятых в противо-

*) Автор употребляет немецкое слово Flak — Flieger Abwehr Kanonen — зенитная артиллерия.

воздушной обороне, сохраняя этот необходимый минимум, который служил нам так хорошо в прошлом году.

7. Комитет начальников штабов должен помогать советом и указанием тех мер, какие могут быть приняты для успешного проведения в жизнь вышеизложенных принципов».

**
*

Наши воздушные истребители сделали теперь огромный скачок вперед и не только повысили гарантию против вторжения, но и открыли новые горизонты в стратегическом планировании.

«Премьер-министр начальнику Штаба авиации. 1 сент. 41 г.

По моем последнем возвращении я был в восторге от того, что мы фактически имеем уже 100 эскадрилий истребителей в воздушной обороне метрополии. Огромные перемены в ходе войны, вызванные вступлением в войну России и улучшением нашего положения на Среднем Востоке, включая Персию, побуждают меня к дальнейшему укреплению Среднего Востока, к воздействию на Турцию и к поддержке России на ее южном фланге. Я мечтаю послать целых 20 эскадрилий истребителей на театр войны — Сирия и Ирак-Персия. Быть может, этим эскадрильям придется сражаться с германскими бомбардировщиками и пикировщиками, защищая территории, находящиеся под нашим контролем, или под контролем наших союзников; быть может, повторятся благоприятные условия, позволившие нам нанести столь тяжкие потери немцам, когда они в прошлом году атаковали нас в битве за Британию. Быть может, это будет более стоящим делом, чем вся тяжелая борьба за Францию, которую, конечно, мы должны продолжить, как только представится возможность. Эти эскадрильи отправились бы далеким морским путем, кругом мыса Доброй Надежды, и смогли бы быть введены в дело лишь к концу года. Придется для них организовать один или два контрольных центра (как для группы № 11) так, чтобы оборонная мощь истребителей могла быть проявле-

на в полной мере. Эта группа покинет Британию лишь по миновании периода возможного вторжения. Это, конечно, дополнительно ко всему тому, чем вы уже располагаете для Востока.

Я буду вам очень обязан, если вы рассмотрите эту комбинацию со всех сторон и сообщите мне цифры требующегося персонала и необходимого тоннажа, а также ваше мнение об этой значительной переброске военной силы. Эти отряды, оперируя на севере и на юге Каспийского моря, были бы гигантским вкладом в военный потенциал России и, в соединении с бомбардировщиками, могли бы долгое время препятствовать продвижению немцев к востоку. Воздушные силы Индии могли бы принять участие в деле в тех же краях».

Я никогда не упускал случая делать все возможное, чтобы повысить и поощрить развитие бомбардировочной авиации, которое сильно отставало даже от самых умеренных требований сторонников этого рода оружия.

«Премьер-министр — лорду-президенту Совета.

7 сент. 41 г.

Я очень обеспокоен медленным темпом развития строительства тяжелых и средних бомбардировщиков. Чтобы выставить в первой линии 4.000 средних и тяжелых бомбардировщиков, Королевским Воздушным силам необходимо, чтобы между июлем 1941 г. и июлем 1943 г. было построено 22.000 бомбардировщиков, из которых 5.500 мы можем ожидать из американской продукции. Последние данные указывают, что из остальных 16.500 лишь 11.000 будет построено на наших заводах. Если мы хотим выиграть войну, то такая постановка дела не может быть терпима и, после разговора с министром авиационного строительства и м-ром Чарлзом Крэвеном, я отдал приказание разработать план расширения нашего производства с заданием достигнуть за указанный период продукции 14.500 бомбардировщиков вместо 11.000. Это может быть достигнуто лишь огромной концентрацией усилий и за счет сокращения других потребностей. Материалы и станки не представляют непреодолимых затруднений; пилотов для но-

вых аэропланов тоже найдется достаточно. Главная загвоздка будет в том, чтобы достать нужное число опытных специалистов по сборке машин и вытренировать огромное число новых людей — мужчин и женщин. Этих опытных специалистов можно найти только за счет других работ. Я просил министра авиационного строительства набросать план этой новой программы и установить требования, которые он должен предъявить для ее выполнения. Я также просил его дать свои соображения по поводу того, как эти требования могли бы быть удовлетворены. Я просил министра авиации координировать его программу расширения военно-воздушного флота с новой программой авиационного строительства. Это несколько облегчило бы устройство аэродромов, производство и начинку бомб и т. д., так как полная мощь первой линии будет достигнута несколько позднее, чем предполагается сейчас.

Я просил бы вас взять план, который будет составлен министром авиационного строительства, собрать министров, которых это дело касается, и представить мне на рассмотрение ваши соображения по поводу выполнения плана. Нужно будет показать — как это отразится на остальной нашей деятельности? Быть может, нужно будет замедлить проведение программы Адмиралтейства или задержать поток снабжения для армии. Прежде всего несомненно придется резко урезать строительство большого числа новых заводов, которые только что начаты постройкой, или только предназначены к постройке, и которые поглотят огромное количество работы, не только по возведению их, но и по изготовлению материалов, требующихся для них. Вам надо потребовать отчета от всех таких фабрик с указанием их назначения, даты начала работ, успешности работ до настоящего времени и года и месяца, когда они рассчитывают начать производство. Некоторые долгосрочные проекты должны будут уступить место настоятельной нужде в бомбардировочной авиации.

Я считаю этот пункт за важнейший фактор в развитии войны в настоящее время, и я хотел бы получить ваши предварительные соображения не позже двух недель. В дальнейшем вам придется следить за выполнением плана и я буду собирать периодические совещания, чтобы подгонять дело».

**
*

В то же самое время мне приходилось сдерживать требования, предъявляемые некоторыми из наших наиболее надежных, но слишком рьяных начальников. Береговая охрана была в особенности уязвлена нашим вынужденным вмешательством в её программу расширения. Мне приходилось в то время бороться одновременно на всех административных фронтах и среди многих противоположных мнений выбирать и рекомендовать Кабинету наиболее правильное решение.

«Премьер-министр — начальнику штаба, авиации.

7 окт. 41 г.

1. Мы все надеемся, что воздушное наступление на Германию оправдает ожидания Штаба авиации. Делается все, чтобы создать требуемую силу бомбардировочной авиации в возможно широком масштабе, и у нас нет намерения менять эту линию. Однако я вовсе не питаю неограниченного доверия к этому методу нападения и в особенности предостерегаю от выражения этой уверенности в цифрах. Это лишь самый верный способ подавления духа противника, какой мы можем употребить в настоящее время. Если США вступят в войну, то это будет сопровождаться в 1943 г. одновременным вторжением танковых войск в целый ряд побежденных немцами стран, готовых к восстанию. Это единственный верный путь к достижению решительной победы. Даже если все города Германии окажутся почти непригодными для жилья, то из этого не следует, что военный контроль должен быть ослаблен или что военная индустрия не может там функционировать.

2. Штаб авиации допустил бы ошибку, предъявляя слишком высокие требования. Перед войной мы были введены в глубокое заблуждение картинами, рисовавшими нам разрушения, якобы производимые воздушными налетами. Это наглядно иллюстрирует тот факт, что из 250.000 постелей, приготовленных на случай налетов, понадобилось не больше 6.000. Эта картина разрушений от налетов была настолько преувеличенной, что она вызвала депрессию в умах ответственных руководителей довоенной политики и сыграла решающую роль в покорности Чехословакии в августе 1938 г. А когда война началась, то наш

Штаб авиации упорно убеждал нас, что если неприятель захватит Нидерланды, — не говоря уже о Франции, — то наше положение станет безнадежным благодаря воздушным налетам. И однако, не обращая большого внимания на эти речи, мы нашли правильные меры, чтобы уцелеть.

3. Очень может быть, что дух немцев не выдержит и что наша бомбежка сыграет важную роль в достижении нашей цели. Но слишком много процессов происходит одновременно и вполне возможно, что экспансия воинствующего нацизма к 1943 году уже так широко охватит всю Европу, что общий исход перестанет зависеть от состояния самой Германии.

4. Иная картина предстанет, если сила неприятельской авиации уменьшится настолько, что это даст нам возможность производить регулярные дневные налеты на их индустрию. Это однако возможно лишь в радиусе, доступном нашим охранным истребителям, как гласят мои сегодняшние сведения. Каждый должен делать все, что он может, но только глупец может думать, что есть верные способы выиграть эту войну или любую войну между равными по силе противниками. Единственный план — это стойкость и выдержка.

Я был бы очень рад обсудить с вами эти общие темы, когда только вам будет угодно».

**
*

Теперь я пришел к общим заключениям о силе и характере армии, которую мы должны иметь к 1942 году, равно как и о мерах пополнения ее. Я достиг соглашения с властями относительно нижеследующей программы и логически вытекающих из нее мер, которые бы ее обеспечивали.

СИЛА АРМИИ

Директива министра обороны.

9 октября 1941 г.

«1. Мы имеем сейчас в Соединенном Королевстве (включая Северную Ирландию) 26 стандартных моторизован-

ных пехотных дивизий и одну Польскую дивизию, всего 27, хорошо снабженных оружием и транспортом, средней численностью приблизительно по 15.000 чел., с 10-ю корпусными организациями и отдельными корпусными частями (61.000). Далее имеются 8 дивизий графств, для работ на побережье, средней численностью по 10.000 чел., только с береговой артиллерией и незначительным транспортом. Затем мы имеем 5 танковых дивизий и 4 армейские танковые бригады; итого 14 танковых бригад (с 5-ю дивизионными подразделениями), 4 бригадные группы с артиллерией и транспортом, 7 пехотных бригад и 12 отдельных батальонов; далее 8 батальонов для защиты аэродромов и 100.000 чел. Территориальной обороны и в батальонах «Молодых солдат».

2. Предлагается: переформировать эту организацию в 27 стандартных дивизий (отныне называемых «полевых дивизий») плюс Польская дивизия (она получит танковое подразделение), всего 28 дивизий; и увеличить танковые силы до 7 танковых дивизий с 8 армейскими танковыми бригадами, в целом до 22-х танковых бригад (с 7-ю дивизионными подразделениями). 4 бригадные группы остаются. Вместо 8 дивизий графств и прочих соединений, упомянутых выше, будут 13 бригад, плюс эквивалент двух союзных бригад, и 8 отдельных батальонов; все предшествующее составляет Территориальную Полевую Армию, которая таким образом может считаться равной 45 дивизиям. В дополнение к этому будет еще 8 батальонов для защиты аэродромов и Территориальная оборона, плюс батальоны «Молодых солдат».

3. Цель этих перемен — повысить боевую мощь армии, в особенности танковых войск, и ввести дополнительно полевую, противотанковую и зенитную артиллерию, в том числе и требуемую для 5 дополнительных индусских дивизий, которые будут сформированы в 1942 г. Для этой последней цели также нужно будет сформировать до 17-ти британских батальонов для Индийской армии.

4. Всякие сокращения цифр, приведенных в § 2, несовместимы с нашими военными нуждами. Для соблюдения их в течение следующих 9 месяцев, то есть до 1 июля 1942 г. а также для обеспечения набора в армии на Ближнем Востоке, в Индии и в гарнизоны Исландии, Гибралтара, Маль-

ты, Гонг-Конга и т. д., при нормальной убыли 50.000 в квартал (года), нужно быть готовыми к набору в армию 278.000 новых солдат. Меры к проведению этого в жизнь уже принимаются. Армия нуждается также по крайней мере в 142.000 женщин, помимо 63.000 уже набранных».

Затем я привожу в деталях наши силы дома и за границей. Заключение показывает силу наших военных ресурсов и развертывание их перед крупными событиями, вовлекшими США в войну. Директива продолжает:

«10. Если мы подсчитаем силу нашей армии в дивизиях или их эквиваленте, то общая картина на 1942 г. будет такова:

Соединенное Королевство	45
Противовоздушные (зенитные) дивизии . . .	12
Армия на Ниле	16
Индийская армия в Ираке и Персии	9
Индийская армия в Индии	8
Крепостные гарнизоны	7
Туземные африканские дивизии	2
Общий итог	99

11. Наш долг — развертывать, вооружать и снабжать эти соединения в течение 1942 г.».

**
*

Помимо укомплектования живой силы, перед нами теперь стояли более сложные задачи расширения военных заводов и мастерских. Чтобы дух страны не падал, нужно было хорошо питать гражданское население. М-р Эрнест Бевин в министерстве труда, как опытный лидер тред-юнионов, прилагал все свои знания и влияние к тому, чтобы выполнять требуемые задания. Было уже очевидно, что наша рабочая сила является как бы мерилom наших военных и экономиче-

ских ресурсов. М-р Бевин, как поставщик труда, и сэр Джон Эндерсон — лорд-президент Совета, вместе изобрели систему, которая сослужила нам хорошую службу вплоть до конца войны и помогла нам мобилизовать для работы как на фронте, так и в тылу, больший процент наших мужчин и женщин, чем в любой иной стране света, как во время этой, так и во время любой другой войны. Первой задачей было перевести сюда людей с менее важных занятий. Так как запас людской силы истощался, то все требования на нее подлежали сокращению. Лорд-президент и его «Комитет рабочей силы» распределяли ее — не без трений — между соперничающими заявками. Результаты представлялись мне и Военному Кабинету.

Первое из таких обследований рабочей силы было доставлено Военному Кабинету в ноябре. Я изложил моим коллегам мои собственные соображения по поводу главных пунктов представленного нам заключения лорда-президента. Очевидно, нам приходилось теперь возложить тяжелое бремя на женщин.

РАБОЧАЯ СИЛА

Меморандум премьер-министра

6 ноября 1941 г.

1. Быть может, моим коллегам будет на пользу, если я изложу свои предварительно сложившиеся взгляды на некоторые из главных вопросов, которые нам предстоит решить.

Предельный возраст обязательной военной службы для мужчин должен быть повышен на 10 лет, включая всех мужчин до 51 года. Хотя это и не даст большого числа мужчин, годных для активной боевой службы, однако это поможет министру труда найти людей на нестроевые должности в армии.

Не исключена возможность, что впоследствии придется снова повысить призывной возраст; но повидимому в данный момент повышение крайнего предела на 10 лет является достаточным.

2. Доводы в пользу призыва молодых людей с 18½ лет, вместо 19-ти, уже, повидимому, не подлежат сомнению. В сущности, я пошел бы еще дальше и призывал бы их в 18 лет, если бы это оказалось существенным вкладом.

3. В общем я не удовлетворен постановлением об обязательном призыве женщин на военную службу во вспомогательных учреждениях, поскольку оно вызвало явное недовольство среди мужского персонала этих учреждений... Добровольное же вступление в эти учреждения должно быть всячески приветствуемо.

4. В случае, если Кабинет выскажется в пользу обязательного привлечения женщин на вспомогательную службу, то встает вопрос: не следует ли предпочесть метод привлечения по принципу индивидуального отбора, вместо призыва возрастных групп? Последняя система неизбежно будет удерживать женщин от вступления до того момента, когда ее возраст будет призван.

5. Кампания по привлечению женщин в военную индустрию должна быть усилена. Существующие возможности должны быть использованы более интенсивно.

6. Работодателям можно пообещать в подходящих случаях и в дальнейшем пользоваться трудом замужних женщин в индустрии. Это могло бы быть на основе частичной службы, и надо найти способы облегчить бремя женщин, которые готовы нести двойную нагрузку.

Необходимо было снова пересмотреть весь вопрос о вторжении, и я приступил к этой задаче со все растущим убеждением, что вторжения не будет. И тем не менее пересмотр был полезен, ибо он вел к важным и разумным перемещениям наших наличных сил. Командование Территориальной обороной затребовало огромное количество танков, и рассказы о том, что немцы усиленно строят десантные танки, стали очень популярны. Кто не читал британских газет, выходявших в то время, тот не может себе представить, как велико было напряжение и как легко можно было принять решения, которые ходом событий были бы опровергнуты с трагическими последствиями. Я был подобен сторожу в зоологическом саду, который распределяет между великолепными животными половинные порции. К счастью, они знали меня, как старого, доброго друга.

«Премьер-министр — начальнику Имперского Генерального Штаба.
3 нояб. 41 г.

1. Опыт показывает, что все Главкомы неизменно требуют себе всего, о чем они только услышат, и всегда представляют вверенные им силы, как минимальные... Всего лишь несколько месяцев тому назад я с радостью увидел, что мы сможем иметь налицо 1000 танков, чтобы встретить осенью вторжение. Теперь мы получили 2000, если не больше, и по меньшей мере еще 1500 будут готовы к весне, итого 3500.

Генерал Брук должен будет распределить их наилучшим образом, памятуя, что при обороне против вторжения надо всё возможное послать на передовую линию, и что сильные резервы не так велики, как на Среднем Востоке.

2. Хотя я лично призываю к самым энергичным методам отпора вторжению, однако я очень скептически отношусь к преувеличенным рассказам о его масштабах. Свидетельские показания о 800 плоскодонных судах, идущих со скоростью 8 узлов и везущих каждое 10 танков, покоятся на крайне зыбком основании: кто-то видел пару

таких судов, строящихся где-то, и он думает, что такие же суда могут строиться и в иных местах, и что их могло бы быть пожалуй до 800... Если имеются иные факты, подтверждающие эту историю, так давайте их сюда!

3. Благодаря достижениям фотографии и все растущей мощи авиации возможно оказать сильнейшее сопротивление всякому скоплению судов в устьях рек Нидерландов. Теперь, когда мы доминируем в воздухе над Па-де-Калэ, нельзя себе представить, как Дюнкерк, Калэ и Булонь могли бы быть использованы для вторжения? Все суда, скопившиеся в этих гаванях, как и в иных меньших, могут быть наверняка разбомблены днем, под прикрытием истребителей. В прошлом году мы этого еще не могли.

4. Не может быть и вопроса об отказе от наших обещаний России. Конечно, если порт Архангельск замерзнет, то мы должны сделать все возможное, чтобы найти иные пути. Но сейчас еще рано возбуждать такие вопросы, пока чернила еще не засохли на наших обещаниях и мы еще не были в состоянии помочь чем-либо русским...»

Я считал необходимым иметь схему, которая дала бы возможность использовать отборную часть ополчения в случае вторжения.

«Премьер-министр — военному министру. 23 нояб. 41 г.

1. Предполагается, что опасность вторжения обнаружится постепенно, путем появления в портах и в устьях рек большого числа кораблей и десантных судов, а также в виде усиленного передвижения войск. На известной стадии этого процесса — который может продлиться месяцы и, в конце концов, оказаться лишь камуфляжем — мы должны будем дать сигнал предостережения. Если этот момент был правильно угадан, то он должен быть приблизительно за две недели до «нулевого (решительного) дня». Это не значит, что все ополчение должно в этот момент оставить свою гражданскую работу, но что лишь специальная секция его призывается и мобилизуется на подобие милиции.

2. Остальная часть ополчения должна быть призвана лишь за несколько дней до «нулевого дня», как только мы

о нем узнаем, или, быть может, лишь тогда, когда погрузка армии вторжения уже началась. Однако бдительность должна быть удвоена между первым сигналом — предостережения (алёрт) и вторым — тревоги (аларм).

3. «Специальная секция», упомянутая мною, составляется не из людей моложе 18 и старше 60 лет, но из людей крепких и здоровых, не взятых почему-либо в армию и записавшихся добровольно в ополчение. Эта категория проходит специальный курс подготовки, за что получает особую плату. Они не должны выступать во все время до сигнала «алёрт». Здесь не важны ни подразделения, ни стандартное снаряжение. Они могут иметь винтовки, ружья «Брен», пулеметы ручные или на лафетах. Они могут быть организованы в батальоны, но они считаются штатскими и добровольцами вплоть до сигнала «алёрт».

Прошу дать мне определенный план организации четырех батальонов в районе каждого корпуса.

**
*

Я приветствовал живой интерес, проявленный военачальниками США к обороне нашего Острова, который они всегда рассматривали как бастион американской безопасности. Мы видели, как они боялись, чтобы наши усилия удержаться на Среднем Востоке не создали опасного положения у нас дома. В сентябре и октябре один американский офицер, генерал Эмбик, был послан генералом Маршаллом к нам, и я дружески предложил ему объехать кругом всего нашего побережья, осмотреть все оборонные сооружения и сообщить все заключения, к каким он пришел, как мне, так и его правительству. Генерал Эмбик оказался очень способным критиком и большим другом Британии. Однако я сразу почувствовал, что он был чрезмерным паникером. В конце ноября он составил свой рапорт и я привожу здесь мои примечания к нему, как я написал их в то время.

«Премьер-министр — ген. Исмэю, для Комитета начальников штабов. 23 нояб. 41 г.

Рапорт генерала Эмбика о британской системе обороны построен с учетом той силы вторжения, которая была принята в основу нашей подготовки. Эти данные были без сомнения сообщены генералу Эмбику, но я должен пояснить, что, если эти цифры были нами приняты с тем, чтобы поставить нашу оборону на должную высоту, то они покоятся не на каком-либо солидном базисе, но лишь на благоразумном преувеличении опасности...

Большой ошибкой этого доклада, как и многих других на ту же тему, является то, что он игнорирует следование событий во времени. Вторжение в таких крупных размерах не может быть подготовлено незаметно. Не только 800 предполагаемых десантных судов, но и много других кораблей и крупных судов должно скопиться в устьях рек и в гаванях. Эта процедура легко может быть обнаружена фотографиями с воздуха и наша авиация подвергнет эти скопления жестокой бомбежке, которая может длиться 2 недели и больше. Наши воздушные силы сейчас настолько сильны, что могут производить на побережье от Дюнкерка до Дьепа дневные атаки под охраной истребителей. Если трудности с посадкой на суда будут преодолены неприятелем, то все еще остается задача управления этими судами и переправа через море. К тому времени, надо полагать, наше сопротивление на море будет весьма сильным. Генерал Эмбик предполагает, что предупреждения не будет и что наши слабые силы будут заняты битвой за Атлантику. Но это неверно, если масштаб вторжения выйдет за рамки крупного рейда. Покажите мне расписание — на листе бумаги — что будет наш флот делать со дня на день от первого дня «алёрт» и до 20-го дня, и какие силы будут в наших руках?

Вся эта предварительная, но неизбежная фаза не играет никакой роли в представлении генерала Эмбика, однако именно в ней заключена главная и подлинная оборона Острова против вторжения. Желая натренировать нашу армию и сохранить ее ударную силу, мы естественно, подчеркивали то, что произойдет после высадки неприятеля; но наши морской и воздушный флоты имеют своей задачей расстроить неприятельскую «Армаду» и на-

нести ей решительное поражение еще до высадки. Это является обязанностью этих двух родов оружия и они не могут быть от нее освобождены».

**
*

К концу 1941 года, что было довольно неожиданно, мы могли уже со значительной уверенностью следить за ходом смертельной подводной войны. Благоприятные тенденции, на которые я указывал в секретном заседании Парламента в конце июня, с каждой неделей становились все более ясными. Наши ресурсы все возрастали. С июля мы были способны установить постоянный, хотя и слабый, эскорт наших караванов в северном Атлантическом океане и на пути во Фри-Таун. В то время, как Германия напрягала все свои силы, чтобы увеличить число своих подводных лодок, наше активное сотрудничество с США становилось реальностью. Наше новое оружие, хотя еще в детском состоянии, и удачное тактическое комбинирование наших морских и воздушных сил в борьбе с подводными лодками, все улучшались. Аппараты радара для морских судов, от которых так много зависело, пускались в производство — не без риска неудачи — прямо с чертежной доски изобретателя. Еще попрежнему бегство от противника было главным нашим средством обороны в море. День, когда мы могли позволить себе роскошь атаки, был еще далеко.

4 сентября американский эсминец «Грир» был безуспешно атакован подводной лодкой во время его одиночного плавания к Исландии. Неделю спустя, 11 сентября, президент издал свой приказ «стрелять первым». По радио он сказал: «Отныне, если германские или итальянские военные суда проникнут в воды, охрана которых необходима для обороны Америки, то

они сделают это на свой риск. Я, как Главнокомандующий Армией и Флотом США, отдал приказ о немедленном применении этой меры». 16 сентября впервые американский эскорт открыто сопровождал наш караван из Галифакса. Это было огромным облегчением для нашего переобремененного флота. Но еще два месяца прошло, прежде чем президенту удалось отделаться от закона о нейтралитете, который запрещал американским судам ввозить товары в Британию и даже иметь вооружение для самозащиты.

Я продолжал информировать генерала Смэтса.

«Премьер-министр — генералу Смэтсу. 14 сент. 41 г.

Я доволен актом президента, который может быть оценен вполне лишь в связи с сегодняшним разграничением движения в океане, принятым при нашей встрече. Ее (то есть американской зоны) граница идет от Северного полюса вдоль 10-го меридиана к Фарерским островам, затем отклоняется к югозападу до 26-го меридиана и следует вдоль него до экватора. Они (то есть американцы) будут нападать на каждый корабль Оси, встреченный в этой обширной зоне. На днях 16 германских подводных лодок отрезали один из наших караванов от южного мыса Гренландии, около 1000 миль вглубь запрещенной зоны. Когда я попросил, чтобы американские эсминцы были посланы с Исландии на помощь нашему эскорту, то они отправились немедленно и, если бы подводные лодки не исчезли тем временем, то англо-американские силы действовали бы против них совместно. Если бы США приняли на себя ответственность за все быстроходные британские караваны (за исключением перевозящих войска) между Америкой и Исландией, то наше Адмиралтейство могло бы оттянуть 40 из 52-х эсминцев и корветов, которые мы держим сейчас в Галифаксе, и сосредоточить их в территориальных водах. Это неоценимое подкрепление могло бы стать убийственным для неприятеля, если его обратить в дозорные патрули, охотящиеся за подводными лодками. Гитлер будет принуждён выбирать между проигрышем битвы за Атлантику и неизбежными частыми столкновениями с торговыми и

военными судами США. Мы знаем, что он придаёт больше значения тому, чтобы заморить нас голодом, чем вторжению. Американская публика приняла декларацию о «стрельбе без предупреждения», ещё не представляя себе огромных просторов, в которых она будет применяться, и, по моему мнению, она будет поддерживать президента в смысле самого полного и широкого применения этого принципа. Все вышесказанное предназначается лишь для вашей личной, строго секретной информации».

**
*

Хотя число германских подводных лодок увеличилось с 1940 г. впятеро, потери наши в тоннаже значительно сократились. С июля по ноябрь не было потоплено ни одного грузового судна из числа быстроходных караванов, отправлявшихся в Англию из Галифакса. Тихоходные караваны, отправляемые из Сиднея, на острове Кэйп Бритн (у берегов Канады), — за сохранность которых целиком были ответственны британские и канадские эскорты — также ни разу не были атакованы в течение июля и августа. Однако в сентябре в течение семи дней шел бой от Гренландии до Исландии (упомянутый в моей каблограмме генералу Смэту) со стаей подводных лодок, числом больше дюжины. Из 64 судов каравана было потоплено 16, подводных лодок потоплено две. 31 октября иммунитет караванов, идущих из Галифакса, от атак был, наконец, прерван; американский истребитель «Ройбин Джеймс» был торпедирован и пошел ко дну, причем погибло большое число людей. Это было первой потерей флота США в еще необъявленной войне. В августе ограничение числа судов, плывущих в одном караване, было отменено. Быстроходные и тихоходные караваны нередко бывали соединены в части их пути, и 9 августа такой комбинированный караван из ста судов благополучно доплыл к цели. В течение трех месяцев,

вплоть до конца сентября, средний недельный ввоз был около миллиона тонн, повышаясь на 80.000 тонн каждую неделю.

Наши воздушные патрули, наблюдавшие за германскими крейсерами в Бресте, заметили, что подводные лодки, стоявшие в портах Бискайского залива, обычно плыли из своих баз и обратно к ним по поверхности моря и пересекали залив по одному и тому же пути. Здесь представлялся удобный случай для наших «береговых команд»; но чтобы использовать его, нужны были два условия. Первое — это была проблема опознания цели. Хотя установленный на самолете радар теперь уже давал некоторые результаты, однако у нас не было средств, чтобы опознать цель ночью, пока, наконец, несколько позже, развитие аэропланых прожекторов не разрешило проблему. Второй нашей потребностью было орудие на борту самолета, способное потопить подводную лодку. Глубинные бомбы, которыми были вооружены наши самолеты, обладали недостаточной точностью попадания или силой заряда для коротких моментов возможной атаки. Тем не менее в течение трех месяцев, кончая ноябрем, было произведено 28 атак. В течение декабря неприятель был вынужден пересекать опасную зону залива либо в темноте, либо под водой. Таким образом время, в течение которого подводные лодки могли охотиться, было сокращено на 5 дней.

В августе самолет «Хадсон» береговой команды атаковал подводную лодку глубинными бомбами в прибрежных водах. Лодка была повреждена и не могла опуститься под воду и команда пыталась открыть огонь из орудия, но «Хадсон» подавил ее огнем своих пулеметов и впервые в истории войн подводная лодка выкинула белый флаг и сдалась аэроплану. В окружности не было ни одного надводного судна, но «Хад-

сон» упорно продолжал стеречь свою добычу. Он вызвал подмогу и на следующий день подводная лодка была отбуксирована тральщиком на Исландию. Позднее она была включена в список судов Королевского флота. Единственный в своем роде случай.

**
*

Новое бремя было теперь возложено на Британский флот. Необходимость помогать России заставила сосредоточить внимание на морских путях в Архангельск и Мурманск. В конце июля Вайэн — теперь адмирал — получил приказ произвести разведку кругом Шпицбергена. Он высадил на острове команду с тем, чтобы уничтожить склады угля и спасти нескольких норвежцев, которых немцы заставили работать на себя. Три немецких груженных угольщика были также захвачены в этой чисто проведенной операции. Приблизительно в то же время 56 самолетов с авианосцев «Фюриуз» и «Викториус» храбро атаковали германские суда в портах Петсамо и Киркенес у мыса Норд Кап. Были причинены некоторые повреждения, но мы потеряли 16 самолетов и налет не был повторен.

12-го августа первый караван из 6 судов для России отплыл из Ливерпуля через Исландию в Архангельск. С этого времени караваны в Россию отправлялись регулярно раз или два в месяц. Они плыли под сильной охраной и еще не сталкивались с неприятелем. Когда Архангельск замерз, то его заменил Мурманск. Было слишком много ликования и гласности по поводу успешной доставки снабжения русской армии и на следующий год мы за это тяжело поплатились.

**
*

Со вступлением России в войну германские нападения на суда вокруг наших берегов несколько утихли. Фокке-Вульфы рыскали кругом, но наши корабли, выбрасывающие катапультной летчика-истребителя и предназначенные именно для борьбы с этой опасностью, теперь как раз появились и вскоре достигли успеха. Сходящиеся пути в Англию из Гибралтара и Сьерра-Леоне оказались ареной германских воздушных и подводных атак: в течение августа и сентября они потопили 31 грузовое судно и три эскортных. Между ними был знаменитый истребитель «Коссак», столь же славный, как «Альтмарк» и «Бисмарк». Первый настоящий корабль-«эскорт-носец» «Одасити», имеющий 6 самолетов на стартовой палубе, вступил в службу в сентябре и немедленно показал свои достоинства. Он смог не только сбить или отогнать Фокке-Вульфов, но при помощи дневной воздушной разведки ему удалось задержать атаку подводных лодок и во время предупредить о них. «Одасити» стал моделью, по типу которой в последующие годы было построено в США большое число кораблей, которые сыграли видную роль в войне против подводных лодок и позднее в комбинированных земноводных операциях.

Сам «Одасити» имел короткую карьеру. Он был потоплен подводной лодкой 21 декабря после доблестной битвы, в которой он охранял идущий в Англию караван из Гибралтара. Капитан Ф. Д. Уокер, командовавший эскротом, особенно отличился в этом деле, длившемся несколько дней и ночей, причем из 9 нападавших подводных лодок было уничтожено 4 и помимо того 2 Фокке-Вульфа. В одну из нсчей его корабль «Аист» преследовал и протаранил в темноте подводную лодку. Оба корабля сошлись бортами так тесно, что 4-х дюймовые орудия «Аиста» не могли быть наведены и орудийной прислуге пришлось лишь потрясать кулаками и осыпать противника бранью, по-

ка глубинные бомбы не сделали свое дело. Капитан Уокер получил повышение и стал одним из лучших истребителей подводных лодок. До своей преждевременной смерти от болезни в 1944 г. он со своими командами успел пустить ко дну 20 подводных лодок, 6 из них в одном деле.

Следующим облегчением для нас в Атлантическом океане было решение немцев послать подводные лодки в Средиземное море. Пять из них были потоплены в Гибралтарском проливе и 6 других повреждены и вынуждены вернуться, но 24 успешно проскочили и, как будет видно из следующей главы, стали там настоящим бедствием для нас.

**
*

Война против нашей океанской торговли велась также при помощи германских судов, замаскированных под торговые. Австралийскому крейсеру «Сидней» повстречался «Рейдер Г» у западного берега Австралии. Немец, благодаря маскировке, сумел приманить к себе крейсер на близкое расстояние и открыл огонь в упор. Оба корабля затонули. 25 немцев были захвачены позднее, остальные, повидимому, высадились в Западной Австралии. Все 700 человек из команды «Сиднея» погибли. Это было мрачной трагедией в пустынных водах.

Несколько дней спустя «Рейдер С», который потопил уже 20 кораблей, всего около 140.000 тонн, был настигнут и потоплен крейсером «Дорсетшир». Потери, причиненные германскими замаскированными подводными рейдерами, которых было общим числом всего восемь, были следующие:

Число потопленных

Год.	судов.	Общий тоннаж.
1940	54	366.644
1941	44	226.527
1942	30	194.625
1943	6	49.482

Поэтому у нас уже в 1941 были солидные доводы, чтобы быть удовлетворенными общим результатом войны в океане за нашу торговлю. В ноябре 1941 г. наши потери от подводных лодок были наименьшими из всех после мая 1940 г. Вопреки всем хвастливым заявлениям Гитлера и увеличению числа его подводных лодок и самолетов, в 1941 г. потери Британии и Союзников в тоннаже были лишь немногим больше, чем в 1940. Конечно, на обеих сторонах было больше целей, но число потопленных нами германских и итальянских подводных лодок возросло с 42 (в 1940) до 53 (в 1941). Таблица, приведенная в конце этой главы, заслуживает внимательного изучения.

**
*

Таким образом, накануне решающего перелома в ходе войны мы достигли громадного увеличения нашего военного потенциала и еще продолжали увеличивать как наши материальные силы, так и умение разрешать стоящие перед нами проблемы. Мы чувствовали себя уверенно в обороне нашего Острова и были способны посылать войска за границу, поскольку нам это позволял наличный тоннаж. Мы с любопытством ждали будущего, но после всего пережитого, мы больше не боялись его. Вторжение не страшило нас, и в то же время наши живительные сношения через океан становились все крепче, шире, многообраз-

нее и плодоноснее. Наш контроль над подступами к нашим островам становился все прочнее с каждым месяцем. Клеши германской авиации и подводных лодок, грозившие задушить нас, были сломлены и неприятель был отогнан от наших берегов. Питание, вооружение и всяческое снабжение поступали все более широким и мощным потоком. Продукция наших заводов росла с каждым месяцем. Средиземноморье, Ливийская пустыня и Средний Восток были еще в опасности, но в конце ноября мы ощущали радость и благодарность за тот оборот, который война принимала для нас на суше, на море и в воздухе.

**ОБЩИЕ ПОТЕРИ В ТОННАЖЕ БРИТАНСКОГО,
союзного и нейтрального торгового флота и рыбачьих флотилий.**

В английских тоннах. В скобках — число погибших судов.

Период	П о г и б л о о т д е й с т в и я :					Всего
	Подводные лодки	Мины	Надводные суда	Воздуш- ные силы	Прочее	
3 сен. по 31 дек. 1939	423.769 (116)	262.697 (79)	61.337 (15)	2.949 (10)	7.253 (4)	758.005 (224)
1940	2.186.158 (471)	509.889 (201)	511.615 (94)	580.074 (192)	202.806 (100)	3.990.542 (1058)
1941	2.162.168 (429)	229.838 (108)	495.077 (113)	970.481 (324)	332.717 (167)	4.190.281 (1141)

Составлено 1 мая 1949 г.

БОЛЕЕ БЛИЗКИЙ КОНТАКТ С РОССИЕЙ

Два вопроса теперь доминировали в наших отношениях с Советским Союзом. Первый — неопределенные и неудовлетворительные результаты наших общих совещаний по военным вопросам, второй — требование России, чтобы мы прервали отношения с сателлитами Германии: Финляндией, Венгрией и Румынией. Как мы видели, недавние встречи в Москве внесли очень мало улучшений в прежнее положение дел. Относительно первого я послал 1-го ноября следующую записку министру иностранных дел:

«Премьер-министр — мин-ру иностр. дел. 1 нояб. 41 г.

Не знаю, когда мы это взяли за правило не устраивать совещаний по военным вопросам? Наоборот, разве мы не сказали им определенно, что мы хотели бы совещаться по военным вопросам? Конечно, я дал Бивербруку письменные инструкции, целиком посвященные общему военному положению, независимо от вопросов снабжения. Генерал Исмэй был послан в Россию со специальной целью начать военные обсуждения. Правда, фактически положение от этого не изменилось бы, так как в данный момент нет такого серьезного мероприятия, которое могло бы быть начато. Но он мог бы доказать фактами и цифрами, насколько нелепо и физически невыполнимо было предположение, что мы сможем послать «25-30 дивизий» на русский фронт. Он мог бы объяснить, что даже отправка двух-трех дивизий на любой конец русского фронта создала бы пробку в путях сообщения и сделала бы невозможной

доставку России снабжения. С другой стороны, я не понимаю, почему эти вопросы не были обсуждены на том или ином совещании. Без сомнения лорд Бивербрук и Сталин затрагивали военные вопросы.

Генерал Уэйвел был уже в Тифлисе и не нашел там никого, облеченного властью для серьезного разговора с ним. Он хорошо говорит по-русски и он отлично мог бы предпринять поездку в Москву. В течение ближайших месяцев мы можем проникнуть в Россию только с южного фланга.

Во всяком случае восстановим факты так, как они были в действительности.

Р.С. Вам следовало бы видеть телеграмму от Уэйвела, только что полученную; она показывает, как даже две дивизии к северу от Тавриза совсем застопорили Трансперсидскую железную дорогу».

Я чувствовал, что как только механизм военных совещаний будет налажен, то проблема наших координированных операций сможет обсуждаться разумным образом, который не приведет к недоразумениям. Неудовлетворительность сегодняшнего положения явствует из следующей моей записки:

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов. 5 нояб. 41 г.

1. Мы не знаем, ни когда немцы появятся на Кавказе, ни как долго будет длиться, пока они овладеют горным барьером. Мы не знаем, что будут делать русские, сколько войск они выставят, как долго они будут сопротивляться. Несомненно, что если напор немцев будет силен, то ни 50-я, ни 18-я британские дивизии не смогут поспеть вовремя. Мы в тисках, благодаря задержке с операцией «Крестonosец» в Ливийской пустыне, и в данный момент невозможно что-нибудь предсказать наперед. У меня нет уверенности в том, что удастся предотвратить занятие немцами нефтяных приисков в районе Баку или что русские смогут действительно уничтожить эти прииски. Рус-

ские не говорят нам ничего и с большим подозрением смотрят на все наши расспросы на эту тему.

2. Единственно, что мы можем сделать, это разместить четыре или пять эскадрилий тяжелых бомбардировщиков в северной Персии для помощи русским в обороне Кавказа, если это окажется возможным, и в худшем случае забросать бомбами Бакинские прииски и спалить их дочиста. Эти эскадрильи, конечно, потребуют охраны истребителей. Как бомбардировщики, так и истребители могут быть предоставлены лишь после того, как «Крестоносец» и его последствия смогут быть учтены. Однако уже заранее должен быть разработан план массового дальнего перелета из Ливии в Персию с целью как можно дольше охранять нефтяные прииски от захвата их неприятелем. Пожалуйста организуйте это дело в течение следующей недели, чтобы мы могли судить о размерах операции. Никто не может сказать, как долго русские будут удерживать господство на Черном море, хотя при их силах было бы непростительно потерять его».

**
*

Вопрос о разрыве отношений с Финляндией был впервые поднят, как мы видели, Майским при его визите ко мне 4 сентября. Я знал, что у русских в этом вопросе был очень определенный взгляд. Финны использовали нападение Германии на Россию для возобновления враждебных действий на Карельском фронте в июле 1941 г. Они надеялись вернуть себе территории, отторженные от них по Московскому договору в прошлом году. Их военные операции осенью 1941 г. представляли серьезную угрозу не только Ленинграду, но также и линиям снабжения русского фронта через Архангельск и Мурманск. С августа месяца как американское правительство, так и мы, предупреждали очень серьезно финнов о возможных последствиях такого положения. Их довод был тот, что они нуждались в

этой спорной провинции — Восточной Карелии — для их собственной безопасности от России и что история последних двух лет давала основания их опасениям. Но теперь, когда Россия была вовлечена в борьбу на жизнь и на смерть с Германией, для союзников было явно невозможно позволить финнам — в данном случае сателлиту Германии — перерезать на севере главные линии сообщения России с Западом.

Роль Румынии была сходна с ролью Финляндии. Русские захватили румынскую провинцию Бессарабию, а тем самым и полный контроль над устьем Дуная, в июне 1940 г. Теперь, под водительством маршала Антонеску и в союзе с Германией, румынские армии не только снова оккупировали Бессарабию, но и глубоко врезались в черноморские губернии России, так же, как финны в Восточной Карелии. Венгры тоже, захватив важные узлы сообщения в центральной и юго-восточной Европе, оказывали прямую помощь немцам в их военных усилиях.

Но я вовсе не был уверен, что в данной ситуации объявление войны было бы правильным образом действия. Здесь была еще и иная возможность: под давлением США и Британии Финляндия могла согласиться на мир на справедливых и разумных условиях. В случае Румынии были по меньшей мере все основания надеяться, что диктаторский режим Антонеску не будет длиться до бесконечности. Я поэтому решил обратиться снова к маршалу Сталину по обоим вопросам с целью составления плана военного сотрудничества и избежания объявления войны этим сателлитам Держав Оси.

«Премьер-министр — премьеру Сталину. 4 нояб. 41 г.

1. Чтобы выяснить положение и составить план на будущее, я готов послать генерала Уэйвела, главнокоман-

дующего в Индии, Персии и Ираке, для встречи с вами в Москве, Куйбышеве, Тифлисе или где вам угодно. Помимо того, вместе с генералом Уэйвелом прибудет также генерал Пэджет, наш новый главнокомандующий, секретно предназначенный для Дальнего Востока. Генерал Пэджет посвящен во все дела и в курсе всех последних проектов и замыслов Верховного Командования. Эти два офицера смогут рассказать вам точно: как обстоят наши дела, что сейчас является возможным, и что мы считаем разумным. Они могли бы прибыть к вам через 2 недели. Хотите ли вы этого?

2. Мы написали вам в письме от 6 сентября, что мы готовы объявить войну Финляндии. Однако обдумайте хорошенько, стоит ли в самом деле Великобритании объявлять в данный момент войну Финляндии, Венгрии и Румынии? Это было бы лишь формальностью, так как наша строгая блокада уже действует против них полной силой. Я был бы против этого, ибо, во-первых, Финляндия имеет много друзей в США и с этим фактом надо считаться. Во-вторых, Румыния и Венгрия: эти страны полны наших друзей; они были покорены Гитлером и использованы, как орудие его политики; но если фортуна повернется против этого хулигана, то они легко могли бы вернуться на нашу сторону. Объявление войны Британией только сковало бы их всех вместе и Гитлер сделался бы как бы главной великой европейского Союза, обращенного против нас. Прошу вас не думать, что какие-то чувства дружбы или товарищества заставляют нас сомневаться в выгоде этого шага. Наши доминионы, кроме Австралии, противятся этому. Тем не менее, если вы думаете, что это действительно помогло бы вам, и притом значительно, то я поставлю снова этот вопрос в Кабинете.

3. Я надеюсь, что посылаемое нами снабжение вывозится из Архангельска немедленно по прибытии. Теперь оно начинает притекать и через Персию. Мы будем заваливать оба пути до отказа. Пожалуйста позаботьтесь, чтобы наши специалисты, прибывающие к вам вместе с танками и самолетами, имели полную возможность передать это оружие вашим людям в самых благоприятных условиях. В настоящее время наша миссия в Куйбышеве не имеет отношения ко всем этим делам. Она только хочет помогать.

Это оружие посылается на наш риск и мы озабочены тем, чтобы оно дошло благополучно. Необходимы ваши распоряжения.

4. Я могу сказать вам о наших непосредственных военных планах не больше, чем вы можете сказать мне о ваших, но будьте уверены, что мы не намерены сидеть сложа руки.

5. Чтобы заставить Японию сидеть смирно, мы посылаем наш новейший линейный корабль «Принц Уэльский», который может догнать и уничтожить любой японский корабль, в Индийский океан и создаем там могучую боевую эскадру. Я убеждаю президента Рузвельта усилить его давление на японцев и держать их в страхе, чтобы они не могли блокировать дорогу на Владивосток.

6. Я не буду тратить слов на комплименты, ибо вы знаете уже от Бивербрука и Гарримана, как высоко мы оцениваем вашу блестящую борьбу. Прошу вас не сомневаться, что мы будем неустанно поддерживать Вас.

7. Я хотел бы иметь непосредственно от вас подтверждение о получении этой телеграммы.

11 ноября Майский принес мне расхолаживающий и уклончивый ответ Сталина на мое письмо.

«Сталин — премьер-министру.

8 нояб. 41 г.

1. Ваше письмо получено 7 ноября.

Я вполне согласен с вами, что ясность должна быть установлена в отношениях между СССР и Великобританией. Такой ясности сейчас нет. Отсутствие ясности проистекает из двух обстоятельств:

а) между нашими двумя странами нет точной договоренности относительно целей войны и планов послевоенной организации всеобщего мира.

б) между СССР и Великобританией нет соглашения о взаимной военной поддержке против Гитлера в Европе.

Пока не будет соглашения по обоим этим пунктам, до тех пор не может быть ясности в англо-советских отно-

шениях. Более того: говоря откровенно, пока существует сегодняшняя ситуация, будет трудно установить взаимное доверие. Конечно, соглашение о военном снабжении для СССР имеет огромную положительную ценность, но оно не разрешает и не исчерпывает всей проблемы взаимоотношений между нашими двумя странами. Если генерал Уэйвел и генерал Пэджет, которых вы упоминаете в вашем письме, придут в Москву, чтобы заключить соглашение по двум основным вопросам, упомянутым выше, то я естественно буду счастлив встретить их и обсудить с ними эти вопросы. Если же, однако, миссия генералов ограничивается информацией и обсуждением второстепенных вопросов, то я полагаю, не стоило бы пока что утруждать генералов. В таком случае и мне было бы очень затруднительно найти время для разговоров.

2. Мне кажется, что в вопросе объявления Великобритании войны Финляндии, Венгрии и Румынии создалось невыносимое положение. Советское правительство обратилось с этим вопросом к британскому правительству секретным дипломатическим путем. Совершенно неожиданно для СССР весь вопрос — начиная с обращения советского правительства к британскому правительству и кончая обсуждением этого вопроса правительством США — получил широкую огласку. Вся проблема теперь обсуждается как попало в печати как дружественной, так и враждебной. И после всего этого британское правительство извещает нас о своем отрицательном отношении к проекту. К чему все это было сделано? Чтобы показать отсутствие единства между СССР и Великобританией?

3. Вы можете быть уверены, что мы принимаем все необходимые меры, чтобы ускорить перевозку в соответствующие места оружия, прибывающего из Великобритании в Архангельск. То же самое будет сделано в отношении пути через Персию. В связи с этим позволяю себе обратить ваше внимание на тот факт (хотя и меньшего значения), что танки, самолеты и артиллерия прибывают в плохой упаковке, что иногда части тех же машин грузятся на разные суда, и что самолеты, благодаря недостаточной упаковке, приходят к нам сломанными».

Повидимому, Сталин сам, спустя некоторое время, почувствовал, что он зашел слишком далеко в тоне своего письма, на которое я не собирался отвечать. Молчание было выразительным. 20-го ноября советский посол в Лондоне посетил м-ра Идена в министерстве иностранных дел. Нижеследующее есть запись Идена о его разговоре, посланная сэру Стэффорду Крипсу, находившемуся тогда в Куйбышеве.

«Советский посол просил о свидании со мной сегодня после полудня; при этом свидании он сказал мне, что он получил инструкцию от Сталина, который поручил ему сообщить мне, что, посылая свое недавнее письмо премьер-министру, он имел ввиду только практические и деловые вопросы. Сталин, конечно, не имел намерения обидеть кого-либо из членов правительства и менее всего премьер-министра.

М-р Сталин был слишком занят положением на фронте и фактически не имел возможности думать о чем-либо ином, помимо дел на фронте. Он возбудил важные практические вопросы о взаимной военной помощи против Гитлера и о послевоенной организации мира. Эти вопросы очень важны и было бы крайне нежелательно осложнять их личными недоразумениями или эмоциями. М-р Сталин также должен был превозмочь известные личные переживания в соблюдении избранной им линии, так как вопрос о Финляндии глубоко задел его, как и весь Советский Союз. «Моя родина, — сказал Сталин, — находится в унижительном положении. Наша просьба была секретной. Теперь все дело разглашено, также и тот факт, что правительство Его Величества не сочло возможным исполнить советскую просьбу. Это поставило мою страну в унижительное положение и произвело подавляющее действие на дух моего народа». М-р Сталин почувствовал себя лично оскорбленным этим, но, несмотря на это, он все еще преследует лишь одну цель: достигнуть соглашения о взаимной военной помощи против Гитлера в Европе и о послевоенной организации всеобщего мира».

Ответ Сталина показал, что одни чисто военные разговоры не могут привести к каким-либо конкретным результатам при настоящем настроении умов у русских лидеров. Почти истерическая нота в письме Сталина о Финляндии показала глубокое расхождение во взглядах между нашими двумя странами. Поэтому я решил сделать дальнейшую попытку сгладить отношения между нами, предложив послать самого Иде-на с миссией в Россию. С этой целью я телеграфировал Сталину 21-го ноября следующее:

«1. Очень благодарен за известие от вас, только что полученное. С самого начала войны я начал личную корреспонденцию с президентом Рузвельтом, которая привела к тому, что между нами установилось прочное взаимное понимание, и это часто помогало быстрому разрешению вопросов. Мое единственное желание — работать и с вами в той же атмосфере дружбы и доверия.

2. О Финляндии. Я был совсем уже готов советовать Кабинету объявить войну Финляндии, когда я послал вам мою телеграмму от 4 сентября. Но позднейшая информация привела меня к мысли, что для России и для общего дела будет гораздо лучше побудить финнов прекратить военные действия и остаться на местах или разойтись по домам, чем толкать их на скамью подсудимых вместе с виновниками — Державами Оси, объявляя им формально войну и заставляя их воевать до конца. Однако, если они не остановятся в ближайшие две недели и вы будете все еще настаивать на объявлении войны им, то мы, конечно, это сделаем. Я согласен с вами, что оглашение было большой ошибкой. Но мы, конечно, за это не ответственны.

3. Если наше наступление в Ливии приведет, как мы надеемся, к уничтожению там германо-итальянской армии, то станет возможным оценить общий план войны с большим успехом, чем это было доступно правительству Его Величества до сих пор.

4. С этой целью мы предполагаем в близком будущем послать к вам нашего министра иностранных дел, м-ра Идена, вам знакомого, для встречи с вами в Москве или

где бы то ни было. Его будут сопровождать эксперты, как военные, так и иные, и он сможет обсудить с вами любой вопрос, касающийся войны, включая посылку войск не только на Кавказ, но и на боевой фронт ваших армий на юге. Ни наши ресурсы тоннажа, ни пути сообщения не позволяют провести подобную операцию в широких размерах и даже при том условии вам предстоит выбор между войсками или снабжением через Персию.

5. Я замечая, что вы хотите также обсуждать послевоенную организацию всеобщего мира. Наше намерение — продолжать войну в союзе с вами и в постоянной консультации с вами до крайнего предела наших сил, как бы долго это ни длилось, и если война будет нами выиграна, в чем я уверен, то мы надеемся, что Советская Россия, Великобритания и США сойдутся за столом победителей как три главных партнера, силами которых нацизм будет уничтожен. Естественно, что первой задачей будет воспрепятствовать Германии, и в частности Пруссии, ворваться к нам в третий раз. Тот факт, что Россия — коммунистическое государство, а Британия и США таковыми не являются и не собираются стать, не мешает нам составить общий план для нашей взаимной безопасности и охраны наших законных интересов. Наш министр иностранных дел сможет обсудить с вами все эти вопросы.

6. Легко может случиться, что ваша оборона Москвы и Ленинграда, равно как и ваше блестящее сопротивление вторжению на всем русском фронте, нанесет смертельный удар внутренней структуре нацистского режима. Мы не должны рассчитывать на такой счастливый случай, нам просто достаточно продолжать бить их изо всей силы.

Через два дня пришел ответ Сталина, уже в более спокойном тоне:

23 нояб. 41 г.

«1. Большое спасибо за ваше письмо. Я искренне приветствую выраженное в вашем письме желание сотрудничать со мною путем личной корреспонденции на основе дружбы и доверия. Я надеюсь, что это очень поможет успеху нашего общего дела.

2. По вопросу о Финляндии: СССР никогда не предполагал ничего иного — по крайней мере в первой инстанции — как прекращение военных действий и фактический выход Финляндии из войны. Но если Финляндия откажется пойти даже на это в течение указанного вами короткого периода, то я полагаю, что объявление Великобританией войны было бы разумным и необходимым. Иначе могло бы создаться впечатление, что между нами нет единства в вопросе войны с Гитлером и с его наиболее яркими пособниками, и что соучастники гитлеровской агрессии могут безнаказанно делать свое дело. В отношении Венгрии и Румынии мы можем, пожалуй, немного подождать.

3. Я всецело поддерживаю ваше предложение о скором приезде в СССР министра иностранных дел м-ра Идена. Я думаю, что наши совместные обсуждения и последующее соглашение об общих военных операциях советских и британских сил на нашем фронте, равно как и скорая реализация такого соглашения, имели бы огромное положительное значение. Это верно, что обсуждение и принятие плана послевоенной организации всеобщего мира должны быть построены на основной идее: не допустить, чтобы Германия, и прежде всего Пруссия, смогли еще раз нарушить мир и вовлечь народы в страшную бойню.

4. Я также всецело согласен с вами, что различия в организации государства между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США с другой стороны, не должны и не могут помешать нам достигнуть успешного разрешения всех основных вопросов, касающихся нашей взаимной безопасности и наших законных интересов. Если в этом отношении есть еще кое-какие упущения и сомнения, то я надеюсь, что они будут полностью ликвидированы в течение переговоров с м-ром Иденом.

5. Прошу вас принять мои поздравления по поводу успешного начала британского наступления в Ливии.

6. Борьба советских армий против войск Гитлера продолжает быть напряженной. Однако, вопреки всем трудностям, сопротивление наших сил растет и будет расти. Наша воля к победе над врагом непреклонна.

В результате настойчивого обращения Сталина было решено ускорить подготовку объявления ультиматума с предельным сроком ответа, как финнам, так и Румынии и Венгрии. Я очень неохотно уступил этим настояниям, как показывают следующие записки:

«Премьер-министр — мин-ру иностр. дел. 28 нояб. 41 г.

Вы, повидимому, считаетесь уже как с фактом, что война будет объявлена всем трем державам (Финляндии, Румынии и Венгрии) 3 декабря. Я не хотел бы принимать этого решения прежде, чем мы будем знать: что Финляндия предпримет? Сверх того, 3 декабря — это очень близко. Две недели после моей телеграммы Сталину истекают 5-го. Только сегодня вечером я посылаю телеграмму Маннергэю. Мы должны дать приемлемый срок для ответа.

Мое мнение об этой мере, как неблагоприятной, остается неизменным, и я все еще надеюсь, что финны уступят. Я не ожидал, что в данной конъюнктуре придется прибегнуть к такому шагу».

«Премьер-министр — мин-ру иностр. дел. 29 нояб. 41 г.

Финляндия и Ко. Я не хочу, чтобы меня торопили, если есть шансы удержать Финляндию от участия в большой войне. См. также мою телеграмму Сталину от 21 ноября, которая гласит: «если они не остановятся в ближайшие две недели и вы будете все еще настаивать на объявлении войны им...» Поэтому порядок действий должен быть следующий: если мы до 5-го не услышим, что финны собираются уходить, или услышим, что они проявляют упорство, то мы тогда телеграфируем Сталину, что «если он все еще настаивает», то мы объявим войну немедленно. За этим последуют декларации румынам и венграм, опять-таки в согласии с его желанием».

В то же время я считал полезным, с ведома и согласия советского правительства, сделать последнее и притом личное обращение к правителю Финляндии, фельдмаршалу Маннергейму.

«Премьер-министр — фельдмаршалу Маннергейму.

29 нояб. 41 г.

Я глубоко опечален тем, что, повидимому, на нас нагоняется, а именно, что через несколько дней мы будем вынуждены из лояльности к нашему союзнику России объявить войну Финляндии. Если мы это сделаем, мы будем вести войну тоже так, как позволяют благоприятные обстоятельства. Ваши войска, без сомнения, продвинулись вперед уже достаточно для обеспечения вашей безопасности в течение войны и могли бы теперь остановиться и сделать передышку. Нет необходимости выпускать публичное заявление, достаточно просто перестать сражаться, прекратить военные операции (к чему суровая зима дает веские основания) и де-факто выйти из войны. Я хотел бы убедить Ваше Превосходительство в том, что мы вскоре разобьем нацистов. Я чувствую сейчас это гораздо сильнее, чем в 1917-1918 г. Для многочисленных друзей вашей страны в Англии было бы крайне больно, если бы Финляндия очутилась на одной скамье подсудимых с виновными и разбитыми наци. Мои воспоминания о наших приятных встречах и переписке о прошлой войне заставляют меня послать вам это чисто личное и частное письмо на ваше усмотрение, пока еще не поздно».

2 декабря я получил от фельдмаршала Маннергейма следующий ответ:

«Фельдмаршал Маннергейм — премьер-министру Черчиллю.

2 дек. 41 г.

Вчера я имел честь получить через посредство американского министра в Хельсинках ваше послание от 29 ноября 1941 и я благодарю вас за ваше любезное обращение ко мне с этим частным письмом. Вы поймете, я уверен, что для меня невозможно прекратить идущие военные операции до тех пор, пока мои войска не достигнут тех по-

зиций, какие, по моему мнению, обеспечат нам требуемую безопасность. Я сожалел бы, если бы эти операции, проводимые с целью охраны Финляндии, привели мою страну к конфликту с Англией, и я буду глубоко опечален, если вы сочтете себя вынужденными объявить войну Финляндии. С вашей стороны было очень любезно прислать мне личное послание в эти трудные дни и я полностью оценил это».

Этот ответ ясно показывал, что Финляндия не намерена была отвести свои войска к границам 1939 года и поэтому британское правительство продолжало свои приготовления к объявлению войны. Такие же меры приняты были в отношении Румынии и Венгрии.

**
*

На фоне этих событий шли приготовления к отъезду миссии Идена в Москву. Его должен был сопровождать генерал Най, помощник начальника Имперского Генерального Штаба. В предстоящих разговорах в Москве должен был быть составлен полный обзор войны, как в военном, так и в общем аспекте, и отношения между союзниками должны были, если возможно, быть закреплены формальным письменным договором.

5 декабря я набросал генеральную директиву для министра иностранных дел, дающую различные аспекты военного положения, с нашей точки зрения. Битва в Ливийской пустыне, которая дальше будет описана, была уже в полном разгаре.

5 дек. 41 г.

«1. Затяжка битвы в Ливии, которая высасывала из Держав Оси так много сил и средств, по всей вероятности потребует участия как 50-й, так и 18-й британских дивизий, которые мы надеялись использовать для обороны

Кавказа или для действий на русском фронте. Поэтому в ближайшее время на эти дивизии там нельзя рассчитывать. Наилучшей помощью с нашей стороны (помимо снабжения) была бы посылка крупного соединения авиации — скажем 10 эскадрилий — на южный фланг русских армий, где они, помимо всего прочего, могли бы помогать в охране русских морских баз на Черном море. Эти эскадрильи можно было бы взять из Ливийской армии, сразу же, как только там будет достигнут успех. Переброска личного состава и запасов снабжения не загрузит трансперсидскую коммуникацию, как было бы в случае перевозки пехотных дивизий. Верховному командованию на Среднем Востоке было поручено составить графики этого передвижения, выполнение которого будет, конечно, зависеть от данных, доставленных подробной разведкой.

2. Позиция Турции приобретает все большее значение, как для России, так и для Великобритании. Турецкая армия в 50 дивизий нуждается в воздушной поддержке. Мы обещали Турции от 4-х до 12 эскадрилий истребителей в случае, если на нее будет произведено нападение. Для этого случая мы могли бы выделить несколько эскадрилий, предназначенных к отправке на южно-русский фронт. Наилучший план использования наших воздушных сил на обоих берегах Черного моря и требуемые там типы самолетов должны быть установлены в зависимости от обстоятельств, по консультации между британскими и русскими правительствами и штабами».

**
*

В течение этих переговоров острота военного кризиса на русском фронте несколько уменьшилась. Гитлер решил сделать еще одно крупное усилие и 13 ноября он отдал приказ об «осенней кампании» для взятия Москвы еще в этом году. Бок и Гудериан воспротивились этому плану, они считали, что армии должны окопаться на зиму. Их протест был отвергнут. Некоторый успех был достигнут на флангах в последних числах ноября, но главная атака в центре, начатая 4

декабря, окончилась полной неудачей, не только вследствие упорного сопротивления гарнизона и жителей, но также по причине наступивших резких холодов. Автоматы отказывались работать; самолеты и танки нельзя было запустить в ход. Недостаточно тепло одетые, немецкие солдаты наполовину замерзали.

Подобно великому военному гению, который шел этой дорогой 100 лет тому назад, теперь и Гитлер узнал, что такое русская зима. Он склонился перед неумолимым фактом. Отдан был приказ об отступлении на лучшие позиции в тылу, хотя в это же время приходилось отбивать атаки русских. В этих атаках недостатка не было. До самого Нового Года они шли непрерывно и немецкие войска, как севернее, так и южнее Москвы, были отброшены назад, пока, наконец, 31 декабря фронт не был стабилизирован в расстоянии 60 миль от Москвы — после того, как немцы были от нее всего в 20 милях. На севере немцы имели не больше счастья. Ленинград был фактически совершенно отрезан и тесно обложен с юга немцами, а с севера финнами. Но все атаки были отражены. На юге у немцев шло успешнее. Рундштедт достиг Ростова-на-Дону и обогнул Азовское море к Кавказу. Здесь он зарвался и был отброшен назад на 40 миль. Тем не менее, он продвинулся на 500 миль. Южный индустриальный район России и хлеботородная Украина лежали позади. Только в Крыму еще оставалось выбить или уничтожить русских.

Таким образом в 6-ти месячной кампании немцы достигли громадных результатов и нанесли неприятелю такие потери в живой силе, каких ни одна другая нация не могла бы выдержать. Но три главные объекта, которых немцы добивались — Москва, Ленинград и устье Дона — все еще прочно находились в русских руках. До Кавказа, Волги и Архангельска немцам бы-

ло еще далеко. Русская армия, еще вовсе не побеждённая, сражалась лучше, чем когда-либо, и без сомнения должна была к следующему году усилиться. Зима наступила. Несомненно, предстояла еще долгая война.

Все антинацистские страны, большие и малые, радовались первому неукладу германской молниеносной войны. Угроза вторжения на наш Остров отодвигалась на все время, пока германские армии ведут борьбу на жизнь и на смерть на востоке. Как долго еще эта борьба может длиться — никто не мог сказать. Гитлер, по крайней мере, был еще уверен в своем будущем. Многие споры, какие он вёл в течение осени со своими генералами, и их неспособность выполнить его далеко идущие намерения, заставили его отстранить главнокомандующего Браухича. Рундштедт ушел тоже. С этого момента Гитлер взял в свои руки командование армиями на востоке, с верою в свое военное дарование и с уверенностью в неизбежном крушении русских в начале 1942 года.

В наших переговорах с СССР, которые в последнее время, повидимому, шли успешнее, мы считались с намеченным переходом генерала Окинлека в наступление в Ливийской пустыне, которое будет предметом следующей главы. Как наши переговоры, так и это наступление были равным образом отодвинуты на задний план нападением Японии на США в Перл-Харбор 7 декабря. Мы вернемся еще к ним в надлежащий момент, в порядке нашего изложения различных группировок мировых сил.

9.

ПРЕДСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Как политика, так и личные симпатии привели к тому, что у нас с президентом установилась оживленная переписка. Еженедельно, а иногда чуть ли не ежедневно, я сообщал ему в точности всё, что мне было известно о взглядах и намерениях Британии и об общем ходе войны. Нет сомнения, что этот регулярный обмен мыслей овладел его вниманием и вызывал в нем живой интерес и симпатию. Его ответы были, естественно, более сдержанными, но теперь я уже отлично знал его взгляды и желания. Я стоял во главе страны, отбивающейся от смертельных врагов. Он стоял еще выше, был правителем мощной нейтральной державы, которую он хотел во что бы то ни стало ввести в бой за свободу. Но он до сих пор ещё не видел пути к этому. Тем временем Британия должна была составить себе свой собственный план войны: как одолеть Гитлера; как развить и использовать свои силы до наивысшей возможной степени; как помочь русским снабжением и всяческими диверсиями; и прежде и превыше всего — как удержаться самим?

У меня был план на остаток 1941 года и на 1942 год, который сложился у меня в голове и был в основном Комитетом Начштабов поддержан. Этот план был в то время, конечно, построен на предположении, что США всё ещё остаются вне войны, но в то же время дают нам всё, что только разрешит Конгресс. Благо-

даря моей переписке с президентом, мне было известно, что он был сильно заинтересован морскими операциями, и в частности смотрел на французскую Северную Африку, включая Дакар, и на испанские и португальские острова в Атлантике с исключительным интересом, не только с общеамериканской, но и со своей личной точки зрения. Она вполне гармонировала с моими собственными взглядами, а также — я надеюсь, что это будет признано — с той стратегией, которая была единственной возможной, пока мы были одни, и в то же время наилучшей, которой мы могли бы держаться вместе с США, если бы они вступили в войну.

Я надеялся, что мы сможем одержать решающую победу в Ливийской пустыне и отогнать Роммеля обратно через Ливию и Триполитанию. Если бы всё шло гладко, то мы могли надеяться отобрать от Виши и Тунис, и Алжир, и Марокко, а может быть даже привлечь и самоё Виши. Эта цель была лишь надеждой, построенной в свою очередь на надежде. Но мы держали у себя в Соединенном Королевстве наготове одну танковую и три пехотные дивизии и транспортные средства, достаточные для переброски этих дивизий на западное побережье Средиземного моря в то время, пока германская авиация занята в России.

Если бы мы захватили Триполи и Франция при этом не двинулась, то, опираясь на Мальту, мы могли бы обрушиться на Сицилию и создать там «второй фронт» в Европе — единственно возможный для нас, пока мы были одни на Западе. Я не видел впереди ничего иного, кроме Норвегии, как бы ни была удачна наша кампания на суше в следующем, 1942-м году. План захвата Сицилии был тщательно разработан Штабами и Плановым Комитетом. Этому плану мы дали название «Бич».

Как только Роммель был бы разбит и его маленькая дерзкая армия уничтожена, как только Триполи стало бы нашим, мы могли бы послать 4 дивизии наших лучших войск, примерно 80.000 солдат, для высадки и занятия Сицилии. Германская авиация, причинявшая нам столько вреда с аэродромов Сицилии, была теперь переброшена в Россию и сейчас на острове не было германских войск. Когда наша экспедиция выйдет в море и пройдёт через Гибралтар, она будет конечно обнаружена. Но неприятель не будет знать — идёт она во французскую Северную Африку — Бизерту, Алжир, Оран, — или же направляется к Сицилии и Сардинии. Таковы благоприятные перспективы, открывающиеся для наших морских сил. Какой иной план наступательных действий был возможен для Британской Империи в 1942 г.? Как и где могли бы мы схватиться с немцами иначе и в большем масштабе? Какой иной план мог предоставить нам такой богатый выбор возможностей, столь ценных среди неверных случайностей войны? Этот план мог оказаться выше наших сил. Он мог быть ошибочным. Но, во всяком случае, он не подвергал опасности ни наши жизненно важные пути сообщения через Атлантику, ни оборону нашей страны.

Однако, одно дело — видеть перед собой путь, и другое — иметь возможность пойти им. И всё же лучше иметь трудный план, чем никакого. Всё зависело прежде всего от успеха долго подготовляемого наступления генерала Окинлека в Западной Пустыне. Все расчёты должны были быть снова проверены в предвидении неизвестной опасности, встававшей перед нами в случае проникновения немцев к Каспийскому морю или движения их на восток через Турцию или же через Сирию, Палестину, Персию или Ирак. Но в общем я считал всё это сравнительно маловероятным. И действительно, этот взгляд оказался правильным. В

процессе построения и развития этих предполагаемых схем я увлёк за собою Наштабов и моих коллег по Комитету Оборона и Военному Кабинету: они разделяли мое мнение и оказывали мне поддержку. В конце концов всё исполнилось в точном предначертанном порядке, но не ранее, как в 1942-43 гг. и в совсем иных, более благоприятных для нас условиях, чем те, что нам рисовались в октябре 1941 г.

*
*
*

Между тем, как все эти соображения постепенно овладевали умами наших ведущих кругов, я решил, что подготовка аппарата и плана нашего вторжения на континент Европы должна вестись неослабно. Адмирал Роджер Кииз достиг теперь 70 лет от роду. Он оказал стране неоценимые услуги в создании ударных групп и команд для быстрых налётов и в разработке планов организации армии вторжения. Но его высокий ранг и его личные качества способствовали созданию известных трений в министерствах наших вооружённых сил; и я пришёл к заключению — к моему большому сожалению — что возглавление намеченной заграничной организации надо возложить на иного, более молодого начальника. Лорд Луи Маунтбатэн был всего лишь капитаном королевского флота, но его подвиги и способности делали его, по моему мнению, наиболее подходящим кандидатом на этот пост. Он был в это время в командировке в США со специальной миссией и был принят там с большим почётом. Он принимал участие в плавании Тихоокеанской эскадры США и по возвращении в Вашингтон имел долгую аудиенцию у президента: мы поручили ему рассказать президенту о наших приготовлениях к высадке на континенте и о лелеемых мною планах. Президент оказал ему полное доверие и пригласил его пого-

стить в Белом Доме. Но прежде, чем это могло осуществиться, я вынужден был отозвать его домой.

«Премьер-министр — лорду Луи Маунтбатэну 10 окт. 41 г.

Вы нам нужны здесь немедленно для чего-то, что вы найдете крайне интересным».

«Премьер-министр — Гарри Гопкинсу. 10 окт. 41 г.

Нам нужен здесь Маунтбатэн для крайне важного и спешного дела. Пожалуйста передайте президенту, что М. в отчаянии от того, что он не может воспользоваться приглашением в Белый Дом, которым он был осчастливлен. Он будет просить об аудиенции перед отъездом».

**
*

Я был раздражен новой отсрочкой почти на две недели, которой Окинлек требовал для завершения своих приготовлений.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 18 окт. 41 г.

Ваша телеграмма подтвердила мои опасения. Вы назначили дату и сообщили ее Комитету Обороны; хотя мы считали отсрочку крайне опасной, мы приняли эту дату и считались с нею в наших общих планах. Мы не в состоянии объяснить Парламенту и Нации — почему наши армии на Среднем Востоке бездействуют уже 4½ месяца в то время, как Россию непрестанно колют во-всю. Я до сих пор всячески уклонялся от публичного обсуждения этой темы, но это может разразиться в любую минуту. Сверх того немногие драгоценные недели, когда мы могли бы использовать наш успех, быстро проходят. Я не получил ни предупреждения о новой отсрочке, ни объяснения причин ее. В понедельник я должен сообщить Военному Кабинету — сколько дней новой отсрочки вы теперь требуете?

Помимо того, Лорд хранитель печати уезжает в по-

недельник в США и он везёт с собой личное послание президенту. В этом послании, которое будет вручено Ф. Рузвельту с глазу на глаз и затем сожжено, или возвращено отправителю, — я предполагаю заявить, что в начале ноября, в полнолуние, вы начинаете наступление. Мне необходимо доверить президенту нашу тайну и таким образом побудить его к дружеской помощи. Ввиду того, что мы намечаем операцию «Бич»*), я прошу президента послать 3 или 4 американские дивизии, чтобы освободить наши войска в Северной Ирландии, как гарантию против весеннего вторжения к нам. Я назначил отъезд миссии Лорда хранителя печати, исходя из срока наступления, данного вами. Конечно, если дело идёт всего о двух-трёх днях, то это ещё терпимо. Однако мне невозможно руководить общим ходом войны, если в принятый план вносятся важные изменения без предупреждения и без мотивировки. Поэтому прошу телеграфировать во-время.

Дата наступления была окончательно установлена на 18 ноября, как этого желал генерал Окинлек.

**
*

Чувствуя, что настроение президента складывается благоприятно для нас, я решил накануне этой значительной операции Окинлека в Ливийской пустыне посвятить президента в мою идею целиком. К. Эттли, теперь уже общепризнанный заместитель премьер-министра, должен был прибыть в Вашингтон для участия в Международной Рабочей Конференции. Я послал с ним президенту нижеследующее письмо. Оно ясно показывает, как совпадали мысли мои и Рузвельта.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР — ПРЕЗИДЕНТУ

20 окт. 41 г.

Часть I

Мой дорогой президент,

1. В какой-то момент этой осенью генерал Окинлек

*) Вторжение в Сицилию.

начнёт наступление на германские и итальянские армии в Киренаике всеми своими силами*). Мы полагаем, что он будет сильнее неприятеля в пехоте, в артиллерии, в авиации и в особенности в танках. Его целью будет уничтожение неприятельских вооруженных сил, прежде всего его танков, и взятие Бенгази в возможно кратчайший срок.

2. Если эта операция будет успешна, то наши дальнейшие планы, прежде всего быстрое продвижение на Триполи, — могут быть выполнены. Если и эти дальнейшие операции будут успешны, то можно ожидать важных последствий, которые заслуживают предварительного изучения.

3. Генерал Вейган может быть побуждаем к вступлению в войну, или же немцы могут потребовать от него или от Виши таких уступок и льгот во французской Северной Африке, которые вовлекут его в войну.

4. Для того, чтобы использовать представляющиеся возможности, мы будем держать наготове силы, равные одной танковой и 3-м пехотным дивизиям, с необходимым тоннажем, начиная с середины ноября. Эти силы могли бы высадиться, по приглашению французов, в Марокко, например в Казабланке, или же в Средиземном море и содействовать нашей победе в Ливии.

5. Чтобы лучше прикрыть эти наши приготовления, мы разработали широкий план высадки на побережье Норвегии, а также в Мурманске, в помощь русским. Это существенно и само по себе, и в то же время служит прикрытием наших южных планов.

6. Поэтому весьма вероятно, что нам придётся послать из Британии 4 или даже 5 дивизий, помимо 18-й

*) Дата наступления и название операции «Крестоносец».

дивизии, которая прибудет в Галифакс 7 ноября на своём пути вокруг Мыса Доброй Надежды в Суэц. Надо ожидать, что, как скоро Гитлер стабилизирует свой фронт в России, он начнет накапливать свои силы — 50-60 дивизий — для вторжения на Британские острова. Мы имеем сведения, быть может преувеличенные, о постройке им 800 судов, способных перевезти каждое 8-10 танков через Немецкое море и высадить их на одном из наших берегов. Конечно, там будут также и парашюты и десанты с воздуха в ещё невиданных масштабах. Повидимому его программа такова: 1939 год — Польша; 1940-й — Франция; 1941-й — Россия; 1942-й — Англия; 1943-й — ? Во всяком случае я чувствую, что, начиная с марта будущего года, мы должны быть готовы к решительной схватке.

7. В этих условиях отправка из Соединенного Королевства 4-х или 5-и дивизий является очевидным риском. Если события развернутся благоприятно для нас, как намечено в предыдущих параграфах этого письма, и если мы действительно здесь сократим наши силы в указанных размерах, то для нас явилось бы огромным облегчением и неоценимой военной поддержкой, если бы США смогли послать один армейский корпус и одну танковую дивизию и как можно больше воздушных сил в Северную Ирландию (конечно, по приглашению ее правительства, а также правительства Его Величества). Это дало бы нам возможность использовать 3 дивизии, которые мы сейчас держим для обороны Великобритании, помимо войск в Исландии, которые сейчас сменяются.

8. Мы чувствовали бы себя гораздо свободнее и могли бы действовать энергично в указанном мною направлении, если бы мы знали, что такой шаг с вашей стороны возможен. Помимо того, прибытие американских войск в Северную Ирландию оказало бы огром-

ное влияние на всю республику Ирландию и имело бы неоценимые благотворные последствия. Это явилось бы также сдерживающим моментом для германских планов вторжения. Я надеюсь, что вы могли бы отнестись благосклонно к этому проекту. Я не думаю, чтобы какое-то решение должно было быть принято раньше, чем мы увидим результаты приближающейся битвы».

После нескольких параграфов, касающихся вопросов командования и взаимоотношений морского флота и воздушных сил к армии, мое письмо продолжалось следующим образом:

Часть II

13. Вся моя информация показывает, что победа британцев над немцами в Киренаике переменит всю картину войны в области Средиземного моря. Испания может воспрянуть духом и отстаивать свой нейтралитет. Глубокое впечатление может быть произведено на уже деморализованную Италию. Быть может — и это самое главное! — удастся привлечь Турцию к общему сопротивлению Гитлеру. Мы не требуем от неё в данный момент активного вступления в войну, но лишь пассивного сопротивления германским угрозам и соблазнам. До тех пор, пока Турция не запугана и не соблазнена, её огромная необработанная территория является отличным прикрытием восточного фланга нашей Нильской армии. Если бы Турция была принуждена вступить в войну, то нам, конечно, пришлось бы уделить ей большую долю нашей помощи, которая могла бы больше пригодиться в другом месте, например во французской Северной Африке или на Кавказе. Мы обещаем Турции помощь (в зависимости от общей военной ситуации) в размере от 4 до 6 дивизий плюс 20-30 воздушных эскадрилий и мы уже

деятельно подготовляем для них аэродромы в Анатолии. Но для того, чтобы быть в состоянии исполнить всё это и сохранить за собою Турцию, нам нужно прежде всего победить немцев в Ливии.

14. Эта ситуация, как я изложил её здесь, не позволяет нам в ближайшие 6 месяцев оказывать серьёзную помощь русским в их обороне Кавказа и Каспийского бассейна. Самое большее, что мы можем сделать для русских, — это освободить их 5 дивизий, скопившихся теперь в северной Персии. Если они будут взяты оттуда и введены в бой, то я ручаюсь Сталину честью Британии, что русские законные интересы не пострадают от этого и что мы не получим никаких преимуществ в Персии за счёт России. Однако я не вижу, как в этот период времени мы могли бы послать что-либо, кроме символической силы, на Кавказ, в то время, как русские держат такие силы в Персии. Русские очень беспокоят Персию своим присутствием, своими теориями и своим поведением; и взрыв там беспорядков вызвал бы для нас необходимость разместить в стране 3 или 4 британско-индусские дивизии для поддержания сообщения от Персидского залива до Каспийского моря. Эти пути сообщения, которые играют большую роль для нашей общей помощи России, были бы таким образом загружены ещё больше доставкой снабжения для наших дополнительных сил. Я пытался разъяснить русским этот проект.

15. В моей телеграмме от 25 июля 1941 г., отправленной вам до встречи в Атлантическом океане, я говорил об отдаленном проекте — на 1943 г. — одновременной высадки около 15.000 танков с сотен специально оборудованных океанских судов на побережье трёх или четырех стран, готовых к восстанию. Я полагал, что необходимые изменения легко могли бы быть сделаны дополнительно в части ваших коммерческих судов,

строящихся сейчас в таком большом количестве. Сейчас я посылаю вам чертежи, составленные нашим Адмиралтейством, которые иллюстрируют манипуляции с этими судами. Вы увидите, что изменения потребуют дополнительного расхода всего лишь около 50.000 фунтов, не считая потери времени. Мне кажется, что не менее, чем 200 судов должно быть оборудовано таким образом. Времени на это у нас достаточно, так как мы можем рассчитывать на выполнение этого плана не ранее 1943 года. Но существенной стороной этого предприятия, которое теперь вам предстоит, является разрешение проблемы переправы этих судов через океан и высадки с них на неукрепленные берега гигантского побережья, которое Гитлер должен оборонять. Я уверен, м-р президент, что вы обратите на это должное внимание.

16. Посылаю вам составленную мною короткую записку об использовании артиллерии, как полевой, так и зенитной. Она может найти применение в связи с приближающимся наступлением, описанным в части I, а также при организации войск Метрополии для отражения нашествия. Все наши авторитеты согласны с изложенными там принципами, и я был бы рад, если бы вы показали эту записку — если вы находите её заслуживающей этого — вашим офицерам.

17. Я посылаю также для вашего личного осведомления мою записку о настоящей и будущей структуре Британской и Имперской армий, как мы хотели бы их переорганизовать в 1942 г. Конечно, цифра в 100 дивизий вовсе не означает, как там пояснено, сто регулярных пехотных дивизий. Часть из них — гарнизоны, часть — противовоздушные силы, а некоторые эквивалентны бригадным группам. Вообще говоря, этот план предусматривает значительно большее развертывание военной силы, чем это было запланировано в начале

войны. Это оказалось возможным благодаря тому, что после потери Дюнкерка мы не принимали участия в крупных операциях и в результате боеприпасы и резервы возросли вместо того, чтобы быстро истощаться.

18. Я не упоминал ни об угрозе Японии, которая за последние дни сильно возросла, ни о той огромной помощи, которую вы нам оказываете в Атлантическом океане, так как мы обсуждали с вами эти важные вопросы во время нашей встречи, а события сейчас разворачиваются в полном согласии с нашими ожиданиями. Однако я попрежнему думаю, что чем твёрже будет поведение США по отношению к Японии, тем больше шансов сохранить мир. Во всяком случае, если мир будет нарушен, и США вступят в войну с Японией, то вы можете быть уверены, что объявление войны Британией последует в тот же час. Мы надеемся, что еще до Рождества у нас будет сильная боевая эскадра в Индийском и Тихом океане.

19. И наконец, м-р президент, позвольте мне сказать вам, как я завидую Лорду хранителю печати в том, что он имеет возможность лететь в США и разговаривать там с вами. Но мое место — здесь, и вот почему я воспользовался случаем, чтобы написать вам такое длинное письмо. Могу я просить вас, чтобы всё, относящееся к будущим операциям, оставалось абсолютным секретом, известным только вам одному? С этой целью я отделил первую часть письма (содержащую даты нашего наступления) от остального в надежде, что, прочтя эту часть, вы немедленно сожжете ее.

С горячим приветом и пожеланиями

верьте мне, м-р президент,

ваш искренний друг

Винстон С. Черчилль».

**
*

Через посредство государственного министра я изложил эти замыслы также и нашим главнокомандующим на Среднем Востоке с тем, чтобы дать им понять, что операция «Крестоносец» — то есть та боевая задача, которая им предстояла, — может открыть перед нами широкие горизонты, и чтобы таким образом подчеркнуть настоящую важность их задания. Нижеприводимая записка, посланная по другому адресу, показывает иной аспект той самой концепции, которую Эттли, вполне ее разделявший, должен был передать президенту.

«Премьер-министр — государственному министру.

25 окт. 41 г.

1. Никак нельзя рассчитывать на то, что Германия будет заниматься только Россией в течение всей зимы. Гораздо правдоподобнее, что через месяц или около этого русский фронт, кроме южной части его, стабилизируется. Вследствие недостатка военного снабжения, Россия перейдет (временно) на положение второстепенной военной державы, даже если Москва и Ленинград удержатся. Гитлер в любой момент сможет выделить против России, скажем, треть своих сил, а остальных ему достаточно, чтобы угрожать Великобритании, оказывать давление на Испанию и посылать подкрепления для поддержания дисциплины Италии, не ослабляя притом своего напора на Восток.

2. Поэтому нельзя ожидать улучшения нашего положения в будущем году или весной. Наоборот, для операции «Бич» (Сицилия) вопрос вероятно стоит так: сейчас или никогда. На мой взгляд, с конца декабря эта возможность для нас будет почти закрыта.

3. Слабое место Гитлера — воздух. Британский воздушный флот уже сейчас сильнее германского и, с помощью Америки, он растёт быстрее его. Русские воздушные силы, пожалуй, равны двум третям германских и они хорошо организованы. Даже если посчитать итальянскую авиацию за стоящую чего-либо, то всё же у Гитлера не-

достаточно воздушных сил для оказания необходимой поддержки одновременно всем операциям, доступным его армиям. Однако главные силы британского воздушного флота надо держать дома на случай вторжения и беречь их от излишнего расходования.

4. Поэтому нам надо стараться создавать такие ситуации, которые требовали бы участия неприятельских воздушных сил, при благоприятных для нас условиях, одновременно на разных театрах войны. Такая исключительная возможность представляется при операции «Бич».

5. Если нам удастся к январю обеспечить комбинацию аэродромов — Триполи, Мальта, Сицилия и Сардиния — и утвердиться в этих пунктах, то мы сможем начать крупное и, возможно, решающее наступление на Италию, этого слабейшего партнера Оси, силами бомбардировочной авиации, базирующейся на этой системе аэродромов. Отсутствие аэродромов в Италии к северу от Сицилии дает нам эту возможность. Воздушная война на этом новом театре уменьшает неприятельские силы, предназначенные для регулярных налетов на Великобританию, на Нильскую долину и на юговостоке (как поддержка общего наступления).

6. Господство британских воздушных сил в центральной части Средиземноморья сулит и другие выгоды. Как показано в § 9, морские пути из Средиземного моря были бы открыты для хорошо охраняемых караванов, что позволило бы нам сберегать тоннаж и оказывать большую поддержку операциям на Востоке.

7. Эти наши достижения, включая прибытие британских войск к границам Туниса, могли бы произвести такое впечатление на Францию и французскую Северную Африку, что оказалось бы возможным побудить Вейгана к деятельности, со всеми вытекающими отсюда благоприятными последствиями.

8. Предпосылкой для всего этого является, конечно, успех операции «Крестоносец». Вы должны быть рады тому рассеянию неприятельских сил, в особенности воздушных сил, какое вызовет операция «Бич», в особенности если она будет скомбинирована с операцией «Акробат» (завоевание Триполитании британскими войсками). Ничто

так не укрепляет нас и не сбивает так с толку неприятеля, как внезапные одновременные выпады по нескольким целям. Это особенно применимо именно сейчас, в ближайшие недели, когда неприятель снимает излишек своих воздушных сил с русского фронта и занят их перегруппировкой для иных акций. Вы, конечно, представляете себе, что когда кругом всё спокойно, то наше медленное продвижение в Ливии, шаг за шагом, после тщательной подготовки, с закреплением каждой пяди земли, — будет встречать максимум сопротивления и, конечно, даст врагу время для подготовки. Такой метод, несомненно, дал бы Германии достаточно времени для полного укрепления Сицилии и для дальнейшего господства германской армии в Италии. Я надеюсь, что вы, подобно мне, чувствуете, как мимолетна сегодняшняя возможность, как коротка передышка, данная нам Германией, которая, приведя в порядок русский фронт, может перестроить свои силы на других театрах. Это, как вы правильно сказали, «вопрос синхронизации».

9. Какова будет реакция противника на нашу попытку захватить господство в воздухе в центральной части Средиземного моря и таким путем проложить себе дорогу дальше? Обеспечение за собою господства в воздухе потребует от него времени, ввиду расположения аэродромов, остающихся за ним в Италии. Поэтому ему придётся оказывать давление на Испанию, чтобы добиться от нее закрытия Гибралтарского пролива. Мы склонны полагать, что испанцы возмутятся и будут сопротивляться вторжению в их страну немцев, которых угрюмый и голодный испанский народ ненавидит. Успех британского «Крестоносца» окажет огромное влияние на поведение испанского правительства. Гитлер без сомнения мог бы проложить себе дорогу через Испанию силой, так же, как и подчинить себе Италию. Его удерживают политические соображения. Его цель — создание «Соединенных Штатов Европы» под гегемонией Германии и «Новый порядок». А это зависит не только от завоеваний, но ещё больше от сотрудничества народов. Ничто так не помешает осуществлению его планов, как продолжение убийств и репрессий, казнь заложников и т. п., что сейчас происходит во многих странах. Для него было бы весьма рискованным шагом — присоединить Италию и Испанию к числу уже многих покорен-

ных, но готовых к восстанию народов, на территориях которых разбросаны его войска.

10. В силу всех этих причин, синхронизация «Крестеносца» и «Бича» и их внутренняя связь весьма желательны. С другой стороны, надо принять во внимание, что мы всё равно не будем в состоянии оставаться пассивными, даже и помимо наступления в Ливии. Передо мной лежат требования русских, чтобы британские войска заняли место на левом фланге русского фронта, и притом как можно скорее. Принимая во внимание растущее в самой Британии недовольство нашей, якобы, бездеятельностью, нам трудно будет без конца сопротивляться таким требованиям. Поэтому, если бы было решено отставить операцию «Бич» или же, как альтернативу, акцию во французской Северной Африке, о которой просят французы, как упомянуто в записке Наштабов, то нам нужно было бы вскоре начать приготовления для отправки значительных сил в Россию.

11. Ваши замечания мы должны получить к понедельнику, когда будет заседание Комитета обороны».

**
*

Главнокомандующие в Каире держались иного мнения. Для них самым существенным была оборона дельты Нила и Суэцкого канала, далее Басра и Кавказ, а также «бастион» — горный хребет Тавра. Они не считали захват Сицилии ни осуществимым, ни необходимым. Их помыслы были устремлены целиком на Восток; но, если бы всё же была решена операция на западе, то они предпочитали занятие Бизерты всякой попытке высадки на Сицилии. Я вполне понимал их доводы, которые энергично поддерживал генерал Уейвел из Индии. Они формулировали свое заключение в телеграмме от 27 октября, отстаивая аргументы, приведенные мною выше.

Вследствие этого я отказался от идеи захвата Сицилии (операции «Бич»).

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов. 28 окт. 41 г.

1. Ввиду нашей последней телеграммы о Среднем Востоке и вашего решительного отказа от проекта «Бич», который вы отстаивали, а я поддерживал, — я теперь считаю этот проект ликвидированным.

2. Тем не менее отряд в силе двух пехотных и одной танковой дивизии должен стоять наготове для развития операций «Крестоносец» и «Акробат», если они окажутся успешными. Нет оснований — только надежда — ожидать, что генерал Вейган пригласит нас в Бизерту или в Казабланку в результате намеченной нами операции. Если это случится, то мы должны быть подготовлены к тому, чтобы использовать этот крупный поворот фортуны. Те же командующие должны немедленно изучить этот вопрос и договориться с Главным Штабом Среднего Востока и особенно с адмиралом Каннингхэмом.

3. Благоприятная ситуация может сложиться благодаря воздействию британской победы на дух французов или — что не исключено — если Германия потребует от Петэна, чтобы этот театр был использован ввиду утраты Триполи — действительной или вероятной.

4. Имя этой операции будет: «Гимнаст».

5. Надо немедленно выяснить, какие распоряжения должны быть отданы для превращения «Бича» в «Гимнаста», так чтобы не перегружать морского транспорта; возможно меньше загружать транспорт. И второе: сколько потребуются перевозочных средств и общая их вместимость?

6. Я получил извещение из Америки, что наши друзья там очень заинтересованы идеей американской интервенции в Марокко и что полковник Нокс говорил лорду Галифаксу о высадке там 150.000-ной армии США. Мы должны быть готовы обратиться с подобным предложением к генералу Вейгану от имени Британии, если возможно одновременно, или в любой момент после успешного «Крестоносца». Это может повернуть дело в нашу пользу. Поэтому предложение наше должно быть облечено в самую убедительную форму. Я лично не буду обращаться к пре-

зиденту по этому поводу, пока не обнаружится результат «Крестоносца».

7. Я получил письмо от президента через лорда Маунт-батэна, в котором он проявляет живой интерес к Танжеру. Это тоже надо будет рассмотреть, но повидимому возникают крупные осложнения с испанцами и французами и было бы ошибкой из-за них пожертвовать возможным сотрудничеством с Францией».

Помимо отставленного плана захвата Сицилии, мы все твердо держались нашей расценки отдельных вариантов и мне нетрудно было достигать единодушного решения.

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов и Имперского Генерального штаба.

2 нояб. 41 г.

Всецело разделяя точку зрения генерала Уэйвела, мы окончательно установили порядок операций: «Крестоносец» — «Акробат» — «Гимнаст». В этом уже не может быть перемен».

Наш план в случае, если всё пойдёт успешно, был таков: 1) поражение Роммеля и очищение Киренаики, 2) наступление в Триполи, 3) по приглашению Франции (если таковое последует) и с её помощью — вступление во французскую Северозападную Африку. Сицилийский проект зависел от успешного выполнения первых двух операций и был бы альтернативой третьей. Однако всё это было настолько проблематично, что я не хотел продолжать стратегическую дискуссию с нашим командованием на Среднем Востоке.

«Премьер-министр — государственному министру.

11 ноября 41 г.

Я не мог ответить на вашу и Окинлека телеграммы о «Крестоносце» иначе, как молчанием. Нельзя решать на

будущее, пока мы не знаем, как всё пойдёт. Битва — это завеса, через которую не следует заглядывать.

**
*

Интересно бывает ознакомиться впоследствии с тем, что происходило в умах противников.

В июле 1941 г. германский Штаб, разрабатывавший оперативные планы, набросал план операции, названной «Ориент» и имевшей целью сбить Британию с ее позиций на Среднем Востоке. Он был построен на предположении, что война с Россией закончится успешно для Германии уже осенью 1941 г. Если бы было так (большое «если»!), — то зимой 1941-42 гг. германский танковый корпус двинулся бы с Кавказа к югу через Персию. Если бы Турция была покорной, то группа из 10 дивизий, наполовину танковых или моторизованных, двинулась бы из Болгарии через Анатолию, Сирию и Ирак. Если бы Турция оказала сопротивление, то потребовалось бы двойное количество войск, и в силу этого весь план был бы перенесен на 1942 год. Германские и итальянские силы в Африке были бы отодвинуты на третье место. Их роль была бы в течение лета и осени 1941 г. чисто оборонительной, только Тобрук должен был быть взят. К зиме их потери в людях и снаряжении могли бы быть восполнены, а затем, когда главное наступление на Персию и Ирак было бы выполнено и наше внимание и силы были бы рассеяны, тогда армии Оси из Ливии двинулись бы на Каир.

Африканская авантюра никогда не была в почете у германского Верховного Командования. Германские силы были туда посланы только затем, чтобы преградить дорогу итальянцам. Когда эти были остановлены, а мы были отогнаны назад, то этот успех не повлиял

на планы немцев. Плыть назад через Средиземное море с его подводными лодками, мимо Мальты с её авиацией, — им не улыбалось. Северная Африка должна была и впредь оставаться второстепенным театром, так как державам Оси было труднее доставлять туда пополнения, чем Союзным державам. Также и сотрудничество с итальянцами на суше, на море и в воздухе не могло особенно привлекать немцев. Потери Роммеля восполнялись крайне неохотно. Если бы наш противник захотел, он мог бы собрать и переправить за приемлемую цену силы, необходимые и достаточные для того, чтобы прикончить нашу армию. Сейчас мы увидим, почему Мальта, главное их препятствие, никогда не была штурмована. Без сомнения тяжелые потери, которые они понесли на Крите, их испугали.

Директива, посланная в начале августа 1941 г. из германского Генерального Штаба генералам, командовавшим западной, северной и южной группами, наметила цели, поставленные перед германской армией на очередь после поражения России. Цели эти были следующие:

1) Пополнение вооруженных сил в Северной Африке в целях вынудить сдачу Тобрука. Атаки германских воздушных сил на Мальту должны быть возобновлены с тем, чтобы сделать возможным проход морем необходимых транспортов.

Если только погода не вызовет задержки и движение транспортов пойдёт согласно плану, то можно полагать, что кампания против Тобрука начнется в середине сентября.

2) Операция «Феликс» (взятие Гибралтара при

активном участии Испании) должна быть проведена в 1941 г.

3) Когда кампания на Востоке закончится и если Турция примкнёт к нам, то надо иметь ввиду наступление на Сирию и Палестину, для чего потребуется минимум 85 дней на подготовку...»

**

Таким образом осенние и зимние месяцы были еще в нашем распоряжении. Германская авиация покинула Сицилию. Русский фронт поглотил горючее, необходимое для итальянского флота. В течение августа 33% снабжения и подкреплений, посланных Роммелю, погибло. В октябре эта знаменательная цифра поднялась до 63%. От итальянцев потребовали организовать доставку воздухом. В конце сентября Муссолини обязался перебрасывать пополнения в Триполи воздухом в числе 15.000 человек в месяц; но к концу октября прибыли только 9.000. Морской же транспорт в Триполи в это время совершенно замер; всего лишь несколько караванов прорвали нашу блокаду и достигли Бенгази. Однако октябрьские потери заставили, наконец, германское командование послать нефть итальянскому флоту. Был предпринят и другой, более важный шаг. Адмирал Дениц неохотно согласился изъять 25 германских подводных лодок из борьбы за Атлантический океан и послать их в Средиземное море. Это был меткий удар, последствия которого не заставили себя долго ждать.

До этого наше владычество над Средиземным морем, сосредоточенное на Мальте, было полным и действительность «группы К», созданной здесь Адмиралтейством по моему настоянию, была увенчана богатой

жатвой. В ночь на 8-е ноября эта группа, вызванная по радио нашей авиацией, атаковала итальянский караван — первый по восстановлении сообщения — состоявший из 10 торговых судов, эскортируемых 4-мя истребителями при поддержке одного крейсера. Все торговые суда были быстро пущены ко дну. Один истребитель был потоплен, другой поврежден нашим крейсером. Итальянский крейсер не принял участия в сражении. Я сообщил эти добрые вести президенту:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 9 нояб. 41 г.

Уничтожение в море между Италией и Грецией каравана судов Оси, предназначенного для Бенгази, крайне важно как само по себе, так и по своим последствиям. Достойно внимания, что два итальянских тяжёлых крейсера не могли устоять против наших двух крейсеров, а их 6 (фактически 4) истребителей против наших двух.

Мое впечатление о русском фронте также всё время улучшается».

И ещё раз их караваны были приостановлены, и Роммель имел полное основание жаловаться германскому Верховному Командованию:

«Генерал Роммель — Верховному Командованию.

Темп перевозки войск и снабжения в Северную Африку замедлился ещё больше. К концу октября из 60.000 тонн снабжения, обещанных итальянцами, только 8.093 прибыло в Бенгази. Из числа войск, первоначально предназначенных для штурма Тобрука, около одной трети артиллерии и необходимые инженерные части не придут из Европы даже к 20-му ноября. Далее: неизвестно, когда придут двадцать 15,5 см. орудий, купленных у Франции в Тунисе... Из трёх итальянских дивизий, затребованных для ноябрьского штурма, лишь одна будет налицо, да и та неполная».

Но теперь период нашего иммунитета и владычества на море кончился. Германские подводные лодки появились на сцене. 12 ноября наш авианосец «Арк Ройал» был на обратном пути в Гибралтар после того, как он снабдил аэропланами Мальту, торпедирован германской подводной лодкой. Все попытки спасти его были тщетны, и этот славный ветеран, который играл такую выдающуюся роль во многих боях, затонул всего в 25 милях от Гибралтара. Это было началом целой серии горестных потерь нашего флота в Средиземном море, приведших к слабости нашей на этом театре, какой никогда ещё не бывало. Однако теперь всё было уже готово для нашего долго откладываемого наступления, и сейчас мы должны обратиться к Западной Пустыне.

**
*

15 ноября я переслал генералу Окинлеку послание Короля к нему для использования его, когда и как ему будет угодно.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 15 ноября 41 г.

По повелению Короля я должен передать всем чинам армии и Королевских Воздушных сил в Западной Пустыне, а также Средиземноморскому Флоту уверенность Его Величества в том, что они с примерной преданностью исполнят свой долг в той исключительно ответственной битве, которая им предстоит. В первый раз британские и имперские войска встречаются с германскими войсками, снабжённые полным снаряжением и новейшим оружием всех родов. Битва эта определит весь дальнейший ход войны. Настал час нанести врагу мощный удар, который обеспечит конечную победу и спасет отчизну и свободу. Армия Пустыни может вписать свою страницу в историю, которая станет рядом с Бленхеймом и Ватерлоо. Глаза всех наций устремлены на вас. Все сердца наши с вами. Да поможет Бог правым!»

10.

ОПЕРАЦИЯ «КРЕСТОНОСЕЦ»

на суше, на море и в воздухе

Описания современных битв обычно утрачивают свой драматический характер, так как битвы эти разыгрываются на огромном пространстве и часто длятся неделями, тогда как в славных битвах истории судьбы народов и империй решались на нескольких квадратных милях в течение нескольких часов. Столкновение быстроходных танковых и моторизованных дивизий в Пустыне резко подчеркнуло этот контраст с прошлым.

Танки заменили собою кавалерию прошлых войн, но они обладают несравненно более могучим и далеко-бьющим оружием; во многих отношениях их действия напоминают собою морские битвы, где солёная вода заменена песком. Боевые качества танковой колонны — точно так же, как и эскадры крейсеров — в значительно большей мере являются решающим фактором, чем позиция, на которой они встретились, или часть горизонта, откуда неприятель появился. Танковые дивизии или бригады, и ещё в большей степени небольшие соединения, могут менять фронт в любом направлении так быстро, что опасность флангового охвата или захода в тыл, или перспектива быть отрезанными потеряла почти всякое значение. С другой стороны, временами всё зависит от наличности горю-

чего и боеприпасов, а снабжение бронечастей как тем, так и другим, гораздо более сложно, чем кораблей и эскадр на море. Принципы, на которых покоится искусство войны, выражаются поэтому в новых терминах и каждое новое столкновение приносит новый опыт и данные. Нельзя преуменьшать военные усилия, проявленные в битве в Пустыне. Хотя в каждой из сражавшихся армий принимало участие в боях лишь 90-100 тысяч человек, однако нужно было еще двойное или даже тройное количество людей и материалов, чтобы обслуживать и поддерживать эти армии в их борьбе. Жестокая схватка у Сиди Резег, которой началось наступление генерала Окинлека, представляет собою наиболее типичный образчик этой войны, взятой как целое. Личное участие и роль обоих главнокомандующих, равно, как и решающее значение этой битвы, были так же значительны, как и в битвах былых времен.

**
*

Задачей генерала Окинлека было прежде всего отвоевать обратно Киренаику, уничтожив при этом танковые силы противника, затем, если всё пойдет хорошо, завоевать Триполи. С этой целью генерал Каннингхэм, который должен был командовать вновь сформированной 8-й армией, получил XIII и XXX корпуса, что вместе с гарнизоном Тобрука составляло 6 дивизий плюс 3 бригады в резерве*). Общее число британских танков было 724, в том числе 367 крейсер-танков

*) Состав 8-й армии был следующий:

XIII корпус	XXX корпус
4-я Индусская дивизия	7-я танковая див. (7-я и 22-я бр.г.)
Ново-зеландская дивизия	4-я танковая бригадная группа
1-я арм. танковая бригада	1-ая Южно-африканская дивизия
	22-я гвардейская бригадная группа

и ещё 200 в резерве. Британские воздушные силы должны были за месяц до начала операции усилить свою деятельность, разгромить вражеские коммуникации и добиться господства в воздухе к началу битвы. Эти силы в Западной Пустыне под командой маршала авиации Каннингхэма**) состояли из 16 эскадрилий истребителей, 12 эскадрилий средних бомбардировщиков, 5 эскадрилий тяжёлых бомбардировщиков и 3-х эскадрилий содействия армии. Из общего числа 1311 боевых самолетов новейшей конструкции, числившихся по списку, 1072 было в строю, помимо 10 эскадрилий, действующих с Мальты.

В 70 милях в тылу у Роммеля, находился Тобрук, британский гарнизон которого состоял из пяти бригадных групп и одной танковой бригады. Эта крепость была предметом постоянных забот Роммеля: являясь для него стратегической угрозой, она препятствовала его наступлению на Египет. Ликвидация Тобрука была ему поставлена германским Верховным Командованием как задание, и уже были сделаны все приготовления для штурма его, назначенного на 23 ноября. Армия Роммеля состояла из грозного Африканского корпуса, включавшего в себя 15-ю и 21-ю танковые дивизии и 90-ю лёгкую дивизию, и из семи итальянских дивизий, из которых одна была танковая. Число неприятельских танков определялось нами в 388, но, как теперь мы знаем по данным противника, в действительности их было 558. Две трети средних и тяжёлых танков были германские и на них были более тяжёлые орудия, чем двухфунтовые наших танков. Помимо того, противник имел явное превосходство в противотанковом оружии. Воздушные силы Оси состояли

**) Не смешивать с предыдущим генералом. В минувшую войну в Британской армии было 2 генерала и 2 адмирала по имени Каннингхэм.

из 190 германских самолетов, из которых только 120 было годных к действию в момент наступления, и свыше 300 итальянских самолетов, из них годных к действию, возможно, 200.

**
*

8-я армия, под командой генерала Каннингхэма, должна была вести наступление своими двумя корпусами к западу и к северу, в направлении Тобрука, гарнизон которого должен был в то же самое время произвести энергичную вылазку навстречу им. С этой целью XIII корпус должен был вступить в бой, занять линию обороны противника от Халфайи до Сиди-Омара, затем обойти его фланг и окружить его, отрезая таким образом все войска, занимавшие эту позицию, и, наконец, двигаться по направлению к Тобруку. В то же время XXX корпус, состоявший почти целиком из наших танковых частей, должен был устремиться на окраину Пустыни, ища встречи и боя с главными силами танков Роммеля, или по крайней мере отвлекая их так, чтобы XIII корпус был вне опасности.

**
*

Несмотря на все тщательные приготовления, полная тактическая неожиданность была достигнута. Армия Оси как раз в этот момент занимала новые позиции для штурма Тобрука, предположенного на 23 ноября. Сам Роммель был в момент начала битвы в Риме. С целью ударить в самый центр и мозг армии противника в самый критический момент, отряд в 50 шотландцев под командой полковника Лэйкока был подвезен подводной лодкой к африканскому берегу в 200 милях позади линии неприятеля. 30 человек уда-

лось высадить на берег бурного моря; они разделились на две партии, одна перерезала телефонное и телеграфное сообщение, другая, которой командовал подполковник Кииз (сын адмирала Кииза), штурмовала штаб-квартиру Роммеля. В полночь на 17 ноября одно из зданий Штаба было захвачено и много немцев было убито. В рукопашной схватке в тёмной комнате Кииз был убит. Крест Виктории был посмертной наградой за его подвиг*).

**
**

Рано утром 18 ноября под проливным дождем 8-я армия двинулась вперед и, согласно плану, XIII корпус обогнул позиции противника вдоль границы, тогда как XXX корпус, не встретив вначале сопротивления, двинулся с юга вверх, к гряде, на которой стоит Сиди-Резег. Эта гряда, около 100 футов высоты, на северной стороне заканчивается почти отвесной скалой, доминирующей над дорогой на Капуццо — главной линией сообщения Роммеля с запада на восток. Хотя с юга самый гребень почти не заметен, но с него открывается далекий вид к югу на волнистую песчаную пустыню. Оба противника считали этот гребень за ключевую позицию всего района битвы, имеющую большое значение для судьбы Тобрука.

Первые три дня всё шло хорошо. 19-го ноября группа немецких танков, которую мы приняли за главные силы их, двинулась с береговой зоны, где она

*) Так как море было слишком бурное, уцелевшие члены отряда не могли быть взяты обратно на подводную лодку. По приказу полковника Лэйкока, они разбежались по пересеченной местности. Только полковнику Лэйкоку и сержанту Терри, отличившемуся при налете, удалось через пять недель соединиться со своими.

стояла, к югу; на следующий день она была встречена нашими 4-й и 22-й танковыми бригадами в 15 милях к западу от Сиди-Омар. Британская 7-я танковая дивизия в поисках неприятеля расплылась. Одна из ее бригад (7-я) вместе с другой группой заняли Сиди-Резег. Эта группа и другие наши части были затем последовательно атакованы Африканским корпусом, части которого держались вместе. В течение 21 и 22 ноября кипела жестокая битва, главным образом вокруг аэродрома. К этому центру устремлялись фактически все танковые силы обеих сторон; неистовые схватки возникали то тут, то там, сопровождаемые пальбой батарей обеих сторон. Более сильное вооружение германских танков и численный перевес их на поле сражения дали им решающее преимущество. Несмотря на героическое и блестящее руководство бригадного генерала Джок Кэмбла, немцы одолевали и мы понесли более тяжелые потери в танках, чем они. В ночь на 22-е ноября немцы снова заняли Сиди-Резег. Генерал Норри, командующий XXX-м корпусом, потеряв две трети своих танков, отдал приказ об общем отступлении на 20 миль с целью перестроить свои силы в районе севернее дороги на Эль-Абд. Это был тяжелый удар.

**
*

В ночь на 19 ноября Окинлек телеграфировал мне:

«Теперь кажется несомненным, что неприятель был захвачен врасплох: он и не подозревал о нашей близости и не ожидал нашего удара. Есть указания, требующие, впрочем, подтверждения, что он намеревается покинуть район Бардия — Соллум. Пока мы не узнаем, куда отошли наши танки сегодня, нам невозможно определить общий результат битвы. Я лично доволен положением...» Маршал Теддер также доносил:

«В настоящий момент битва в воздухе идет, повидимому, удовлетворительно. Исключительные бури 17-го и 18-го (ноября) расстроили наши планы подавления германских истребителей, но зато они помогли ограничить действия неприятеля в течение этих двух дней. Вчера снова 14 Юнкерсов-87 было сожжено на земле. Ночью было 56 вылетов тяжёлых бомбардировщиков. Мальта включила Бенгази в число своих целей. 10 тонн боеприпасов отправлено морем для 4-й танковой бригады».

**
*

Когда 21 ноября неприятельские танки начали бой, то генерал Каннингхэм приказал XIII-му корпусу наступать. 4-я индусская дивизия уже обогнула Сиди-Омар. Слева от нее Новозеландская дивизия под командой генерала Фрейберга двигалась к северу и достигла предместья Бардии, перерезая таким образом коммуникации всем пограничным гарнизонам (немецким). Она захватила главный штаб Африканского корпуса, а 23-го ноября почти захватила обратно Сиди-Резег, от которого только что была отброшена 7-я танковая дивизия. 24 ноября Фрейберг сосредоточил главные силы своих новозеландцев в пяти милях к востоку от аэродрома. В этот день наши танковые силы приводили себя в порядок после того, как они были отброшены от Сиди-Резег. Из Тобрука была предпринята вылазка и шёл упорный бой против германской пехоты, но нам не удалось её сломить. Новозеландская дивизия после своего триумфального похода остановилась перед Сиди-Резег. Неприятельские гарнизоны были отрезаны, а их танки, выиграв битву против XXX-го корпуса, остановились к северу от Эль-Губи. Обе стороны обменялись тяжёлыми ударами и битва оставалась нерешённой.

Лучшим отчётом об этой битве может служить последнее донесение генерала Окинлека, которое было опубликовано в 1948 г. в "Gazette":

«Так как германские танковые дивизии теперь по-видимому втягивались в битву и, по нашим сообщениям, потеряли уже большое количество танков, то генерал Каннингхэм разрешил дать сигнал для вылазки из Тобрука, а XIII корпусу — начать операцию. Однако 21-го ноября начались наши затруднения. Неприятель, как и следовало ожидать, немедленно реагировал на опасность для Сиди-Резег, а его танковые дивизии уклонились от боя с 4-й и 22-й танковыми бригадами. Теперь все германские танки общими силами стали вытеснять нас из этой важной зоны к югу и не дали нам соединиться с нашей вспомогательной группой и с 7-й танковой бригадой, которые оказались изолированными. Ни одно из этих соединений не было предназначено оказывать длительное сопротивление, но к их чести надо сказать, что они всё же сопротивлялись, без всякой поддержки, весь день 21-го ноября. Пятая Южно-африканская пехотная бригада, прибытие которой ожидалось еще до развития атаки неприятеля, не смогла прибыть во-время, отчасти благодаря сопротивлению танковой дивизии Ариэте, а частью вследствие отсутствия опыта в управлении очень большим числом повозок, с каким она вышла в поле.

На следующий день все наши три танковые бригады соединились для обороны территории. Но наши танковые и противотанковые орудия не могли равняться с германскими; и, несмотря на то, что XXX-й корпус сражался доблестно, он к вечеру 22 ноября был вынужден к отступлению, потеряв две трети своих танков и предоставив гарнизону Тобрука защищать крепость и весь обширный район.

Противник завершил свой успех эффектным манёвром. Ночной атакой он ошеломил и совершенно расстроил нашу 4-ю танковую бригаду, 100 танков которой представляли собою две трети оставшихся у нас танковых сил. 23-го ноября он фактически уничтожил 5-ю Южно-африканскую пехотную бригаду, одну из двух единственных пехотных бригад генерала Норри — у нас не было транспорта для остальных. И наконец 24 ноября противник нанёс своими танковыми дивизиями мощный контрудар на пограничную зону. Уже тут стало очевидным, что первый наш рапорт грубо преувеличил потери противника в танках, что у него было по крайней мере столько же танков, как и у нас, и при том лучших, и что он мог взять себе еще и наши танки, брошенные на поле битвы, которое осталось в его руках.

Этот сдвиг перевеса сил двух борющихся армий создал совершенно критическую ситуацию.

**
*

Эта драматическая битва напоминает нам эпизод из истории гражданской войны в Америке: маневр «Джеб» Стюарта вокруг Мак-Клеллана в 1862 г. на полуострове Йорк-таун. Только теперь этот манёвр был выполнен танковыми силами, представлявшими собою армию, гибель которой обрекла бы на поражение все остальные армии Оси. Роммель решил захватить инициативу в свои руки и пробить себе путь к границе своими танками в надежде создать такой хаос и смятение, чтобы заставить наше командование прекратить бой и отступить. У него, конечно, был еще в памяти успех вторжения его танков в предыдущей битве в Пустыне 15-го июня, когда генерал Мессерви отступил в критический момент. Как близко был Ром-

мель к успеху в этот раз — будет ясно из последующего.

Он собрал большую часть своего Африканского корпуса — всё ещё самой грозной силы на поле битвы — и пустился по караванной дороге Эль Абд к Шеферзен, пройдя близко, но мимо, от Штаба нашего XXX корпуса и наших главных складов снабжения, без которого мы не могли продолжать войну. Достигнув границ Египта, он разделил свои силы на колонны, часть их повернул к северу и к югу, с остальными вторгся на 20 миль на территорию Египта. Он вызвал смятение и разруху в нашем тыловом районе и взял много пленных. Однако его налет не произвел впечатления на 4-ю индусскую дивизию. Колонны Роммеля были преследуемы нашими отрядами, спешно сформированными из 7-й танковой бригады, вспомогательной группы и гвардейской бригады. В особенности наши воздушные силы, которые теперь достигли в значительной степени господства в воздухе, наседали на него беспрестанно в течение всего пути. Отряд Роммеля, фактически не поддерживаемый своими воздушными силами, терпел всё то, что переносили наши войска, когда в воздухе господствовали немцы. 26 ноября все танки Роммеля повернули к северу и искали убежища в Бардии или около неё. На следующий день они устремились на запад, обратно к Сиди-Резег, куда они были спешно вызваны. Смелый удар Роммеля не удался, но — как мы сейчас увидим — лишь один человек, главнокомандующий противника, остановил его.

**
*

Здесь стоит привести выдержки из телеграмм, которые ежедневно поступали ко мне от Окинлека и Теддера. 21 ноября Окинлек сообщил благоприятные но-

вости: «К счастью, зверь загнан, собаки лают во-всю». И в тот же день, позднее: «Столкновение между 22-й танковой бригадой и танковыми силами противника у Эль-Губи 18-го ноября оказалось серьезнее, чем его рисовали прежние сообщения, и, повидимому, оно привело к потере нами около 40 крейсер-танков, из которых многие теперь уже исправлены; потери неприятеля исчисляются в 55 танков. Сиди-Резег удерживается вспомогательной группой 7-й танковой дивизии и 5-й Южно-африканской пехотной бригадой. Гарнизон Тобрука сегодня утром предпринял вылазку... Очень трудно точно определить потери неприятеля в танках, так как битва развернулась и продолжается с такой скоростью... Отличительная черта этой операции — наше полное господство в воздухе и превосходная согласованность наземных действий и воздушных сил». 22-го ноября он суммировал в своем рапорте: «Перспективы достижения нашей непосредственной цели, а именно, истребления германских танковых сил, повидимому, хороши». И позже: «дух и энергия, проявляемые командирами и войсками, — замечательны! По моему мнению, Каннингхэм до сих пор ведет эту исключительно сложную битву с огромным искусством и смелостью... Я думаю, что многое зависит от того, принимала ли 15-я германская танковая дивизия, как целое, вместе с 21-й танковой дивизией, участие в боях последних четырех дней, или же она ещё более или менее свежа. Я надеюсь на первое, но нельзя быть уверенным».

23-го ноября пришло более мрачное сообщение: «Повидимому, битва приближается к кульминации. Часть — по крайней мере — германских танков, сосредоточенных севернее Бир-Эль-Губи, успела прорваться. Наши войска у Сиди-Резег вчера выдерживали сильный натиск с востока и с запада; неприятель, по донесениям, ввел там в бой свыше 100 танков...»

Эти отрывочные цитаты показывают преобладающие впечатления в Главном Штабе, меняющиеся почти с каждым часом. Конечно, это лишь малая часть посланных донесений.

Нам были нанесены тяжелые удары, и впечатление беспорядка в тылу нашего фронта, причиненного рейдом Роммеля, вынудило генерала Каннингхэма доложить Главнокомандующему, что продолжение нашего наступления может привести к полному истреблению наших танковых сил и создать угрозу безопасности Египта. Это явилось бы признанием нашего поражения и крушения всей операции. В этот решительный момент генерал Окинлек вмешался лично в дело. По настоянию Каннингхэма, он 23-го ноября прилетел вместе с маршалом авиации Теддером в штаб армии в Пустыне и, вполне сознавая всю опасность положения, приказал генералу Каннингхэму «продолжать наступление против неприятеля». Таким образом, благодаря личному вмешательству, Окинлек спас битву и проявил свои выдающиеся качества, как командующий, в полевой войне.

24-ноября он телеграфировал мне из своего полевого штаба:

«По прибытии сюда я нашел Каннингхэма весьма подавленным тем обстоятельством, что в строю у нас осталось очень мало танков. Повидимому, пять дней непрерывных боёв и манёвров привели к значительной дезорганизации и к тяжёлым потерям, как от действий неприятеля, так и в результате технической изношенности наших танков. Конечно, к этому были серьезные причины, но сейчас дело не в них... В своих вчерашних атаках неприятель использовал итальянские

танки, что по-моему доказывает, что у него своих недостаточно. Я убеждён, что он совершенно вымотался и в отчаянном положении, и мы поэтому должны продолжать его беспощадно преследовать. Пусть мы израсходуем временно все наши танки в этой борьбе, это ничего не значит, если мы зато уничтожим его машины. Тот факт, что он оставил гарнизоны Сиди-Омара и Соллума на произвол судьбы, и что мы взяли уже свыше 3000 пленных, в том числе 1000 немцев... — очень показателен. Поэтому я приказал генералу Каннингхэму атаковать их всеми наличными силами, взять обратно Сиди-Резег и соединиться с гарнизоном Тобрука, который должен нам содействовать, атакуя неприятеля на своем фронте. Дух командиров и войск отличный, и Новозеландская дивизия сосредоточена на фронте Сиди-Резег с пехотными танками. Противник бьется отчаянно, но мы всегда считались с этим».

Я отвечал немедленно:

«Премьер-министр — генералу Окинлеку 25 нояб. 41 г.

1. Отвечаю на вашу телеграмму от 24-го. Всецело поддерживаю ваши взгляды и действия. Правительство Его Величества готово разделить с вами ответственность за борьбу до конца, чего бы это ни стоило. Всё, или ничего; но я уверен в вашей силе и в вашей победе.

2. Вы без сомнения уже получили мою телеграмму насчёт остатка первой танковой дивизии, что высаживается в Суэце сегодня. Пустите его в дело как можно скорей, если нужно, не думая о будущем. Сдавите горло противнику всеми силами, пусть они задуют его.

3. Я чрезвычайно ободрен вашей великолепной твердостью и силой духа. Передайте мое «браво» Теддеру и Королевским Воздушным силам за их овладение воздухом».

По возвращении Окинлека в Каир 25 ноября, он телеграфировал мне:

«Я решил заменить генерала Каннингхэма временно генералом Ричи, моим помощником начальника штаба. Не потому, чтобы я опасался ухудшения сегодняшнего положения, но потому, что я невольно пришёл к заключению, что Каннингхэм, как бы он ни был хорош до сих пор, теперь утратил бодрость и веру в победу — главным образом вследствие наших тяжёлых потерь в танках. Прежде, чем принять это крутое решение, я долго и тщательно обдумывал этот вопрос и советовался с государственным министром по моем возвращении сюда. Я убежден в том, что я прав, хотя я и сознаю нежелательность такого шага по причинам общего характера. Я хотел бы по возможности избежать гласности».

В своём сообщении 1948 г., уже цитированном, генерал Окинлек пишет: «Я крайне неохотно освободил генерала Каннингхэма от командования, так как я пришел к заключению, что он был чрезмерно подавлен угрозой неприятельского контрудара по нашим коммуникациям».

Государственный министр, Оливер Литльтон, подтвердил и энергично поддержал решение главнокомандующего. Ему я телеграфировал тотчас же:

«Премьер-министр — государственному министру.

25 ноября 41 г.

Власть генерала Окинлека над всеми командующими абсолютна, и все его решения во время битвы будут утверждены нами. Ваши действия и позиция всецело одобрены. Сообщите это генералу Окинлеку».

Довольно об этом инциденте, столь неприятном для храброго офицера, для его брата, главнокомандующего морскими силами и для генерала Окинлека, который был личным другом обоих братьев. Я в осо-

бенности восхищен поведением генерала Окинлека, который подавил в себе все личные мотивы и поборол все искушения замять это дело или отсрочить решение.

**
*

На этой стадии битвы я должен отвлечься в сторону, чтобы отметить иные, тесно связанные с нею события. 20-го ноября, пока новости с фронта были ещё хороши, я послал письмо президенту, убеждая его сделать всё, что в его силах, чтобы сохранить Виши спокойным в эти решающие дни.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту 20 ноября 41 г.

1. Наступление и развёртывание наших сил в Ливии было вполне успешным и неприятель был захвачен врасплох. Только сейчас он отдаёт себе отчёт в размахе наших операций против него. Сегодня, вероятно, уже идут упорные бои между танковыми соединениями. Отданы приказы довести операцию любой ценой до решающего конца. Шансы, повидимому, на нашей стороне.

2. Было бы бедствием, если бы Вейган был замещён каким-нибудь пронемецким генералом как раз в тот момент, когда мы, вероятно, получаем возможность воздействовать на события в Северной Африке, как с Востока, так и из Британии. Я надеюсь, что вы приложите все усилия, чтобы убедить Виши сохранить командование за Вейганом. Если этого не удастся достигнуть, то можно было бы сойтись на какой-нибудь благожелательной фигуре из числа лиц, отошедших в сторону, вроде генерала Жоржа. Я не видел Жоржа после крушения Франции, но у меня есть основания верить, что его дух бодр. Я знаю его очень хорошо. Как бы то ни было, г-н президент, Тунис и вся французская Северная Африка могли бы быть открыты для нас, если бы мы одержали крупную победу в Ливии, и мы должны быть готовы использовать успех. С другой стороны, я опасюсь, что Гитлер может потребовать оккупации Бизерты ввиду возможной опасности для Триполи.

С Виши-Францией надо договориться сейчас или никогда, это ее последний шанс искупления».

**
*

В этот час было совершенно необходимо отрезать Роммелю снабжение его горючим; поэтому я телеграфировал как генералу Окинлеку, так и главнокомандующему морскими силами, настаивая на нанесении удара по коммуникациям противника.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 23 нояб. 41 г.

Когда мы видим бесценные грузы горючего, направляемые сейчас в Бенгази, и сосредоточение неприятельских воздушных сил в Бенине, то, казалось бы, надо пойти на всякий, даже совершенно исключительный риск, чтобы почистить эти скопления, хотя бы за 3-4 дня. Страх противника перед такой операцией вполне обоснован. Наилучшее время для такого предприятия — это когда противник целиком поглощен битвой. Шансы на успех уменьшатся, как только он сможет располагать войсками, отступившими или вышедшими из зоны битвы. Сейчас как в Бенгази, так и в Агейла много можно захватить дешево такого, что невероятно возрастёт в цене сразу же по окончании главной битвы. Я уверен, что вы подумаете над этим. Вспомните, пожалуйста, сколько они захватили своей наглостью и блефом во время крушения Франции. Каково назначение «отряда оазиса»?».

«Премьер-министр — адмиралу Каннингхэму, Главнокомандующему в Средиземном море. 23 ноября 41 г.

Я просил Первого морского лорда телеграфировать вам сегодня о настоятельной необходимости воспрепятствовать неприятельским надводным судам в доставке ими войск, снабжения и главным образом горючего в Бенгази. Наша информация здесь даёт нам число судов, приходящих и уходящих. Неприятель просил о воздушной охране, но она не может быть дана — все его воздушные силы заняты битвой в Африке. Вся эта информация была вам передана.

Я хотел бы знать — через Адмиралтейство — какие меры вы предполагаете принять? Задержание этих кораблей может спасти тысячи жизней, помимо содействия победе необычайной важности».

Адмирал ответил мне лично следующее:

«На вашу депешу от 23-го. Я, конечно, вполне понимаю чрезвычайную важность Бенгази, как порта для ввоза снабжения, и Первый морской лорд уже наверно сообщил вам наши диспозиции, принятые к руководству.

Первой нашей мерой борьбы с неприятельскими транспортами была угроза захвата их нашими силами во всех концах Средиземного моря; и она имела значительный успех. Теперь, поскольку транспорты противника продолжают свои рейсы, они будут атакованы надводными, воздушными и подводными силами. К несчастью, упомянутая вами поглощённость германских воздушных сил битвою в Африке не подтверждается на практике и неприятельская авиация проявляет живой интерес ко всем нашим передвижениям. И наоборот: общая слабость нашей разведки создает огромный риск для операций легких морских сил, которые ради быстроты действуют без поддержки главных сил».

Он сделал, что мог, и однако наиболее успешный удар был нанесен с Мальты. В ночь на 24 ноября крейсера и истребители группы «К» вышли в море и захватили два нефтяных транспорта, на которые противник крайне рассчитывал. Я сообщил эту добрую весть Окинлеку:

Вчера вечером мы послали «Аврору» и «Пенелопу» с Мальты в море и они успешно пустили ко дну два нефтяника — «Просиду» и «Марицу». Адмирал продолжает рейд».

В то время, как Роммель со своим африканским корпусом совершал отважный, хотя и дорого стоящий рейд по тылам и путям сообщения 8-й британской армии, генерал Фрейберг со своими новозеландцами, поддерживаемый 1-й армейской танковой бригадой, упорно наседал на Сиди-Резег. После жестокой двухдневной битвы он овладел им. Одновременно гарнизон Тобрука повторил вылазку и захватил Эд-Дуда. В ночь на 26-е была установлена связь между гарнизоном Тобрука и войсками, пришедшими на выручку. Некоторые части новозеландской дивизии и XIII-го корпуса проникли в осажденный Тобрук. Эта ситуация привлекла Роммеля назад от Бардии. Он прошёл с боем до Сиди-Резег и атаковал его с фланга своей обновленной 7-й танковой дивизией, которая теперь насчитывала 120 танков. Сиди-Резег был снова взят им. Он отогнал назад 6-ю новозеландскую бригаду, нанеся ей тяжёлый урон. Она и 4-я бригада — кроме двух батальонов, которые присоединились к гарнизону Тобрука — откатились к юговостоку, до самой границы Египта, где эта героическая дивизия, потерявшая более 3000 человек, была снова переформирована. Гарнизон Тобрука, снова изолированный, сохранил за собою всю только что расширенную территорию.

Генерал Ричи теперь перегруппировал свою армию, введя гарнизон Тобрука в состав XIII корпуса и переведя новозеландскую дивизию в резерв. Эль-Эдем, лежащий в долине, в 15 милях к западу от Сиди-Резег, находился на главных путях сообщения, занятых теперь противником, и являлся поэтому объектом наших действий. Оба наши корпуса были активны: XIII-й продвигался из Эд-Дуда, а XXX-й шёл с юга. Во время этих приготовлений Роммель сделал последнюю попытку спасти свои гарнизоны на фронте. Она была отбита. Теперь началось общее отступление армий Оси на линию Газалы.

**
*

Поток телеграмм продолжался. 26 ноября Окинлек сказал: «сегодняшние новости пока скудны, но хороши. Новозеландцы сегодня утром уже видели издали гарнизон Тобрука и я только что слышал, что они снова заняли Сиди-Резег. Идёт жестокий бой. Неприятельские танковые и моторизованные части по видимому всё ещё кружат по нашим тылам между Бардией, Шеферзен и Халфайа, но с малым результатом. Сейчас несомненно, что этот танковый и моторизованный рейд имел целью отвлечь наше внимание от Тобрука. Он явно не удался».

По поводу замещения генерала Каннингхэма он добавил:

«Я вам очень благодарен за вашу поддержку. В этом деле, как и во всём прочем, я не могу вам изъяснить, что она означает для нас, это не может быть выражено ни в цифрах, ни в терминах танковых дивизий. Роммель ещё не сломлен, но мы захватили инициативу, я чувствую это, и я верю, что мы её удержим».

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 26 ноября 41 г.

Вы без сомнения всё время следите за прибытием резервов в зону военных действий. Я хорошо знаю, что оно обусловлено состоянием транспорта, и вполне учитываю, как важен для нас вопрос работы с минимальным составом. Однако я хотел бы знать, каковы ваши резервы. Предположим, вам нужна ещё дивизия или две-три бригады — откуда вы их возьмете? Я полагаю, что вы могли бы вызвать одну бригаду 50-й дивизии обратно из Багдада.

Пожалуйста сообщите мне ваши ресурсы и ваши соображения».

Окинлек ответил, что, принимая во внимание трудность содержания армии в пустыне, вопрос сводится

скорее к замене утомлённых войск свежими, чем к доставке новых пополнений, хотя, конечно, он был бы рад иметь больше войск в первой линии, чтобы увеличить свой импульс силы. Он перевёл одну пехотную бригаду 50-й дивизии в резерв Главного Штаба, но не считал нужным призывать обратно две бригадные группы, которые были на пути в Ирак.

Хотя я искренне одобрял то, что было сделано Главным Командованием, однако я сожалел, что Окинлек не взял это на себя, вместо того, чтобы поручать это одному из его штабных офицеров, еще не побывав там в огне.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку. 27 ноября 41 г.

Начальник Имперского Ген. Штаба и я, мы оба удивлены тем, что, выиграв уже однажды битву, вы не пошли на это ещё раз и не выиграли её теперь снова. Ваше присутствие на месте воодушевляло бы всех. Впрочем, это конечно целиком предоставляется вашему усмотрению.

Он отвечал:

«Я очень тщательно продумал вопрос, не должен ли я сам занять место Каннингхэма и принять на себя командование 8-й армией. Я вполне отдавал себе отчёт в том, как много зависит от этой битвы, но я пришёл к заключению, что я буду полезнее в Главном Штабе, где я смогу видеть всю битву целиком и сохранять глазомер и чувство пропорций... Я, конечно, проеду вперёд, навестить Ричи, как полагается».

Ни я, ни начальник Имперского Генштаба не были убеждены этими доводами, но мы не настаивали.

Сообщение Окинлека от 30 ноября заканчивалось словами:

«Наша колонна снабжения прибыла в Тобрук утром 29-го. Командир XIII-го корпуса, генерал Годвин-Остин про-

сит передать вам: «коридор в Тобрук чист и безопасен. Тобрук также свободен, как и я».

1-го декабря Окинлек поехал сам в передовой Штаб и провёл там 10 дней с генералом Ричи. Он не принял на себя командования, но внимательно следил за своим подчинённым. Это казалось мне не совсем удобным для них обоих. Однако 8-я армия теперь была хозяином положения, и 10 декабря главнокомандующий мог сказать мне: «Неприятель, повидимому, полным ходом отступает к западу. Эл-Эдем занят. Южно-африканские и индусские войска соединились там с британскими из Тобрука и я полагаю, что теперь можно смело заявить, что осада Тобрука снята. Мы энергично преследуем противника при полном содействии Королевских Воздушных сил».

**
*

Теперь мы знаем из германских отчётов, что потери неприятеля в операции «Крестоносец», включая гарнизоны Бардии, Соллума и Халфайи, в тот момент отрезанные, а позднее взятые в плен, — были приблизительно 13.000 немцев и 20.000 итальянцев, всего 33.000, и к тому еще 300 танков. Соответственные потери британской и имперской армий за тот же период (с 18 ноября до середины января) были: 2.908 офицеров и солдат убитых, 7.339 — раненых и 7.457 — без вести пропавших. Всего 17.704 и 278 танков. Девять десятых этих потерь приходится на первый месяц наступления.

**
*

Так мы приходим к моменту освобождения и prolonged радости в этой войне в Пустыне. Германские

документы отмечают мрачное уныние, овладевшее военными кругами Рима:

2 декабря 41 г.

«Положение в Северной Африке требует крайних усилий для снабжения германской армии, для восполнения её значительных потерь и для подвоза необходимых подкреплений. При настоящем положении дел на море воздушный транспорт должен играть главную роль в перевозках через Средиземное море».

И снова 4-го декабря:

«Дуче говорит об освобождении Бизерты, как о единственном способе преодолеть затруднения с транспортом. Овладеть Мальтой невозможно. Дуче не верит, чтобы Ливию можно было удержать надолго без подвоза снабжения через Тунис. Положение Оси в Средиземном море и в Северной Африке критическое, так как пути сообщения в нужное время не были открыты. На наши прошлые решения сильно повлияла война против России».

Флот всегда был важным фактором в войне в пустыне. Истребляя снабжение Оси и поддерживая наступление 8-й британской армии, британский флот и воздушные силы привели армии Роммеля на край гибели. Но в этот решающий момент наше морское могущество в Средиземном море было фактически сломлено серией катастроф.

Удар германских подводных лодок в Средиземном море был жесток. Авианосец «Арк Ройал» погиб. Две недели спустя «Бархэм» был взорван тремя торпедами, перевернулся и пошел ко дну с 500 человек экипажа. Много и другого было ещё затем. В ночь на 18-е

декабря итальянская подводная лодка подошла к Александрии и выпустила три «человеческие торпеды»; каждая управлялась двумя людьми. Они проникли в гавань в тот момент, когда створки ворот раскрылись для пропуска судов. Они поставили бомбы с часовым механизмом, которые взорвались рано утром 19-го декабря под линейными кораблями «Квин Елизабет» и «Вельянт». Оба корабля были тяжело повреждены и на много месяцев обратились в бесполезное бремя. Таким образом, в течение нескольких недель весь наш восточный боевой флот был ликвидирован, как боевая сила. Я должен ещё сказать о потере нами на другом театре войны кораблей «Принц Уэльский» и «Репалз». Нам удалось в течение некоторого времени скрывать разгром нашего боевого флота. Много времени спустя, в секретном заседании Палаты общин я сказал: «В несколько недель мы потеряли — навсегда или надолго — семь линейных кораблей, то есть более трети наших боевых единиц».

Группа «К» тоже была повреждена. В день катастрофы в Александрии в Мальту пришло известие, что крупный неприятельский караван судов направляется в Триполи. Наши крейсера «Нептун», «Аврора» и «Пенелопа» с четырьмя миноносцами отправились догонять их. Подходя к Триполи, наши корабли попали в только что поставленное минное поле. «Нептун» был тяжело повреждён, два другие тоже подорваны, но всё же смогли уйти. Тогда истребитель «Кандагар» вошёл в минное поле, чтобы взять экипаж с «Нептуна», но при этом сам наскочил на мину и оказался беспомощным. «Нептун», уносимый волнами вглубь минного поля, наскочил ещё на две мины и затонул. Только один человек из экипажа свыше 700 человек остался в живых: он был на плоту с 13-ю другими и с капитаном О'Коннор; на пятые сутки он попал в плен — остальные погибли. «Кандагар» оставался на воде и сча-

стливо дрейфовал мимо мин; на следующую ночь истребитель «Ягуар» нашёл его и спас большую часть экипажа.

Интересны комментарии германского Штаба к этому случаю:

«Потопление «Нептуна» может иметь решающее значение для удержания Триполи. Не будь этого случая, британские суда, вероятно, уничтожили бы итальянский караван. Нет сомнения, что потеря этого снабжения при настоящем кризисе имела бы жестокие последствия».

Так закатилась звезда группы «К». Крейсер «Галатея» тоже был потоплен германской подводной лодкой. Все, что оставалось от британского Восточно-средиземноморского морского флота — было несколько истребителей и три крейсера из эскадры адмирала Вайана.

До конца ноября наши соединённые усилия на суше, на море и в воздухе давали нам господство в Средиземном море. Но теперь наш флот понёс страшные потери. И вот 5-го декабря Гитлер, осознав, наконец, смертельную опасность, в какой находился Роммель, приказал перебросить целый воздушный корпус из России на Сицилию и в Северную Африку. Начато было новое воздушное наступление на Мальту под командой генерала Кессельринга. Атаки на остров снова достигли наивысшей степени и Мальта напрягала все силы в борьбе за свою жизнь. К концу года германская Люфтваффе господствовала над всеми морскими путями к Триполи и это дало возможность восстановить армии Роммеля после их поражения. Редко, когда комбинация морской, воздушной и сухопутной войны была так ярко продемонстрирована, как в событиях этих немногих месяцев.

Но теперь всё побледнело перед новым оборотом мировых событий.

11.

ЯПОНИЯ

В долгой романтической истории Японии теперь настал момент, когда ей предстояло сделать страшный, отчаянный прыжок. Такого рокового шага не было с 1592 года, когда вельможа Хидейоши решил пуститься на смертельную схватку с Китаем и построил флот для завоевания Кореи. Отважные островитяне Востока в течение долгих столетий хранили верность своим традициям и обычаям. Доблесть, дисциплина и верность духу нации, не лишённому мистики, поддерживали и охраняли эту закалённую и суровую азиатскую расу.

Европа впервые услышала о её существовании от Марко Поло около 1300 г. Религией японской нации была одна из форм буддизма. Позднейшее вторжение христианских миссионеров, набожность вновь обращённых в христианство и лютое истребление их — было лишь эпизодом, мало известным в Европе. Беспощадное избиение христианского населения, насчитывавшего свыше четверти миллиона, длилось 24 года и закончилось в 1638 г. После этого Япония погрузилась в строгое уединение и оставалась почти неизвестной в течение многих поколений вплоть до 19-го века, который своим громовым вызовом потряс весь мир. До того Япония была зачарованной страной полной изоляции. Искусство, культура и вера японцев поддерживали неизменную структуру общества. На-

ука, техника и философия Запада не существовали для Японии.

Но паровая машина изменила все соотношения земной жизни, и около ста лет тому назад у берегов феодальной, наглухо замкнутой Японии появились за-океанские корабли, привезшие оружие и идеи. Вскоре после того, как американская эскадра commodora Перри сделала в 1853 г. первый непростительный визит Японии, британские и американские канонерки уже могли диктовать волю британского или американского правительства в вопросах внешнего поведения японского государства. Вместе с иностранными военными судами появился целый новый мир чудесных штучек, изобретенных белым человеком, которые он был готов объяснить и продать. Суровая и мрачная цивилизация 13-го века встретила с цивилизацией 19-го века — усмехающейся, процветающей и хорошо вооружённой.

**
*

Дядя Сам и Британия были крёстными новой Японией. Лишённый постепенного развития, имея лишь своё далекое прошлое, японский народ за какие-нибудь два поколения перемахнул от двуручного меча самурая прямо к броненосцу, нарезному оружию, торпедо и пулемету Максима. Такая же революция произошла и в промышленности. Переход Японии, под руководством Британии и Америки, от средневековья к новейшей эпохе был резким и насильственным. Китай, разбитый и бессильный, был оставлен ею далеко позади. В 1905 г. весь мир с изумлением взирал на поражение царской России не только на море, но и на суше: крупные японские армии были переброшены через море в Маньчжурию и одержали там блестящие победы. Япония заняла теперь место среди Великих Держав. Сами

японцы были удивлены тем уважением, которое им оказывалось:

«Когда мы посылали вам прекрасные произведения нашего древнего искусства, вы смеялись над нами и презирали нас; но как только мы завели себе первоклассные флот, армию и оружие, — нас стали почитать как высоко цивилизованную нацию».

Но всё, что японцы взяли от Запада, было лишь внешним нарядом, продуктом прикладных наук Европы; за этой оболочкой, внутри, оставалась древняя Япония. Я вспоминаю, как во дни моей юности британские карикатуристы изображали Японию в виде ловкого мальчика-посыльного в щегольском мундирчике. Но однажды мне пришлось видеть американскую карикатуру совсем другого стиля: старый воин-монах, величественный и грозный; рука сжимает кинжал...

Я не претендую на глубокое знание Японии, ни древней, ни современной; я знаю лишь то, что мне дали газеты, да несколько книг и официальных документов, виденных мною в тех многих департаментах, где я служил. Я был на стороне Японии во время русско-японской войны. Я приветствовал Англо-японский договор, который предшествовал ей. В Адмиралтействе, во время Первой мировой войны, я радовался присоединению Японии к союзникам и изгнанию Германии с Дальнего Востока. В 1921 году я с грустью принимал участие в расторжении союза Британии с Японией, из которого мы черпали силы и извлекали выгоды. Но, так как мы должны были выбирать между дружбой Японии и дружбой Америки, то для меня не было сомнений — какой курс следует избрать.

В войне и в политике всегда нужно стараться поставить себя в положение другой стороны или, как Бисмарк говорил, «другого человека». Чем легче и охотнее человек может это сделать, тем больше у него шансов оказаться правым. Чем лучше он знаком с противной точкой зрения, тем легче ему решить задачу — что делать? Но фантазия без глубокого знания — это ловушка, и лишь очень немногие из наших экспертов могут похвалиться верным представлением о японцах и их духе. Они и в самом деле непостижимы. Древняя и новая Япония, разделённые пропастью веков, перемешаны между собою и воздействуют одна на другую путями, непостижимыми для иностранца. По правде говоря, весьма сомнительно, чтобы сама Япония знала самоё себя, свою природу, свои силы, берущие верх в час роковой.

Иерархия японской армии представляла собою серию концентрических кругов, связанных между собою традицией самураев, которая внушала военачальникам и их подчинённым, что их долг — умирать за родину, за военную честь Японии, чтобы с чистой совестью предстать перед сонмом своих предков. Но, когда Япония вышла из долгого уединения в широкий мир, раскрывшийся перед ней, когда она радостно вложила смертельное оружие небывалой силы в руки своих воинов, тогда также родился и постепенно вырос план: овладеть Азией и, быть может, впоследствии вести этот континент к завоеванию всего мира. Были даже разговоры о «столетнем плане», хотя бы это был всего лишь стимулирующий фон для беспрерывно менявшихся условий и событий.

Сильнейшим тормозом для власти и амбиций армии в начальный период Второй мировой войны являлся флот. В 19-м веке японскую армию тренировали германские инструктора, а японский флот — британ-

ские. Это надолго создало разницу в умонастроении, которая ещё усиливалась благодаря различиям в условиях жизни. Офицеры армии редко попадали за границу — за исключением случаев войны — и они были проникнуты узким, высокомерным шовинизмом гораздо больше, чем морские офицеры, которые часто посещали иностранные порты и знали кое-что об остальном мире, помимо Японии. Далее, армия была полна сознания своей способности подавить или по крайней мере не поддаться любой военной силе на Дальнем Востоке; в то же время флот с горечью сознавал свою недостаточность по сравнению с британским или американским флотами, особенно когда дело шло об операциях вдали от Японии. Таким образом флот держался более осторожных и умеренных взглядов, чем армия.

Торгово-промышленные классы не имели формального представительства или организации, как армия или флот; не было и общей политики у представителей различных финансовых, промышленных и торговых интересов. Их влияние проводилось в жизнь либо через политические партии в парламенте, либо — частично — через знакомство с придворными кругами. Вообще говоря, коммерческие интересы шли вразрез с серьёзными военными авантюрами, но некоторые из них, в частности связанные с инвестициями в Китае, совпадали с политикой экспансии, которую проводила армия. Массы японского народа склонялись скорее к поддержке армии, чем либеральной буржуазии, благодаря традиционному престижу армии и распространённому мнению, что она стоит на страже обще-национальных интересов против appetитов частных капиталистов.

По японской конституции 1889 года заключение международных договоров, объявление войны и заключение мира являлось прерогативой императора и не подлежало контролю парламента. Император также являлся Верховным командующим вооружёнными силами. Предполагалось, однако, что он осуществляет свою власть по совещанию с начальниками штабов армии и флота и ведёт внешнюю политику по советам кабинета. Кабинет, согласно конституции, не ответствен перед парламентом, хотя для ведения дел он нуждается в большинстве в обеих палатах. Императору принадлежит прерогатива выбирать и назначать премьер-министра. По обычаю, он делает это согласно совету корпорации «старейшин государства» или Генро. В начале нашего столетия было несколько Генро, но постепенно они умирали, заместители им не были назначаемы и, наконец, в 1940-м г. остался один принц Сайондзи. После его смерти в конце того же года совещанием всех бывших премьеров было создано так называемое «новое Генро»; в 1941 г. оно имело 8 членов.

Министрами армии и флота в кабинете должны быть соответственно генерал и адмирал активной службы. Если премьер-министр не мог найти генерала или адмирала на эти посты, то он не мог составить кабинета, или продолжать вести его; и профессиональный дух был так силен, что ни один генерал или адмирал не мог занять поста министра в кабинете, политика которого не одобрялась армией или флотом. Таким образом штабы армии и флота могли оказывать длительное, а временами даже решающее влияние на политику путём отозвания или угрозы отозвания своих министров из кабинета.

В 1936 г. Япония заключила с Германией антикоммунистический пакт, который был первоначально обсужден японским военным министерством с Риббентропом, представлявшим национал-социалистическую партию, за спиной обоих министров иностранных дел. Это еще не было союзом, но являлось основой для него, Весной 1939 г. военный министр в японском кабинете, возглавляемом бароном Хиранума, пытался заключить полный военный союз с Германией. Это не состоялось благодаря оппозиции морского министра, адмирала Йонаи. В августе 1939 г. Япония не только находилась в войне с Китаем, которая началась в июле 1937 г., но была также вовлечена в местные враждебные действия с Россией по вопросу о границе между недавно созданным государством Маньчжуго и Внешней Монголией. Вдоль этого потенциального фронта и за ним стояли крупные армии. Когда, накануне европейской войны, Германия заключила с Россией «пакт о ненападении», не посоветовавшись с Японией и не известив ее, как своего партнера по Антикоминтерну, то японцы почувствовали с полным основанием, что их обошли. Их спор с Россией отошёл на второй план и японцы были сильно раздражены на немцев. Британские симпатии к Китаю и поддержка его отдалили нас от нашего бывшего союзника, и в первые несколько месяцев европейской войны наши отношения с Японией были далеко не дружественными. Однако у Японии в то время ещё не было никакой приязни к Германии.

Кабинет Хиранумы «потерял своё лицо» вследствие Германо-советского пакта и должен был уйти. Ему наследовал кабинет генерала Абе, который был хотя и военным (в отставке), однако считался умеренным; в январе 1940 г. он был заменен адмиралом Йонаи, который, как морской министр в кабинете Хиранумы, противился союзу с Германией. При правительстве Абе и Йонаи Япония держалась политики ней-

тралитета в Европе и в то же время «своей» войны в Китае. Но вскоре более сильные конвульсии потрясли весь мир. Падение Франции и Нидерландов под ударами Гитлера и перспективы вторжения его в Британию и крушения её осенью 1940 г., оживили давно лелеемые блестящие мечты Японии, которые теперь, казалось, готовы были обратиться в действительность. Ужели Япония не выиграет ничего от падения Франции, Нидерландов, а, может быть, и Британии со всеми ее обширными владениями в Восточной Азии? Разве не наступает сейчас её исторический момент? Глубокое волнение охватило армию и круги националистов Японии. Требовали, чтобы Япония немедленно двинула свои силы к югу и захватила французский Индо-Китай, Малайю и желанную голландскую Ост-Индию. Чтобы добиться этой политической линии, военный министр генерал Хата вышел из кабинета министров и тем заставил адмирала Йонаи сложить свои полномочия премьер-министра.

Умеренным и разумным элементам, которых в Японии всегда было достаточно, было не легко взять правление в свои руки. На место Йонаи Генро назначил принца Коноэ, аристократа в цвете лет, у которого были тесные связи с Императорским Двором и одновременно хорошие отношения с армией. Он возглавлял кабинет с июля 1940 г. по октябрь 1941 г. Он был всеми уважаемым и исключительно тонким политиком; его метод был — дать армии символическое удовлетворение, но не позволять ей вовлечь страну в большую войну. В течение лета 1940 г. Коноэ сумел удержать армию от нападения на британские и голландские владения. Но с другой стороны он согласился оказать давление на французское правительство Виши в вопросе авиабаз в северном Индо-Китае. И в сентябре 1940 г. он заключил Тройственный Пакт с Германией и Италией. Этот пакт обязывал Японию вступить в европей-

скую войну на стороне Оси в случае, если Америка вступит в неё на стороне Британии.

Тем временем назревали другие крупные события. В конце ноября 1940 г. исход битвы за Британию и отказ Гитлера от его хвастливых заявлений о вторжении были признаны в Японии за факты первостепенного значения. Успех британского налёта на итальянский флот в Торентском заливе, когда новые первоклассные линейные корабли были выведены из строя на много месяцев, произвёл глубокое впечатление на японский флот: воздушное оружие, особенно при условии неожиданности, оказывалось мощным и имеющим громадные возможности. Япония убеждалась, что Британия ещё далеко не кончена: она, несомненно, шла вперёд и становилась всё сильнее. В Японии постепенно росло ощущение, что Тройственный Пакт был ошибкой. Уже появился страх перед объединёнными действиями Британской Империи и Соединённых Штатов; это означало бы соединение двух сильнейших в мире флотов и ресурсов, неизмеримых и несравненных в случае их активизации. Эта опасность видимо надвигалась всё ближе. Весной 1941 г. Коноэ получил от своего кабинета полномочия начать переговоры с США для урегулирования нерешённых взаимоотношений между обеими странами. Следует отметить, что в этом случае генерал Тоджо, как военный министр, поддерживал политику Коноэ против министра иностранных дел Матсуоки; этот последний заявил, что подобные переговоры будут противоречить союзу с Германией. Его протест был, однако, отклонен.

**
*

Тем не менее брожение в умах Японии росло всё сильнее. Под внешним покровом нормальной современной политической жизни, тысячам офицеров и чи-

новников, занимавших хотя и скромные, но ответственные места, слышались «зовы предков, возвещающие войну». Неужели они, сегодняшние японцы, окажутся недостойными своих отцов, которые с процентами заплатили свой долг мести монголам XIII-го века? (под этим они разумели царскую Россию). Чудесный подвиг прошлого поколения побуждал его сынов к смелому дерзанию. Сейчас весь мир был охвачен волнением и бурей. Появились новые силы, новые титаны. Близился «Новый порядок» в Европе: разве не время было создать «Новый порядок» также и в Азии? В такой атмосфере были созданы и тщательно разработаны планы, которые во всех подробностях были приноровлены к каждой возможной перемене в ходе мирового катаклизма. Вожди армии настаивали, что это именно они должны избрать момент, когда будет дан сигнал. Они были правы в своих утверждениях, что если Япония вообще должна была выступить, то наилучший момент для этого — момент крушения Франции — был уже упущен осторожными и трусливыми политиками.

Император и имперские принцы, вокруг которых сплотилась высшая аристократия, были против наступательной войны. Они рисковали потерять слишком много в бурных событиях. Многие из них путешествовали и встречались с равными себе при иностранных дворах. Они восхищались жизнью Европы и опасались силы Европы, как и силы США. Они преклонялись перед спокойным величием английской монархии. Они всё ещё полагались на свой поверхностный парламентаризм и надеялись, что они смогут и дальше царствовать и править спокойно. Но кто мог сказать, как поведёт себя армия? Ни духовенство, ни император, ни династия не могли остаться без неё. Император и принцы стояли за мир и благоразумие, но не имели никакого желания погибнуть за эти блага.

Крутое применение экономических санкций в июле 1941 г. обострило внутренний кризис японской политики. Консервативные элементы были возмущены, умеренные лидеры — запуганы. Престиж японской армии, внутри страны как решающий фактор в определении японской политики, был уже затронут. Флот до сих пор оказывал сдерживающее влияние. Но эмбарго, которое США, Британия и Голландия наложили на Японию, лишило её всех источников снабжения нефтью, от которой зависел флот, то есть фактически вся военная мощь Японии. Японский флот был вынужден обходиться лишь своими запасами нефти, и к моменту начала войны в Тихом океане он израсходовал уже почти четверть своего запаса, рассчитанного на 18 месяцев. Было очевидно, что таким путём Япония задохнётся, и у неё оставалось только два выхода: соглашение с США или война. Но требования американцев заставили бы Японию не только отказаться от новой агрессии в Индо-Китае, но и отступить из самого Китая, где она вела войну уже так долго и такой дорогой ценой. Это было справедливое, но тяжелое условие. При этих обстоятельствах флот Японии присоединился к армии в её ставке на войну в случае, если приемлемое дипломатическое соглашение не будет достигнуто. Тот факт, что флот довёл сейчас свои воздушные силы до высокой ступени развития, как оружие наступления, ещё подкреплял его решение.

Напряжённые дебаты среди правящих кругов Японии продолжались всё лето и осень. Как мы теперь знаем, главный вопрос — о предстоящей войне с США — был поставлен на обсуждение 31 июля, на другой же день после эмбарго. Всем лидерам Японии было ясно, что времени для выбора остаётся мало. Германия могла выиграть войну в Европе прежде, чем Япония

успеет установить свои требования. Переговоры между японским и американским правительствами продолжались. Консервативные политики Японии и Императорский Двор надеялись достичь условий, которые дали бы им возможность сдерживать военную партию у себя дома. В Вашингтоне Государственный департамент (мин-во иностранных дел) рассчитывал, как и я, — что Япония, вероятно, отступит перед несомненно подавляющим могуществом США.

**
*

Читатель видел, как с первого же дня войны наша тревога по поводу Японии неотступно тяготила нас. Как аппетиты Японии, так и возможности её, были одинаково очевидны. Мы удивлялись, почему она не нанесла удара в момент крушения Франции. После того мы вздохнули свободнее, но мы всё время были в крайнем напряжении: мы должны были заботиться о защите британских островов от вторжения и вести войну в Африке. Я сознаюсь, что в моем мозгу вся угроза Японии была как бы в зловещем тумане по сравнению с другими заботами. У меня было такое ощущение, что если Япония нападёт на нас, то Соединённые Штаты выступят. Если бы США не выступили, то у нас не было бы средств защищать голландскую Ост-Индию, а фактически и нашу собственную Империю на Востоке. С другой стороны, если бы японская агрессия вовлекла в войну Америку, то я был бы доволен. На этом я успокоился. Порядок наших задач в 1941 г. был таков: первое — оборона нашего Острова, включая угрозу вторжения и подводную войну; второе — борьба на Среднем Востоке и в Средиземном море; третье, начиная с июня, — снабжение Советской России; и наконец последнее — сопротив-

ление наступлению Японии. Однако всё время предполагалось, что если Япония сделает высадку в Австралии, или на Новой Зеландии, то Средний Восток будет принесен в жертву обороне наших собственных земель. Этот случай мы все считали за мало вероятный и отдалённый во времени, так как у Японии был богатый выбор более лёгких и заманчивых завоеваний, как Малайя, Сиам и прежде всего Нидерландская Индия. Я уверен, что что бы мы ни предприняли тогда, даже ценою крушения африканского фронта, или прекращения нашей помощи Советскому Союзу — ничто не изменило бы судьбы Малайи. С другой стороны, вступление США в войну перевесило бы все лишения вместе взятые.

Не следует думать, что эти важные решения были приняты по наитию, без глубокого и подробного исследования их, как Военным Кабинетом в целом, так и его военными советниками-специалистами.

**
*

По мере того, как время шло и я мог оценить колоссальное значение эмбарго, объявленного президентом 26-го июля, к которому присоединились мы и голландцы, я стал всё больше заботиться о том, чтобы выставить против Японии возможно большее число судов в Тихом и Индийском океанах. Флот — это было всё, что мы могли предложить. Мы точно знали наши ресурсы.

25 августа я послал записку Первому морскому лорду об образовании Восточного флота, изложив в ней мои взгляды на состав его. Я отчётливо сознавал, что в ближайшем будущем можно будет отправить в Индийский океан эскадру, которая наведёт порядок

там и внушит уважение к себе; эта эскадра могла бы состоять из небольшого числа первоклассных судов. Первый морской лорд ответил, что план Адмиралтейства таков: в начале 1942 г. собрать на Цейлоне флот, состоящий из двух линейных кораблей — «Нельсон» и «Родней», линейного крейсера «Реноун» и небольшого авианосца «Гермес». «Арк Ройал» должен был присоединиться позже, пожалуй в апреле. До того времени четыре линейных корабля класса «Р» должны были быть посланы в Индийский океан, как эскорт для караванов судов, перевозящих войска. В своём меморандуме Первый морской лорд подробно остановился на недооцениваемой важности Атлантического океана, где он считал необходимым держать все наши три новейших линейных корабля типа «Король Георг 5-й» для охраны от возможного прорыва германского «Тирпица».

Мне этот план не нравился. Использование старых кораблей типа «Р» в качестве эскорта годилось против крейсеров с 8-ми дюймовыми орудиями, но, если неприятель готов будет выделить для своих рейдов новые быстроходные линейные корабли, то наши «Р» и охраняемые ими суда станут их легкой добычей. В сегодняшнем их состоянии эти старые суда будут плохими гробами. Поэтому необходимо иметь один или два быстроходных линейных корабля, чтобы предотвратить использование японцами единичных сильных рейдеров.

Я закончил мою переписку с Адмиралтейством следующими словами:

«...Я должен добавить, что, по-моему, Япония не сможет противостоять комбинации, теперь против неё составившейся — США, Великобритании и России, причём Япония занята ещё и в Китае. Весьма вероятно, что она будет вести переговоры с США еще по край-

ней мере три месяца, воздерживаясь от враждебных действий и не примыкая к Оси активно. Ничто не может усилить её колебания больше, чем появление сил, о которых я говорил, прежде всего кораблей типа «Король Георг 5-й». Это могло бы быть действительно решающей помехой».

**
*

Было решено отправить в качестве первого эшелона нашего дальневосточного флота линейные корабли «Принц Уэльский» и «Репалз» с 4-мя истребителями и, как необходимый элемент, новый бронированный авианосец «Индомитэбл» («Неукротимый»). К несчастью, этот последний был временно неспособен к службе. Несмотря на это, было решено послать оба линейных корабля вперёд, в надежде на укрепление политической ситуации в Японии, а также в расчёте на установление быстрого контакта с Тихоокеанским флотом США. Генеральная линия нашей морской политики ставила целью создание в Тихом океане Восточного британского флота с базой в Сингапуре и под прикрытием Тихоокеанского флота США. К весне 1942 г. этот флот состоял бы из 7-и линейных кораблей разного рода, 1 первоклассного авианосца, 10 крейсеров и 24-х истребителей. Адмирал сэр Том Филлипс, бывший помощник Начальника Морского Штаба, был избран для командования и 24 октября он поднял свой флаг в Гриноке.

**
*

В конце октября я телеграфировал премьер-министрам Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки и сообщил им детали предполагаемого распределения нашего флота на Дальнем Востоке.

«1. Я всё ещё склонен думать, что Япония не вступит в войну с Америкой, Британией, Китаем и Голландией, если — или пока — Россия не будет окончательно сломлена. Быть может, даже и тогда Япония будет ещё ожидать обещанного весеннего вторжения на острова Великобритании. Русское сопротивление еще сильно, особенно на фронте Москвы, а зима уже подходит.

2. Адмиралтейство отдало распоряжение о подготовке к плаванию в конце года кораблей «Родней», «Нельсон» и четырех типа «Р», с главной базой в Сингапуре. Этот план был однако нарушен недавней аварией «Нельсона», починка которого потребует трех или четырёх месяцев.

3. Тем временем, чтобы держать Японию в страхе, мы посылаем немедленно наш новейший линейный корабль «Принц Уэльский» на присоединение к «Репалзу» в Индийском океане. Это делается, несмотря на протест главнокомандующего флотом Метрополии, и мы берём на себя большой риск. «Принц Уэльский» вскоре прибудет в Капштадт. Дополнительно еще 4 линейных корабля типа «Р» должны быть отправлены в восточные воды, как только они будут готовы. Позднее «Репалз» будет сменён линейным крейсером «Реноун», который имеет больший радиус действия.

4. По-моему, «Принц Уэльский» будет наилучшим средством острастки, и надо приложить все усилия к тому, чтобы он оставался там бессменно. Я должен однако пояснить, что задачи «Принца Уэльского» должны быть пересмотрены, когда он будет в Капштадте, так как есть опасность прорыва «Тирпица», да и другие возможности до тех пор, пока «Герцог Йоркский» не будет готов в декабре».

* *
*

В октябре принц Коноэ сложил свои нелёгкие обязанности. Он просил о личном свидании с Рузвельтом в Гонолулу, куда он надеялся привезти своих военных и морских начальников и таким образом связать их принятыми там решениями. Но его предложение было отклонено президентом, а мнение японской армии об этом мудром государственном деятеле становилось всё более критическим. Его место занял генерал Тоджо, который стал премьер-министром, военным министром и министром внутренних дел одновременно. Генерал Тоджо, который после войны был — согласно современной практике — повешен победителями, сказал на своём процессе, что он сам взял на себя министерство внутренних дел потому, что «он стоял перед страшной перспективой внутренней смуты в случае, если бы, вместо войны, вопрос был решен в пользу мира». По приказанию императора он возобновил дипломатические переговоры с США, но с тайным уговором между членами правительства, что Япония пойдёт на войну, если предложения Кабинета будут отвергнуты. Когда в ноябре 1941 г. Тоджо и начальники Генерального Штаба известили императора, что война неизбежна, то монарх высказал надежду, что если сделать еще усилие, то, быть может, удастся отворотить бедствие. Но при этом он сказал премьеру: «если положение дел таково, как вы его описали, то не остаётся ничего иного, как приступить к подготовке военных операций».

**
*

В начале ноября я получил от генерала Чан Кай-ши взволнованное предупреждение о новой акции японцев, готовящейся в Китае. По его сведениям японцы решили вторгнуться в Китай из Индо-Китая, занять

Кунмин и перерезать дорогу на Бирму. Он взывал о помощи британских воздушных сил из Малайи. В заключение он писал:

«Вам может показаться с первого взгляда, что это может вовлечь вас в войну с Японией в то время, как вы уже сражаетесь с таким мужеством в Европе и на Среднем Востоке. Я смотрю на дело иначе. Я не верю, чтобы Япония чувствовала себя в силах наступать так долго, пока длится сопротивление Китая; но если только она разделяется с ним, она нападёт на вас в тот момент и в том месте, как ей будет удобней... Сейчас наступает самая критическая фаза в сопротивлении Китая. Территория, которую ему приходится защищать, подходит уже к Сингапуру и участь Бирмы сейчас зависит прежде всего от готовности Британии и Америки содействовать обороне Юаня. Если японцам удастся прорвать наш фронт здесь, то мы будем отрезаны от вас и вся система вашей воздушной и морской кооперации с Америкой и с Нидерландской Ост-Индией окажется под серьёзной угрозой в новых пунктах и с новых направлений. Я хочу подчеркнуть со всей силой моё убеждение, что мудрость и предусмотрительность требуют оказания помощи, мною указанной. Ничто иное не может привести к поражению Японии и к успеху стран, сопротивляющихся агрессии. С нетерпением жду вашего ответа».

Я не мог сделать ничего больше, как переслать это письмо президенту.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 5 ноября 41 г.

1. Я получил от Чан Кай-ши призыв, адресованный нам обоим, о помощи ему воздушными силами. Вам известно, как у нас в Сингапуре обстоит дело с воздушными силами. Тем не менее я был бы готов послать пилотов и даже несколько самолетов, если они смогут прибыть во-время.

2. В чём мы сейчас нуждаемся, это в средствах устрашения самого общего и грозного характера. Японцы ещё не приняли окончательного решения и император проявляет примерную сдержанность. Когда мы с вами говорили на эту тему в Пласенша, вы сказали о выигрыше времени; и эта политика до сих пор давала блестящие успехи. Но наше соединённое эмбарго всё больше принуждает японцев к выбору между войной и миром.

3. Сейчас похоже на то, что они пойдут в Юнань, перерезав дорогу на Бирму, что будет иметь гибельные последствия для Чан Кай-ши. Крушение его сопротивления не только явится само по себе мировой трагедией, но оно даст японцам возможность наступать с огромными силами к северу или к югу.

4. Китайцы апеллировали к нам, как вероятно и к вам также, прося нас предостеречь японцев от нападения на Юнань. Я надеюсь, что вы могли бы напомнить японцам, что такое нападение на Китай, направленное из района, в котором мы никогда не признавали за японцами право держать военную силу, явилось бы открытым игнорированием ясно выраженного взгляда правительства США. Мы, конечно, были бы готовы сделать аналогичное заявление.

5. Никакая наша акция, предпринятая нами одними, не запугает Японию, так как мы слишком связаны повсюду. Но, конечно, мы будем идти с вами и сделаем всё, что сможем, чтобы поддержать вас, какой бы путь вы ни избрали. Я лично думаю, что Япония скорее склонна медленно втянуться в войну, чем бросаться в нее сразу. Пожалуйста напишите, что вы об этом думаете».

Президент ответил мне 9-го ноября, что, хотя он считал бы серьёзной ошибкой недооценку надвигающейся угрозы, однако он сомневается, чтобы приготовления японцев к сухопутной кампании против Кунмина означали немедленное наступление их в ближайшее время. Он постарается помочь Китаю путём акции «ленд-лиз» и посылкой американских добровольческих воздушных сил. Он полагал, что всякое новое «формальное словесное предостережение или про-

тест» может равным образом произвести на японцев прямо обратное действие. «Вся проблема требует от нас непрерывного пристального внимания, изучения и усилия».

Я постарался как мог успокоить генералиссимуса, повторив ему в основном этот осторожный ответ.

Для нас не было иного пути, как продолжать выполнение наших морских планов на Дальнем Востоке и предоставить США пытаться дипломатическими средствами как можно дольше сдерживать Японию в Тихом океане.

**
*

Я написал генералу Смэтсу, который возбудил ряд важных вопросов.

9 ноября 41 г.

«Я думаю, что при сегодняшней конъюнктуре мне нет смысла обращаться к Рузвельту с личным призывом к вступлению в войну. При свидании в Атлантическом океане я сказал его окружению, что я предпочёл бы иметь сейчас объявление войны Америкой и никакого снабжения в течение полугода, чем двойное снабжение и никакого объявления войны. Когда это было ему передано, он нашёл, что это резко сказано. Мы должны учитывать его связанность конституцией. Он может действовать как глава исполнительной власти, но объявить войну может только Конгресс. Он зашёл так далеко, что сказал мне: «Я не могу объявить войну; но я могу создать войну. Если бы мне надо было просить Конгресс объявить войну, то они спорили бы об этом три месяца». Билль о наборе в армию, без которого американская армия была бы беспомощна, прошёл всего лишь одним голосом. Он теперь провёл через Сенат незначительным большинством голосов фактическую отмену Акта о нейтралитете. Это означает (если будет поддержано другой Палатой) перманентную войну в Атлантическом океане между германскими и американ-

скими кораблями. Общественное мнение в США за последнее время было подготовлено, но в Конгрессе всё зависит от подсчёта голосов. Конечно, если бы я видел возможность помочь делу, подняв вопрос на должный уровень, — я бы это сделал. Но пока что надо запастись терпением и положиться на ход событий, который нам благоприятен».

**
*

10 ноября, на годовичном банкете Лондонского магистрата, на котором премьер-министр по обычаю присутствует, я сказал:

«Я должен признаться, что почти 40 лет тому назад, в 1902-м году, я голосовал за союз с Японией; я всегда старался установить добрые отношения с островной империей Японии; я всегда был искренним доброжелателем японцев и почитателем многих их талантов и ценных качеств. И теперь я с глубокой скорбью смотрю на конфликт, разверзающийся между Японией и миром, говорящим на английском языке.

Освящённые давностью интересы США на Дальнем Востоке хорошо известны. США делают всё возможное, чтобы найти пути к сохранению мира в Тихом океане. Мы не знаем, приведут ли их усилия к успеху, но если нет, если США окажутся вовлечёнными в войну с Японией, то мой долг заявить, что объявление войны Британией последует в тот же час.

Обозревая необъятные мрачные перспективы будущего, поскольку возможно беспристрастно, мы приходим к заключению, что японский народ пускается в крайне рискованную авантюру, ввязываясь без всякой нужды в мировую борьбу, где его противниками на Тихом океане будут государства, население которых составляет почти $\frac{3}{4}$ всей человеческой расы. По-

сколько сталь является основным базисом современной войны, то для таких держав, как Япония с её производством стали в 7 миллионов тонн в год, крайне опасно вызывать беспричинно на войну такого гиганта, как США, производящего в год 90 миллионов тонн, не говоря уже об огромной производительности Британской Империи. Я надеюсь поэтому, что мир в Тихом океане будет сохранён, как того желают и мудрейшие государственные люди Японии.

Но все приготовления к защите британских интересов на Дальнем Востоке, а также к защите общего дела, сейчас поставленного на карту, уже сделаны и делаются».

**
*

20-го ноября Япония препроводила Вашингтону своё «последнее слово». Хотя из её предложений было ясно, что фактически она пыталась лишь получить плоды чаемой победы без войны, однако правительство США сочло нужным сделать ещё последнее дипломатическое предложение. Нас информировали о японской ноте и запросили о нашем мнении. 23 ноября я написал записку нашему министру иностранных дел:

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

23 ноября 41 г.

Наш главный интерес в следующем: никаких дальнейших вторжений и никакой войны, с нас уже достаточно войн. США не отступят в китайском вопросе, и здесь мы можем спокойно следовать за ними. Для нас, конечно, неприемлемо такое соглашение, при котором Япония может свободно напасть на Россию в Сибири. Я лично сомневаюсь, чтобы в данное время это было вероятным. Я помню, как президент Рузвельт на Атлантической конференции вписал собственноручно: «не должно быть дальнейших

вторжений на Севере». Я полагаю, что на этом мы сойдёмся (с американцами). Формальное отречение Японии от пакта Оси, по моему мнению, не является необходимым. Тот факт, что она останется вне войны, уже сам по себе явится крупным разочарованием и ударом для Германии. Мы не должны соглашаться на какое-либо вето на американскую или британскую помощь Китаю. Но США и не будут запрашивать нас об этом.

Из этого вытекает, что следовало бы облегчить экономическое положение Японии так, чтобы дать ей возможность хотя бы сводить концы с концами, даже если мы выиграем этим только ещё три месяца. Это, однако, лишь первые соображения, которые приходят в голову.

Должен признаться, я был бы очень рад услышать, что состоялось американо-японское соглашение, по которому нам обеспечено, что в течение трёх следующих месяцев положение на Дальнем Востоке не ухудшится по сравнению с сегодняшним».

**
*

25-го ноября президент сообщил мне по кабелю о ходе переговоров. Японское правительство заявило о своей готовности эвакуировать южный Индо-Китай вплоть до общего разрешения китайского вопроса, или до общего восстановления мира в Тихом океане, когда Япония готова будет совершенно уйти из Индо-Китае. Взамен США должны будут снабжать Японию нефтью, воздерживаться от вмешательства в усилия Японии по восстановлению мира в Китае, оказывать помощь Японии в получении товаров из Нидерландской Ост-Индии и установить торговые сношения между Японией и США на нормальных условиях. Обе стороны обязуются не производить «вооружённых продвижений» в северо-восточной Азии и в южной части Тихого океана.

Американское правительство предполагало со своей стороны внести контрпредложение, в котором оно в общем принимало условия японской ноты, но в то же время намечало специальные условия, касающиеся эвакуации японцами южного Индо-Китая, и не упоминало вовсе о положении в Китае. США готовы были ввести некоторые экономические послабления взамен первоначального запретного, «замороженного» порядка. Например, нефть могла привозиться в пределах месячной квоты, но только для мирных целей. Это американское предложение было запроектировано на трёхмесячный период в расчёте, что за этот срок будет создано общее уложение для всей тихоокеанской зоны.

Когда я прочёл этот проект ответа, который был назван «модус вивенди», он показался мне неудачным. То же впечатление было у Нидерландского и у Австралийского правительств, а более всего у Чан Кай-ши, который прислал в Вашингтон бурный протест. Но я был крайне осторожен в наших комментариях на политику США в тех вопросах, где решение принадлежало им одним. Я понимал всю опасность появления в Америке мысли: «британцы хотят втянуть нас в войну». Поэтому я передал вопрос туда, где ему надлежало быть — в руки президента; и, упомянув лишь китайский аспект, я послал ему следующую каблограмму:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 26 ноября 41 г.

Ваше послание о Японии получено мною сегодня ночью. Также полный отчет лорда Галифакса о дискуссии и ваше контрпредложение Японии... Конечно, этот вопрос должен быть решен вами, а мы, естественно, не хотим иметь еще одну войну. Только один пункт беспокоит нас: как быть с Чан Кай-ши? Не окажется ли он на слишком скудной ди-

эте? Мы в тревоге насчет Китая. Если они там рухнут, то наша общая опасность неимоверно возрастет. Мы уверены, что взгляд США на китайский вопрос определит ваше поведение. Мы чувствуем, что японцы крайне не уверены в себе самих».

Это послание без сомнения пришло в Вашингтон на заре того самого дня, когда оно было послано. Кордел Хол пишет в своих мемуарах:

«Ночью пришла каблограмма от м-ра Черчилля с комментариями к нашему «модус вивенди». Находясь, очевидно, под влиянием каблограммы Чан Чай-ши, премьер-министр интересовался — не остался ли генералиссимус на «слишком скудном пайке» в нашем «модус вивенди»? Он сказал, что Китай его беспокоит, и что крушение Китая безмерно увеличило бы нашу общую опасность. Переговорив обо всём этом снова с экспертами нашего министерства иностранных дел, я пришёл к заключению, что мы должны аннулировать наш «модус-вивенди». Вместо него, мы должны представить японцам только предложение (10 пунктов) общего урегулирования, для которого наш первоначальный «модус вивенди» являлся бы чем-то вроде введения. Хотя предложения «модус вивенди» содержали в себе лишь мелочи (как хлопок, нефть и некоторые другие предметы потребления в очень ограниченном количестве) по сравнению с неограниченными количествами, которых требовали японцы, однако было ясно, что американское общественное мнение будет всячески сопротивляться снабжению Японии даже ограниченным количеством нефти. Китайцы были отчаянно против этого, другие заинтересованные государства — либо против, либо довольно равнодушны... Поэтому слабые надежды на то, что Япония согласится на «модус вивенди», не оправдывали риска, связанного с проведением этих мер, в особенности риска вызвать упадок духа и

силы сопротивления китайцев, вплоть даже до полного их разложения».

До этого момента мы еще не слышали о «Ноте с 10-ю пунктами», которая не только отвечала нашим желаниям, как и желаниям связанных с нами правительств, но фактически шла даже дальше того, что мы отваживались требовать. В тот самый день Хол принял у себя в министерстве японских послов. Он даже не упомянул им о том «модус вивенди», о котором президент телеграфировал мне 23-го ноября. Наоборот, он вручил им «Ноту с 10 пунктами». Два из них были следующие:

«Правительство Японии выведет все свои сухопутные, морские, воздушные и полицейские силы из Китая и Индо-Китае.

Правительство США и правительство Японии не будут поддерживать — ни военными силами, ни политически или экономически — никакого правительства или режима в Китае, кроме Национального Правительства Республики Китая с временной столицей в Чунцине».

Послы были ошеломлены и удалились совершенно расстроенные. Это могло быть вполне искренним. Они были выбраны главным образом за их репутацию миролюбивых и умеренных людей, которые убаюкали бы Соединённые Штаты, внушив им чувство безопасности на то время, пока всё не будет решено и подготовлено. Они плохо знали настроение собственного правительства. Им и в голову не приходило, что Хол был лучше информирован, чем они сами. Уже в

конце 1940 г. американцы овладели тайным шифром японцев и расшифровали многие из их военных и дипломатических телеграмм. В закрытых американских кругах было специальное слово для этой тайны — «магия». Эти «магические» сведения потом передавались и нам, но, конечно, с неизбежным промедлением в два-три дня. Таким образом в каждый данный момент президент и Хол знали больше, чем мы. Я, однако, не жаловался.

В тот же день президент послал следующую телеграмму Верховному комиссару Филиппин:

«Идут явные приготовления... к близкому шагу агрессии какого-то рода, хотя до сих пор нет явных указаний на размер её и направление, то есть будет ли она направлена на Бирму, Таиланд, Малайский полуостров, Нидерландскую Индию или Филиппины. Нападение на Таиланд кажется наиболее вероятным. Я считаю возможным, что эта следующая агрессия японцев может вызвать военные действия между США и Японией...»

**
*

Когда 29 ноября наш посол в США лорд Галифакс прибыл в министерство иностранных дел США, то Хол сказал ему, что опасность со стороны Японии «нависла над нашими головами». «Дипломатическая часть сношений наших с Японией фактически кончена. Теперь дело переходит в руки военных и морских властей, с которыми я говорил... Япония может выступить внезапно, поразив нас совершенно неожиданным сюрпризом... По моей теории японцы сознают, что их план безграничных завоеваний, начатый теперь снова по всей линии, является, вероятно, отча-

янной азартной игрой, которая требует крайней смелости и риска». Он добавил: «Когда Черчилль получил бурный протест Чана по поводу «модус вивенди», то ему следовало бы послать гану энергичную каблограмму с тем, чтобы ободрить его и побудить сражаться с тем же жаром, какой проявили японцы и американцы. Вместо этого, он переслал его протест нам без возражений со своей стороны...»

Я не знал, что кости уже брошены Японией, не знал и того, как далеко президент решил идти.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 30 ноября 41 г.

Мне кажется, что один важный способ предотвратить войну между Японией и нашими двумя странами остаётся ещё неиспользованным, а именно: простое заявление — секретное или публичное, как будет лучше, — о том, что каждый дальнейший шаг агрессии со стороны Японии приведёт немедленно к тяжчайшим последствиям. Я учитываю ваши конституционные затруднения, но это было бы трагедией, если бы Япония автоматически оказалась бы в состоянии войны с нами в результате её вторжения (в Азии), не будучи заранее честно предупреждена об этом роковом последствии её шага. Я прошу вас продумать, не следует ли вам в какой-то момент, быть может, очень близкий, заявить, что «каждая следующая агрессия Японии вынудит вас поставить этот тяжелый вопрос перед Конгрессом», или что-нибудь в этом роде. Мы, конечно, сделали бы подобную же декларацию или же мы составили бы общую декларацию и во всяком случае синхронизировали бы свою акцию с вашей. Простите, дорогой друг, что я позволяю себе настаивать на таком порядке действий, но я убежден, что это могло бы оказаться решающим и предотвратить прискорбное расширение войны».

И он, и Тоджо, оба были уже далеко впереди всего этого. И события не отставали от них.

30 ноября вскоре пополудни (по американскому времени) Хол явился к президенту, у которого на столе лежала моя каблограмма с той же самой датой, отосланная накануне вечером*). Они не одобрили моего предложения о нашем совместном предупреждении Японии. И это не удивительно, так как у них было уже перехваченное сообщение, также датированное 30-м ноября, из Токио в Берлин, предписывавшее японскому послу в Берлине передать Гитлеру и Риббентропу следующее:

«Скажите им совершенно секретно, что создалась чрезвычайная опасность внезапного возникновения войны между англо-саксонскими странами и Японией из-за столкновения их вооруженных сил, и добавьте, что момент вспышки может настать раньше, чем кто-либо думает».

Я получил эту телеграмму по её расшифровке уже 2 декабря. Она не требовала какого-либо специального шага со стороны Британии. Нам предстояло лишь ожидать. В действительности японские авианосцы уже 25 ноября отплыли со всеми силами японской гидроавиации, которая должна была атаковать Перл-Харбор. Конечно, оставалась ещё возможность обратного приказа из Токио.

**
*

На имперской конференции в Токио 1-го декабря было принято решение начать войну с США. Со-

*) Читатель не должен удивляться датированию телеграмм. Я работал до 2-3 часов ночи (по британскому времени) и каждое мое послание требовало двух или трех часов времени для зашифровки и расшифровки. Тем не менее каждое послание, которое я составлял перед тем, как идти спать, попадало к президенту практически почти в то же время, то есть когда он вставал или когда его — в случае необходимости — будили.

гласно показанию Тоджо на его процессе, император не произнёс ни слова. На следующей неделе гробовая тишина воцарилась над Тихим океаном. Возможности дипломатического улажения были уже исчерпаны. Акта военной агрессии до сих пор ещё не последовало. Я больше всего боялся того, что японцы нападут на нас, или на голландцев, и что конституционные затруднения помешают США объявить войну. После долгого заседания Кабинета 2-го декабря я послал записку министру иностранных дел, содержащую наши заключения:

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

2 дек. 41 г.

Мы постановили не предпринимать никаких шагов до выступления США. За исключением случая попытки японцев захватить перешеек Кра (полуостров Малайя) у США будет достаточно времени, чтобы достойно встретить новый акт японской агрессии. Если США двинутся, то и мы двинемся немедленно на поддержку. Если они не двинутся, то мы должны пересмотреть нашу ситуацию...

Японцы могут напасть на голландские владения в любой момент. Это, было бы явным оскорблением для Америки, нанесенным ей непосредственно вслед за её переговорами с Японией. Нам следует сказать голландцам, что мы ничего не можем сделать для предотвращения этого акта японской агрессии, поскольку США рассматривают его, как предмет спора между ними и Японией. Если США объявят войну Японии, то мы последуем за ними в тот же час. Если в течение известного времени США окажутся неспособными предпринять решительные действия — даже с нашей немедленной поддержкой, — то, мы тем не менее, хотя и одни, встанем на защиту голландцев.

Само собою разумеется, что всякое нападение на британские владения автоматически вызовет войну с Великобританией».

Британская разведывательная служба и воздушная разведка, бывшие настороже, вскоре заметили движение и активность, показывающие, что «Япония готовится напасть на Сиам, и что это нападение включает и морскую экспедицию для захвата стратегических пунктов на перешейке Кра». Мы сообщили это Вашингтону. Серия длинных телеграмм прошла между нами и нашим Главнокомандующим на Дальнем Востоке, а также Австралийским и Американским правительствами, на тему о том, не должны ли мы предпринять предупредительные меры для защиты перешейка Кра. Было принято решение, правильное, как по военным, так и по политическим соображениям: не осложнять течения событий нанесением удара сперва на второстепенном театре войны. 6-го декабря стало известно, как в Лондоне, так и в Вашингтоне, что японский флот в составе 35 транспортов, 8 крейсеров и 20 истребителей плавает от Индо-Китая через Сиамский залив. Другие японские эскадры также были в море с различными заданиями.

**
*

В 1946 г. Конгресс США опубликовал протоколы обширного расследования, в котором о всеми деталями были изложены события, приведшие к войне между США и Японией; между прочим там был и рассказ о том, как и почему военными властями не был дан сигнал тревоги флоту и гарнизонам в угрожаемых районах. Все детали, включая расшифровку японских секретных телеграмм и их подлинный текст, были продемонстрированы всему миру в 40 томах. У США оказалось достаточно мужества, чтобы выдержать это суровое испытание, требуемое духом американской конституции.

Я не собираюсь на этих страницах произнести своё суждение об этом страшном эпизоде американской истории. Мы знаем, что все крупные личности в окружении президента, пользовавшиеся его доверием, боялись так же, как и я, опасности, что японцы нападут на британские или голландские владения на Дальнем Востоке и будут избегать США, и что вследствие этого Конгресс не санкционирует объявление войны Америкой. Американские лидеры понимали, что это могло повести к обширным завоеваниям японцев, и что в соединении с германской победой над Россией и последующим вторжением в Британию это привело бы к тому, что Америка осталась бы в одиночестве против преобладающей силы торжествующих агрессоров. Не только крупные моральные ценности, которые были ставкой в этой борьбе, были бы выброшены вон, но и самая жизнь США, их народ, до сих пор лишь наполовину сознававший окружающие его опасности, — всё это могло быть раздавлено. Президент и его ближайшие друзья уже давно сознавали серьёзную опасность нейтралитета США в войне против Гитлера и против всего того, за что Гитлер стоял; но они были связаны структурой Конгресса. Всего лишь несколько месяцев тому назад Палата представителей большинством одного лишь голоса восстановила закон об обязательной военной службе, без которого армия США оказалась бы почти распущенной по домам в разгар мировых конвульсий. Рузвельт, Хол, Стимсон, Нокс, генерал Маршалл, адмирал Старк и, как связь между ними всеми, Гарри Гопкинс — все они были единомышленниками. Будущие поколения американцев и свободные люди в каждой стране будут благодарить Бога за их прозорливость.

Нападение Японии на США было для этих людей огромным упрощением их проблем и их обязанностей. Как можем мы удивляться тому, что они считали это

нападение, даже такое страшное, за событие, имевшее несравненно меньшее значение, чем тот факт, что вся американская нация сплотилась для самообороны и для защиты справедливости, как никогда раньше! Этим людям, как и мне, казалось, что для Японии напасть на Соединенные Штаты и вести войну против них, равносильно самоубийству. Кроме того они знали — раньше, чем мы в Британии могли это знать — подлинные и непосредственные цели своих врагов. Мы вспоминаем, как Кромвель воскликнул, глядя на шотландскую армию, спускающуюся с высот Донбара:

«Бог предаёт их в наши руки!»

Мы не можем также допустить, чтобы в отчётах и дипломатической переписке Япония изображалась, как оскорбленная невинность, которая, якобы, стремится лишь к нормальной, умеренной экспансии или к законной доле поживы на европейской войне; и что теперь, якобы, США ставят ей предложения, которых народ Японии, фанатически возбуждённый и на всё готовый, естественно, не может принять. В течение многих лет Япония терзала Китай своими вторжениями и насилиями. Теперь, захватив Индо-Китай, Япония фактически, а благодаря Тройственному Пакту также и формально, связала свою судьбу с державами Оси. Так пусть же она делает, что хочет, и расплачивается за последствия.

Казалось невероятным, что Япония сама накликала на себя гибель в войне с Британией, с США, а вероятно и с Россией, в конце концов. Объявление войны Японией не могло быть оправдано разумом. Я был вполне уверен, что своим отчаянным шагом она будет разорена на целое поколение, и это оказалось правдой. Но правительства и народы не всегда избирают разумные решения. Иногда они принимают безумные решения, или же власть захватывает группа людей, ко-

торая принуждает всех остальных повиноваться и помогать им в их безумии. Я неоднократно решительно заявлял, что я не могу поверить тому, чтобы Япония решилась на этот безумный шаг. Но, как бы искренне ни старались мы поставить себя на место другого субъекта, мы всё же иногда натываемся на такие пути человеческого мышления и воображения, которые непостижимы разумом.

Но при всём том, в условиях войны безумие обладает одним преимуществом: иногда оно может захватить вас врасплох.

ПЕРЛ-ХАРБОР

Был воскресный вечер, 7 декабря 1941 года. Вайнант и Аверелл Гарриман сидели у меня за столом в Черкесе. Я включил своё маленькое радио вскоре после 9 часов, когда передаются новости, сначала был ряд сообщений о боях на русском фронте и на британском фронте в Ливии; в конце передачи было несколько фраз о нападении японцев на американские корабли на Гаваях, а также и на британские корабли в голландской Ост-Индии. Затем последовало сообщение о том, что кто-то после новостей даст свои комментарии, и что затем начнётся программа «треста мозгов» или что-то в этом роде. У меня лично не сохранилось точного воспоминания, но Аверелл сказал, что там было что-то о японских атаках на американцев, и хотя мы устали и хотели отдохнуть, мы всё же остались сидеть. В это время дворецкий Сойерс, который слышал наш разговор, вошёл в комнату со словами: «это совершенно верно. Мы слышали это сами на улице. Японцы напали на американцев». Тут воцарилось молчание. 11-го ноября за завтраком в Мэншн Хауз (у лорд-мэра Лондона) я сказал, что если японцы нападут на США, то Великобритания объявит войну в тот же час. Я встал из-за стола и прошёл в канцелярию, где работа шла беспрерывно. Я заказал разговор с президентом. Посол следовал за мной и, опасаясь, что я могу сделать какой-то непоправимый шаг, сказал: «не ду-

маете ли вы, что сперва было бы лучше получить подтверждение?»

Через две или три минуты Рузвельт отозвался. «Мистер президент, что такое с Японией?» — «Это совершенно верно, — отвечал он. — Они атаковали Перл-Харбор. Мы все теперь в одинаковом положении». Я уступил место Вайнанту и они обменялись несколькими фразами; посол сперва произнёс: «хорошо!.. хорошо...», потом мрачнее: «аах!» Я снова подошел к аппарату и сказал: «Это, конечно, упрощает дело. Помогай вам Бог!» — или что-то в этом роде. Мы вернулись в залу и старались осмыслить величайшее мировое событие, только что происшедшее; ибо оно было настолько поразительно, что даже у наиболее близко стоявших людей захватывало дух. Оба мои американские гостя выдержали удар с поразительной твёрдостью. Нам не приходило в голову, что флот США мог понести значительный урон. Они не ахали и не жаловались, что их страна вступила в войну. Они не тратили слов на упрёки или на скорбь. По правде говоря, можно было подумать, что у них свалилась гора с плеч.

**
*

Парламент должен был собраться только во вторник и члены его были рассеяны по всей стране, и это при всех трудностях сообщения. Я засадил всю канцелярию за работу — звонить спикеру, лидерам партий и другим ответственным лицам, чтобы собрать обе Палаты на следующий день. Я позвонил в министерство иностранных дел, чтобы там немедленно приготовили текст объявления войны Японии, согласно обычным формальностям, к заседанию Парламента; далее, чтобы оповестили и собрали всех членов Военного Каби-

нета, а также начальников штабов и министров армии, флота и воздушных сил, которые, как я и предполагал, уже знали новость.

Когда всё это было сделано, мои мысли сразу вернулись к тому, что всегда лежало у меня на сердце. Я послал м-ру де Валера следующую телеграмму:

«Сейчас ваш шанс. Сейчас или никогда! Снова возник вопрос о национальном существовании! Я готов встретиться с вами, где вам угодно».

Я думал также о борющемся Китае и телеграфировал Чан Кай-ши:

«Британская Империя и Соединённые Штаты подверглись нападению Японии. Мы всегда были друзьями: теперь перед нами общий враг».

Мы послали также следующую телеграмму:

«Премьер-министр — Гарри Гопкинсу. 8 дек. 41 г.

Думаем о вас в этот исторический момент.

Винстон, Аверелл».

Ни один американец не осудит меня, если я заявлю, что для меня было величайшей радостью иметь США своим союзником. Я не мог предсказать, как развернутся события. Я не претендую на точное определение военной мощи Японии, но теперь, в этот самый момент я знал, что США были в войне — не на жизнь а на смерть. Итак, наконец-то мы выиграли, после всего! Да, после Дюнкерка; после падения Франции; после страшного эпизода в Ороне; после угрозы вторжения, когда, помимо воздушных сил и флота, мы бы-

ли почти безоружны; после смертельной борьбы с подводными лодками — этой первой битвы за Атлантику, еле-еле выигранной нами; после 17-ти месяцев нашей одинокой борьбы и 19-ти месяцев моей полной ответственности и страшного напряжения. Теперь мы выиграли войну! Англия будет жить, Британия будет жить, Содружество Наций и наша Империя будут жить!

Как долго война ещё будет длиться и каким образом она кончится — этого никто не мог сказать, да об этом я в этот момент и не заботился. Ещё раз в долгой истории нашего Острова мы восстанем, хотя и истерзанные и искалеченные, но живые и победители. Мы не будем стёрты с лица земли. Наша история еще не подходит к концу. Быть может, мы выживем даже персонально, как индивиды. Судьба Гитлера решена. Судьба Муссолини тоже. Что касается японцев, то они обратятся в прах. Всё последующее было лишь вопросом разумного применения подавляющей силы. Британская Империя, Советский Союз, а теперь и Соединённые Штаты, связанные между собою общей напряженной борьбой за свое существование, обладают, по моим сведениям, силами, вдвое или даже втрое превышающими силы наших противников. Без сомнения, это будет длиться еще долго. Я ожидал страшных потерь на Востоке; но всё это будут лишь проходящие фазы. Соединёнными силами мы будем в состоянии одолеть кого угодно на свете. Нам предстоит вынести ещё много ударов, тяжких потерь и бедствий, но у нас нет никаких сомнений в конечном исходе.

Только глупцы — а таких было немало, и не только в стане противников — могли недооценивать силу США. Одни находили американцев мягкими, другие считали, что они никогда не будут едиными. Они, мол, будут ходить кругом, да около; у них никогда не бу-

дет настоящей хватки; они никогда не отважатся нанести удар, пустить кровь. Их демократия и система периодических выборов будут парализовать все их военные усилия. Они будут лишь маячить тусклым пятном на горизонте, как для друзей, так и для врагов. Теперь-то мы увидим дряблость этих далёких, многочисленных, разбогатевших и болтливых людей.

Но я изучал историю гражданской войны в Америке — она велась до последнего патрона. В моих жилах течет американская кровь. Я вспоминал слова, которые сэр Эдуард Грэй сказал мне более 30 лет тому назад: «Соединенные Штаты подобны гигантскому котлу: когда под ним разведен огонь, то нет предела мощи, которую они могут развить».

Переполненный эмоциями и переживаниями, я лёг в постель и спал сном, каким спят спасённые и умиротворённые люди.

**
*

Проснувшись утром, я решил немедленно ехать на свидание к Рузвельту. В полдень я изложил это Кабинету. Получив его одобрение, я написал Королю.

«Государь,

8 декабря 41 г.

я пришёл к убеждению, что сейчас мой долг — безотлагательно отправиться в Вашингтон, при условии, что этот шаг будет одобрен президентом Рузвельтом, в чём я почти не сомневаюсь. Весь план англо-американской обороны и нападения должен быть согласован в свете новых событий. Мы должны также позаботиться о том, чтобы наша доля вооружения и снабжения, которую мы получаем из США, не пострадала более, чем это — (я опасаясь) — неизбежно. Тот факт, что м-р Иден будет в Москве в то время, как я буду в Вашингтоне, облегчит разрешение крупных проблем тремя великими союзными державами.

Эти доводы были сегодня единодушно приняты моими коллегами по Военному Кабинету и поэтому я прошу раз-

решения Вашего Величества на выезд за границу. Я хотел бы выехать как можно скорее, на военном корабле, и пробыть в отсутствии всего около трёх недель. Я возьму с собой штаб в том же самом размере, какой я взял на свидание в Атлантике.

Во время моего отсутствия меня будет заменять Лорд хранитель печати, при содействии Лорда-президента Совета, Канцлера казначейства и других членов Военного Кабинета. Я предложил бы, чтобы в течение этого периода три военных министра (армия, флот, авиация) временно принимали участие в заседаниях Военного Кабинета. Во время моего отсутствия министерство иностранных дел будет рапортовать Лорду президенту, а Комитет обороны — Лорду хранителю печати. Я, конечно, буду в постоянном контакте по радио и в курсе всего происходящего и смогу давать указания, как только это понадобится. Я предполагаю взять с собою Первого морского лорда и Начальника штаба авиации, так как согласование наших планов с американскими в этой области представляется наиболее важным делом.

Я надеюсь, что я могу получить одобрение Вашего Величества для моей поездки. Я, конечно, держу моё намерение в тайне.

С глубоким уважением остаюсь
Вашего Величества преданный слуга и подданный
Винстон С. Черчилль

P.S. Я ожидаю, что Германия и Италия объявят войну США, так как они по своему договору обязаны сделать это. Я полагаю, поэтому, задержать мой отъезд к президенту, пока ситуация не выяснится.

Король дал свое согласие.

**
*

«Бывший моряк — президенту Рузвельту 9 дек. 41 г.

1. Благодарю вас за вашу телеграмму от 8 декабря. Теперь, когда мы с вами, как вы выразились, «в одинако-

вом положении», не было ли бы разумным устроить ещё одно наше совещание? Мы могли бы пересмотреть весь план войны в свете новых событий, равно как и проблемы производства и распределения. Я чувствую, что все эти вопросы (некоторые из них вызывают во мне тревогу) могли бы быть разрешены на совещании глав исполнительной власти. Да и помимо того мне было бы очень приятно встретиться с вами снова, и чем скорее, тем лучше.

2. Я мог бы, если это желательно, выехать отсюда через день или два на военном корабле и прибыть в Балтимору или Аннаполис. Плавание заняло бы около 8 дней, и я мог бы остаться на неделю, так что всё важное могло бы быть разрешено между нами. Со мною будут Паунд, Портл, Дилл и Бивербрук, с необходимым штабом.

3. Пожалуйста сообщите возможно скорей, как вы на это смотрите?»

Президент боялся, что обратный путь может быть опасен. Я разуверил его:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 10 дек. 41 г.

Мы думаем, что обратный путь не будет опасным. Но нам действительно грозит опасность, если мы не сможем провести полного обсуждения на должном уровне, как крайне серьёзного положения флота, так и вытекающих отсюда проблем производства и распределения. Я вполне готов встретиться с вами на Бермудских островах или лететь с Бермуд в Вашингтон. Я считаю, что откладывать координацию наших действий ещё на месяц было бы губительным ввиду новой неблагоприятной обстановки, в особенности в Тихом океане. Я надеялся выехать завтра вечером, но откладываю отъезд до получения ответа от вас. Я никогда ещё не был так уверен в конечной победе, как сейчас; но она может быть достигнута только согласованными нашими действиями. Сердечный привет».

На следующий день я снова услышал от президента. Он сказал мне, что он в восторге, что я приеду и остановлюсь в Белом Доме. Он чувствовал, что сам

он не мог бы сейчас оставить страну. В США шла мобилизация и положение в Тихом океане было неопределённым. Он был уверен, что мы можем победить все трудности, связанные с производством и снабжением. Он снова подчёркивал личный риск моей поездки и считал необходимым тщательно взвесить его.

**
*

Военный Кабинет утвердил немедленное объявление войны Японии, для которого все необходимые формальности были уже подготовлены. Так как Иден уже отправился в Москву, и я его замещал, как министра иностранных дел, то я послал следующее письмо японскому послу:

Мин-во иностранных дел, 8 дек. 41 г.

«Сэр,

вечером 7 декабря правительству Его Величества в Соединенном Королевстве стало известно, что японские силы без предварительного предостережения либо в форме объявления войны, либо ультиматума с условием объявления войны, — пытались произвести высадку на берегу Малайи и бомбардировали Сингапур и Гонконг.

Ввиду этих незаконных актов ничем не вызванной агрессии, совершённых с вопиющим нарушением международного права и в частности § I-го Третьей Гаагской Конвенции об открытии враждебных действий, подписанной как Японией, так и Соединенным Королевством, посол Его Величества в Токио получил предписание известить Императорское Японское Правительство от имени правительства Его Величества в Соединенном королевстве, что между нашими двумя странами существует состояние войны.

Имею честь быть с совершенным уважением, сэр,
вашим покорным слугою.

Винстон С. Черчилль».

Некоторым людям не нравится этот церемонный стиль. Но, в конце концов, когда вы собираетесь убивать людей, то, право, не так уж трудно быть вежливым.

**
*

Парламент собрался в 3 ч. дня и, несмотря на краткий срок уведомления, зал был полон. Согласно конституции Британии, королевская власть объявляет войну по рекомендации министров, и Парламент стоит перед совершившимся фактом. Таким образом мы могли сделать больше, чем мы обещали Соединённым Штатам: мы фактически первыми объявили войну Японии — раньше, чем Конгресс США смог начать действовать. Королевское правительство Нидерландов также сделало соответствующую декларацию. В своей речи я сказал:

«Было бы величайшим легкомыслием недооценивать встающие перед нами новые серьёзные угрозы, как для Британии, так и для США. Неприятель напал на нас с такой дерзостью, которая может проистекать из безрассудства, но также и из сознания собственной силы. Испытания, которые предстоят нациям, говорящим английским языком, а также нашим героическим союзникам — русским, будут несомненно тяжелы, особенно вначале, и вероятно будут продолжительны; но, если мы оглянемся вокруг себя, на мрачную панораму мира, то нам не приходится сомневаться ни в справедливости нашего дела, ни в том, что наши силы и наша воля окажутся достаточными для того, чтобы устоять в этой борьбе.

За нами стоят по крайней мере четыре пятых всего населения земного шара. Мы ответственны за их безопасность и за их будущее. В прошлом перед нами

был лишь мерцающий свет, теперь у нас пламенеющий свет, а в будущем нас ждёт свет, сияющий над сушей и морями».

Обе палаты единодушно голосовали за предложенное решение.

**
*

При данной ситуации я считал необходимым, чтобы Даф Купер, который вернулся в Сингапур, был тотчас же назначен министром-резидентом по дальневосточным делам.

«Премьер-министр — Даф Куперу.

9 дек. 41 г.

1. Вы назначаетесь министром-резидентом Кабинета в Сингапуре по делам Дальнего Востока. Вы подчинены Кабинету и будете посылать ему донесения непосредственно, на имя секретаря его. Вам поручается создать Военный Совет, сообщив предварительно его состав и географическую сферу его действий; она, вероятно, будет совпадать с географической сферой военного Главнокомандующего. Ваша главная задача будет состоять:

а) в содействии успешному проведению операций на Дальнем Востоке, освобождая этим Главнокомандующих, насколько возможно, от посторонних дел, которыми они были до сих пор обременены; и б) в содействии им широким политическим руководством.

2. В ваши функции будет также входить разрешение экстренных вопросов на месте, когда срочность дел не позволяет обращаться к метрополии. Вам надлежит создать местную расчётную палату для быстрого разрешения на месте мелких дел, которые иначе должны были бы присылаться в здешние департаменты. По всем делам, которые будут требовать специальных указаний, вы будете — поскольку позволит время — обращаться сюда. Во всяком случае вы будете посылать регулярные донесения правительству Его Величества.

3. Когда капитан Оливер Литтлтон был назначен государственным министром в Каире, то было установлено, что это назначение не затрагивает сферы существующей ответственности представителей Его Величества на Среднем Востоке, или их официальных отношений с соответствующими департаментами дома. То же самое будет применено и на Дальнем Востоке. Успешная работа этого аппарата во многом будет зависеть от ваших действий в эти первые критические дни.

4. С вашим знанием работы различных департаментов и деятельности Кабинета вы сможете оказать огромное благотворное влияние на дальневосточные дела. Телеграфируйте мне немедленно ваши конкретные предложения по поводу формы, в какую вы хотели бы облечь ваши функции, и пределы их, для утверждения и опубликования. Желаю всяческого успеха и шлю привет. Мы должны довести нашу борьбу повсюду до успешного конца».

Даф Купер принялся за выполнение своих задач с огромным рвением и с ясным планом. Но, к моему сожалению, соглашения, заключённые нами в Вашингтоне с США относительно главного командования на Дальнем Востоке, сделали его функцию бесполезной, и через две недели я отозвал его обратно домой. Он был очень огорчён тем, что ему не дали принять участие в борьбе.

**
*

В течение некоторого времени нам не сообщали никаких подробностей о том, что случилось в Перл-Харбор; но теперь эта история уже полностью установлена.

Вплоть до 1941 г. у Японии был следующий план морской войны против США: главные силы японского флота должны были дать битву американцам у Филиппин в тот момент, когда американский флот — как

предполагалось — будет пересекать Тихий океан для оказания помощи своему гарнизону на этом аванпосте. Идея неожиданной атаки на Перл-Харбор возникла в мозгу адмирала Ямамото, главнокомандующего японским флотом. Приготовления к этому вероломному удару до объявления войны велись в величайшей тайне, и 22 ноября ударная группа из 6 авианосцев под охраной линейных кораблей и крейсеров была сосредоточена в мало посещаемой бухте на Курильских островах, к северу от Японии. Нападение было назначено на воскресенье 7 декабря, и 26 ноября (дата восточной долготы) ударная группа отплыла под командой адмирала Нагумо. Держась далеко к северу от Гавай, среди туманов и штормов этих северных широт, Нагумо приблизился к своей цели незамеченным. Перед восходом солнца рокового дня операция была начата с расстояния 275 миль к северу от Перл-Харбор. Всего было брошено в атаку 360 самолётов, считая в том числе бомбардировщиков всех типов и охранявших их истребителей. Первые бомбы упали в 7.55 утра. В гавани стояло всего 94 корабля американского флота. Первыми жертвами стали 8 линейных кораблей. Авианосцы, как и сильный отряд крейсеров по счастью отсутствовали, посланные куда-то в дело.

История этого нападения была неоднократно ярко описана. Здесь достаточно привести выдающиеся факты и отметить безжалостную работу японских лётчиков. В 8.25 утра первые волны торпедоносцев и пикирующих бомбардировщиков нанесли свои удары. К 10 ч. утра дело было закончено и неприятель удалился, оставляя за собою разгромленный флот, окутанный завесой огня и дыма, и... месть Соединённых Штатов. Линкор «Аризона» был взорван, «Оклахома» — перевернулся, «Западная Вирджиния» и «Калифорния» затонули, а все остальные линкоры — за исключением «Пенсильвании», который находился в сухом доке, —

получили тяжёлые повреждения. Свыше 2000 американцев погибло, почти 2000 других были ранены. Господство в Тихом океане перешло в руки японцев и стратегический баланс мира на некоторое время существенно переместился.

**
*

У наших американских союзников был ряд ещё и других несчастий.

На Филиппинах, где командовал генерал Мак-Артур, первое предупреждение, указывавшее на серьёзное ухудшение в дипломатических отношениях, было получено 20 ноября. Адмирал Харт, командовавший скромной Азиатской эскадрой США, уже имел совещания с соседними британскими и голландскими морскими властями и, согласно имевшемуся у него плану войны, начал рассеивать свои силы в южном направлении, так как он намеревался собрать ударную группу в водах голландской Индии и соединиться с предполагаемыми союзниками. В его распоряжении был только один тяжёлый и два лёгких крейсера, кроме того дюжина старых истребителей и разные вспомогательные суда. Его сила была главным образом в подводных лодках, которых у него было 28. 8-го декабря в 3 ч. дня адмирал Харт перехватил сведения, сообщавшие потрясающую новость о нападении в Перл-Харбор. Он сразу же предупредил всех, кого это могло касаться, о начале военных действий, не ожидая подтверждения из Вашингтона. На рассвете последовал налёт японских пикировщиков, и в течение следующих дней атаки продолжались со всё возрастающей силой. 10-го декабря морская база в Кавите была совершенно разрушена огнём и в тот же день японцы произвели первую высадку на севере острова Лузон.

Бедствие быстро разрасталось. Большая часть американских самолётов была уничтожена в воздушных битвах или на земле, а 20 декабря остатки были перевезены в Порт Дарвин, в Австралии. Корабли адмирала Харта начали своё движение к югу рассеянным строем уже за несколько дней до того, и теперь только подводные лодки оставались, чтобы оспаривать море у неприятеля. 21-го декабря главные силы японской десантной армии высадились в заливе Лингайен, угрожая самой Маниле, и дальнейший ход событий был подобен тому, что уже происходило ранее в Малайе; только теперь оборона была более продолжительной.

Таким образом, долго лелеемые в тайне планы Японии разразились ослепительным триумфом. Но это был ещё не конец.

Депеша японского посланника в Берлине рисует его визит к Риббентропу.

«На другой день после Перл-Харбор, в час дня я позвонил министру иностранных дел Риббентропу и высказал ему наше желание, чтобы Германия и Италия немедленно объявили формально войну Америке. Риббентроп ответил, что Гитлер сейчас занят совещанием в ставке главнокомандующего, в Восточной Пруссии; он как раз обсуждает вопрос о том, какую форму придать объявлению войны так, чтобы оно произвело наилучшее впечатление на немецкий народ; он, Риббентроп, немедленно передаст Фюреру нашу просьбу и сделает всё возможное для её удовлетворения».

Как Гитлер, так и его штаб были поражены. Йодль рассказал на процессе, как Гитлер «пришёл среди ночи ко мне в мой рабочий кабинет с тем, чтобы сообщить эту новость фельдмаршалу Кайтелю и мне. Он

был совершенно поражен. Однако утром 8 декабря он отдал приказ германскому флоту атаковать американские суда всюду, где они будут встречены. Это было за три дня до официального объявления войны Германией Соединённым Штатам.

**
*

Я созвал собрание, большей частью чинов Адмиралтейства, в зале заседаний Военного Кабинета на 10 часов вечера 9 декабря с тем, чтобы рассмотреть положение на море. Нас было около 12 человек. Мы пытались уяснить последствия этой кардинальной перемены в нашем положении в отношении Японии. Мы потеряли господство на всех океанах, кроме Атлантического. Австралия и Новая Зеландия, как и все важные острова в их окружении, были открыты для нападения. У нас оставался только один козырь на руках: «Принц Уэльский» и «Репалз» прибыли в Сингапур. Они были посланы в эти воды с тем, чтобы испробовать: какое впечатление могут произвести первоклассные линейные корабли, эта угроза, неизвестно куда направленная, на вражеские морские комбинации? Что нам теперь с ними делать? Очевидно им надо идти в море и затеряться среди бесчисленных островов. На этом все и согласилось.

Я лично был того мнения, что им следовало бы идти через Тихий океан и присоединиться к остаткам американского флота. Это было бы красивым жестом в тот момент и он связал бы ещё крепче нации, говорившие на английском языке. Мы уже пришли к полюбовному соглашению с американским морским министерством о выводе их линейных кораблей из Атлантического океана. Таким образом, через несколько месяцев на западном берегу Америки соберётся флот,

способный выдержать решающую морскую битву, если это будет необходимо. Наличие такого флота была бы наилучшим щитом для наших братьев в Австралии. Мы все были крайне обрадованы такими перспективами. Но так как было уже поздно, то мы решили идти спать и отложили на утро вопрос о том, что делать с кораблями «Принц Уэльский» и «Репалз».

Через несколько часов оба корабля были уже на дне моря.

**
*

Трагедия этих кораблей, в которой случайность сыграла такую роковую роль, стоит того, чтобы о ней рассказать.

«Принц Уэльский» и «Репалз» прибыли в Сингапур 2 декабря. 5 декабря адмирал Том Филлипс прилетел в Манилу, чтобы обсудить возможность совместных акций с генералом Мак-Артуром и адмиралом Хартом. Адмирал Харт согласился дать 4 американских эсминца в отряд Филлипса. Оба адмирала сходились в том, что ни Сингапур, ни Манила не могут в данный момент считаться надёжной базой для флота союзников. На следующий день пришло известие, что крупный отряд японских военных судов вошёл в Сиамский залив. Было ясно, что надвигаются решающие события. Филлипс вернулся в Сингапур утром 7 декабря. Вскоре после полуночи на 8 декабря было сообщено, что идёт высадка японцев в Кота-Бару, а позднее — о подобных же высадках в Сингоре и в Пата-ни. Это было началом вторжения в Малайю.

Адмирал Филлипс считал своим долгом ударить по неприятелю во время его высадки. На собрании старших офицеров все были согласны в том, что флот не может оставаться пассивным в эту критическую

минуту. Филлипс рапортовал министерству о положении дела. Он потребовал от воздушного командования Сингапура посылки истребителей на наши северные аэродромы, а также посильной помощи от наших скудных воздушных сил, а именно: 9 декабря — разведки на 100 миль к северу от стоянки его эскадры; 10 декабря днём — разведки кругом Сингоры; 10 декабря утром — воздушной охраны истребителей над Сингорой. Это последнее и наиболее важное требование не могло быть исполнено, во-первых, из-за ожидаемой атаки на Сингапур, а во-вторых потому, что северные аэродромы уже нельзя было удержать.

Адмирал отплыл 8 декабря в 5.35 ч. пополудни с эскадрой в составе: «Принц Уэльский», «Репалз» и 4 истребителя — «Электра», «Экспресс», «Вампир» и «Тенедос». Он был уже в море, когда был получен ответ Сингапура; там было добавлено, что крупные силы японских бомбардировщиков сосредоточены в южном Индо-Китае. Так как сильные порывы ветра с дождём и низкие тучи были неблагоприятны для полётов, то Филлипс решил всё же продолжать путь. К вечеру 9-го погода прояснилась и вскоре адмирал убедился, что неприятельские самолёты выследили его. Надежда застать врагов врасплох исчезла, и утром надо было ожидать сильных воздушных атак у Сингоры. Поэтому адмирал Филлипс вынужден был нехотя отказаться от своего смелого замысла, и с наступлением темноты он повернул к дому. Он безусловно сделал всё, что мог, и дело ещё могло закончиться благополучно. Однако около полуночи поступило, к несчастью, новое донесение о десанте противника у Куантана, в 150 милях к югу от Кота-Бару. Адмирал считал почти невероятным, чтобы неприятель, который только что видел его отряд идущим к северу, будет утром 10 декабря ожидать его так далеко к югу. На-

конец-то, адмирал мог захватить врага врасплох! Он пошел на риск и повернул свои корабли на Куантан.

Японские записи не упоминают о том, чтобы они видели британскую эскадру с воздуха 9 декабря, но их подводные лодки донесли, что они заметили эскадру, плывущую на север, в 2 часа дня 10 декабря. Японская 22-я воздушная флотилия, расположенная у Сайгона, как раз запасалась бомбами для налёта на Сингапур. Она немедленно заменила бомбы торпедами и решила произвести ночную атаку на британские корабли. Но она никого не нашла и к полуночи вернулась на свою базу. Перед рассветом 10 декабря другая японская подводная лодка сообщила, что британцы идут на юг; и в 6 часов утра вылетел поисковый отряд из 9 японских самолётов, а час спустя за ним последовал крупный ударный отряд из 48 бомбардировщиков с торпедными бомбами, разделённый на стаи по 9 самолётов.

Сообщение о высадке на Куантане оказалось ложным, но так как оно не было опровергнуто из Сингапура, то адмирал всё ещё ждал, пока на рассвете истребитель «Экспресс» не вошёл в гавань: в Куантане не оказалось и следа неприятеля. Перед тем, как продолжать свой путь на юг, эскадра потратила некоторое время в поисках буксира и иных небольших судов, которые были видны тут раньше. Но теперь наступила роковая минута и судьба была жестока. Японский воздушный флот долетел до Сингапура, не обнаружив ничего и никого. Он возвращался домой, держа курс на север, и случайно курс этот привёл его прямо к его жертве.

В 10.20 утра с «Принца Уэльского» были замечены первые разведывательные самолёты и вскоре после 11.00 часов появилась первая волна бомбардировщиков. В первой атаке «Репалз» получил попадание,

вызвавшее пожар, но он был скоро ликвидирован и корабль не потерял скорости. Во второй атаке «Принц Уэльский» получил почти одновременно два попадания торпед, которые вызвали очень серьёзные повреждения, и корабль дал течь. Оба левые винта были выведены из действия и корабль перестал слушаться руля. В этой атаке «Репалз» не был повреждён. Несколько минут спустя новая волна обстреляла «Репалз» и снова безрезультатно. Теперь корабли несколько отделились друг от друга и капитан Тенант, послав в Сингапур сигнал: «неприятельская авиация бомбит нас», повернул «Репалз» к адмиралу.

Новая атака в 12.22 дня оказалась роковой для обоих кораблей. Счастливо избегнув нескольких торпед, «Репалз» получил попадание в среднюю часть корабля. Несколько минут спустя следующая торпеда разрушила рулевое управление, и, наконец, три торпеды подряд довершили дело. Капитан Тенант увидел, что корабль обречён на гибель. Он отдал команду: «все за борт!» и этим, несомненно, спас много жизней. В 12.33 дня «Репалз» перевернулся и пошел ко дну. «Принц Уэльский» получил ещё две торпеды в 12.23, а немного спустя ещё одну. Его скорость уменьшилась до 8 узлов, и он тоже начал тонуть. После следующей атаки, которая прибавила ещё одно попадание, корабль перевернулся и затонул в 1.20 дня. Истребители спасли 2000 офицеров и матросов из общего числа около 3000. Главнокомандующий адмирал сэр Том Филлипс и его флагкапитан утонули.

**
**

В ответ на запрос Начальников Штабов — почему воздушные истребители не были посланы из Сингапура на помощь эскадре, было сообщено, что адмирал

Филлипс не дал знать о перемене своего плана 9 декабря, его радио всё время молчало. Поэтому о его положении 10 декабря ничего не было известно в Сингапуре вплоть до получения сигнала от капитана Тенанта в полдень. Тогда истребители были немедленно посланы. Они прибыли как раз в момент гибели «Принца Уэльского».

Судя о действиях адмирала Филлипса в течение этих бедственных дней, надо подчеркнуть, что у него были основательные причины считать, что задуманное нападение на Куантан будет вне пределов досягаемости японских бомбардировщиков-торпедоносцев, являвшихся для него главной опасностью, и что ему придётся иметь дело только с обычными бомбардировщиками дальнего действия, спешно сюда присланными во время его отсутствия. Расстояние от Сайгона до Куантана — 400 миль и до этого времени ещё не бывало атак торпедоносных бомбардировщиков с такой дистанции. Искусство японцев в воздушной войне в то время сильно недооценивалось, как у нас, так и у американцев.

**
*

10 декабря я отдыхал у себя дома, когда зазвенел телефон у моего изголовья. Это был Первый морской лорд. Его голос звучал необычно. Какая-то судорога сдавливала его горло и вначале я с трудом мог разобрать слова:

«Премьер-министр, я должен сообщить вам, что «Принц Уэльский» и «Репалз» оба потоплены японцами, я полагаю, воздушными силами. Том Филлипс утонул». — «Вы уверены, что это правда?» — «Никаких сомнений».

Я положил трубку; я был рад, что я был один. За

всю войну я не получал более тяжёлого удара. Читатель этих строк поймёт, как много наших усилий, надежд и планов было связано с этими двумя кораблями. Я судорожно корчился в своей постели, представляя себе всё ужасное значение этой новости. Теперь в Индийском и в Великом океанах не было ни одного нашего или американского линейного корабля, кроме тех немногих, что уцелели в Перл-Харбор и сейчас спешно возвращались в Калифорнию. На всём этом необъятном морском просторе японцы были хозяевами, а мы всюду были слабы и наги.

В этот день Палата общин была собрана к 11 часам и я пришёл туда к открытию, чтобы лично сообщить им о случившемся.

«У меня плохие новости для Палаты, и я полагаю, что я должен сообщить их немедленно. Нам передали из Сингапура, что корабли Его Величества «Принц Уэльский» и «Репалз» потоплены во время операций против японцев, напавших на Малайю. Никаких подробностей пока не получено, кроме официального японского сообщения, говорящего, что оба корабля потоплены воздушной атакой.

Я могу добавить, что в следующем заседании Палаты я воспользуюсь случаем, чтобы сделать краткое сообщение об общем военном положении, которое за последние дни претерпело значительные изменения, как в хорошую, так и в дурную сторону».

**

Теперь всё было уже подготовлено, в полном секрете, к моему отъезду в США 14 декабря. Остающиеся до отъезда четыре дня были переполнены делами. 11 декабря мне предстояло выступить в Палате общин

с докладом о новой общей ситуации. Кампания в Ливии затягивалась надолго, и это вызывало тревогу и значительное недовольство, что явно портило наш общий баланс. Я вовсе не скрывал, что японцы могут нанести нам ещё очень тяжёлые удары. С другой стороны, победы русских вскрывали роковую ошибку похода Гитлера на Восток, а ведь зима ещё только начинала показывать себя. С подводной войной удалось более или менее справиться, и наши потери значительно понизились. И наконец, четыре пятых населения мира сражалось теперь на нашей стороне. Конечная победа была обеспечена. К этому я и свёл свою речь.

Я избрал самый холодный тон для передачи фактов, избегая обещаний близких успехов. Я закончил следующим образом:

«Я, конечно, не предполагаю обсуждать ситуацию, складывающуюся на Дальнем Востоке и в Тихом океане, равно как и меры, необходимые для восстановления её. Очень возможно, что нам предстоит перенести ещё значительные испытания, но мы будем защищаться повсюду с предельной энергией, в тесном сотрудничестве с США и Нидерландами. Морское могущество Великобритании и США было до сих пор неизмеримо выше — и сейчас ещё значительно выше — чем соединённые силы трёх держав Оси. Но нельзя преуменьшать тяжёлые потери, понесенные нами в Малайе и на Гавайях, равно как и силу нового противника, напавшего на нас, и долгий период времени, необходимый для того, чтобы собрать, подготовить и пустить в ход на Дальнем Востоке те силы, которые необходимы для завершения абсолютной победы.

Нам предстоит пережить ещё очень тяжёлое время, нам нужен новый подъём энергии, новый импульс — у всех и у каждого. И этот подъём придёт. Мы должны, я повторяю, честно выполнять наши обещания

помощи России снабжением; и в то же время мы должны считаться с тем, — по крайней мере в ближайшие несколько месяцев — что размеры американского снабжения, доставляемого Британии, и непосредственная помощь флота США сократятся. Потери должны быть возмещены, и они могут быть возмещены только нашими собственными усилиями. Однако я не сомневаюсь, что теперь, когда 130 миллионов населения США сплотились в этой войне, когда они примутся за неё всерьёз, напрягут все силы, поставят это главной целью своей жизни, — а они сделают это! — тогда поток вооружения и помощи всякого рода быстро превзойдёт все ожидания и расчеты мирного времени, которыми мы до сих пор руководились. Теперь не только Британская Империя, но и Соединённые Штаты Америки борются за свою жизнь; Россия борется за жизнь и Китай борется за жизнь. За этими четырьмя великими державами, ведущими борьбу, стоит с надеждой и упованием целый ряд поверженных стран Европы, подчинённых жестокому владычеству общего врага. Я сказал как-то, что четыре пятых человеческой расы стоят на нашей стороне — это может быть даже преуменьшение. Только эти банды и клики злобных людей и их военные и партийные организации были способны ввергнуть человечество в эти ужасные бедствия. Было бы позором для нашего человечества, если бы мы не дали им такого урока, который не забудется в анналах истории за тысячу лет».

Палата хранила глубокое молчание; казалось, что её суждение ещё не определилось. Я не искал и не ожидал большего.

**
*

В ночь с 7 на 8 декабря Иден отплыл из Скапа-Флоу и он был уже на пути в Москву, когда известие

о Перл-Харбор ошеломило нас. Ещё было время вернуть его обратно, но я считал, что его миссия становится ещё более важной вследствие этого нового взрыва. Отношения между Россией и Японией и неизбежная перетасовка в снабжении Америкой как России, так и нас, поставили крупные и в то же время delicate вопросы. Кабинет прочно усвоил эту точку зрения. Иден продолжал своё путешествие, а я держал его в курсе дела. Было много что сказать.

«Премьер-министр — м-ру Идену (в море). 10 дек. 41 г.

1. После вашего отъезда произошло многое. США потерпели крупное бедствие на Гавайях и теперь они фактически имеют в Тихом океане только два корабля против десяти японских. Они отозвали все свои линейные корабли из Атлантического океана. Второе: по американским сведениям, мы должны ожидать общего наступления японских сил в Малайе и на всём Дальнем Востоке, так как они сейчас господствуют на океане. Третье: мне кажется неизбежным, что Италия и Германия объявят войну Соединённым Штатам. Четвёртое: — это великолепный успех русских у Ленинграда, на всём фронте Москвы, под Курском и на юге; германские армии большей частью обороняются или отступают в ужасных условиях зимы и при всё усиливающихся контратаках русских. Пятое: Окинлек доносит, что в Ливии события принимают иной оборот, но самые тяжёлые бои ещё предстоят нам на этом нашем второстепенном фронте. Шестое: спешная необходимость подкрепить Малайю воздушными силами со Среднего Востока.

2. Ввиду вышесказанного вам не следует предлагать 10 эскадрилий в настоящее время. Со снабжением из США всё непрочное, и я не могу сказать, как обстоит дело, пока я не попаду туда.

3. Надеюсь, что вам лучше. У нас тут сейчас «весёленькое» время».

И следующее письмо, когда я сел на корабль:

«Премьер-министр — м-ру Идену (в море). 12 дек. 41 г.

Потеря «Принца Уэльского» и «Репалз» вместе с потерями США в Перл-Харбор даёт японскому линейному флоту полное господство в Тихом океане. Они могут нападать любыми силами, на всём пространстве, в любом пункте. К счастью, пространство так велико, что использование их сил может быть лишь частичным и местным. Мы думаем, что они пойдут на Филиппины, Сингапур и Бирманскую дорогу. Пройдет много месяцев, пока мы достигнем вновь действительного господства, восстановив полностью британский и американский линейный флот. США, под влиянием шока от разгрома на Тихом океане и объявления войны, наложили сейчас полное эмбарго на все продукты. Мы надеемся на послабление, но при нынешних обстоятельствах, ввиду русской победы и наших новых опасностей, мы не можем давать никаких обещаний, помимо нашей установленной квоты снабжения. Вы должны указать на печальный факт убыли наших аэропланов при всё возрастающем требовании истребителей для Востока. С другой стороны, вступление в войну Соединённых Штатов Америки компенсирует нам всё остальное и с течением времени и при нашем терпении принесёт нам верную победу...

Я сейчас отъезжаю».

ПУТЕШЕСТВИЕ В РАЗГАР ВОЙНЫ

Многие серьёзные причины требовали моего присутствия в Лондоне в этот момент, когда всё кругом начало как-то расползаться. Я никогда не сомневался, что полное взаимное понимание между Британией и США перевесит всё остальное, и что я должен ехать в Вашингтон немедленно и с таким большим штатом спецов-советников, какой только можно было подобрать. Полёт aeropланом был признан слишком рискованным в это время года и в таком неблагоприятном направлении. Поэтому мы отправились 12 декабря на фиорд Клайд. «Принца Уэльского» уже не было. «Король Георг 5-й» сторожил германского «Тирпица». Новорожденный «Герцог Йоркский» должен был доставить нас через океан и вместе с тем проявить свои качества — это было его первое плавание. Старшими в нашей группе были: лорд Бивербрук — член Военного Кабинета; адмирал Паунд — Первый морской лорд; маршал авиации Портл — Начальник штаба авиации, и фельдмаршал Дилл, который был теперь в своей должности Начальника Имперского Генерального Штаба заменён генералом Бруком. Мне хотелось, чтобы Брук остался в Лондоне для освоения гигантских проблем, стоявших перед ним. Вместо него я пригласил ехать со мной в Вашингтон Дилла, бывшего ещё в курсе всех наших дел, надёжного и всеми уважаемого генерала. Здесь перед ним раскрывалась новая сфера.

Со мной был также сэр Чарльз Вильсон, который с 1941 г. был моим постоянным врачом. Это было его первое путешествие со мной; впоследствии он сопровождал меня во всех поездках. Его неустанным заботам я вероятно обязан своей жизнью. Хотя я не мог убедить его последовать моему совету, когда он сам заболел, и хотя я не всегда был послушным пациентом, однако мы оставались верными друзьями. Более того, — мы оба остались в живых.

Мы надеялись при средней скорости в 20 узлов сделать наш переход в 7 дней, учитывая зигзаги и крюки во избежание встречи с охотящимися на нас подводными лодками. Адмиралтейство отправило нас Ирландским каналом в Бискайский залив. Погода была неприятная — сильный шторм и бурное море. Небо было окутано рваными тучами. Нам предстояло пересечь «большую дорогу» подводных лодок, пливших из западных портов Франции «на охоту» в океан или возвращавшихся обратно. Их было повсюду так много, что наш капитан получил приказание от Адмиралтейства не отрываться от нашей охранной флотилии; но эта флотилия на бурном море могла делать не более 6 узлов, и таким образом мы плелись с нею этим темпом вокруг Южной Ирландии целых 48 часов. Мы проходили в 400 милях от Бреста, и я невольно вспоминал, как на прошлой неделе «Принц Уэльский» и «Репалз» были уничтожены атакой самолётов-торпедоносцев с близкой базы. Тучи совершенно скрывали нас, только наш собственный эскорт-самолет парил над нами, но когда я поднялся на мостик, я увидел нежеланные голубые просветы между тучами. Тем не менее, всё сошло гладко, ничего не случилось. Громадный корабль со своей свитой истребителей мерно продвигался вперёд. Но нам становилось не по себе от его медленного хода. На вторую ночь мы приблизились к «большой дороге» подводных лодок. Адми-

рал Паунд, от которого зависело решение, сказал, что мы вероятно скорее сами протараним подводную лодку, чем будем торпедированы одной из них: ночь была черна, как смоль. Мы отпустили наших эсминцев и пошли одни полным ходом, какой только был возможен в бурную погоду. Все люки были задраены и волны бились о палубу. Лорд Бивербрук жаловался, что с таким же комфортом он мог бы путешествовать и в подводной лодке.

Наш многочисленный штат шифровальщиков имел, конечно, много работы с полученными радио-телеграммами. Мы сами могли отвечать лишь в ограниченном объеме. Когда с Азорских островов к нам подошел новый эскорт, он мог при дневном свете принять от нас сигналы Морзе по коду, а затем, отойдя примерно на сто миль, он мог передать наши депеши по радио, не выдавая нашего положения в море. У нас была боязнь выдать себя посредством радио, своего рода радиофобия, — ведь мы были в центре мировой войны.

**
*

Все наши проблемы не оставляли нас и в пути, и мои мысли были направлены к нашему министру иностранных дел, который был сейчас тоже в море, но плыл в обратном направлении. Самым важным для нас было настоять на том, чтобы Советский Союз объявил войну Японии. Я уже послал Идену следующую телеграмму:

12 дек. 1941 г.

«Перед вашим отъездом вы запросили мнение Начальников Штабов по вопросу — было ли бы нам выгодно, чтобы Россия объявила войну Японии? Начальники Штабов формулировали свой ответ следующим образом:

«Русское объявление войны Японии было бы нам в высшей степени выгодно при условии — и только при том условии — что русские вполне уверены в том, что это не вызовет ослабления на западном фронте, ни сейчас, ни этой весной».

Далее они привели подробный анализ всех «за» и «против». В заключение они подчёркивали, что самое важное — это не допустить крушения русского западного фронта.

Я продолжал своё письмо Идену:

«Если ваши переговоры приведут вас к заключению, что русских следует побудить к объявлению войны Японии, то надо продумать, кто должен оказать на них необходимое давление, не лучше ли предоставить это американцам, чем брать это на себя?»

В постскриптуме ему, по прибытии его в Москву, я добавил:

«Ввиду явного сильного желания США, Китая и, я думаю, Австралии, чтобы Россия вступила в войну с Японией, вам не следует никоим образом отговаривать Сталина, если он почувствует желание и силы к этому. Нам не следует оказывать излишнего давления на него, учитывая, как мало мы могли содействовать».

И на следующий день:

«Очень может быть, что недавние успехи на русском фронте сделают Сталина более склонным к войне с Японией. Ситуация меняется со дня на день в нашу пользу, и вам на месте виднее, как далеко и как упорно можно настаивать, и где благоразумнее остановиться».

За время нашего путешествия я получил от м-ра Идена, большей частью из Москвы, целый ряд писем с

изложением советских взглядов по разным вопросам, с которыми ему приходилось сталкиваться по прибытии. Сущность этих сообщений изложена его собственными словами в его полном отчёте, датированном 5-м января 1942 г. и написанным им по его возвращении.

«...При моём первом разговоре со Сталиным и Молотовым 16 декабря Сталин изобразил подробно картину послевоенных территориальных границ в Европе, как он себе их представлял, и в частности свои взгляды на судьбу Германии. Он предполагал восстановление Австрии, как независимого государства, далее — отделение Рейнской области от Пруссии в качестве независимого государства или протектората, а возможно также и создание независимой Баварии. Далее он предполагал, что Восточная Пруссия отойдёт к Польше, а Судетские земли будут возвращены Чехословакии. Он предлагал восстановить Югославию и даже придать ей некоторые территории от Италии; далее, превратить Албанию в независимое государство, передать Турции Додеканезы (группа островов в Эгейском море), с возможным возмещением в пользу Греции. Турция могла бы получить некоторые округа в Болгарии, а возможно и в Северной Сирии. Вообще все оккупированные страны, включая Чехословакию и Грецию, должны быть восстановлены в своих довоенных границах, и Сталин готов поддерживать специальные постановления, обеспечивающие за Великобританией базы и т. под. в странах Западной Европы — Франции, Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Дании.

Что касается специальных интересов Советского Союза, то Сталин желал бы восстановления границ 1941 г. (до наступления Германии) в отношении Балтийских государств, Финляндии и Бессарабии. «Линия Керзона» должна послужить основой для будущей со-

ветско-польской границы, а Румыния должна предоставить специальные льготы Советскому Союзу взамен территорий, занятых сейчас Венгрией.

Во время первой беседы Сталин вообще высказался принципиально за возмещение Германией убытков, причинённых ею оккупированным странам, натурою, в частности машинами, орудиями и т. под., и отверг денежные репарации, как нежелательные. Он проявил интерес к созданию, после заключения мира, военного союза «демократических стран» и заявил, что Советский Союз не возражал бы против вхождения европейских стран в какие-либо федерации, поскольку они этого желают.

Во второй беседе, 17 декабря, Сталин настаивал на немедленном признании Британским правительством будущих границ СССР, в частности на включении в них Балтийских государств и на восстановлении финско-советской границы 1941 г. Он поставил этот пункт непременным условием заключения Англо-советского соглашения. Я, со своей стороны, объяснил г. Сталину, что, ввиду наших предыдущих обязательств в отношении США, правительство Его Величества не может в данный момент принять на себя какие-либо обязательства, касающиеся послевоенных границ в Европе; однако я обязался по возвращении домой передать этот вопрос на рассмотрение правительства Его Величества в Соединенном Королевстве и в Доминионах, а также правительства США. Этот вопрос, которому Сталин придавал первенствующее значение, был далее обсуждаем на третьем свидании, 18 декабря».

Итак, на первом месте среди всех русских претензий было требование, чтобы Балтийские государства, захваченные Россией в начале войны, были окончательно закреплены за Советским Союзом. Были ещё

и многие другие условия, связанные с русской имперской экспансией, вперемежку с настойчивыми требованиями неограниченной помощи и неосуществимых военных операций. Как только я прочёл телеграмму (Идена), я резко восстал против насильственной инкорпорации Балтийских государств.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

20 дек. 41 г.

1. Притязания Сталина на Финляндию, Балтийские государства и Румынию прямо противоречат § 1-му, 2-му и 3-му Атлантической Хартии, которую Сталин подписал. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо из нас заключил такое соглашение — тайно или публично, прямо или косвенно — без предварительного соглашения с США. Ещё не пришло время для рассмотрения вопросов о границах, они могут быть решены только на мирной конференции, когда мы выиграем войну.

2. Одно лишь стремление придти к соглашению, которое может быть опубликовано, никогда не должно понуждать нас к необоснованным обещаниям. Наш министр иностранных дел показал, что он сделал все, что мог и не должен падать духом, если ему придётся покинуть Москву без фанфар и туша. Ведь как бы то ни было, русские должны продолжать борьбу за своё существование, и они ведут её за счёт наших щедрых поставок снабжения, которое нам с большим трудом достаётся, но которое мы будем и дальше честно поставлять им.

3. Я надеюсь, что Кабинет согласится сообщить министру иностранных дел всё вышесказанное. Он, без сомнения, будет действовать с необходимым тактом и осторожностью, но он должен знать точно нашу позицию».

Кабинет одобрил мой взгляд и телеграфировал соответствующим образом. Я лично ответил м-ру Иде-ну в следующих словах:

«Премьер-министр (в море) — мин-ру иностр. дел (в Москве).

20 дек. 41 г.

1. Вы, конечно, не будете резки со Сталиным. Мы свя-

заны с США обещанием не заключать тайных и сепаратных пактов. Обратиться с таким предложением к президенту Рузвельту, значило бы идти на резкий отказ и вызывать длительные затруднения для обеих сторон.

2. Стратегическая безопасность западных границ России будет предметом обсуждения мирной конференции. События показали исключительную опасность положения Ленинграда. Первым вопросом (на конференции) будут меры предупреждения нового взрыва со стороны Германии. Отделение Пруссии от Южной Германии и точное определение самой Пруссии явится одной из главных задач, подлежащих разрешению. Но всё это лежит в будущем, ещё неясном и вероятно отдалённом. Сперва мы должны выиграть войну в тяжёлой и продолжительной борьбе. Поднимать сейчас такие вопросы во всеуслышание значило бы сплотить всех немцев вокруг Гитлера.

3. Возбуждать в данное время эти вопросы, хотя бы неофициально, перед президентом Рузвельтом было бы, по моему мнению, неразумно. Мне хотелось бы найти такую линию поведения, чтобы избежать резкого ответа или окончательного прекращения разговора. Не впадайте в отчаяние, если вы окажетесь не в состоянии привезти до мной объединённую декларацию, построенную по схеме, намеченной в вашем докладе Кабинету. Я убеждён, что ваш визит был весьма полезен, и что ваш образ действия вызывает всеобщее одобрение.

Моё путешествие кажется мне очень долгим».

В своем отчете Иден дает нам точный рассказ о своём заключительном разговоре со Сталиным в Москве.

«Мы распрощались в очень дружеской атмосфере. После моих разъяснений Сталин, повидимому, вполне понял невозможность для нас создать второй фронт в Европе в настоящее время. Он проявил значительный интерес к ходу нашего наступления в Ливии и рассматривал его, как наилучший способ сломить Италию, в расчёте на то, что крушение этого слабейшего

звена Оси явится прологом к полному крушению Оси, как целого.

Сталин не считает себя сейчас достаточно сильным для того, чтобы продолжать кампанию против Германии и в то же время начинать военные действия против Японии. Он надеется к весне снова довести свою Дальневосточную армию до той силы, какую она имела раньше, чем он вынужден был перебросить её частично на запад. Он не предполагает объявить войну Японии этой весной, он лишь пересмотрит тогда этот вопрос; хотя вообще он предпочёл бы, чтобы военные действия были начаты Японией, что он, по-видимому, считает возможным».

**
*

Однако наиболее «больным» вопросом в международных отношениях, более всего беспокоившим нас, была Франция. Как будет реагировать правительство Виши на декларацию Вашингтона о войне между США и Германией? Мы в Британии поддерживали отношения с генералом Де Голлем. Правительство США, и в особенности Государственный департамент (мин.-во иностр. дел), были в тесном и плодотворном контакте с Виши. Петэн, находившийся в лапах Германии, хворал. Говорили, что он должен подвергнуться операции простаты. Вейган был отозван из французской Африки в Виши и лишён командования. Адмирал Дарлан был, по-видимому, на вершине славы. Далее, успех Окинлека в Ливии снова подымал значение французской Северной Африки на огромную высоту. Будет ли Гитлер, отброшенный в Пустыне и остановленный в России, настаивать на посылке германских сил — теперь уже не через Испанию, но морем и по воздуху — в Тунис, Алжир, Марокко и Дакар? Явится ли это, или

нечто подобное, его ответом на вступление Америки в войну?

Были симптомы, указывающие на то, что адмирал Дарлан мог бы стать преемником маршала Петэна, или даже вытеснить его, и британское мин-во иностранных дел получило секретный запрос: каково могло бы быть отношение к нему у нас (в Англии) и у нашего великого союзника? К этим волнующим перспективам привлекались также и морские силы — флот в Тулоне, два незаконченных линейных корабля в Казабланке и в Дакаре, блокады, и многое другое. Когда мы ехали поездом из Чекерса к фиорду Клайда, я послал Первому морскому лорду, в его соседнее с моим купе, записку о морских перспективах.

13 дек. 41 г.

«Мне кажется, что мы с вами могли бы сделать совместное предложение мира или войны*) правительству Виши, или же — минуя Виши — французской Северной Африке.

Мы ещё не можем сказать, как Франция будет реагировать на вступление в войну Америки. Есть также надежды на благоприятную реакцию в случае нашей победы в Ливии. Но больше всего влияния на умы будет иметь разгром германских армий в России. Очень может быть, что если Америка предложит высадить в Казабланке экспедиционный корпус в дополнение к нашей операции «Гимнаст», то это решит судьбу французской Северной Африки (а возможно, что и Мадагаскара). Во всяком случае попробовать стоит. Я не хочу менять ничего в наших приготовлениях к операциям «Гимнаст» и «Жезл», пока мы не узнаем ответа Виши.

Нужно предполагать, что США будут вообще в пользу Северной и Западной Африки, как главного театра англо-американских операций».

*) Буквально у автора: «благословения или проклятия».

Генералу Смэтсу я написал:

20 дек. 41 г.

«Я счёл своим долгом снова пересечь Атлантический океан и надеюсь через несколько дней уже беседовать с президентом Рузвельтом об общем плане войны. Я надеюсь, конечно, получить у него поддержку для более радикальной политики во французской Северной и Западной Африке. Это было бы в согласии с американскими идеями, но американцы могут оказаться слишком заняты своей войной с Японией. Я буду держать вас в курсе».

**
*

Тем временем бои продолжались на всех театрах, как старых, так и новых. Я не строил себе иллюзий насчёт судьбы Гонконга перед лицом угрожающей силы японского удара. Но чем сильнее было сопротивление британцев, тем лучше было для всех. Японцы напали на Гонконг почти в тот же самый момент, как и на Перл-Харбор. Гарнизон под командой генерал-майора Малтби был поставлен перед задачей, которая с самого начала была выше его сил. Японцы пустили в дело три дивизии, против которых у нас было всего 6 батальонов, из них два канадских. Помимо того, было несколько батарей лёгкой артиллерии, двухтысячный отряд штатских добровольцев и береговые и зенитные орудия для обороны порта. Во время осады японцы имели полное господство в воздухе. Весьма активная пятая колонна из туземцев оказала немалую помощь неприятелю.

Три батальона гарнизона с 16 орудиями было отправлено на материк с целью задержать нападавшие войска, пока не будут разрушены сооружения в порту Коулун. Они вскоре были атакованы и 11 декабря получили приказ отойти на остров. Этот отход

был искусно проведен в течение двух ночей в самых тяжёлых условиях.

«Премьер-министр — губернатору и защитникам Гонконга.
12 дек. 41 г.

Мы день за днём и час за часом следим за упорной обороной порта и крепости Гонконг. Вы охраняете звено связи между Дальним Востоком и Европой, которое имеет долгую славу в истории цивилизации. Мы уверены, что оборона Гонконга против варварского и ничем не вызванного нападения впишет новую славную страницу в анналы Британии.

Все наши сердца с вами в вашем испытании. Каждый день вашего сопротивления приближает час нашей несомненной конечной победы».

Приготовления неприятеля к преодолению водного пространства шириною в одну милю, отделяющего остров от материка, заняли несколько дней, в течение которых враг систематически засыпал наши позиции гранатами и бомбами. В ночь на 18 декабря он сделал первую высадку, всё время вводя новые подкрепления. Под натиском превосходных сил противника защитники Гонконга были вынуждены отступать шаг за шагом; их число всё уменьшалось. У них не было никакой надежды на помощь или избавление и однако они продолжали биться.

«Премьер-министр — губернатору Гонконга. 21 дек. 41 г.

Мы были крайне обеспокоены, узнав о высадках на острове Гонконг, произведенных японцами. Мы здесь не можем судить об условиях, сделавших эти высадки возможными, или препятствовавших успешным контратакам. Однако не может быть и помыслов о сдаче. Каждая пядь острова должна быть защищаема от врага с крайним упорством.

Надо заставить врага израсходовать как можно больше жизней и боеприпасов. Особенно яростно надо сра-

жаться во внутренних укреплениях и, если нужно, защищать каждый дом. Каждый лишний день вашей обороны поможет делу союзников во всём мире и продолжением обороны вы и ваши солдаты заслужите почёт и незабываемую славу, которые будут вашей наградой».

Эти приказы были восприняты всем сердцем и выполнены в точности. Среди многих из подвигов самоотверженности один заслуживает быть отмеченным. 19 декабря канадец бригадир Лоусон донёс, что его штаб-квартира занята неприятелем, но он решил сопротивляться до конца. Он так и поступил: он сам и все, кто был с ним, пали на месте. Гарнизон Гонконга держался целую неделю. Каждый, кто был способен владеть оружием, включая моряков и лётчиков, принимал участие в отчаянном сопротивлении. Их стойкость служила примером британскому гражданскому населению, которое проявило не меньшую силу духа. В день Рождества Христова предел сопротивляемости был достигнут и капитуляция стала неизбежной. Возглавляемая своим твердым губернатором, сэром Марком Юнгом, британская колония храбро и честно выдержала долгую битву. Она действительно заслужила незабываемую славу, которая стала её наградой.

**
*

Другая серия ударов обрушилась на нас в Малайе. Высадка японцев на Малайском полуострове 8 декабря сопровождалась разрушительными налётами на наши аэродромы; нашим, и без того слабым, воздушным силам был нанесен значительный урон, а наши северные аэродромы были приведены в полную негодность. У Кота-Бару, где береговую охрану несла пехотная бригада, растянутая на фронте в 30 миль, японцы успели посадить на берег почти целую дивизию, правда не

без тяжелых потерь, причиненных им как нашими войсками на берегу, так и с воздуха. После 3-х дневных упорных боёв неприятель упрочился на берегу, захватил соседние аэродромы и в результате наша бригада, понеся тяжёлые потери, отступила к югу.

Того же 8 декабря японцы беспрепятственно высадились дальше к северу, в Патани и Сингоре. Отважные голландские подводные лодки потопили несколько их судов. Серьёзных боёв здесь не было до 12 декабря, когда одна из лучших неприятельских дивизий произвела внезапную атаку на 11-ю индусскую дивизию, причинив ей тяжёлые потери.

**
*

Перед отъездом я телеграфировал главнокомандующему в Индии, генералу Уэйвелу:

12 дек. 41 г.

«1. Вам теперь надо смотреть на восток. Бирма отдана под ваше командование. Вы должны оказать сопротивление японскому наступлению на Бирму и на Индию и постараться перерезать их коммуникации в южной части Малайского полуострова. Мы направляем 18-ю дивизию, теперь огнибающую Мыс Доброй Надежды, в Бомбей, вместе с 4-мя эскадрильями истребителей, предназначенных для Кавказа и Каспийского театра. Мы также шлём вам специальные подарки — зенитные и противотанковые орудия, часть которых уже в пути. Задержите у себя 17-ю индусскую дивизию для обороны против японцев. Комбинируйте эти войска по вашему усмотрению, используйте их на восточном боевом фронте так, чтобы получить максимальные выгоды.

2. В ближайшем будущем предполагается в подходящий момент, по соглашению между вами и Окинлеком, подчинить Ирак и Персию командованию в Каире. Победы русских и продвижение Окинлека в Ливии уменьшают

на некоторое время опасность внезапного вторжения немцев на театре Сирия — Ирак — Персия. Опасность эта может вернуться, но нам угрожают и другие, более серьёзные опасности.

3. Надеюсь, что эти перетасовки, вызванные крупными переменами в общемировой ситуации за последние 4 дня, будут вам по душе. Я постараюсь снабдить вас оружием, самолётами и британским персоналом, поскольку будет возможно, учитывая нашу нужду во всём. Телеграфируйте мне о ваших взглядах и нуждах».

А также:

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати и генералу Исмю для Комитета начальников штабов. 13 дек. 41 г.

Прошу сделать все возможное для отправки войск и снабжения в Индию, а также подкреплений со Среднего Востока по воздуху, как только битва в Ливии решится в нашу пользу. Постарайтесь послать танки и бронемашины немедленно по окончании битвы в Ливии.

«Премьер-министр — губернатору Бирмы 13 дек. 41 г.

Уэйвел назначен главнокомандующим сухопутной и воздушной обороной в Бирме. Мы направили 18-ю дивизию, 4 эскадрильи истребителей и зенитные и противотанковые орудия, которые огибали Мыс Доброй Надежды, — в Бомбей, в полное распоряжение Уэйвела. Кампания в Ливии идёт успешно, но я не могу брать оттуда воздушные силы, пока победа не будет окончательно достигнута. Сделаны все приготовления для переброски от 4-х до 6-и эскадрилий на ваш театр немедленно, как только битва будет выиграна. Наилучшие пожелания».

Тактическая оборона Малайского полуострова зависела от выбора одного из двух основных стратегических планов. У меня были на этот счёт твердые убеж-

дения, но, к сожалению, я не мог настаивать на них, будучи в океане.

«Премьер-министр — ген. Исмэю для Комитета начальников штабов. 15 дек. 41 г.

Смотрите, чтобы войска, необходимые для последней защиты острова и крепости Сингапура, не были преждевременно израсходованы или отрезаны на Малайском полуострове. Ничто не может сравниться по важности с Сингапуром. Уверены ли вы, что у нас хватит войск, чтобы выдержать продолжительную осаду? Обсудите с Окинлеком и Правительством Австралии переброску 1 Австралийской дивизии из Палестины в Сингапур. Сообщите, что вы сделали».

Я был рад узнать, что наш государственный министр, Даф Купер, самостоятельно пришёл к тому же заключению.

«Премьер-министр — ген. Исмэю для Комитета начальников штабов. 19 дек. 41 г.

1. Даф Купер проявляет то же беспокойство, которое и я выразил вам в письме, начинающемся словом «смотрите». Предложение Даф Купера — сосредоточиться на обороне Джохора с тем, чтобы удержать Сингапур, — в точности совпадает с мнением Дилла.

2. После разгрома британских и американских морских сил в Тихом и Индийском океанах, мы лишены возможности воспрепятствовать высадкам крупных сил японцев в Сиаме и на Малайском полуострове. Поэтому вся территория к северу от оборонительной линии Джохора может быть обороняема лишь путем разрушений и задерживания противника, а сама оборонительная линия Джохора должна быть защищаема, как наружная линия обороны островной крепости Сингапура и морской базы.

3. Главнокомандующему надо теперь указать, чтобы он ограничился обороной Джохора и Сингапура и сосредоточил на ней все усилия для достижения максимального эффекта. Это не мешает ему пользоваться тактикой разрушений и задержек неприятеля на путях к югу с целью обеспечить себе свободу отступления.

4. Вы не сообщаете, кто сейчас главнокомандующий на Дальнем Востоке. Прибыл ли туда генерал Поунэл? Если нет, то где он? Он должен лететь туда как можно скорее.

5. Всегда предполагалось, что все пополнения, идущие кругом Мыса Доброй Надежды в Индию, будут направлены генералом Уэйвелом на оборону Бирмы, или же посланы командованию на Дальнем Востоке, в зависимости от ситуации. Ваши действия по распределению зенитных орудий и эскадрилий истребителей всецело одобрены.

6. 18-я дивизия также может быть использована генералом Уэйвелом либо для его собственных нужд, либо послана на Дальний Восток. Но почему останавливаться на этом? Если 18-я дивизия будет послана на Восток, то было бы разумно перебросить по крайней мере одну австралийскую дивизию в Индию на замену её.

7. Сообщите пожалуйста, что вы делаете и как вы предполагаете преодолеть растущие затруднения с посылкой подкреплений в Сингапур? А также, что было сделано для уменьшения числа бесполезных ртов на острове Сингапуре? Каков был ответ по поводу снабжения?»

**
*

В этом томе невозможно проследить всю эту историю вплоть до её заключения. Трагедия Сингапура должна будет постепенно развернуться до конца. Здесь достаточно сказать, что во второй половине декабря индусская дивизия выдержала ряд арьергардных боёв, принимая на себя главный удар противника вдоль западного берега полуострова. 17 декабря неприятель овладел островом Пенанг, где, несмотря на разрушения, было захвачено значительное число мелких судов неповреждёнными. Это дало возможность противнику впоследствии производить повторные фланговые атаки мелкими силами. К концу декабря наши войска, выдержав целый ряд тяжёлых атак, вели бои около Ипох, в 150 милях позади своих первона-

чальных позиций. К тому времени японцы высадили на полуостров по крайней мере три полных дивизии, в том числе императорскую гвардию. В воздухе неприятель также значительно усилил своё превосходство. Качества его самолётов, которые он быстро разместил на захваченных у нас аэродромах, превосходили все наши ожидания. Мы были принуждены ограничиться обороной и потери наши были тяжелы. 16 декабря японцы высадились в северной части Борнео и вскоре овладели ею; однако мы успели разрушить огромные и бесценные нефтепромышленные сооружения. При этом голландские подводные лодки удачно действовали против неприятельских судов.

Пока мы плыли на запад, битва генерала Окинлека в Пустыне развивалась удачно. Армия Оси, искусно ускользая от попыток окружения, отступала в порядке на тыловую линию к югу от Газалы. 13 декабря эти позиции были атакованы нашей 8-й армией. Она теперь состояла из 7-й танковой дивизии, 4-й танковой бригады и вспомогательной группы, далее 4-й британско-индусской дивизии, гвардейской моторизованной бригады, 5-й новозеландской бригады, польской бригадной группы и 32-й армейской танковой бригады. Все эти войска подчинялись командованию Главного Штаба XIII корпуса.

Наш XXX-й корпус имел дело с неприятельскими гарнизонами, отрезанными и изолированными в Салуме, Халфайе и в Бардии, где шли упорные бои. Противник хорошо держался у Газалы, но его правый фланг, упиравшийся в пустыню, был смят нашими танками и Роммель начал общее отступление через Дерну к Агедабии и Агейле. На этом пути он был преследуем

всеми нашими силами, которые мы только могли бросить вперёд и снабжать на таком далёком расстоянии.

В начале декабря воздушные силы противника заметно возросли. Первый германский авиакорпус был взят с русского фронта и послан на Средиземное море. Германские отчёты показывают, что число их самолётов там возросло с 400 (из них 206 в действии), бывших налицо 15 ноября, до 637 (339 в действии) месяц спустя. Большая часть их была размещена на Сицилии для охраны морского пути в Северную Африку, но и над Пустыней начали появляться пикировщики, охраняемые высококачественными истребителями Ме. 109. Превосходство в воздухе, принадлежавшее в первые недели битвы в Пустыне британской авиации, теперь было ею утеряно. Позднее мы увидим, как возрождение воздушных сил неприятеля на Средиземном море в течение декабря и января и фактическая утеря нами господства в воздухе на несколько месяцев лишили Окинлека плодов его победы, за которую он боролся так упорно, и который он ждал так долго.

Каждый член нашей группы работал неустанно в то время, как «Герцог Йоркский» плыл к западу, и все наши мысли были сосредоточены на тех новых и обширных проблемах, которые нам предстояло решить. Мы ожидали с радостным волнением, но и с некоторой тревогой нашей первой встречи в роли союзников с президентом и его политическими и военными советниками. Мы знали ещё до отъезда, что злодеяние Перл-Харбора возмутило население США до глубины души. Официальные сообщения и сводки печати производили впечатление, что вся ярость нации обрушилась целиком на Японию. Мы боялись, что

значение этой войны, как целого, может быть неосознано. Перед нами была перспектива серьёзной опасности, что США могли бы ограничиться войной против Японии в Тихом океане, предоставив нам одним сражаться с Германией и Италией в Европе, Африке и на Среднем Востоке.

В предыдущей главе я описал выносливость и всё растущую силу Британии. Первая битва за Атлантический океан против германских подводных лодок заметно склонялась в нашу пользу. Мы не сомневались в том, что мы сможем защитить и обезопасить наши морские пути. Мы чувствовали себя в силах отразить Гитлера, если он попытается вторгнуться на наш Остров. Мы были ободрены силой русского сопротивления. Мы были чересчур самонадеянны в нашей кампании в Ливии. Но все наши планы на будущее зависели от широкого потока американского снабжения всякого рода, подобного тому, что сейчас приходило к нам из-за Атлантического океана. В особенности мы рассчитывали на самолеты и танки так же, как и на американские торговые суда изумительной конструкции. До сих пор президент США, как невоюющей державы, мог посылать нам огромные партии снабжения из запасов американской армии, так как она не воевала. Теперь эта помощь должна была быть сокращена, так как США были в состоянии войны с Германией, Италией и прежде всего Японией. Собственные потребности шли, конечно, в первую очередь. После нападения Гитлера на Россию мы справедливо жертвовали в пользу советских армий значительную долю того снаряжения и снабжения, которое теперь, наконец, выпускали наши фабрики. США направляли в Россию даже большие партии снабжения, чем в ином случае получили бы от них мы. Мы вполне соглашались с таким образом действия, видя блестящее сопротивление, которое Россия оказывала вторгшимся нацистам,

И тем не менее трудно было отказаться от снабжения наших собственных сил, в особенности от оружия, насущно необходимого нашей армии, которая в тяжёлых условиях вела борьбу в Ливии. Мы должны были предвидеть, что теперь лозунг «Америка в первую очередь!» станет основным принципом наших союзников. Мы опасались, что пройдёт много времени, пока Америка широко развернёт своё производство, и что в течение этого подготовительного периода мы будем по необходимости крайне стеснены. И это произойдет как раз в тот момент, когда перед нами появились новые страшные противники в Малайе, в Индийском океане, в Бирме и в Индии. Очевидно, что распределение снабжения потребует глубокого внимания и будет сопряжено с большими затруднениями и щекотливыми моментами. Мы получили уже извещение, что графики поставок по ленд-лизу сейчас застопорены для пересмотра. К счастью, продукция британских военных и авиационных заводов достигла уже известного размаха и импульса, и вскоре будет вполне достаточной. И тем не менее, целый ряд заторов в производстве, нехваток в необходимых материалах и т. под. стоял страшной угрозой перед нашими глазами всё время, пока «Герцог Йоркский» продвигался вперёд, борясь с непрерывными штормами. Бивербрук был — как всегда в тяжёлые минуты — оптимистом. Он заявил, что ресурсы США ещё даже и не затронуты; что они неисчерпаемы, и что, как только все силы американского народа будут обращены на борьбу, то будут достигнуты такие результаты, каких никто не мог ожидать, или даже вообразить. Более того: он думал, что американцы сами ещё не сознают своей силы в области производства. Все сегодняшние цифры статистики будут превзойдены и сметены одним усилием Америки. Хватит на всех! И в этом своём суждении он оказался совершенно прав.

Но все эти соображения бледнели перед главным стратегическим пунктом. Сможем ли мы убедить президента и военачальников Америки, что поражение Японии ещё вовсе не означает поражения Гитлера, тогда как поражение Гитлера делает конец Японии вопросом лишь времени и некоторых усилий? Много долгих часов мы провели в обсуждении этой важной проблемы на все лады. Два начальника штабов и генерал Дилл с Холлисом и его офицерами изготовили целый ряд документов на эту тему, подчёркивавших, что война едина и неделима.

Как видно будет дальше, все эти старания и страхи оказались напрасными.

НАМЕЧЕННЫЙ ПЛАН ХОДА ВОЙНЫ

Восьмидневное путешествие и вынужденный перерыв в обычной деятельности — ни заседаний Кабинета, ни приёма посетителей — дали мне возможность мысленно охватить всю войну в целом, такой, как я видел и ощущал её в рамках её внезапного и огромного расширения. Мне вспомнилось замечание Наполеона о том, как важно уметь надолго сосредоточивать внимание на одном предмете, не уставая при этом. Как обычно, я постарался достигнуть этого результата, диктуя мои мысли машинистке. Передо мной была сложная задача: подготовиться к встрече с президентом и к дискуссиям с американцами; обеспечить единство наших собственных мнений — моих, генералов Паунда и Портла, и генерала Дилла; и заблаговременно подготовить факты и цифры, проверенные генералом Холлисом и Секретариатом. Для этого я составил три записки о будущем ходе войны, как я представлял себе её желательное для нас направление. Каждая записка потребовала от меня 4-х или 5-и часов работы, растянутой на два или три дня. Когда я составил в уме полную картину, то всё дальнейшее пошло легко, хотя и очень медленно. Когда каждый документ был закончен, то после проверки я посылал его моим сотрудникам, как выражение моих личных взглядов. В то же время они приготовили свои собственные записки для объединённого заседания Шта-

ба. Я был рад констатировать тот факт, что хотя моя тема была общего характера, а их — более технического, однако у нас оказывалась наша обычная гармония принципов и оценок. Таких расхождений, которые вызывали бы споры, не оказалось вовсе, и лишь очень немногие факты требовали поправок. Таким образом, хотя строго говоря никто из нас не принял на себя никаких точных обязательств, мы пришли к целому ряду положений конструктивного характера, относительно которых мы все были в общем согласны.

Первая записка содержала доводы, доказывающие, почему главной целью кампании 1942 года на европейском театре войны должно быть занятие британскими и американскими силами всего побережья Северной Африки и Леванта от Дакара до границ Турции. Вторая записка была посвящена мерам, которые нужно принять для восстановления нашего господства в Тихом океане; май 1942 г. был намечен как срок достижения этой цели. В частности, записка отмечала необходимость увеличения числа авианосцев, хотя бы и наскоро построенных. Третья записка объявляла конечной целью войны освобождение Европы путём высадки крупных англо-американских армий в избранном пункте на захваченной немцами территории; записка намечала 1943 год, как дату этого финального удара.

Я передал эти три записки президенту перед Рождеством. Я объяснил ему, что, являясь по существу изложением моих личных взглядов, они не претендуют заменить собою официальную переписку между штабами. Я придал им форму меморандума для Комитета начальников штабов. Сверх того я сказал президенту, что записки эти не были написаны специально для того, но что я считал важным, чтобы он знал мой образ мыслей, знал, какие меры я считаю нужным предпринять и, поскольку это касается Великобритании, буду стараться проводить в жизнь. Он

прочёл их немедленно по получении и на другой день спросил — может ли он сделать себе копии с них. На это я охотно согласился.

Хотя я не получил формального ответа на моё письмо от 20 октября*) на ту же тему (которое м-р Эттли передал президенту) и хотя я в сущности и не ждал на него ответа, но я чувствовал, что мысли президента были очень близки моим мыслям об операциях во французской северозападной Африке. В октябре я мог лишь сказать ему, каковы были наши замыслы и планы, пока мы были одни. Теперь мы стали союзниками и должны действовать сообща и в широких масштабах. Я чувствовал уверенность, что мы с ним сойдёмся во многом и что почва уже хорошо подготовлена. И я был полон радостных надежд.

ЧАСТЬ I

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ФРОНТ

16 дек. 41 г.

1. Сейчас провал и потери Гитлера в России являются фактором первостепенного значения в этой войне. Мы не можем сказать, каких размеров достигнут бедствия германской армии и нацистского режима. До сих пор этот режим держался на лёгких и дешёвых успехах. Сейчас, вместо быстрой и лёгкой победы, которая рисовалась Гитлеру, он стоит перед перспективой зимы, кровавой бойни и неимоверных расходов горючего и снаряжения.

Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не принимают участия в этой борьбе, не считая того, что мы посылаем — без пропусков и аккуратно — обещанное нами снабжение. Только таким путем мы можем оказывать влияние на Сталина и включить могучие усилия русских в общую динамику войны.

2. В несколько меньшей степени наносит удар германскому могуществу близкая победа генерала Окинлека в Ки-

*) см. выше.

ренаике*). Мы можем ожидать полного уничтожения неприязельских сил в Ливии, повидимому, ещё до конца этого года. Это не только наносит тяжёлый удар Германии и Италии, но и освобождает наши силы в Нильской долине от серьёзной угрозы вторжения с запада, которая над ними всё время висела. Конечно, генерал Окинлек поспешит, как только возможно, с операцией «Акробат», которая обеспечит ему обладание Триполи и приведёт его танковый авангард к границе французского Туниса. Быть может, мы получим от него это известие раньше, чем расстанемся с вами в Вашингтоне.

3. Потери и поражения немцев в России и изгнание их из Ливии могут, конечно, принудить их к крайнему усилию для того, чтобы разорвать кольцо, смыкающееся вокруг них: они весной могут сделать бросок на юговосток, через Кавказ или Анатолию, или через оба пункта сразу. Однако надо полагать, что вряд ли у них окажется достаточно боевой энергии для выполнения этого плана. Русские армии, используя преимущества, какие им даёт зима, будут сильно наседать на немцев повсюду от Ленинграда до Крыма. Легко может статься, что немцам придётся эвакуировать Крым. Очень возможно также, что русский флот будет снова хозяином на Чёрном море. Точно также трудно допустить, чтобы Германия сейчас обладала жизненной энергией, достаточной для нападения на Турцию и похода через Анатолию; вряд ли нацистскому режиму под силу такое предприятие. Турки имеют 50 дивизий; боевые качества их солдат и географические препятствия их страны хорошо известны. Хотя Турция во всём избегает риска, однако господство русских на Чёрном море, британские успехи в Леванте и на северо-африканском побережье — в соединении с очевидной слабостью итальянского флота — оправдывают каждую нашу попытку ввести Турцию в игру и безусловно достаточны для того, чтобы побудить её к сопротивлению германскому вторжению. Было бы неосторожно считать всякую опасность удара Германии на юго-востоке, на фронте Персия-Ирак-Сирия исключенной, но, конечно, сейчас эта опасность кажется гораздо менее вероятной, чем когда-либо раньше.

*) Этот параграф был сведен на нет позднейшим поражением генерала Окинлека. В момент написания его мы имели все основания для надежды.

4. Поэтому мы должны из всех сил стараться выиграть во французской Северной Африке и в данный момент надо использовать каждую приманку и каждую форму давления, какие только у нас есть, на правительство Виши и на французские власти в Северной Африке. Остановка немцев в России, британские успехи в Ливии, моральное и военное крушение Италии и более всего объявление войны между Германией и США — всё это должно сильно повлиять на дух Франции и Французской Империи. Настало время предложить Виши и французской Северной Африке на выбор: благой путь или пагубный путь. Первый дал бы ей: обещание США и Великобритании восстановить Францию, как великую державу, с неприкосновенной территорией. К этому ещё предложение активной помощи британских и американских экспедиционных сил на всём побережье Африки, начиная с Марокко и кончая Тунисом, а также помощь генерала Окинлека, продвигающегося с востока. Обильное снабжение для французов и лояльных марокканцев было бы обеспечено. Правительству Виши было бы предложено: послать свой флот из Тулона в Оран и Бизерту и снова вступить в войну в качестве равноправного партнера.

Это значило бы, что немцы захватили бы всю Францию и правили бы ею, как оккупированной территорией. Повидимому, условия жизни в оккупированной и не оккупированной до сих пор зонах мало чем отличаются одни от других. Что бы ни случилось, европейская Франция неизбежно обречена на полную блокаду. Конечно, при этом всегда есть шанс, что немцы, связанные Россией, пренебрегут неоккупированной Францией, даже если французская Северная Африка вступит в войну с ними.

5. Если мы сможем получить хотя бы молчаливое согласие Виши на то, чтобы французская Северная Африка перешла на нашу сторону, то мы должны быть готовы послать туда значительные силы как можно скорее. Помимо всего того, что генерал Окинлек может привести с востока, в случае его успеха в Триполи, мы держим в Британии наготове (операция «Гимнаст») около 55.000 солдат, составляющих две дивизии и одно танковое соединение, и к ним тоннаж. Эти силы могут вступить на территорию французской Северной Африки по приглашению на 23-й день по получении приказа о посадке на корабли. Высший командный состав и воздушные силы могут прибыть с Мальты в Би-

зерту в кратчайший срок по извещении их. Желательно, чтобы США одновременно обещали доставить в Казабланку, или в другие океанские порты Африки не менее, как 150.000 солдат в течение следующих 6 месяцев. Важно, чтобы часть американцев, скажем, 25.000, могла прибыть немедленно по получении согласия Франции — либо Виши, либо Северной Африки.

6. Мы также просим США послать эквивалент 3-х дивизий и одну танковую дивизию в Северную Ирландию. Эти дивизии могли бы, если необходимо, закончить свою подготовку в Северной Ирландии. Присутствие там американских сил стало бы известным неприятелю и могло бы заставить его преувеличивать эти силы. Наличие войск США на Британских островах явилось бы веским дополнительным отпугивающим фактором против германской попытки вторжения. Оно дало бы нам возможность подкрепить кампанию во французской Северной Африке ещё двумя дивизиями и одной полной танковой дивизией. Если бы такие силы могли быть приданы к французской армии уже находящейся в Северной Африке с надлежащей поддержкой воздушных сил, то немцам для покорения Северной Африки пришлось бы предпринимать весьма сложную и дорого стоящую кампанию через враждебные воды. Северо-западный африканский театр является одним из самых благоприятных для англо-американских операций, так как мы можем подойти к нему прямо из океана, тогда как для неприятеля подход через всё Средиземное море был бы чреват опасностями, как мы видим на примере их авантюры в Ливии.

7. Здесь будет кстати упомянуть, что мы очень хотели бы, чтобы эскадрильи американских бомбардировщиков прилетели к нам на Острова, чтобы отсюда действовать против Германии. Наша собственная бомбардировочная авиация не оправдала наших надежд. Она хороша, и всё усиливается, но её полное развитие запоздало. Надо вспомнить, что мы возлагаем большие надежды на разгром германской индустрии и германского духа путём постепенного усиления и уточнения бомбардировки их городов и портов, и что это, в связи с их неудачами в России, может оказать значительное действие на боевой дух германского народа и вызвать соответствующую реакцию германского правительства. Прибытие в Соединенное Королевство хотя бы 20-ти эскадрилий американских бомбардировщиков усилило бы и ускорило

бы этот процесс и явилось бы самым прямым и убедительным ответом на объявление войны Германией Соединенным Штатам. В Британии будут приняты меры к усилению этого процесса и интенсификации англо-американских бомбардировок во всей Германии, без всякого предела, отныне и до конца войны.

8. Мы должны, однако, считаться с возможностью, что Виши откажется действовать по нашему желанию, и даже наоборот, будет побуждать французскую Северную Африку к активному сопротивлению нам. Оно может помогать германским войскам в занятии Северной Африки; немцы могут проложить себе путь через Испанию — получив разрешение, или силой; французский флот в Тулоне может попасть под контроль немцев, а вся Франция и французская Империя могут быть принуждены, при помощи Виши, активно помогать Германии против нас, хотя вряд ли эта помощь дает ожидаемые результаты. Подавляющее большинство французов примыкают к Великобритании, а теперь ещё больше к США. Вовсе нельзя быть уверенным, что адмирал Дарлан передаст флот, стоящий в Тулоне, в целости Германии. Совершенно неверно, чтобы французские солдаты и матросы сражались всерьёз против США и Великобритании. Тем не менее, не исключена возможность полунскренного сотрудничества пораженческих элементов во Франции и Северной Африке с немцами. В этом случае наша задача в Северной Африке станет значительно труднее.

Задачей кампании 1942 года будет захват или завоевание всего побережья Северной Африки, включая атлантические порты Марокко. Дакар и другие порты французской Западной Африки должны быть заняты ещё до конца 1942 года. Однако, в то время, как занятие французской Северной Африки должно быть крайне спешным во избежание германского проникновения, — для овладения Дакаром и Западной Африкой вполне допустим срок в 8 или 9 месяцев, необходимый для подготовки операции. Планы, однако, должны быть разработаны немедленно. При достаточном времени для подготовки и при условии надлежащей организации, эти операции не представляют непреодолимых затруднений.

9. Наши отношения с генералом Де Голлем и с движением Свободных Французов придется пересмотреть. До сих пор США не принимали участия в предприятиях, подоб-

ных тем, о которых я вёл с ним переписку. Движение Де Голля — без особой вины с его стороны — вызвало новый антагонизм в умах французов. Всякая акция, которую США могли бы сейчас начать в отношении Де Голля, вызовет необходимость пересмотра наших обязательств в отношении его и Франции так, чтобы поставить эти обязательства в тесную зависимость от усилий, сделанных им и Францией для собственной реабилитации. Если Виши готово действовать в Северной Африке согласно с нашими желаниями, то США и Британия должны добиваться примирения между свободными Французами (де-голлистами) и теми остальными французами, которые хотели бы вновь поднять оружие против Германии. Если же, наоборот, Виши настаивает на сотрудничестве с Германией, а мы должны сами пробивать себе путь во французской Северной и Западной Африке, — тогда движению де-голлистов надо оказывать всемерную помощь и всячески его использовать.

10. Мы не можем предсказать, что произойдёт в Испании. Вероятно, испанцы не разрешат немцам свободный проход через Испанию для нападения на Гибралтар и для занятия Северной Африки. Может иметь место инфильтрация, но в формальном пропуске армии будет отказано. В таком случае зима будет наихудшим временем для попытки немцев пробить силой себе путь через Испанию. Более того, Гитлер, который должен при помощи вооружённой силы держать в руках почти всю Европу, под двойной угрозой поражения и полуголодовки, должен хорошенько подумать, прежде чем вторгнуться в неоккупированную Францию, а затем вызвать на беспощадную партизанскую войну гордый, пылкий и голодный народ полуострова Иберии. Британия и США со своей стороны должны сделать всё возможное, чтобы укрепить волю этого народа к сопротивлению. Сегодняшняя политика ограниченного снабжения должна продолжаться.

Значение для нас Гибралтара, как гавани и базы, настолько велико, что не следует делать никаких попыток с островами в Атлантическом океане, пока ещё нет вторжения на полуостров и пока испанцы ещё не дали немцам разрешения на проход.

11. Подвожу итог: война на Западе в 1942 г. включает в себя, как главную наступательную операцию, оккупацию и контроль Великобританией и Соединёнными Штатами всех

владений Франции в Северной и Западной Африке и дальнейший британский контроль над всем северным побережьем Африки, от Туниса до Египта; а тем самым и — поскольку морская ситуация это позволяет — свободный проход Средиземным морем к Леванту и Суэцкому каналу. Эти крупные цели могут быть достигнуты только при условии сохранения за морскими и воздушными силами Британии и Америки их господства в Атлантическом океане; далее, при условии, что пути снабжения не будут прерваны и что Британские острова будут надежно защищены от вторжения».

**
*

Моя вторая записка — о войне в Тихом океане — была закончена только по приезде в США.

ЧАСТЬ II

ТИХООКЕАНСКИЙ ФРОНТ

20 дек. 41 г.

«1. Японцы имеют господство на море, которое даёт им возможность подвезти свои войска почти к каждому наметенному пункту, овладеть им и устроить там воздушно-морскую базу горючего. Союзные державы в ближайшее время не будут располагать силами, достаточными для того, чтобы дать генеральную морскую битву. Их способность эскортировать перевозимые войска зависит от размеров морей, то есть от шансов избежать встречи с неприятелем. Даже без преобладания в морских силах мы можем производить внезапные налёты тут и там; но мы не можем вести крупных длительных операций на море. Поэтому нам приходится быть готовыми к тому, что мы будем терять одно за другим наши владения и наши опорные пункты в Тихом океане, а наш противник будет довольно легко захватывать их вместе с их гарнизонами.

2. В этот переходный период нашим долгом является упорное сопротивление в каждом отдельном пункте и захват снабжения и вооружения всюду, где случай позволит, идя на разумный риск. Если наши отряды будут оказывать упорное сопротивление в каждом отдельном пункте, если

мы будем вооружать и подкреплять их как только возможно, то противник будет вынужден брать на себя все большие обязательства в дальних краях; он достигнет предела своих транспортных возможностей; его коммуникации окажутся уязвимым местом, на которое будут направлены все наличные морские и воздушные силы США, Британии и Голландии, в особенности подводные лодки, для концентрированных ударов. Здесь крайне важно то, что неприятелю не дёшево будет доставаться его добыча; он будет вынужден питать все захваченные им страны, и расширяясь, он будет сжигать этим свои собственные ресурсы.

3. Ресурсы Японии истощимы. Страна была долгое время в страшном напряжении благодаря опустошительной войне с Китаем. Максимум сил японцы имели в момент их нападения на Перл-Харбор. Если верно, как утверждает Сталин, что они имеют, помимо собственных воздушных сил, ещё 1500 германских аэропланов (а он имел возможность знать, как они туда попали), то у них нет сейчас средств возместить убыль, помимо своего собственного скромного производства — 300-500 в месяц. Нашей задачей является — вынуждать их держать максимум сил в захваченных ими заморских землях; причинять им как можно больше забот и заставлять их как можно больше расходовать свои воздушные и морские силы. Если мы будем пассивны и оставим их в покое, то они будут продолжать свои завоевания легко и дешево, сократят свои расходы вооружённых сил до минимума, увеличат свои приобретения, и всё это причинит нам колоссальный вред. Поэтому единственно правильный и необходимый путь — это бить их в каждом пункте, где у нас есть какие-то шансы, так чтобы держать их в постоянном беспокойстве и напряжении.

4. Но мы должны неуклонно стремиться к восстановлению нашего господства на море, и притом как можно скорее. Это может быть достигнуто двумя путями: во-первых, увеличением числа наших линейных кораблей. Два новых японских линейных корабля, выстроенных вопреки ограничениям, установленным договором, надо признать грозным фактором, влияющим на весь тихоокеанский театр войны. Ожидается, что два новых американских линкора будут вполне готовы в мае. Конечно, в войне все наши операции зависят от действий противника, от случайностей, от катастроф; но если наши линейные корабли не понесут нового

урона, если не случится непредвиденной катастрофы, то мы можем надеяться, что наши «Нельсон» и «Родней» будут, наряду с двумя новыми американскими линкорами с их четырьмя 16 дюймовыми орудиями, — новейшими и сильнейшими кораблями в мире. За этой эскадрой следует ряд старших, но обновлённых линейных кораблей США, вполне пригодных и численно достаточных для морских операций этим летом. Восстановление нашего морского превосходства в Тихом океане если даже и не приведёт к пробе сил в поединке, то во всяком случае обеспечит безопасность на всём западном побережье американского материка, и таким образом предотвратит расточение на оборону тех гигантских сил, которые предназначены для наступательных действий. Поэтому мы должны поставить перед собой, как главную стратегическую задачу, создание бесспорно господствующего боевого флота в Тихом океане; и мы должны наметить месяц май, как предельный срок достижения этой цели.

5. Не только после этого срока, но ещё и до него роль и участие в боях авианосцев должны быть развиваемы до крайних возможностей. Мы у себя готовим эскадру из трёх авианосцев, надлежаще оборудованных, для операций в водах между Южной Африкой, Индией и Австралией. США имеют уже 7 настоящих авианосцев против 10-и японских (но те меньшего размера). К этому числу «регулярных» авианосцев надо придать ещё большое число «импровизированных», как больших, так и малых. Только таким путём мы сможем быстро увеличить наше морское могущество. Даже если авианосец может нести только дюжину самолётов, он всё же может сыграть роль в комбинации с другими авианосцами. Мы должны развить свою гидроавиацию настолько, чтобы быть в состоянии захватить и удерживать в течение значительного времени местное господство в воздухе над береговой гидроавиацией противника, а также чтобы прикрывать высадку наших войск, имеющих заданием атаковать захваченные неприятелем объекты. Если — или пока — такое местное господство в воздухе нам не обеспечено, то даже превосходящие силы нашего флота будут во время боя в невыгодном положении. Мы не можем иметь больше линейных кораблей, чем то число, которое стоит у нас в программе на 1942-й год; но мы можем и должны иметь больше авианосцев. Для постройки линкора нужно 5 лет, но импровизированный авианосец мы можем иметь за 6 месяцев. Именно здесь у нас поле для приложения изыска-

тельности и гения; пример — создание «самодельных» флотов и флотилий на Миссисипи, в гражданскую войну в Америке.

Надо признать, что первенство, отдаваемое авианосцам, повлечёт за собою отсрочку тотального воздушного наступления на Германию, которое мы считали главным методом ведения войны. Однако это вопрос лишь времени и степени. Мы не можем надеяться достичь в 1942 г. той степени бомбёжки Германии, какая была на этот год запроектирована; но мы её превзойдём в 1943 г. Пусть наша программа выполняется с опозданием, но она будет выполнена до конца. Ведь тем временем германские города и прочие цели от нас не уйдут. Мы должны приложить все усилия к тому, чтобы скорее повысить число и вес бомб, сброшенных на Германию, чтобы достичь цифр, предписанных на 1943 и 1944 гг.; и тем не менее, другие нужды могут задержать выполнение наших схем. Поэтому важно, чтобы в этот промежуток времени бомбардировочные эскадрильи США, хотя бы символически, могли из Британии производить свои налёты на германские города и порты».

Дальнейшие параграфы, касающиеся приобретения воздушных баз, русской интервенции, конвоирования караванов в Тихом океане и использования Сингапура — не подлежат опубликованию здесь. И наконец:

«12. Нет оснований опасаться, что эта война в Тихом океане — когда первый шок пройдёт — будет поглощать слишком большую часть сил США. Количество американских войск, которое мы хотели бы иметь в Европе в 1942 г., будет не так уж велико, чтобы скромные на первых порах операции в Тихом океане могли на нём отразиться. Что будет действительно вредить нам, это то, что запроектированная 10-миллионная армия США будет в течение двух лет, необходимых для её подготовки, поглощать всё наличное снабжение и сидеть праздно на охране американского континента. Нанлучший способ избежать такой перспективы и использовать как живую силу, так и запас оружия, теперь к нам поступающего, это дать возможность американцам восстановить своё морское могущество в Тихом океане и не отвлекать их от полезных, хотя и второстепенных заморских операций, которые могут представиться».

**
*

Столько басен было сочинено о моём, якобы закоренелом, отвращении к крупным операциям на континенте, что теперь необходимо восстановить истину. Я всегда считал, что решительное наступление на страны, оккупированные Германией, проведенное в самом широком масштабе, есть единственный путь, каким война может быть выиграна; и это наступление должно быть начато летом 1943 г. В дальнейшем будет видно, что уже в 1941 г. я определял размеры будущей операции в 40 танковых дивизий и в один миллион прочих войск, как необходимый минимум для начальной фазы. Когда я вспоминаю число книг, написанных под влиянием ложных представлений о моей позиции в этом вопросе, то я ощущаю необходимость обратить внимание читателя на подлинные, ответственные документы, написанные мною в то время. Другие примеры того же рода будут приведены дальше, в соответствующих местах.

ЧАСТЬ III

КАМПАНИЯ 1943 ГОДА

18 дек. 41 г.

«1. Если операции, описанные в частях I-й и II-й, разовьются в 1942 г. успешно, то к началу 1943 г. общая картина будет такова:

а) США и Великобритания вернут себе господство в Тихом океане и все заморские захваты Японии окажутся под угрозой быть отрезанными от своей метрополии, и под угрозой британских и американских экспедиций с целью возвращения утраченных территорий.

б) Британские острова будут попрежнему ещё нетронуты, но подготовлены к отражению нападения лучше, чем когда-либо прежде.

в) Всё западное и северное побережье Африки, от Дакара до Суэцкого канала, и весь Левант до границ Турции — будут в англо-американских руках.

Турция, хотя и не обязательно вступит в войну, но окончательно включится в американско-британско-русский фронт. Положение России будет очень прочно и обещанные поставки британских и американских материалов частично возместят потери производительности русской военной промышленности. Возможно, что уже будет высадка в Сицилии и Италии, с реакцией внутри Италии, которая может быть крайне полезной.

2. Но всё это будет недостаточно для того, чтобы привести войну к концу. Война не может закончиться на том, что Япония будет загнана обратно в свои границы, и что её экспедиционные войска будут разбиты. Война может быть закончена только поражением в Европе германских армий или благодаря внутренним конвульсиям Германии, вызванным неблагоприятным ходом войны, экономическими лишениями и наступательной бомбёжкой Германии союзниками. Так как сила США, Великобритании и России всё растёт, и немцы уже начинают это понимать, то внутреннее крушение Германии всегда возможно, но мы не должны на это рассчитывать. Наши планы должны покониться на допущении, что сопротивление германской армии и воздушных сил будет продолжаться на сегодняшнем уровне и что подводная война будет вестись всё в возрастающих размерах.

3. Поэтому мы должны подготовиться к освобождению пленённых стран западной и южной Европы путём высадки в подходящих местах — последовательно или одновременно — британских и американских армий, достаточно сильных для того, чтобы дать возможность покорённому населению восстать. Предоставленное самому себе, оно никогда не сможет восстать ввиду беспощадных репрессий, которые были бы тотчас же применены; но если достаточные и надлежащие вооружённые силы высадятся в нескольких из следующих стран: Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии или на берегах Ламанша или французского Марокко, так же, как и в Италии, а возможно и на Балканах, — то германские гарнизоны оказались бы не в силах справиться одновременно с освободительными иностранными отрядами и с яростью восставших народов. Пока мы сохраняем господство на море, необходимое для выбора места (или мест) нападения, — немцы не в состоянии иметь достаточно войск в каждой из этих стран для успешного сопротивления. В частности, они не могут перебрасывать свои танки с севера на юг, или

с востока на запад; они вынуждены или распределять их между отдельными завоёванными странами — и в этом случае их танковые силы будут безнадежно рассеяны — или же сосредоточить их в тылу, в центре Германии, и тогда наши высадившиеся войска успеют к их прибытию уже укрепиться на местах высадки.

4. Здесь перед нами обычный конфликт между кратковременными и долговременными проектами. Война — это непрерывная борьба и она должна вестись изо дня в день. Принимать меры вперёд, на будущее, очень трудно, и далеко не всегда возможно. Опыт показывает, что предсказания обычно не сбываются, а приготовления всегда отстают. И тем не менее, для того, чтобы привести войну к победоносному концу, и притом в разумный срок, необходим план, замысел. Тем более он необходим в современных условиях, когда никакая крупная наступательная операция не может быть проведена без предварительной подготовки — разработки сложного технического аппарата.

5. Поэтому сейчас перед нами стоит не только вопрос — как отбросить Японию назад к её границам и восстановить своё неоспоримое господство в Тихом океане, но также и проблема освобождения завоёванной Европы путём высадок на её берегах американской и британской армий в течение лета 1943 года. Должен быть разработан план высадок во всех вышеназванных странах. Окончательный выбор трёх или четырёх из них должен быть сделан как можно позже, с целью использовать течение событий и обеспечить тайну.

6. В принципе, в высадке принимают участие танковые и механизированные части, способные к выгрузке не только в портах, но и прямо на берег — посредством десантных барж, или непосредственно с океанских судов, специально для того приспособленных. Таким образом потенциальный фронт нападений может быть настолько широк, что германские армии, оккупировавшие все эти страны, не смогут быть достаточно сильны во всех пунктах. Должны быть изготовлены специальные земноводные приспособления (амфибии), которые обеспечат возможность быстрой и безопасной высадки в любом пункте. Авангарды британских и американских экспедиций должны быть расположены весной 1943 г. в Исландии, на островах Британии и, если возможно,

во французском Марокко и в Египте. Главные силы придут прямо через океан.

7. Не следует думать, будто потребуется огромное количество солдат. Если вторжение танковых соединений будет успешным, то восстание местного населения, для которого будет привезено оружие, даст живую силу для освободительного наступления. 40 танковых дивизий, по 15.000 человек в каждой, или их эквивалент в танковых бригадах (почти половина которых будет доставлена Британией) дают общую круглую цифру в 600.000 человек. За этими танками высадится ещё миллион солдат всех родов оружия и этого будет достаточно для того, чтобы вырвать из рук Гитлера колоссальные территории. Но эти кампании, раз начавшись, потребуют непрерывного пополнения в огромных размерах. Наша индустрия и подготовка экспедиций уже к концу 1942 года должны будут работать на полный ход.

8. Помимо господства нашего на море — без которого всё остальное невозможно — существенным для всех этих операций является наше господство в воздухе, а для самой высадки — ещё и широкое применение гидросамолётов и авианосцев. Впрочем, всё это будет во всяком случае необходимо и для кампании 1942 г. Чтобы вымотать неприятеля и помешать его контрприготовлениям, нужно как можно интенсивнее развить воздушную бомбёжку Германии налётами из Англии, а Италии — с Мальты, а быть может также из Триполи и Туниса. Учитывая: 1) что численность британских воздушных сил первой линии уже несколько сильнее германских, 2) что русские воздушные силы уже утвердили своё превосходство над большей частью своего фронта и могут считаться равными 3/5 германских боеспособных воздушных сил, и 3) что ко всему этому надо добавить ещё ресурсы США в их будущем развитии, — мы приходим к заключению, что мы сможем достичь полного господства в воздухе ещё раньше лета 1943 г., а к этому сроку Германию уже постигла бы тяжкая и длительная кара. Принимая во внимание тот факт, что бомбардировочные налёты на суше являются в сущности вопросом лишь их мощности, и что объекты бомбардировки неподвижны, — следует отдать предпочтение истребительной и торпедоносной авиации, требующейся для наших многочисленных авианосцев — как регулярных, так и импровизированных которые уже имеются налицо, или будут в скором времени закончены постройкой.

9. Если мы поставим себе эти задачи уже сейчас, хотя бы так, чтобы они не слишком отвлекали нас от текущих работ, то мы можем надеяться, — даже в том случае, если крушение Германии и не произойдёт тем временем — выиграть войну в конце 1943 году или в 1944 г. Нам могло бы быть выгодным уже сейчас объявить о нашем намерении послать армии для освобождения Европы в 1943 г. Это подало бы надежду покорённым народам и предотвратило бы сближение между ними и немцами-захватчиками. Внедрение в умы и сердца стольких миллионов людей наших установок и планов — уже само по себе оказывает нужное влияние».

Я прочел эту записку во время нашего путешествия Начальникам Штабов в тот же день, когда она была написана. Нижеследующие строки взяты из записи о последовавшей затем конференции:

«Премьер-министр высказал пожелание, чтобы Начальники Штабов познакомились с этой запиской, которую он намеревался использовать как основу для своих разговоров с президентом. Он считал, что нужно развернуть перед народами Британской Империи и Соединенных Штатов перспективы освободительного похода на континент Европы, как цель, намечаемую на 1943 год. В общем предстоят три фазы войны:

1. Смыкание круга
2. Освобождение народов
3. Последний штурм германской цитадели».

Я нашел у моих профессиональных коллег полное согласие с моими взглядами и с общим содержанием моих записок, которые в сущности являлись суммарным итогом наших совместных работ и дискуссий о проблемах войны, как они теперь нам представлялись.

Просматривая сейчас эти три документа, которыми я по прошествии лет в целом удовлетворён, приходишь к заключению, что они дают картину, очень близкую тому, что в действительности было сделано Британией и Соединёнными Штатами в кампании 1942-43 г.. Я, в конце концов, получил согласие президента на экспедицию в Северо-Западную Африку (операция «Факел»), которая была нашей первой общей большой земноводной операцией. Моим горячим желанием было, чтобы освобождение Франции (операция, сперва названная «Закругление», впоследствии переименованная в «Сюзерен») состоялось летом 1943 года.

Однако, как бы ни было полезно составлять планы на будущее — а иногда возможно и предсказывать его до некоторой степени — никто не гарантирован от того, что неприятель своими действиями и контр-ударами спутает сроки намеченного вами расписания событий. Все цели, указанные в этом меморандуме, были достигнуты усилиями Британии и США в намеченном порядке. Мои надежды, что генерал Окинлек очистит Ливию в феврале 1942 г., не оправдались. Он потерпел ряд тяжёлых неудач, которые мне теперь предстоит описать. Гитлер, быть может, ободренный этим успехом, решился на широко задуманную операцию завоевания Туниса и теперь двинул туда более 200.000 свежих войск через Италию и Средиземное море. Таким образом, британская и американская армии были вовлечены в более долгую и упорную кампанию, чем я предполагал. Этим была вызвана задержка в моём расписании на 4 месяца. Англо-американцам не удалось захватить контроль «над всеми владениями Франции в Северной и Западной Африки и дальнейший контроль Британии над всем северным побережьем Африки от Туниса до Египта» в конце 1942 г. (часть I, § 11). Мы достигли этих результатов только в мае

1943 г. Поэтому главный план — переправа через Ламанш для освобождения Франции, — в который я глубоко верил и работал над ним, не мог быть осуществлён летом (1943) и был по необходимости отложен на целый год, до лета 1944 г.

Последующие размышления и полное знание, каким мы теперь обладаем, убедили меня, что эта задержка послужила нам к счастью. Годичная отсрочка экспедиции спасла нас в лучшем случае от крайне рискованной авантюры, которая могла закончиться и потрясающей катастрофой. Если бы Гитлер был мудр, то он прекратил бы расточать свои силы в Африке и встретил бы нас во Франции — и притом с двойной силой по сравнению с тем, что он имел в 1944 г. — раньше, чем вновь созданная американская армия и её штабы достигли полной профессиональной зрелости, и задолго до того, как был создан гигантский флот специальных десантных судов и пловучих гаваней (Мельбери). Я теперь убеждён, что даже если бы операция «Факел» была закончена в 1942 г., как я надеялся, или даже если бы она совсем не была проведена, то попытка пересечь Ламанш в 1943 г. закончилась бы колоссальным кровавым разгромом, с неизмеримым влиянием на общий результат войны. Я постепенно приходил к этому заключению в течение всего 1943 года и потому принял, как неизбежность, отсрочку операции «Сюзерен», вполне при этом понимая всё раздражение и гнев нашего советского союзника.

Как только определилось, что мы не сможем перебросить наши силы через Ламанш ранее 1944 года, сейчас же стала ясной необходимость усиления кампании в Средиземном море. Только высадившись в Сицилии и Италии мы могли схватиться вплотную с

противником и повалить по крайней мере слабейшего из партнёров Оси. Специально для принятия этого решения я добился согласия президента на поездку генерала Маршалла со мною из Вашингтона в Алжир в мае 1943 г. Всё это должно быть детально учтено для оценки грядущих событий.

ВАШИНГТОН И ОТТАВА

Предполагалось, что мы поплывём вверх по реке Потóмак до самого Вашингтона, но после десяти дней, проведенных в море, нам не терпелось закончить наше путешествие. Мы решили лететь из Гемптон Роодз и вечером 22 декабря мы спустились на аэродроме Вашингтона. Президент ожидал нас там в своём автомобиле. Я пожал его сильную руку с чувством успокоения и радости. Мы быстро доехали до Белого Дома, который во всех смыслах должен был стать нашим домом на целых три недели. Мы были ласково встречены женой президента, которая всячески старалась сделать наше пребывание у них как можно более приятным.

Должен сознаться, что мой мозг был настолько поглощён ураганом событий и теми личными задачами, которые мне предстояло выполнить, что в моей памяти сохранилось лишь смутное впечатление о тех днях. Главным было, конечно, моё общение с президентом. Мы проводили вместе ежедневно по несколько часов и завтракали в полдень всегда троём — третьим был Гарри Гопкинс. Мы говорили только о делах и пришли к соглашению по многим вопросам, как крупным, так и мелким. Вечерние обеды носили более общественный характер, но тоже интимный и дружеский. Президент неизменно сам приготавливал предобеденный коктейль, а я катил его в кресле из гостиной к лифту

в знак почтения, вспоминая при этом рыцаря Уолтера Ралэй, расстилавшего свой плащ перед королевой Елизаветой. Во мне родилась искренняя привязанность к президенту, и она всё росла и усиливалась за годы нашего дружеского сотрудничества. Он был необычайно крупный политик, воля которого в течение почти 10 лет доминировала в жизни Америки, и сердце которого, повидимому, отзывалось на те же импульсы, что и моё. Так как мы оба были принуждены — необходимостью или привычкой — большую часть нашей работы делать в постели, то президент навещал меня в моей комнате каждый раз, как только ему этого хотелось, и он побуждал и меня поступать, не стесняясь, так же в отношении его.

Комната Гопкинса была через коридор напротив моей спальни, а в следующей комнате были вскоре развешаны мои карты. Президент очень заинтересовался этой моей затеей, которой заведывал капитан Пим. Президент любил приходить в эту комнату и подолгу изучал огромные карты всех театров войны, которые вскоре покрыли все стены. Все движения армий и флота аккуратно и быстро наносились на карты. Вскоре и президент устроил свою собственную комнату карт, весьма удобную и полезную.

Дни проходили, точно распределённые на часы. Вскоре выяснилось, что сейчас же после Рождества мне придётся выступить с речью в заседании Конгресса США, а ещё через несколько дней — в Парламенте Канады, в Оттаве. Эти ответственные выступления требовали большой затраты сил и явились дополнительным бременем к ежедневным совещаниям и массе текущих дел. По правде говоря, я сам не знаю, как я выдержал всё это.

Наше первое совещание состоялась 22 декабря; о нем сохранился протокол. Я немедленно развернул перед президентом и приглашёнными им лицами схему англо-американской интервенции в Северной Африке. Президент к этому времени, конечно, ещё не прочёл моих записок, написанных на борту корабля, которые я мог передать ему только на следующий день. Но он, очевидно, много думал о моём письме от 20 октября. Таким образом мы все были более или менее подготовлены. Мой рапорт Лондону показывает, что мы основательно разобрали проблему в этот первый вечер.

«Премьер-министр — Военному Кабинету и Комитету начальников штабов. 23 дек. 41 г.

1. Вчера вечером мы с президентом обсудили положение в Северной Африке. Хол, Уэлс, Гопкинс, лорд Бивербрук и лорд Галифакс также принимали участие в совещании.

2. Все были согласны в том, что если Гитлера остановят в России, то он будет пробовать ещё где-то, и что самое вероятное направление — это Испания и Португалия, как путь в Северную Африку. Наш успех в Ливии и перспектива достигнуть французской Северной Африки являются для Гитлера вторым стимулом к попытке захватить Марокко как можно скорее. В то же время, судя по донесениям, эта угроза не является немедленной, быть может потому, что сейчас у Гитлера слишком много других забот.

3. Все были согласны в том, что нужно опередить немцев в Северо-Западной Африке и на островах в Атлантическом океане. Вдобавок ко всем прочим доводам, два французских линейных корабля — «Жан Барт» и «Ришельё» — будут настоящим ценным подарком для того, кому они достанутся. Поэтому обсуждение шло не на тему «стоит ли?», а на тему «как?».

4. Были внесены предложения:

а) Правительство США могло бы обратиться к Виши и сказать ему в самом серьёзном и решительном тоне, что для него это последняя возможность пересмотреть своё положение и перейти на сторону тех, кто гарантирует восста-

новление Франции. Как символ этого акта, Петэну может быть предложено послать Вейгана, в качестве своего представителя, на конференцию союзников в Вашингтон.

6) Обратиться прямо к Вейгану с указанием на то, что ситуация в Северной Африке радикально переменялась благодаря наступлению британских войск, а также благодаря вступлению в войну США и их готовности послать свои вооружённые силы в Северную Африку.

5. С другой стороны было высказано предположение, что в результате такого обращения мы можем получить полные обещания от Петэна и Вейгана, а в то же время немцы будут извещены о наших намерениях; и что поэтому, если уж делать предложения, то желательно составить план похода в Северную Африку с приглашением или без него. Я подчеркнул колоссальный эффект, который во Франции и во французских войсках в Северной Африке произведёт известие, что США присоединяются к предприятию. М-р Хол выразил предположение, что, в случае развития событий, возможный лидер найдется в самой Северной Африке.

Президент сказал, что он позаботится, чтобы американские сухопутные войска немедленно оказывали свою поддержку всюду, где только возможно, и поддержал мысль, чтобы план движения в Северную Африку был составлен для обоих случаев, то есть с приглашением и без приглашения.

6. Было решено поручить разработку проекта Штабам, исходя из положения, что необходимо опередить немцев на этом театре, и что Ливийская кампания, согласно ожиданиям, достигла полного успеха. Было признано, что вопрос тоннажа является самым важным фактором.

7. Я сделал доклад о ходе борьбы в Ливии, который явно произвёл на президента и на прочих американцев сильное и ободряющее впечатление.

8. Во время совещания Президент упомянул, что на следующей конференции он намерен предложить, чтобы США сменили наши войска в Северной Ирландии, и говорил о посылке туда трёх или четырёх дивизий. Я горячо приветствовал это решение и выразил надежду, что одна из этих дивизий будет танковая. Это, конечно, несколько не помешает подготовке американских войск к отправке в Северную Африку».

Первый важный проект, переданный мне президентом день или два спустя, был набросок торжественной Декларации, которая должна была быть подписана всеми нациями, ведущими войну с Германией и Италией или с Японией. Президент и я, следуя нашему методу создания Атлантической Хартии, готовили каждый свой проект и затем соединили их. В принципах, в эмоциях и даже в языке мы оказались в полном согласии. В Лондоне наш Военный Кабинет был прямо поражён тем размахом, с каким этот проект Великого Союза был составлен. Завязалась оживлённая переписка и возникло несколько щекотливых вопросов: какие правительства и власти должны будут подписать Декларацию, и в каком порядке будут следовать подписи? Мы охотно согласились предоставить первое место США. Военный Кабинет совершенно правильно не хотел включать Индию, как отдельную суверенную державу. М-р Хол противился включению слова «власти», которым я хотел прикрыть Свободную Францию, в то время бывшую в немилости у Государственного департамента США.

Что был первый раз, что я встретился с м-ром Корделом Холлом, с которым у нас было затем несколько разговоров. Мне показалось, что в тот момент у него не было полного контакта с президентом. Я был поражён тем фактом, что среди гигантских событий один мелкий эпизод мог настолько повлиять на его суждения. Перед моим отъездом из Англии генерал Де Голль известил меня, что он намерен освободить острова Сен Пьер и Микелон, которыми управлял губернатор, подчинённый Виши, — адмирал Робэр. Морские силы Свободной Франции легко могли это сделать, и наше министерство иностранных дел не имело возражений. Однако, как выяснилось позднее, Гос. де-

партамент США желал, чтобы освобождение было поручено канадской экспедиции. Поэтому мы просили генерала Де Голля воздержаться от операции и он, конечно, обещал нам это. И тем не менее он приказал адмиралу Мюзелье захватить острова. Моряки Свободной Франции были с энтузиазмом приняты населением и плебисцит дал 90% голосов против Виши.

Это не произвело никакого впечатления на м-ра Хола. Он считал, что политике Гос. департамента было нанесено оскорбление. В день Рождества он выпустил заявление, в котором была фраза: «наше предварительное сообщение показывает, что акция, предпринятая судами так называемой «Свободной Франции» на островах Сен Пьер и Микелон, была своевольным актом, противоречащим соглашению всех заинтересованных сторон, и совершенным, конечно, без предварительного уведомления или согласия в какой-либо форме правительства США». Он хотел выгнать моряков Свободной Франции с тех островов, которые они освободили от Виши. Но общественное мнение Америки пошло совсем иным путём. В эти тяжёлые дни оно приветствовало акт освобождения островов и то, что гнусная радиостанция, распространявшая по всему свету лживые и ядовитые сплетни Виши, да ещё, возможно, дававшая секретные сигналы германским подводным лодкам, — теперь, наконец, замолкла. Выражение: «так называемая Свободная Франция» — вызвало всеобщее негодование.

М-р Хол — достоинства которого я признавал, и к которому я питал глубокое уважение — здесь, по моему мнению, раздул то, что было в сущности лишь предметом департаментских расхождений, до непомерных пропорций. Президент, судя по нашим ежедневным разговорам, повидимому, только пожал плечами по поводу этого дела. Ведь помимо этого, целый ряд

других неприятностей сыпался на нас. Энергично побуждаемый нашим министерством иностранных дел, я поддерживал генерала Де Голля и «так называемую» Свободную Францию. Этому инциденту были посвящены целые главы в разных американских и французских книгах, но это ничуть не повлияло на наши основные обсуждения в Вашингтоне.

**

Однажды м-р Нокс, морской министр США, пришёл ко мне в комнату в полном расстройстве. Он сказал мне:

«Вам приходилось переживать много тяжёлых случаев. Скажите мне, как вы посмотрели бы на следующий факт: мы приказали нашему флоту вступить в битву с японцами с целью поддержать остров Уэйк; а сейчас, через несколько часов после отплытия, адмирал решил повернуть назад. Что сделали бы вы с вашим адмиралом в подобном случае?»

Я ответил: «Опасное дело перечить адмиралам, когда они заявляют, что они не могут сделать чего-то. Они всегда могут сослаться на погоду или на топливо, или еще на что-нибудь».

Остров Уэйк был взят японцами в тот же день после отчаянной защиты его горстью морской пехоты США. Моряки нанесли японцам потери, на много превышавшие их собственное число, прежде, чем они сами пали или были взяты в плен.

**

Легко себе представить настроение правительства Австралии после страшного дебюта японской военной

машины. Наше господство на Тихом океане было утрачено; три лучших австралийских дивизии были в Египте, а четвёртая в Сингапуре. Правительство сознавало, что Сингапур был в смертельной опасности, и оно опасалось, что и самой Австралии грозит вторжение. Все крупные города Австралии, в которых скопилось более половины населения всего материка, расположены на берегу океана. Перед страной вставала перспектива массового ухода населения вглубь страны и партизанской войны — без оружия и без снабжения. Британия была далеко, далеко..., а власть США не могла быть так скоро утверждена в водах Австралазии. Я лично думал, что японцы не позарятся на Австралию, отделённую от них тремя тысячами миль океана, когда у них под боком есть такая соблазнительная добыча, как нидерландская Ост-Индия и Малайя. Но австралийский кабинет видел всю ситуацию в ином свете и терзался мрачными предчувствиями. Даже в этот тревожный момент эти люди упорствовали в своих партийных раздорах. Правительство рабочей партии держалось большинством всего лишь двух голосов. Оно противилось обязательной военной службе даже для обороны самой страны. Хотя оппозиция была допущена в Военный Совет, однако Национальное Правительство так и не было создано.

Я послал м-ру Кёртину следующую каблограмму:

«Премьер-министр — премьер-министру Австралии.

25 дек. 41 г.

«1. Немедленно по вступлении Японии в войну, мы выделили 18-ю британскую дивизию, которая сейчас огибает Мыс Доброй Надежды на американских транспортах — с разрешения президента — направляясь в Бомбей и на Цейлон. Теперь Рузвельт разрешил, чтобы передовая британская бригада, находящаяся на американском транспорте «Маунт Вернон», была направлена прямо в Сингапур. Мы отменили отправку 17-й индусской дивизии из Индии в Персию, и эта

дивизия сейчас отправляется в Малайю. Неделью тому назад я передал по радио с корабля в Лондон предложение, чтобы вы отозвали одну австралийскую дивизию из Палестины и направили её в Индию на замену войск, посланных на фронт, или же прямо в Сингапур, если это можно устроить. Я подчеркнул военным властям, что силы, необходимые для обороны подступов к Сингапуру и Джохору, не должны расходоваться для обороны северной части Малайского полуострова. Они должны отступать медленно, задерживая неприятеля арьергардными боями и разрушая пути сообщения.

2. Тяжёлые потери в морских силах, понесенные Соединенными Штатами и нами, дают японцам возможность высаживать свои крупные подкрепления; однако мы не разделяем взгляда, выраженного в вашей телеграмме м-ру Кэйси от 24 декабря о вероятности быстрого сокращения территории крепости Сингапур: мы намерены защищать её с крайним упорством.

3. Вам было сообщено о поддержке авиацией, которая теперь уже в пути. Было бы неразумно ослаблять тиски, в которых мы держим Роммеля в Ливии, отбирая войска от генерала Окинлека, невзирая на его убеждение, что как раз сейчас победа почти в наших руках. Мы уже поручили главнокомандующим на Среднем Востоке составить согласованный план переброски воздушных истребителей и танков в Сингапур немедленно, как только положение в Ливии позволит это.

4. Я и Начальники Штабов находимся в тесном контакте с президентом и его советниками и мы достигли хороших результатов. Они не только убеждены в важности сохранения Сингапура, но они собираются наладить непрерывный поток войск и воздушных сил через Австралию для помощи Филиппинским островам, если это окажется возможным. Если бы Филиппины тем временем пали, то президент согласен, чтобы войска и самолёты были направлены в Сингапур. Он также готов послать значительные силы США в Австралию, где американцы хотели бы создать солидные базы для войны против Японии. Генерал Уэйвел назначен главнокомандующим в Бирме и одновременно в Индии; ему поручено распределять подкрепления, прибывающие в Индию, между Малайским и Бирманским фронтами. Он, как и все другие, признает первостепенное значение Син-

гапура. Генерал Поунэл теперь уже прибыл. Это в высшей степени способный и знающий офицер.

5. Вы можете быть уверены, что я сделаю всё возможное для укрепления всего фронта от Рангуна до Порты Дарвина. Я встречаю полное содействие со стороны наших американских союзников. Я буду вам снова телеграфировать более определённо через день или два».

**
*

Рождество было отпраздновано скромно. Традиционная ёлка была водружена в саду Белого Дома, и президент и я произнесли с балкона короткие речи перед громадными толпами, собравшимися в темноте. Я позволяю себе привести здесь слова, сказанные мною тогда, так как они, повидимому, возникли в моём уме совершенно естественно, как отвечающие и случаю, и окружению.

«Я провожу эти праздники вдали от моей родины, вдали от моей семьи, но я по совести не могу сказать, чтобы я чувствовал себя вдали от дома, на чужбине. Что бы ни было причиной этого — кровная связь по материнской линии, дружеские чувства, выросшие за много лет совместной деятельности, или доминирующее сознание общности судьбы двух великих народов, которые говорят одним языком, преклоняют колени перед одним алтарём, верны, большей частью, одним и тем же идеалам, — но я не могу чувствовать себя чужим здесь, в центре и в высшей точке Соединённых Штатов. Я ощущаю силу нашего единства и братских уз, и всё это, включая и сердечность вашего приёма, убеждает меня в том, что я вправе сесть к вашему очагу и разделить с вами радости Рождества.

Станный сегодня сочельник. Почти весь мир корчится в смертельной борьбе и народы встают один

против другого, вооружённые самым страшным оружием, какое могла дать им наука. Плохие были бы для нас эти святки, если бы не уверенность, что мы вышли на бой не из алчности, не ради захвата чужой земли, чужого богатства, не из пошлого честолюбия, не из низкой корысти, жажды поживы за чужой счёт. Сейчас, когда война бушует и свирепствует по всем землям и морям, когда она подкрадывается всё ближе к нашим домам и очагам, сейчас — среди всего этого рёва и воя — у нас сегодня ночь тишины, покоя и мира у каждого семейного очага и в каждом честном сердце. На сегодняшнюю ночь мы можем позабыть все опасности и заботы, которые грозят нам отовсюду, и подарить нашим детям один счастливый вечер среди мировой бури. Итак, пусть сегодня, на одну только ночь, каждый дом мира, говорящего английским языком, да будет сияющим островом покоя и счастья!

Пусть для детей этот вечер будет полон смеха и забавы. Пусть подарки рождественского деда оживят их игры. А мы, взрослые, тоже примем сегодня участие в их беззаботных забавах; а затем мы вернемся снова к нашим суровым обязанностям, ибо нам предстоят ещё грозные годы, когда мы своими жертвами и отвагой должны будем отстоять для этих самых детей их законное наследство и их право на жизнь в свободном и честном мире.

Итак, с Божьей помощью, желаю вам всем счастливого Рождества!»

В день Рождества мы с президентом вместе отпраздновали в церкви и я обрел мир в простой службе и в радостном пении хорошо знакомых гимнов и одного — «О, маленький город Вифлеем», которого я никогда раньше не слышал. Без сомнения, это было значительным подкреплением для тех, кто верит в Высшую моральную Силу, правящую миром.

С бьющимся сердцем я принял приглашение выступить с речью в Конгрессе США. Мне представлялся случай развить мою идею о всепобеждающем союзе народов, говорящих английским языком. Никогда раньше мне не приходилось выступать в иностранном парламенте. Однако, будучи по материнской линии прямым потомком в пятом поколении лейтенанта, служившего в армии Джорджа Вашингтона, я чувствовал себя вправе обратиться к представителям великой Республики с речью по вопросу, являвшемуся нашим общим делом. Конечно, это было несколько странно, что всё складывалось таким образом; и снова меня охватило ощущение — я прошу прощения за упоминание об этом — что я участвую, хотя и незаслуженно, в выполнении какого-то предопределённого плана.

Я провёл большую часть рождественского дня в подготовке моей речи. Президент пожелал мне удачи, когда 26 декабря я отправился с лидерами Сената и Палаты представителей из Белого Дома в Капитолий. Повидимому, по пути стояли большие массы народа вдоль широких аллей, но меры предосторожности, которые в США идут гораздо дальше, чем обычно в Британии, предписывали им держаться вдали, и два или три автомобиля, наполненные вооружёнными полицейскими в штатском платье, окружали нас на подобие эскорта. По приезде я хотел подойти к приветствовавшей нас толпе, но это не было дозволено. Внутри, в Капитолии, общая картина была величественна и импозантна, и огромная полукруглая зала, видная мне через сетку микрофона, была переполнена до отказа.

Должен признаться, что я чувствовал себя совершенно как дома и более уверенным в себе, чем иногда

в Палате общин в Лондоне. Моя речь была принята с большим вниманием и дружелюбием. Смех и аплодисменты раздавались именно там, где я их ожидал. Наиболее живой отзвук последовал, когда я, говоря о грубых правонарушениях японцев, произнёс: «За кого они нас считают?» Сознание мощи и воли американской нации передавалось мне со скамей высокого собрания. Кто мог после этого сомневаться в том, что всё пойдёт хорошо?

Я закончил следующими словами:

«Члены Сената и члены Палаты представителей!

Я перехожу теперь от хаоса и конвульсий сегодняшнего дня к широким перспективам будущего. Мы вместе с вами стоим лицом к лицу перед бандой страшных врагов, которые стремятся нас погубить; мы вместе защищаем всё то, что дорого свободному человеку. Дважды в одном поколении над нами разразилась катастрофа мировой войны; дважды в нашей жизни рука Судьбы протянулась через океан и поставила США на передовую линию борьбы. Если бы после прошлой войны мы держались вместе, если бы мы сообща приняли меры для охраны нашей безопасности в будущем, то это бедствие никогда не повторилось бы.

Разве теперь не является нашим долгом перед самими собой, перед нашими детьми, перед всем страдающим человечеством, — принять меры, чтобы эта катастрофа не обрушилась на нас ещё и третий раз? Уже доказано, что эти бедствия возникают в Старом Свете, который переносит их разрушительное действие в Новый Свет; и, поскольку они уже здесь, Новый Свет не может от них уберечься никакими средствами. Долг и благоразумие требуют прежде всего, чтобы очаги ненависти и мести были неотступно и бди-

тельно наблюдаемы, изучаемы и заблаговременно лечимы; и во-вторых, чтобы были созданы надлежащие организации для контроля над заразой при первых же её признаках, раньше, чем она успеет распространиться по всей земле.

5 или 6 лет тому назад США и Великобритания могли бы ещё легко, не пролив и капли крови, настоять на выполнении параграфов мирного договора, подписанного Германией после Первой мировой войны, о разоружении; это дало бы также возможность обеспечить за Германией то сырьё, в котором, как мы объявили в Атлантической Хартии, не может быть отказа ни одной стране, как победителю, так и побежденному. Этот шанс не был использован; теперь он пропал. Невероятные удары судьбы нужны были для того, чтобы вновь соединить наши страны; или, если вы позволите мне прибегнуть к другому языку, то я бы сказал: поистине нужно быть духовно слепым, чтобы не видеть, как какой-то великий замысел или задание проводится здесь (на земле), причём мы удостоены чести быть его верными слугами-исполнителями. Нам не дано проникнуть в тайны будущего. Однако я надеюсь и верю, твёрдо и нерушимо, что отныне народы Британии и Америки будут для собственной безопасности и для всеобщего блага идти рука об руку, в величии, справедливости и мире».

После этого лидеры вышли вместе со мной тесной группой к толпам народа, окружавшим здание, так что я мог их сердечно приветствовать; а затем тайная полиция со своими автомобилями замкнула круг и отвезла меня обратно в Белый Дом, где президент, который слушал всё по радио, сказал мне, что я говорил очень хорошо.

В Вашингтоне кипела оживлённая деятельность. В течение этих дней непрерывного контакта и собеседований у меня сложилось впечатление, что президент со своим штабом и советниками готовят мне какое-то важное предложение. В военной сфере так же, как и в коммерческой и производственной, американский ум естественно стремится к широким и радикальным логическим заключениям в крупных масштабах. Именно таким методом они строят и осуществляют свои практические планы. Они считают, что если основа задумана и правильно и разумно, то и все последующее будет естественно и почти неизбежно тоже правильным. Британский ум работает несколько иначе. Мы считаем, что логика и ясность являются не единственными принципами и обязательными решениями в быстро меняющихся и неопределённых ситуациях. В особенности в войне мы придаем большое значение оппортунизму (приспособленчеству) и импровизации, скорее стараясь жить и побеждать, применяясь к ходу событий, чем пытаться починить этот ход своим принципиальным установкам. Здесь достаточно простора для доводов как «за», так и «против». Разница как будто лишь в ударении, однако она глубоко заложена.

Гарри Гопкинс сказал мне: «Не спешите отказываться от предложения, которое президент собирается сделать вам, пока вы не узнаете, кто тот человек, которого мы имеем в виду». Из этого я понял, что вопрос идёт о назначении Верховного Главнокомандующего союзными войсками в юговосточной Азии и о намечении разграничительных линий.

На следующий день мне сообщили, что американцы выдвигают кандидатуру Уэйвела. Меня поздравляли с избранием британского командующего, но мне казалось, что театр, на котором он призван действовать, будет вскоре захвачен неприятелем, и что войска,

отданные под его командование, будут уничтожены японцами. Позднее я узнал, что когда британским Начальникам Штабов стало известно об этом плане, то они реагировали на него точно также.

В протоколе записано, что на совещании 26 декабря я сказал, что я вовсе не убеждён в желательности или выполнимости этой меры. «Ситуация там такова, что известные стратегические пункты должны быть непременно удержаны, и командующему в каждом районе будет совершенно ясно, — что ему делать. Очень сложным вопросом было распределение подкреплений, прибывавших на театр войны. Но этот вопрос мог быть разрешён лишь соответствующим правительством». Тем не менее было очевидно, что мы должны были принять предложение американцев.

**
*

М-р Эттли прислал мне поздравления от себя и от Кабинета по случаю моей речи в Конгрессе; в своём ответе я осветил ему вопрос о командовании на юго-западе Тихого океана:

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

28 дек. 41 г.

1. Очень рад, что вы довольны. Прием был необычный. Работаю здесь крайне напряжённо. Сегодня в течение пяти часов президент и я принимали представителей всех остальных союзных или дружественных держав и британских Доминионов и делали им ободряющие заверения. Мои беседы с президентом становятся всё более откровенными и дружественными. Бивербрук тоже с большим успехом вёл с ним переговоры о снабжении.

2. Вопрос о едином командовании на юго-западе Тихого океана перешёл в стадию срочного решения. Вчера вечером президент в разговоре со мной настаивал на назначе-

нии единого Главнокомандующего всеми сухопутными, морскими и воздушными силами Британии, Америки и Голландии, а сегодня утром генерал Маршалл приехал ко мне по моей просьбе и очень горячо защищал эту идею. Верхи американского флота держатся обратного взгляда, но несомненно, что какая-то новая крупная реформа будет проведена. Президент намечает генерала Уэйвела. Генерал Маршалл очевидно посвящён во все детали и уже набросал черновик инструкций. До сих пор я относился к этому плану критически и, хотя я был глубоко тронут великодушием этого предложения, однако выразил неуверенность в реакции американского общественного мнения. Наши Начальники Штабов штудируют эту проблему уже целый день, и сегодня вечером, как только получу их заключение, я пошлю вам мой окончательный совет.

3. Я уезжаю завтра днём в Оттаву, пробуду там полных два дня; во вторник выступаю с речью в парламенте Канады; потом обратно сюда на 3-4 дня, так как здесь ещё о многом предстоит договориться. Мы прилагаем все усилия, чтобы обеспечить себе тоннаж, необходимый для перебросок войск. Мой сердечный привет всем коллегам. Легко работать, когда имеешь такую надёжную опору».

До получения обдуманного совета из Англии мне необходимо было выяснить неперенные желания президента и генерала Маршалла. События шли слишком быстро для медлительных переговоров через океан. Весь день 28 декабря я провёл в совещаниях с президентом и в составлении с моим штабом ряда телеграмм, приводимых ниже, которые излагают дело в тщательно взвешенных словах.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 29 дек. 41 г.

Я договорился с президентом, что при условии одобрения Кабинетом, мы принимаем следующие его предложения, всецело поддерживаемые генералом Маршаллом:

а) В югозападной части Тихого океана устанавливается единое командование. Границы его ещё окончательно не установлены, но предположительно они включают в себя

Малайский полуостров, включая и Бирманский фронт, вплоть до Филиппинских островов, а к югу идут к необходимым базам снабжения, главным образом имея в виду Порт Дарвин и линию снабжения в Северной Австралии.

б) Генерал Уэйвел назначается Главнокомандующим, или Верховным Командующим всеми силами США, Британии, Британской Империи и Нидерландов — сухопутными, морскими и воздушными — которые будут назначены их Правительствами на этот театр.

в) Генерал Уэйвел — Главный Штаб которого будет первое время находиться в Сурабае — будет иметь своим заместителем американского офицера. На эту должность назначен генерал Бретт.

г) Американские, Британские, Австралийские и Нидерландские морские силы на этом театре войны будут поставлены под командование американского адмирала при соблюдении основного принципа, сформулированного в параграфах а и б.

д) Будущий Штаб генерала Уэйвела в южной части Тихого океана мыслится наподобие Верховного Контрольного Штаба маршала Фоша, объединявшего Штабы Британской и Французской армий во Франции (в Первую мировую войну). Он будет получать приказы от надлежащего «Общего Центра», который будет ответствен передо мной, как министром обороны, и перед президентом США, как Верховным Главнокомандующим всех вооружённых сил США.

е) Главнокомандующими, подчинёнными генералу Уйвелу, будут: главнокомандующий в Бирме, главнокомандующий в Сингапуре и в Малайе, главнокомандующий в Нидерландской Ост-Индии, главнокомандующий Филиппин, и главнокомандующий сообщениями в южной части Тихого океана и в Северной Австралии.

ж) Индия и Австралия, которые будут иметь собственных главнокомандующих, не будут входить в сферу генерала Уэйвела, за исключением вышеупомянутых пунктов; они явятся двумя крупными базами, через которые войска и снабжение будут пересылаться в зону боевых действий как из Британии и Среднего Востока, так и из США.

з) Флот США остаётся ответственным за весь Тихий океан к востоку от Филиппинских островов и Австралазии, включая пути из США в Австралазию.

и) Готовится инструкция для Верховного Главнокомандующего, охраняющая остающиеся необходимые интересы разных правительств и определяющая в общих чертах задачи Главковерха. Этот проект будет вам доставлен на днях».

Я не касался доводов «за» или «против» принятия нами этого великодушного и бескорыстного предложения американцев, которым — как я убеждён — победа обеспечена ввиду их выдающихся качеств. Надо действовать спешно, быть может не ожидая моего возвращения из Канады 1-го января. Австралия, Новая Зеландия и Нидерланды должны быть, конечно, запрошены, но не раньше, чем я буду знать мнение Военного Кабинета. Тем временем здешний Штаб будет разрабатывать детали, предполагая, что общее согласие будет получено.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати

29 дек. 41 г.

Дело подвигается очень быстро. Президент получил согласие Военного и Морского департаментов США на все меры, перечисленные в моей последней телеграмме, и наш Комитет начальников штабов тоже одобрил их. Поэтому я с нетерпением ожидаю вашего одобрения. Президент обратится к Нидерландам тотчас же, как только я сообщу ему о вашем согласии. Наше мин-во иностр. дел тоже должно будет примкнуть.

Следующую за этой телеграмму вам надлежит переслать генералу Уэйвелу. Штабы здесь разрабатывают детали сами и с американцами. Положение миссии Даф Купера требует пересмотра, и во всяком случае не должно осложнять более важные решения. Сообщите ваши соображения.

Я полагаюсь на вас, что вы будете держать Короля в курсе дела со всех точек зрения и получите его утверждение».

Предложение, которое мне предстояло сделать генералу Уэйвелу, было в сущности таково, что только глубочайшее сознание долга могло заставить генерала принять его. Ему почти неизбежно предстояло взять на себя тяжкое бремя ответственности за поражение в этой запутанной обстановке.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 29 дек. 41 г.

Прошу переслать нижеследующее генералу Уэйвелу, как только Кабинет одобрит весь проект в целом:

1. Президент и его военные и флотские советники убедили меня в настоятельной необходимости единого командования в югозападной части Тихого океана. Их единодушное желание, в особенности подчёркнутое президентом и генералом Маршаллом, это чтобы вы взяли на себя верховное командование союзными силами — на суше, в воздухе и на море — на этом театре войны. Соответствующие инструкции уже составляются, условия будут вскоре известны. Я надеюсь, что эти условия вам подойдут; все ваши соображения по поводу разных непредвиденных пунктов будут конечно приняты мною во внимание.

2. Я совершенно уверен, что вы оцените доверие, оказываемое вам, и я прошу вас принять вашу должность немедленно. Дело это настолько срочное, что детали, которыми сейчас занят Комитет начальников штабов, не должны задерживать публичного оглашения, которое должно быть сделано, самое позднее, в четверг 1-го января.

3. Вы единственный из всех имеете опыт в единовременных операциях на разных театрах войны; вы знаете, что мы вас поддержим, и игра будет честная. Положение сейчас, как всем известно, мрачное и трудное. Президент объявит, что ваше назначение было сделано по его желанию.

4. Сообщите мне пожалуйста ваши пожелания по поводу Штаба, который будет скорее фронтовым, чем обычным тыловым штабом. Если вы хотите взять себе начальником Штаба Поунэла, то Персивал может быть освобождён от командования в Сингапуре и в Малайе».

27 декабря я послал следующую телеграмму м-ру Эттли:

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати 27 дек. 41 г.

Очень вам благодарен за согласие на продление моего отсутствия.

Во вторник 30 декабря я выступаю с речью в канадской Палате общин. Совершенно невозможно «снести еще одно яйцо» (то есть выступить с речью в Палате общин в Лондоне) в такой короткий срок, как к Новому Году».

28 декабря я выехал из Вашингтона вечерним поездом в Оттаву, где я был гостем генерал-губернатора, лорда Этлона. 29-го я присутствовал на заседании канадского Военного Кабинета. Затем премьер-министр, Макензи Кинг, представил меня лидерам консервативной оппозиции и оставил меня с ними. Эти джентльмены были несравненны в своей лояльности и твердости, но они были явно удручены тем обстоятельством, что не им выпала честь вести эту войну и что их чувства, которым они были верны в течение всей своей жизни, сейчас официально выражались не ими, а их противниками — либералами.

30 декабря я выступил в канадском Парламенте. Подготовка двух моих заокеанских речей, переданных по радио всему свету, вдобавок к моей обычной непрерывной административной работе, была для меня необычайно тяжелым бременем. Само по себе, произнесение речи — не слишком трудное дело для испытанного политика; но выбор — что сказать и чего не говорить в это напряженное время — вот что тревожно и утомительно. Я сделал, что мог. Наиболее успешным местом моей канадской речи были слова о правительстве Виши, с которым Канада всё ещё сохраняла отношения.

«В 1940 г. долг Правительства был переехать в Северную Африку, и это было также в его интересах. Там оно должно было возглавлять Французскую Империю; в Африке с нашей помощью оно имело бы неоспоримое господство на морях. Оно было бы признано Соединенными Штатами и располагало бы всем золотом, которое Франция разместила в заморских странах. В этом случае Италия могла бы быть выведена из войны уже в конце 1940 г., и Франция заняла бы своё место, как полноправная нация, в совещаниях союзников, а на мирной конференции — за столом победителей. Но ее генералы повели Францию по ложному пути. Когда я предупреждал их, что Британия будет бороться дальше, даже одна, как бы они сейчас ни поступили, — то их генералы сказали своему премьеру и расколовшемуся Кабинету: «через три недели Англии скрутят горло, как цыплёнку...»

Вот вам и цыплёнок! Скрутили горло?

Что подействовало прекрасно. Чтобы оживить воспоминания, я напомнил песенку Гарри Лаудера годов прошлой войны, начинавшуюся словами:

«Только оглянувшись назад, в историю прошлого
Мы можем сказать, где мы сейчас...»

В наброске моей речи я употребил выражение: «этот великий автор комедии». Но в дороге мне пришло в голову слово «менестрель». Насколько это лучше! Я рад был узнать, что автор слушал мою речь и был восхищён этим сравнением. Я очень доволен, что нашел достойное имя для того, кто своими вдохновляющими песнями и доблестной жизнью оказал безмерные услуги Шотландии и всей Британской Империи.

В конце своей речи я отважился предсказать будущий ход войны:

«Мы можем различить три главных периода, или фазы, в той борьбе, которая нам предстоит. Первый — это период консолидации, комбинаций и окончательной подготовки. В этот период, который будет, конечно, отмечен крайне упорными боями, мы ещё будем накапливать силы, отбивать атаки неприятеля и постепенно увеличивать своё превосходство сил в воздухе и свой корабельный тоннаж, необходимый для переброски наших армий в любом числе через моря и океаны, которые отделяют нас от наших врагов (за исключением фронта в России). Лишь тогда, когда обширная судостроительная программа — в которой США уже так преуспели, и которой вы щедро помогли, — развернётся на полный ход, лишь тогда мы сможем бросить всю нашу живую силу и всё наше новейшее научно-техническое вооружение на наших врагов. Как долго будет длиться этот период — будет зависеть от энергии, вложенной нами в творческий процесс всей нашей военной индустрии и кораблестроения.

Вторая фаза, которая тогда начнётся, может быть названа фазой освобождения. В течение этой фазы нам предстоит восстановить территории, нами утраченные, или могущие быть утраченными. Мы должны также помогать восстанию покорённых народов в тот момент, когда армии, несущие им избавление и освобождение, прежде всего их воздушные силы, появятся в достаточном количестве в пределах этих стран. Для этой задачи существенно необходимо, чтобы ни одна из оккупированных стран или территорий, ни одно из свергнутых правительств или покорённых государств не падало духом и не прекращало усилий и подготовки ко дню освобождения. Захватчики — будь то немцы или японцы — должны повсюду быть приравнены к заражённым субъектам, их надо избегать и изолировать как только возможно. Где активное сопротив-

ление невозможно, там должно быть применено пассивное сопротивление. Захватчики и тираны должны почувствовать, что за их мимолётные триумфы их ждет жестокая расплата, что они конченные люди, что их дело обречено на провал. Особая расправа будет уготована для Квислингов и изменников, которые представляют себя как орудие к услугам врагов. Они будут преданы на суд своих сограждан.

Есть и третья фаза, которая тоже подлежит рассмотрению, — это штурм цитаделей противника и наступление на территории самих держав-преступников, как в Европе, так и в Азии.

Я пытался здесь в немногих словах направить луч света в непроглядные тайны будущего. Но при этом предначертании пути, каким мы должны идти, нельзя забывать, что сила противника и действия его на каждом этапе могут влиять на нашу судьбу. Кроме того, как вы замечаете, я не пытался указывать сроки для отдельных фаз. Эти сроки зависят от наших усилий, от наших достижений, от неверного, рискованного и случайного хода войны».

Мои речи в Вашингтоне и Оттаве были произнесены в очень удачный момент — в тот момент, когда мы все ликовали по случаю создания Великого Союза, с его непреодолимой потенциальной силой, и прежде чем лавина бедствий обрушилась на нас в результате жестокого, тщательно подготовленного удара Японии. Даже в тот момент, когда я говорил в таком уверенном тоне, я втайне уже предчувствовал удары бича, которые в скором времени врежутся в наше незащищённое тело. Страшную цену пришлось платить не только Британии и Голландии, но и Соединённым Штатам, как в Тихом и Индийском океане, так и во всех азиатских странах и на островах. Нам, несомненно, предстояло пережить какой-то период военных ка-

тастроф. Много мрачных, изнурительных месяцев, полных ударов, поражений и потерь, нам суждено было выдержать, прежде чем свет снова засиял для нас. Когда я, накануне Нового Года, возвращался в Вашингтон, то меня пригласили пройти в вагон, где сидели, собравшись вместе, наиболее видные журналисты США. Без всяких иллюзий я пожелал им счастливого Нового Года. «Перед нами 1942 год; год тяжёлых усилий, борьбы, смертельных опасностей и долгий путь вперёд, к победе. Желаю всем нам пройти этот путь, сохранив жизнь и честь!»

АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

По моём возвращении в Белый Дом всё было уже готово для подписания пакта Объединённых Наций. Вашингтон, Лондон и Москва обменялись целым рядом телеграмм и теперь всё было улажено. Президенту пришлось употребить много настойчивости и усилий, чтобы убедить советского посла Литвинова, вновь вошедшего в милость благодаря обороту событий, согласиться на фразу о «религиозной свободе». Для этой цели он был специально приглашён президентом к завтраку. Горький опыт в собственной стране приучил его к осторожности. Позднее президент вёл с ним наедине долгие беседы о его душе и об опасности адского огня. М-р Рузвельт неоднократно по разным случаям передавал нам свои разговоры с Литвиновым и это было бесподобно. Я однажды пообещал президенту рекомендовать его на пост Архиепископа Кентерберийского, если он провалится на следующих президентских выборах. Я, однако, не заявил официально его кандидатуры ни Кабинету, ни Королю, и так как он был переизбран в 1944 году, то вопрос этот отпал. Литвинов с явным страхом и дрожью препроводил Сталину пункт о религиозной свободе, но тот принял его, как нечто совершенно естественное. Военный Кабинет тоже внёс свой пункт о «социальном обеспечении», который я, как автор первого «Акта о страховании на случай безработицы», от всей души приветст-

вовал. После потока телеграмм со всех концов света в течение целой недели, соглашение о Великом Союзе было, наконец, заключено.

Название «Объединённые Нации» было предложено президентом взамен «Объединённых Держав». Мне казалось это значительным улучшением. Я показал моему другу строки из «Чайльд Гарольда» Байрона:

Здесь, где Объединённые Нации подняли меч...

**
*

Утром 1-го января президент въехал в мою комнату в своём кресле-коляске с наброском Декларации. Я вышел из ванны, просмотрел и одобрил проект. Декларация сама по себе не выигрывает битв, но она заявляет о том, кто мы, и за что сражаемся. В тот день Рузвельт, я, Литвинов и Сунг, представлявший Китай, подписали этот торжественный документ в кабинете президента. Затем он был передан в Государственный департамент США с тем, чтобы собрать подписи остальных 22-х наций. Здесь я привожу его окончательный текст:

«Совместная декларация Соединённых Штатов Америки, Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Союза Советских Социалистических Республик, Китая, Австралии, Бельгии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Чехословакии, Доминиканской Республики, Эль Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Индии, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южной Африки и Югославии.

Нижеподписавшиеся правительства, присоединяясь к общей программе задач и принципов, изложен-

ной в Совместной Декларации президента США и премьер-министра Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, датированной 14 августа 1941 г. и известной под именем Атлантической Хартии, и будучи убеждены, что полная победа над врагами является необходимой для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы, а также для охраны человеческих прав и справедливости в их собственных странах, равно как и в прочих странах, и что они теперь являются участниками в общей борьбе против свирепых и жестоких сил, пытающихся подчинить себе весь мир, **О Б Ъ Я В Л Я Ю Т :**

1. Каждое Правительство обязуется использовать все свои средства, военные и экономические, против тех членов Тройственного Пакта и его приверженцев, с которыми это правительство находится в войне.

2. Каждое Правительство обязуется сотрудничать с правительствами, подписавшими эту декларацию, и не заключать сепаратного мира или перемирия с неприятелями.

К этой декларации могут присоединяться и другие страны, которые оказывают или смогут оказывать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом».

**
**

Среди других видов помощи, о которых я просил президента, посылка трёх-четырёх американских дивизий в Северную Ирландию была особенно ценной. Я чувствовал, что прибытие 60-70 тысяч американских солдат в Ульстер было бы гарантией, что США решили принять непосредственное участие в европейских делах. Эти вновь набранные войска с таким же успехом

могли бы заканчивать своё обучение в Ульстере, как и дома, но в то же время они являлись бы там и стратегическим фактором. Немцы, несомненно, считали бы их присутствие за серьёзный довод против вторжения на британские острова. Я надеялся, что они будут увеличивать количество высадившихся американских войск и этим будут ещё более связаны в своих действиях. Помимо того, каждая американская дивизия, прибывшая к нам, давала нам возможность послать одну из наших обученных дивизий на Ближний Восток или — что всегда было у меня на уме — в Северную Африку. Хотя в то время немногие, если вообще кто-либо, думали об этом, но это, несомненно, был первый шаг в высадке союзного десанта в Марокко, Алжире и Тунисе, что было моей мечтой. Президент это вполне сознавал, и несмотря на то, что мы не облекли эту идею в конкретные формы, я чувствовал, что наши мысли шли в одном направлении, хотя ни один из нас ещё не считал нужным обсуждать те или иные детали.

М-р Стимсон, военный министр США, и его сотрудники также считали, что отправка войск в Ирландию вполне гармонирует с их склонностью к активному вмешательству в Европе при первом удобном случае. Таким образом всё шло гладко. Мы позаботились, чтобы неприятель узнал об этом стратегическом манёвре, и огласили его, конечно, не приводя цифр. Мы надеялись также, что это заставит Германию держать свои войска на Западе, что облегчило бы положение русских. Британская публика и печать не могли быть посвящены в наши замыслы и это дало повод к возникновению нездоровой критики. «Почему, — спрашивали например, — американские войска посланы в Ульстер? Не лучше ли было отправить их в Сингапур?» Когда позже мне стало известно об этом, я вспомнил строки Александра Попа:

О боги! уничтожьте пространство и время
И сделайте двух влюблённых счастливыми.

Было очевидно физически невозможно послать армию в такой далёкий путь так, чтобы она прибыла туда ещё во-время.

**
*

Я сообщил о всех этих решениях Военному Кабинету:

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 3 янв. 41 г.

1. Вы получите две мои телеграммы о том, что мы сделали вчера. Президент выбрал название «Объединенные Нации» для всех держав, которые сейчас держатся вместе. Это гораздо лучше, чем «Союз», который создает ему затруднения с параграфами Конституции, или «Соединенные Державы», что звучит невыразительно.

2. Мы не могли употребить слова «или власти» в последнем параграфе Декларации, так как Литвинов ничто иное, как автомат, явно потерявший голову от страха, после всего, им пережитого. Делу можно помочь путём особых писем, разъясняющих, что под словом «Нации» разумеются также и «власти», как например Свободная Франция, или повстанческие организации, которые могут возникнуть в Испании, в Северной Африке или в самой Германии. Решение было настоятельно необходимо, так как уже почти 30 держав было информировано и сведения наверно уже просочились. К тому же президент очень настаивал на 1-ом января.

3. Письмо с инструкциями Уэйвелу тоже было спешным делом. Здесь опять необходимо было считаться со взглядами американцев, помня, что мы уже не холостяки, а женатые. Я лично стою за то, чтобы Бирма была включена в административную сферу Уэйвела, но, конечно, местный главнокомандующий Бирмы будет опираться на Индию, и у него будет достаточно собственного дела. Ему придётся

завязать дружественные связи с Чан Кай-ши, на которого повидимому Уэйвел и Бретт произвели не слишком хорошее впечатление.

4. Крупная переброска американских войск и воздушных сил в Северную Ирландию должна начаться немедленно, и мы теперь стараемся скомбинировать эти перевозки с подготовкой операции «Супер Гимнаста», для которой нам необходим тоннаж.

5. Мы живём здесь, как в семье, интимно и без всякого этикета, и я начинаю чувствовать всё больше и больше симпатии и уважения к президенту. Широта его взглядов, его выдержка, твёрдость и лояльность в общем деле — выше всякой похвалы. Ни малейшего следа волнения или тревоги по поводу обрушившихся на нас несчастий; они принимают, как нечто совершенно естественное, что будет ликвидировано действием непреодолимых сил разного рода. В публике будет, конечно, много шума и толков.

6. Пожалуйста передайте Военному Кабинету мою благодарность за его милое новогоднее послание. Я очень рад, что вам понравилось то, что я сказал в Канаде. Я был тронут оказанным мне там приёмом».

**
*

Будущие историки смогут с полным правом подумать, что самым ценным и прочным результатом нашей первой вашингтонской конференции — «Аркадии», как она была названа, — было учреждение ставшего теперь знаменитым «Объединённого Комитета Начальников Штабов». Его местопребыванием был определён Вашингтон, но так как британские Начальники Штабов должны были жить вблизи своего Правительства, то они были представлены в Вашингтоне британскими офицерами высокого ранга, которые находились там постоянно. Эти представители были в ежедневной, вернее ежечасной, связи с Лондоном и могли таким образом передать взгляды британских Нашта-

бов их американским коллегам по любому вопросу в любое время дня и ночи. На частых конференциях, которые устраивались в разных частях света — в Казабланке, Вашингтоне, Квебеке, Тегеране, Каире, на Мальте и в Крыму — съезжались уже сами Наштабы, иногда на целых две недели. Из двухсот формальных заседаний Объединенного Комитета Наштабов, состоявшихся за время войны, 89 приходилось на эти конференции; и на них были приняты почти все наиболее важные решения.

Обычно процедура была такова, что каждый Комитет Наштабов собирался отдельно, рано утром. Днём оба Комитета заседали вместе, и часто это заседание продолжалось и вечером. Там обсуждалось общее ведение войны, и согласованные заключения представлялись президенту и мне. Одновременно, конечно, и мы оба принимали непосредственное участие в дискуссиях в виде разговоров или телеграмм и мы были в постоянном контакте с нашими собственными штабами. Затем предложения профессиональных советников обсуждались на пленарных заседаниях, и соответственные приказы отдавались командующим действующих армий. Как бы ни были велики расхождения во взглядах на заседаниях Объединённого Комитета, как бы свободно и даже пылко ни шёл спор, однако искренняя преданность общему делу преобладала над национальными и личными интересами. Решения, принятые Комитетом и одобренные Главами Правительств, проводились в жизнь с величайшей лояльностью, в особенности теми, кто был вначале против этого решения. Не было ни одного случая, чтобы не удалось достигнуть полного соглашения в действиях, или в инструкциях, рассылавшихся по фронтам и театрам войны. Каждый офицер знал, что полученный им приказ выражает собою продуманную и авторитетную волю обоих правительств. Никогда ещё союзные державы не

обладали таким налаженным и совершенным военным аппаратом, и я рад, что если не формально, то фактически, он действует и посейчас.

Русские не были представлены в Объединённом Комитете Наштабов. У них был далёкий, обособленный, независимый фронт, и у нас не было ни нужды, ни возможности координировать нашу штабную работу. Нам достаточно было знать общее направление их операций и распределение их во времени, и то же самое достаточно было для них знать о нас. В этих делах мы были с ними в контакте постольку, поскольку они это позволяли. В надлежащем месте я опишу свою поездку в Москву. В Тегеране, в Ялте и в Потсдаме Начальники Штабов всех трёх наций встречались за круглым столом.

Общий язык был, конечно, огромным плюсом во всех британо-американских обсуждениях. Задержки, а часто и недоразумения, неизбежные при разговорах через переводчиков, тут отпадали. Были однако различия в пользовании терминами, которые в первые дни привели к забавному инциденту. Британский Штаб подготовил доклад, который он считал спешным, и сообщил своим американским коллегам, что он хочет “table it”, что англичане употребляют в смысле «поставить в первую очередь». Но в Америке это выражение понимается, как «отложить в долгий ящик». Возник долгий и даже едкий спор, пока, наконец, собеседники не обнаружили, что все они по сути одного и того же мнения.

**
*

Я уже писал о том, что фельдмаршал Дилл, хотя он уже не был начальником Имперского Генерального Штаба, плыл со мною на «Герцоге Йоркском». Он при-

нимал живое участие во всех обсуждениях, не только в пути, но ещё больше при наших встречах с американцами. Я сразу же заметил, что его престиж и влияние в их среде были на огромной высоте. Ни один британский офицер из тех, что мы посылали в Америку в течение войны, не приобрел у американцев такого уважения и доверия. Его личность, выдержка и такт почти сразу же завоевали ему доверие президента. В то же время он установил прекрасные деловые отношения с генералом Маршаллом, которые перешли в личную дружбу.

**
*

В сфере производства были проведены колоссальные расширения. Бивербрук сыграл большую роль в этом. Официальная история промышленной мобилизации США для целей войны даёт этому много примеров. Доналд Нельсон, административный директор Американской Военной Промышленности, уже имел готовые обширные планы. «Но, — говорит американский отчет, — 29 декабря лорд Бивербрук внушил Нельсону необходимость небывалой смелости и размаха... Что произошло, лучше всего изложено словами самого Нельсона:

«Лорд Бивербрук настойчиво подчеркнул тот факт, что мы должны запроектировать наши цифры производства гораздо выше, чем на 1942 год, чтобы одолеть хорошо подготовленного и решительного противника. Он указал, что мы до сих пор ещё не имели опыта с грандиозными материальными потерями, неизбежными в такой войне, какую мы сейчас ведём... Он подчёркивал и настаивал снова и снова, что мы должны взять прицел гораздо выше при планировании нашей продукции и необходимых материалов. Напри-

мер, он считает, что мы должны в 1942 г. выпустить 45.000 танков, тогда как Кнудсен стоит за цифру 30.000».

Американский отчёт продолжает:

«Беспокойство, которое Бивербрук вызвал в уме Нельсона, было им внушено также и президенту. В своей записке президенту лорд Бивербрук сопоставил цифры ожидаемой в 1942 г. продукции США, Великобритании и Канады, с цифрами британских, русских и американских потребностей. Сравнение это показало громадный дефицит — недостаточность запланированной на 1942 год продукции. В танках этот дефицит был 10.500; в самолётах — 26.700; в артиллерийских орудиях — 22.600 и в винтовках — 1.600.000. «Производственные задания должны быть повышены!» — писал Бивербрук, и он верил в «безмерные возможности американской индустрии». Производственное задание на 1942 г. должно содержать в себе: 45.000 танков, 17.700 противотанковых ружей, 24.000 самолетов-истребителей и двойное число зенитных орудий против намеченного, включая все предположенные увеличения.

Результатом явилось расширение программы производства, превысившее даже цифры, намеченные Нельсоном. Президент был убеждён, что понятие о нашей производительной силе должно быть радикально пересмотрено... Он предписал к выполнению на 1942 год программу, содержащую 45.000 боевых самолётов, 45.000 танков, 20.000 зенитных орудий, 14.900 противотанковых ружей и 500.000 пулемётов».

Я сообщил все эти добрые вести домой.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 4 янв. 42 г.

Состоялся ряд совещаний по вопросам снабжения. Председательствовали сам президент и вице-президент. Перего-

воры продвинулись вперёд, обсуждение деталей шло каждый день. В пятницу было собрание под председательством президента и моим. В субботу было два заседания. Окончательные результаты таковы:

Решено довести тоннаж торговых судов США в 1942 г. до 8.000.000, и в 1943 г. до 10.000.000 тонн мёртвого веса. По новой программе, в 1942 г. производство будет повышено на одну треть.

Программы производства оружия на 1942 и 1943 гг. были окончательно утверждены в такой форме:

Оружие	1942	1943
Оперативные самолеты	45.000	100.000
Танки	45.000	75.000
Зенитные орудия	20.000	35.000
Противотанковые орудия	14.900	не установлено
Пулеметы полевые и танковые	500.000	не установлено

Новая программа на 1942 год превышает старую программу на тот же год, принятую после вступления США в войну, на:

Оперативные самолеты	31.250
Танки	29.550
Зенитные орудия	8.900
Противотанковые орудия	11.700
Пулеметы полевые и танковые	238.000

Директивы были разосланы всем соответствующим отделам. Послание президента Конгрессу на этой неделе будет содержать краткий отчёт о программе. В бюджет будут внесены необходимые цифровые поправки.

Макс (лорд Бивербрук) был великолепен, а Гопкинс — прямо находка. Я надеюсь, что вы будете довольны громадным расширением программы».

Эти внушительные цифры были достигнуты или даже превзойдены в конце 1943 года. В кораблестроении, например, было вновь построено судов с общим водоизмещением:

В 1942 году	5.339.000 тонн
В 1943 году	12.384.000 тонн».

Постоянное сосредоточение мысли на войне, как целом, постоянные дискуссии с президентом, с его главными советниками и с моими советниками, мои две речи и моя поездка в Канаду, далее непрерывный поток спешных дел, требующих решения, наконец, обмен телеграммами с моими коллегами в Лондоне — всё это вместе взятое сделало для меня этот период в Вашингтоне не только напряжённым и трудным, но даже изнурительным. Мои американские друзья находили, что у меня утомлённый вид, и что мне нужен отдых. В результате м-р Штеттиниус очень любезно предложил мне свою маленькую уединённую виллу у моря, на пляже Пальм-Бич (Флорида); и 4 января я туда полетел. Накануне ночью в моей комнате в Белом Доме аппарат, охлаждающий воздух, вдруг забастовал и жара стала невыносимой. Я попытался открыть окно и слегка натрудил себе сердце — появились неприятные ощущения, которые длились несколько дней. Мой врач, сэр Чарлз Вильсон, решил однако, что путешествие на юг не следует откладывать. Генерал Маршалл тоже полетел с нами и у нас с ним были очень интересные разговоры. Мы провели на вилле Штеттиниуса пять дней, лёжа на солнце или в тени, и купаясь в ласкающих волнах, несмотря на появление в море крупной акулы. Нам сказали впрочем, что это была лишь «береговая акула», но я этим не был вполне успокоен: по-моему, также неприятно быть съеденным настоящей акулой, как и всякой другой, и я предпочитал оставаться в мелкой воде.

Мои поездки держались в строгом секрете: из Белого Дома дали знать прессе, что все передвижения президента или мои должны рассматриваться точно так же, как передвижения американского флота. Таким образом в печати не появилось ни слова. С другой сто-

роны, многие люди приветствовали меня во Флориде и многие журналисты и фотографы, с которыми я дружески беседовал, ожидали нашего появления у входа виллы. Но ни одно слово не проникло в печать.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 5 янв. 42 г.

1. Я еду на юг на несколько дней, в надежде провести их в полном уединении, а президент едет в Гайд-Парк. Штаты тем временем будут работать на полный ход и по возвращении мы воспользуемся результатами их работы. Нам предстоит преодолеть много трудностей при составлении планов наступления, но мы должны довести дело до конца. Крупная переброска американских войск в Ирландию будет содействовать этой цели. Вам надо позаботиться, чтобы с нашей стороны всё было подготовлено. Присмотрите пожалуйста, чтобы дело было налажено как нельзя лучше; надо узнать все относительно их специального питания и т. под.

2. Вы представляете себе, я полагаю, что мы пытаемся не только удовлетворить наши нужды, но и найти способ полного использования американских армий против неприятеля на фронте, где только возможно. Карательный тоннаж — вот что нас ограничивает.

3. Я буду рад, когда смогу протолкнуть вперед всё необходимое, как только я буду снова иметь постоянную телеграфную связь. Здесь стараются держать моё местонахождением в секрете. Хорошо бы предотвратить в нашей прессе всякие толки и обсуждения по поводу моих поездок и возвращения».

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати. 7 янв. 42 г.

Я остаюсь на юге, по совету Чарлза Вильсона, ещё на несколько дней после напряжённой работы. Президент запретил всякие упоминания в прессе США. Пожалуйста примите меры, чтобы и в английской прессе не было никаких сведений, иначе американская пресса будет взволнована, и она и туристы не дадут мне покоя».

Пока я нежился под жарким солнцем на Пальм-Биче и диктовал все эти телеграммы и меморандумы, я получил известия о взрывах в гавани Александрии наших кораблей «Квинс Елизабет» и «Вельянта», произведенных итальянскими «человеко-торпедами». Это было уже описано в предыдущих главах. Это несчастье, свалившееся на нас сейчас, после ряда других потерь на море, было крайне несвоевременным и тяжёлым ударом. Я сразу оценил его серьёзность. Наш Средиземноморский боевой флот в данный момент фактически не существовал, и у нас не было морских сил для защиты Египта от непосредственного нападения с моря. Повидимому, было необходимо спешно собрать на южном побережье Англии торпедные самолёты и послать их туда. Это имело, как теперь мы увидим, неприятные последствия.

**
*

«Премьер-министр — генералу Исмэю для Комитета начальников штабов и министру Авиации. 7 янв. 42 г.

Ввиду серьезного положения на Средиземном море представляется необходимым срочно послать сильные воздушные подкрепления, особенно торпедные самолёты, из состава береговых или бомбардировочных отрядов. Придётся считаться с относительным ослаблением воздушных атак на Германию и т. д. и на вражеские суда. Генерал Арнольд (глава воздушных сил США) обещал мне послать в ближайшее время два отряда бомбардировщиков, т. е. 80 самолётов, а также несколько эскадрилий истребителей для Олстера. Прошу сообщить мне, чем вы сейчас заняты, и удовлетворен ли адмирал Каннингхэм?»

Меня также тревожила мысль — не будет ли итальянский подвиг повторен в Скапа-Флоу?

«Премьер-министр — Первому морскому лорду. 9 янв. 42 г.

Инцидент в Александрии, столь для нас неприятный, возбудил в моём уме вопрос о безопасности Скапа-Флоу

от атак подобного рода. Проверяем ли мы аккуратно входы в гавань глубинными зарядами каждые 20 минут? Без сомнения тамошние сильные течения будут лучшей защитой для нас, чем спокойные воды Александрии.

Как обстоят дела?»

Важнее всего остального было, чтобы подлинное состояние наших двух больших линейных кораблей, стоящих спокойно в гавани Александрии, не стало известно неприятелю.

**
*

Теперь я нашёл, наконец, время заняться несколькими сложными вопросами, которые давно меня тревожили. Одним из них было возвращение как вице-короля Индии, так и Кабинета, к идее выработки новой конституции Индии, по которой Конгресс собирался бы для разрешения общих дел и вопросов их собственной безопасности. В следующем томе мы увидим, что это была тщетная иллюзия.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

7 янв. 42 г.

1. Я надеюсь, что мои коллеги учитывают всю опасность возбуждения конституционных вопросов, а ещё более опасность конституционных перемен в Индии в такой момент, когда неприятель стоит у наших границ. Мысль, что мы могли бы «получить больше от Индии», привлекая к делу Конгресс, кажется мне при сегодняшней конъюнктуре вредной. Ведь это значило бы сейчас ввести всюду выборное, представительное начало. Ввести в организацию нашей обороны враждебные нам политические элементы — это значило бы парализовать нашу оборону. Просто отбор и привлечение дружественных индусов не принесет особенного вреда, но и ни в коем случае не будет отвечать политическим требованиям. Индусские либералы, хотя и мирно настроенные, никогда не были в состоянии дать что-

нибудь хорошее. Индусские войска сражаются великолепно, но надо вспомнить, что они преданы Королю-Императору, и что правление Конгресса и индусских духовных лиц никогда не будет приемлемо для расы с боевым духом.

2. Я думаю, что у вас не будет затруднений с американским общественным мнением. Все комментарии американской печати об Индии, какие я только видел, были исключительно сдержанными, особенно с тех пор, как США вступили в войну. Все мысли их сосредоточены на том, чтобы выиграть войну возможно скорее. Первая забота членов Конгресса, которые сохраняют за собою контроль над правительствами штатов, это обеспечить за собою ответственные посты министров и показать, что они могут успешно выполнять колоссальные задания, порученные им в это тревожное время. Прошу вас передать эти соображения Кабинету. Я уверен, что нам не придется сходить с позиции, которую мы обдуманно заняли».

Я был очень расстроен сообщением Идена, вернувшегося из Москвы, о советских территориальных притязаниях, в особенности к Балтийским государствам. Эти территории были завоёваны Петром Великим, и в течение 200 лет они были под царским правительством. После русской революции они оказались аванпостами Европы против большевизма. Они были тем, что сейчас называется «социал-демократией», но довольно-таки примитивной и грубой. Гитлер швырнул их, как пешки, советскому правительству, в своей сделке с ним перед началом войны 1939 г. Они подверглись жестокой русской и коммунистической чистке. Все выдающиеся личности и элементы были ликвидированы тем или иным путём. Жизнь этих крепких народов ушла в подполье. Но вскоре, как мы увидим далее, Гитлер вернулся, и началась нацистская контрчистка. Наконец, после общей победы советская власть снова оказалась хозяином. Таким образом страшный гребень беспощадно прочёсывал Эстонию, Латвию и Литву взад и вперед. Однако не было никакого сом-

нения в том, где лежит правда и право: Балтийские страны должны быть независимыми, суверенными нациями.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

8 янв. 42 г.

1. Мы никогда не признавали границ России, установленных в 1941 г., иначе, как «де факто». Они были результатом агрессии и постыдной сделки с Гитлером. Присоединение народов Балтийских государств к Советской России против их воли противоречило бы всем принципам, за которые мы боремся в этой войне, и обесчестило бы наше дело. Это же относится к Бессарабии и к Северной Буковине, и в меньшей степени к Финляндии, которая, я полагаю, не намерена полностью покориться и быть поглощённой.

2. Россия могла бы из стратегических доводов заявить притязания на подступы к Ленинграду, которые финны использовали для нападения. В Балтийском море есть острова, имеющие большое значение для безопасности России. Стратегические соображения могут играть роль в некоторых пунктах на границах Буковины или Бессарабии. В этих случаях населению может быть предложена эвакуация и компенсация, если оно этого пожелает. Во всех других случаях переход территории должен быть урегулирован по окончании войны, путём свободно и правильно проведенного плебисцита, весьма отличного от того, который предлагается. Во всяком случае не может быть и речи об установлении границ до мирной конференции. Я знаю, что президент Рузвельт держится этого взгляда так же твёрдо, как и я; он неоднократно выражал мне своё удовольствие по поводу твёрдой линии поведения, которую мы приняли в отношении Москвы. Я не мог бы представлять Британский Кабинет, если бы он отошёл от этой линии.

3. Я считаю, что искренность обязывает нас держаться принципов Атлантической Хартии, под которой и Сталин подписался. В этом деле нас связывает также и союз наш с США...

5. По поводу реакции России на наш отказ предвосхитить на этой стадии войны решения мирной конферен-

ции, или отойти от принципов Атлантической Хартии, следует заметить, что Россия вступила в войну только после нападения на неё Германии, а до того она проявляла полную индифферентность к нашей судьбе, а фактически она увеличивала наше бремя в минуту наибольшей для нас опасности. Её армии сражались мужественно и проявили огромную стойкость в обороне своей родной земли. Но они сражались лишь за своё существование, и им никогда не было никакого дела до нас. Мы же, наоборот, помогали им до пределов наших возможностей, так как мы восхищаемся их обороной своей земли и так как они тоже борются против Гитлера.

6. Никто не может предвидеть, каково будет соотношение сил и где останутся армии победителей к концу войны. Однако по всей вероятности США и Британская Империя, ещё далеко не истощённые, окажутся наилучше вооружённым и экономически сильнейшим блоком, какой только когда-либо был на свете. Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи для своего восстановления гораздо больше, чем мы в его.

7. Вы обещали им (в Москве), что мы рассмотрим эти притязания России совместно с США и нашими Доминионами. Это обещание мы должны сдержать. Но тут не может быть никаких сомнений относительно позиции любого Британского Правительства, которое я возглавляю, а именно в том, что оно держится принципов свободы и демократии, провозглашённых Атлантической Хартией, и что эти принципы должны соблюдаться особенно строго там, где возникает вопрос о переходе территории. Я считаю поэтому, что нам следует ответить, что все вопросы о территориальных границах должны быть предоставлены решению Мирной Конференции».

Юридически — это та самая ситуация, какая установилась сейчас.

**
*

Отдыхая на Пальм-Биче, я конечно был в постоянном телефонном контакте с президентом и с бри-

танскими Штабами в Вашингтоне, а в случае необходимости я мог говорить и с Лондоном. Однажды произошёл забавный, но даже неловкий инцидент. М-р Уэндл Уилки хотел встретиться со мной. В это время у него были натянутые отношения с президентом. Рузвельту, повидимому, была бы не совсем по душе моя встреча с лидерами оппозиции, и потому до сих пор я избегал такой встречи. Однако, имея ввиду поездку Уилки в Англию в 1941 г. и сердечные отношения, которые установились между нами, я считал, что мне не следовало покидать Америку, не повидавшись с ним. Таков же был совет и нашего посла. Итак, вечером 5 января я вызвал его к телефону. Через несколько минут я услышал голос: «Вы соединены». Я сказал: «Очень рад говорить с вами. Я надеюсь, что мы сможем встретиться. Я возвращаюсь в Вашингтон завтра вечерним поездом. Не можете ли вы сесть в этот же поезд на какой-нибудь станции? Мы тогда смогли бы провести вместе несколько часов. Где вы проводите следующую субботу?» Голос отвечал: «Да там же, где я и сейчас, — за своим письменным столом». На это я ответил: «Я не понимаю...» Голос продолжал: «С кем, по-вашему, вы разговариваете?» Я ответил: «С м-ром Уэнделом Уилки, не так ли?» — «Нет, — был ответ, — вы говорите с президентом». Я не расслышал и переспросил: «С кем?» — «Вы говорите со мной, я — Франклин Рузвельт». Я ответил: «Я не имел ввиду беспокоить вас в данный момент. Я хотел говорить с Уилки, но очевидно меня неверно соединили». «Я надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо и всем довольны?» — сказал президент. Затем последовала дружеская беседа по поводу моей поездки и моих планов, и под конец я сказал: «Я надеюсь, что вы ничего не имеете против того, что я хотел поговорить с Уэнделом Уилки?» на это Рузвельт сказал — «нет». И на этом разговор наш был закончен.

Надо напомнить, что это было в ранние дни нашей дружбы и, когда я вернулся в Вашингтон, я решил спросить Гарри Гопкинса — не вызвало ли это обиды или недовольства? Я написал ему следующее:

«Я полагаюсь на вас, что вы мне скажете — не было ли моё желание говорить с названной особой сочтено в каком-либо отношении неуместным? Я считал, что моим долгом является проявить внимание и вежливость к видному общественному деятелю; и, если вы мне не посоветуете обратного, то я всё ещё предполагаю исполнить своё намерение».

Гопкинс ответил, что всё в порядке.

**
*

Теперь пора было возвращаться домой.

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

9 янв. 42 г.

3. Вы видели из телеграмм, посланных вам, что я здесь не терял времени даром. В действительности, уединение, в котором я жил, позволило мне видеть вещи яснее, чем это было возможно в суматохе Вашингтона. Я сейчас как раз приготавливаю серьёзный доклад об англо-американском сотрудничестве, который мне предстоит обсудить с Наштабами, а затем с президентом, как только я вернусь туда.

4. Я очень рад, что дебаты 8 января прошли мирно, и что Палата согласилась отложить прония по главному вопросу. Конечно, придирки и воркотня были полностью отмечены в отчётах, и можно было подумать, что они-то и выражали мнение палаты. Было передано несколько замечаний, которые придется не по вкусу американскому общественному мнению, и я указал президенту, что мы у себя не больше можем контролировать нелепые высказывания отдельных чудаков, чем он — своих оригиналов, из лесной глуши пришедших в Конгресс. Сообщите мне суть речей ваших и Идена.

5. Меня бы устраивало, если бы я мог сделать свой отчёт в Палате во вторник, как доклад, а немедленно вслед за тем кто-нибудь предложил бы перерыв. Это сделало бы возможной обычную критику, не лишая меня права на ответ. Впрочем вы, может быть, не найдёте это нужным. Мы можем рассказать не мало интересного, хотя о самом интересном придется умолчать».

Я выехал поездом в Вашингтон вечером 9-го и прибыл в Белый Дом 11-го. Дела не оставляли меня и в пути.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К БУРЕ

В течение моего отдыха во Флориде я приготовил четвёртый меморандум в двух частях, предназначенный для Комитета Наштабов и для Комитета Оборона при Военном Кабинете. Вторая часть имела ввиду также американских читателей. Этот меморандум отличался от трёх предыдущих тем, что он был составлен после начала совещаний в Вашингтоне между мною и президентом и его советниками, а также между соединёнными Наштабами. По возвращении в Лондон я разослал эти меморандумы членам Военного Кабинета для информации. Наши две страны достигли уже соглашения по целому ряду вопросов и Военный Кабинет в своих решениях в значительной мере руководствовался тем общим направлением, которое было дано нашим делам. Здесь я намечаю лишь основные линии общего характера*).

«Генералу Исмэю для Комитета начальников штабов и Комитета Оборона. 10 янв. 42 г.

1. Я использовал немногие дни тишины и уединения, чтобы наметить общие контуры войны, как они мне представляются после моих дискуссий здесь. На США было произведено нападение и они оказались в состоянии войны с тремя державами Оси. Они стремятся к тому, чтобы как можно скорее и как можно эффективнее ввести в

*) Параграфы 9, 10, 14, 15 и 16 не приведены за недостатком места.

боевую линию свои регулярные войска. Благодаря недостатку тоннажа, в 1942 году это будет возможно лишь в ограниченном масштабе. Между тем армия США вырастает с 30 с небольшим пехотных дивизий с 5-ю танковыми дивизиями — во внушительную силу почти в 60 дивизий с 10-ю танковыми дивизиями. Около $3\frac{3}{4}$ миллионов солдат уже призваны или призываются в армию и в воздушные силы (более миллиона). Людские резервы в США фактически неограничены, но в настоящей фазе войны призыв в армию чрезмерно больших масс был бы нецелесообразной мерой.

2. По всей вероятности в течение 1942 года удастся доставить на боевые фронты не больше, чем $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ вышеозначенной общей цифры. Однако в 1943 г. большое увеличение нашего корабельного тоннажа, намеченного программой кораблестроения, сделает возможной переброску через океан более крупных сил, и летом 1943 г. возможно ожидать больших наступательных операций, которые должны быть заранее тщательно разработаны.

3. Воздушные силы США, уже мощные и быстро растущие, могут быть введены в дело в большом количестве в течение 1942 года. Уже предположено, что крупные силы бомбардировщиков, переброшенные на британские острова, смогут оттуда атаковать Германию и порты, ею захваченные. Эскадрильи американских истребителей смогут принять участие в обороне Великобритании и господствовать над побережьем Франции на доступном для них расстоянии.

4. Декларация президента в Конгрессе о гигантской программе вооружения и кораблестроения в США на 1942 год, с дальнейшим развитием её в 1943 г., может больше, чем что-либо иное, подействовать на Гитлера и принудить его закончить войну в 1942 г., прежде чем США успеют полностью развернуть и пустить в ход свои силы.

5. У Гитлера было достаточно времени для постройки — быть может, даже большого количества — судов специального типа, способных перевозить танки с высадкой их на любом берегу. У него без сомнения разработаны планы вторжения в страну с воздуха, при помощи парашютов, или скорее планёров, но мы не можем знать, как далеко он преуспел в этом. Президент, излагая взгляды, разделяемые ведущими стратегами Америки, объявил, что

Великобритания является важнейшей крепостью Объединенных Наций. Действительно, это — единственное место, где война может быть нами проиграна в критической кампании 1942 года, теперь стоящей перед нами. Было бы крайне неблагоприятно поставить под угрозу оборону Британских Островов.

6. Поэтому посылка 4-х американских дивизий (одна — танковая) в Северную Ирландию является необходимой военной мерой, которой ничто не должно помешать. Замена британских войск американскими на Исландии освобождает ещё одну британскую дивизию. Однако предположено просить власти США вести по возможности тренировку американских войск в горной части Исландии и на снегу, так как только наличие достаточного количества лыжников и альпинистов даст возможность подготовить будущие освободительные операции в Скандинавии...

7. Упорное сопротивление неприятеля в Киренаике, возможности отступления для генерала Роммеля, или по крайней мере ухода его с частью войск, далее подкрепления, идущие к неприятелю, которые вероятно достигли уже Триполи, и следующие за ними, которых надо ожидать за время отсрочки, а более всего затруднения со снабжением передовых отрядов — всё это вместе взятое тормозит выполнение операции «Акробат» (очищение Триполи) и даже может целиком сорвать ее. Поэтому мы намерены заняться разработкой операции «Сверх-гимнаст» (англо-американская оккупация французской Северной Африки) более серьезно, и как можно скорее приступить к операции «Магнит» (переброска американских войск в Северную Ирландию).

8. ...Германские воздушные силы на передовом фронте уже уступают в численности британским. Значительная часть их теперь должна быть отправлена на русский фронт. Но большая часть британских воздушных сил должна оставаться дома; и, хотя сейчас против них находится гораздо меньшее число германских бомбардировщиков и истребителей, тем не менее наши силы не могут быть сняты и перемещены куда-либо, так как неприятель обладает лучшими внутренними коммуникациями и может быстрее перебрасывать свои силы. Вдобавок надо считаться и с итальянской авиацией.

11. Цель, которую мы должны себе поставить, это — непрерывно тревожить и вызывать к бою германские воздушные силы и этим путем изматывать их. Это уже делается на русском фронте. На британском фронте это может быть достигнуто лишь в ограниченном размере, поскольку неприятель сам не возобновляет бомбёжек или дневных налётов. Но в бассейне Средиземного моря неприятель проявляет склонность к активности на фронте и мы должны были бы нападать на него там превосходящими силами; но это возможно только по прибытии американских эскадрилий. В высшей степени важно принуждать германские воздушные силы к бою при каждом удобном случае и в каждом уязвимом месте. Мы можем позволить себе потери гораздо большие, чем они. В самом деле, подобно генералу Гранту в его последней кампании, мы можем позволить себе потери почти 2:1, имея ввиду огромные пополнения, ожидаемые нами в будущем. Каждый германский самолёт или пилот, выведенный из строя в 1942 г., стоит двух таких же в 1943 г. Только поддерживая постоянное напряжение в воздушных битвах, мы можем привести их потери в воздушных силах к таким цифрам, которые превосходят производительную силу их авиационных заводов и школ. Таким путём мы могли бы снова захватить инициативу в свои руки, так как неприятель будет вечно вынужден — как мы сами были вынуждены до сих пор — ограничивать свою деятельность из-за нехватки материала и людей.

12. Мы должны приветствовать передышку, которую дает нам русское сопротивление на Дону и в Крыму, обеспечивающее им господство в Черном море. Три месяца тому назад нам приходилось опасаться продвижения немцев через Кавказ к Каспийскому морю и к нефтяным промыслам Баку. Теперь эта опасность почти наверно отсрочена по крайней мере на 4-5 месяцев, пока не кончится зима, и, конечно, упорное сопротивление русских на юге даст нам надежную защиту.

13. Опасность, однако, может снова вернуться поздней весной. Недостаток нефти, уже серьёзно ощущаемый в Германии и в покорённых ею землях, делает захват бакинских и персидских нефтяных промыслов жизненно необходимым для Германии и ставит его как цель № 2, уступающую только вторжению в Великобританию... Огромная

сила германской армии может оказаться способной к возрождению, как только погода установится. В этом случае немцы, пожалуй, смогут удовлетвориться оборонительной тактикой на северном и центральном участках русско-германского фронта и начать наступление и вонзить клин на юговосточном направлении, через Кавказ, к нефтяным промыслам, как к очередной цели.

ВОЙНА ПРОТИВ ЯПОНИИ

17. Все согласны в том, что поражение Германии, влекущее за собой её крушение, оставит Японию одну перед подавляющей силой, тогда как поражение Японии никоим образом не может привести к концу мировой войны. Сверх того, огромные пространства Тихого океана и выгодные ключевые позиции, уже захваченные или могущие быть захваченными японцами, сделают серьёзное вторжение в Японию очень длительной операцией. Не менее длительным было бы обратное завоевание — армиями, расположенными главным образом в Австралии и Индии — островов, аэродромов и морских баз, разбросанных в юго-западной части Тихого океана, теперь вверенной генералу Уэйвелу. Действительно, кажется более вероятным, что развязка произойдёт раньше с Германией, чем с Японией. Во всяком случае мы не можем надеяться на то, что нам удастся в ближайшее время достигнуть в этой части океана необходимого превосходства в воздухе, на море и на суше; надо вспомнить, что у нас есть и другие заботы, не говоря уже об ограниченности тоннажа.

18. Хотя и правильно ставить на первое место войну с Германией, однако это всё же не значит, что мы «ведем оборонительную войну» против Японии, наоборот: единственный путь, каким мы можем удержаться на Дальнем Востоке в тот период, пока Германия ещё не побеждена, — это снова взять инициативу в свои руки, хотя бы и в малых размерах.

19. На театре «тысячи островов», из которых многие легко могут быть превращены в импровизированные воздушные и морские базы, пассивная оборона представляет собою неразрешимую проблему. Японцы, захватив временное господство на море и в воздухе, в значительном районе, в состоянии овладеть любым пунктом в этом районе,

кроме — пожалуй — крепости Сингапур. Они могут переходить от острова к острову, забирая их один за другим и захватывая местные гарнизоны, которые мы или голландцы могли там до тех пор держать. Они будут стараться обеспечить своё господство сетью воздушных баз и без сомнения они надеются через несколько месяцев овладеть крепостью Сингапур. Обладая им и Манилой, с их воздушными базами, оборудованными в стратегических пунктах, они создадут систему воздушной и морской обороны, способную к длительному сопротивлению... Морское преобладание США, которому Великобритания будет действовать как только может, должно быть восстановлено летом 1942 года.

20. Вслед за тем, или по крайней мере при первой возможности, нужно будет организовать налёты на острова и приморские порты, захваченные японцами. Мне сообщили, что президент предписал образовать отряды на западном побережье Америки, подобные германским «коммандо». Такие отряды, благодаря индивидуальным качествам участников, будут необыкновенно ценными для захвата тактически важных пунктов и опорных точек при сухопутно-морских операциях. Такой отряд должен быть поддержан несколькими небольшими бригадными группами, весьма подвижными и надлежаще снабжёнными для своих специальных задач — для каждой задачи особо. Нет необходимости оставаться на захваченном острове, если этого не требуют стратегические соображения. Достаточно взять пленных, взорвать, что можно, и уходить. Точный состав отрядов для каждого рода набегов требует специального исследования. Согласно данным нашего опыта, важно иметь надлежащее прикрытие из гидро-самолётов, а также отряд танков и десантных судов к ним. Неприятель не может быть достаточно подготовлен и он неизбежно будет уязвим во многих пунктах. После даже немногих удачных налётов такого рода — из которых каждый даёт исключительно ценный опыт войскам и командирам и материал для инструкций — противник из страха будет покидать слабо защищённые острова и сосредоточивать свои силы в немногих хорошо укреплённых пунктах.

Поэтому нам, может быть, удастся сохранить для себя без усилий некоторые подходящие острова — если только мы не будем пытаться держать большое число их — на кото-

рых можно будет создать станции для воздушного флота или базы снабжения горючим. Надо создать атмосферу страха и террора для разбросанных гарнизонов противника, это явится лучшим вступлением к предстоящим крупным операциям по обратному завоеванию и к созданию сильных баз, как опорных ступеней от Австралии к северу».

Этот меморандум я передал президенту.

**
*

По возвращении в Белый Дом я нашёл, что объединённые Штабы сделали за это время большие успехи в своей работе, и что её результаты вполне отвечают моим взглядам. Президент созвал собрание на 12 января, и там было достигнуто полное единство в вопросе основных принципов и целей войны. Разногласия были незначительны и всё было подчинено судовому и деспотическому фактору — судовому тону. «Президент, — записано в британском протоколе, — придаёт большое значение проведению «Сверх-Гимнаста», то есть комбинированной англо-американской экспедиции в Северной Африке. Была составлена пробная схема армии из 90.000 американских и из 90.000 британских войск, с придачей крупных воздушных сил для операций в Северной Африке». Было постановлено послать две американские дивизии в Северную Ирландию с изложенными мною целями. Президент сказал мне частным образом, что он мог бы, если это необходимо, послать как можно скорее 50.000 американских войск в Австралию и на острова, прикрывающие подходы к ней со стороны Японии. 25.000 могли бы отплыть немедленно для занятия Новой Каледонии и других островов на пути между Америкой и Австралией. Как основной принцип «Большой Стратегии», Штабы установили, что «лишь минимум сил, необходимый для охраны наших жизненных интересов

на других театрах войны, может быть выделен из операций против Германии». Больше всех настаивал на этом кардинальном принципе генерал Маршалл.

Однажды вечером генерал пришёл ко мне и задал мне трудный вопрос. В своё время он согласился послать около 30.000 американских солдат в Северную Ирландию. Мы, конечно, предоставили две наших «Королевы» — два единственных в мире корабля по 80.000 тонн — в его распоряжение для этой цели. Теперь генерал Маршалл спросил меня, сколько человек следует посадить на корабли, принимая во внимание, что шлюпки, плоты и другие пловучие средства могут поднять только 8.000. Если же не обращать на это внимания, то можно взять на борт 16.000. Я дал ему следующий ответ: «я могу сказать вам только то, что мы сами сделали бы. Вы должны сами оценить риск, на который вы идёте. Если бы дело шло о непосредственном участии в боевой операции, то мы посадили бы на борт столько людей, сколько туда войдёт, до отказа. Если же вопрос идёт о передвижении войск в обычной обстановке, то мы ограничились бы пределами шлюпок, плотов и т. д. Теперь решайте сами». Он выслушал это молча и мы перешли на другие темы. В первых рейсах эти суда взяли меньшие партии, но потом они были наполнены до отказа. Случайно счастье было на нашей стороне.

Настало время покинуть гостеприимную и бодрящую атмосферу Белого Дома и американской нации, время подтянуться и снова броситься в борьбу против тиранов и агрессоров. Предо мною были не особенно радужные перспективы. Как ни рад я был вернуться в Лондон, как ни твёрдо был я уверен в конеч-

ной победе, однако во мне было ощущение надвигающейся на нас полосы бедствий, страшных и длительных. Мои надежды на победу в Западной Пустыне, в которой Роммель должен был быть уничтожен, увяли; Роммель ускользнул. Успех Окинлека у Сиди-Резег и у Газалы не был решающим. Престиж наш, необходимый для наших планов англо-американского десанта во французской Северной Африке, окончательно упал, и эта операция очевидно откладывалась на долгие месяцы.

**
*

«Премьер-министр — Лорду хранителю печати.

12 янв. 42 г.

Так как я вскоре умолкну на некоторое время — хотя, надеюсь, не навсегда — то прошу этой ночью телеграфировать мне важнейшие вопросы, требующие решения здесь ещё до моего отъезда.

14-го я попрощался с президентом. Он, повидимому, беспокоился насчёт опасности переезда. Наше пребывание в Вашингтоне было в течение многих дней известно всему свету, а на морских картах было отмечено более 20 германских подводных лодок на нашем пути. Мы перелетели при прекрасной погоде из Норфолька на Бермудские острова, где «Герцог Йоркский» с эскортом истребителей ожидал нас внутри кораллового рифа. Я летел на громадном гидросамолёте, который произвёл на меня прекрасное впечатление. В течение трёхчасового полёта я подружился с главным пилотом, капитаном Келли Роджерсом, обладавшим повидимому исключительными знаниями и опытом. Я взялся на минуту за рычаги управления, чтобы почувствовать в своих руках эту гигантскую машину, несущую в воздухе свои 30 с лишним тонн. Мне всё больше

и больше нравился этот гидросамолёт. Я спросил капитана: «А как насчёт того, чтобы лететь с Бермуд в Англию? Может он взять достаточно бензина?» Бесстрастное лицо капитана вдруг отивилось: «Конечно, можно. Последние предсказания обещают попутный ветер 40 миль в час. Мы могли бы долететь за 20 часов». Я спросил его, как это далеко, и он ответил: «Около 3500 миль». Тут я призадумался.

Однако, когда мы спустились, я поинтересовался, что думают об этом Портл и Паунд. В Малайе произошли грозные события; нам всем нужно было как можно скорее возвращаться домой. Начальник Штаба Авиации немедленно ответил, что он считает риск совершенно неоправданным, и что он не может взять на себя ответственность. Первый морской лорд поддержал своего коллегу: здесь для нас стоит «Герцог Йоркский» со своими истребителями, всё к нашим услугам, комфорт и гарантия. «А как же подводные лодки, на которые вы мне указывали?» Адмирал сделал только безнадёжный жест по их адресу, который выражал его подлинное мнение о такой опасности для быстроходного линейного корабля под надёжным эскортом. Мне пришло в голову, что оба эти офицера полагали, будто я задумал лететь один, а их оставить на «Герцогe Йоркском». Я сказал им: «Там, конечно, нашлось бы место для всех нас». Тут выражение их лиц сразу изменилось. После значительной паузы Портл заявил, что дело это надо рассмотреть, и что он поговорит подробнее с капитаном гидросамолёта и обследует перспективы погоды на метеорологической станции. На этом я успокоился.

Два часа спустя оба вернулись и Портл сказал, что, по его мнению, лететь можно. Самолёт безусловно в состоянии выполнить эту задачу в нормальных условиях; погода исключительно благоприятна, ввиду све-

жего попутного ветра. И без сомнения, было очень важно попасть домой как можно раньше. Паунд сказал, что капитан самолёта произвёл на него наилучшее впечатление, — он безусловно обладает несравненным опытом. Конечно, риск при этом есть, но нельзя забывать и подводных лодок. Итак, мы решили лететь, если погода не испортится. Старт был назначен на завтра, в 2 часа дня. Нам пришлось ограничить наш багаж, взяв с собою лишь несколько ящиков с наиболее важными бумагами. Дилл оставался в Вашингтоне, как мой личный военный представитель при президенте. В нашу «лётную» группу входили только я, два Наштаба, Макс Бивербрук, доктор Вильсон и полковник Холлис. Все остальные должны были плыть на «Герцоге Йоркском».

После полудня я выступил с речью в Законодательной Палате Бермудских островов — старейшем парламенте западного полушария. Я призывал его дать свою санкцию и оказать помощь устройству на островах морской и воздушной баз США, по поводу которых в Палате было некоторое сомнение. Существование всей Британской Империи было поставлено на карту. Наш союз и успешное сотрудничество с США делают нашу конечную победу несомненной, как бы долг ни был путь к ней. Палата не колебалась. В этот вечер губернатор, лорд Ноллис, дал банкет, собрав вместе именитых островитян и их мимолётных гостей. Мы все были в отличном настроении. Только Томпсон, мой флаг-капитан, как я называл его, был в горе, что для него не нашлось места (на самолёте). Он изъяснял мне, как глубоко он огорчён тем, что ему приходится возвращаться домой морем. Я напомнил ему о его преданности морской службе, о том, что для него, как бравого моряка, нет выше счастья, чем качаться на волнах. Я подчёркивал бесспорную опасность подводных лодок, но он был безутешен. Наконец, у него явился

план: он убедил одного из стюардов самолёта уступить ему своё место; он хотел сам мыть посуду вместо него. Я спросил его, что же скажет капитан? Томми надеялся, что если в последний момент капитан будет поставлен перед фактом замены, то он не будет препятствовать. Он уверял, что он весит меньше, чем стюард. Я пожал плечами, и он пошёл спать уже после полуночи.

Я проснулся слишком рано с уверенностью, что уже больше не засну. Должен сознаться, что я ощущал какой-то страх. Я подумал о безмерности океана, о том, что мы будем лететь всю дорогу в тысяче миль от суши, пока не приблизимся к Британским островам. Я подумал, что, быть может, я поступил поспешно, что я подвергал риску слишком многих людей. Я всегда смотрел на перелёт через Атлантический океан с некоторым трепетом. Но жребий уже был брошен. И всё же я должен сознаться, что если бы утром они пришли ко мне сказать, что погода портится, и что мы должны плыть, то я легко примирился бы с путешествием на великолепном корабле, который пересекает океан лишь затем, чтобы взять нас на борт. Дивный солнечный свет заливал остров и благоприятные предсказания погоды подтверждались. В полдень мы на моторной лодке причалили к самолёту. Мы провели целый час на пристани, так как сторожевой катер, посланный к «Герцогу Йоркскому» за нашим багажом, сильно задержался против ожидания. Томпсон стоял печальный: капитан наотрез отверг его проект и притом в такой форме, как только капитаны это умеют. Стюард был необходимым элементом экипажа; ни одного лишнего человека нельзя было взять; все цистерны были наполнены бензином до краёв; дай Бог, чтобы удалось и так, как есть, подняться с воды. Итак мы двинулись вдоль гавани, оставив бедного Томми причитать также горько, как лорд Эллин в поэме Томаса

Кэмбла, хотя и по другой причине. Никогда, ни до того, ни после того, мы с ним не разлучались в таких путешествиях.

Как капитан и предсказывал, оказалось не легко оторваться от воды. Мне уже казалось, что мы ни за что не поднимемся над низкими холмами, окаймлявшими гавань. На самом деле опасности не было, мы были в надёжных руках. Наш «воздушный корабль», наконец, грузно поднялся с воды за четверть мили до рифов, и мы пролетели над ними уже на высоте нескольких сот футов. Эти летающие суда действительно комфортабельны. Мне отвели в кормовой части большую каюту, предназначенную для свадебных путешествий, с хорошей широкой постелью и большими окнами с каждой стороны. Оттуда длинный коридор вёл мимо разных кают в салон и столовую, где можно было получить любые блюда и напитки. Движение было ровное, самолёт плавно покачивался, и мы провели приятный день и весело пообедали. Эти самолёты имеют два этажа, и вы подымаетесь по обыкновенной лестнице наверх, в контрольное помещение. Наступили сумерки, все сообщения были успокоительны. Теперь мы летели в густом тумане, на высоте 7.000 футов. Нам виден был ведущий край крыльев и большие пламенеющие выхлопные трубы, выведенные назад, над поверхностью крыльев. В этих машинах в это время употреблялась большая резиновая труба, которая, попеременно сжимаясь и расширяясь, предохраняла самолёт от обледенения. Капитан объяснил мне, как она работает, и мы видели, как время от времени лёд откалывается при расширении. Я пошёл спать и спал сладко и долго.

Я проснулся перед рассветом и прошёл в контрольное помещение. Заря разгоралась. Под нами лежал почти непроницаемый слой облаков.

Просидев около часу рядом с пилотом, я почувствовал какое-то беспокойство вокруг. Предполагалось, что мы приближаемся к Англии с юго-западной стороны, и мы уже должны были пройти острова Сили; однако их не видно было в просветы между облаками. Так как мы уже больше десяти часов летели в тумане, и за всё это время видели только одну звезду, то мы легко могли отклониться от нашего пути. Радио-сообщение было, конечно, ограничено правилами военного времени. Из отрывочных разговоров было ясно, что мы не знаем, где мы находимся. Теперь Портл, который старался определить наше местонахождение, переговорил с капитаном и затем сказал мне: «мы сейчас должны повернуть к северу». Это было исполнено, и через полчаса мы уже сквозь облака разглядели Англию и вскоре очутились над Плимутом, где, лавируя между светящимися баллонами, мы благополучно приземлились.

Когда я покидал самолёт, капитан сказал мне: «Ещё никогда в жизни я не чувствовал такого облегчения, как сейчас, когда я высадил вас благополучно в порту». Я не оценил значения его слов в тот момент. Позднее я узнал, что если бы мы продолжали наш первоначальный курс ещё 5-6 минут после того, как мы повернули к северу, то мы попали бы под огонь германских батарей в Бресте. Мы отклонились слишком к югу в течение ночи. Помимо того, когда мы переменили направление, то мы подлетели к Англии уже не с югозапада, а с юговостока, то есть скорее с вражеского направления, а не оттуда, откуда нас ждали. В результате, как мне сказали несколько недель спустя,

о нас было сообщено, как о неприятельском бомбардировщике, летящем из Бреста, и звено из 6 истребителей Ураганов получило приказ обстрелять и сбить нас. Однако это им не удалось.

Я телеграфировал президенту Рузвельту:

«Прибыли сюда удачным прыжком с Бермуд, с попутным ветром в 30 миль».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Наш советский союзник	7
2. Передышка в Африке. Оборона Тобрука . .	29
3. Моя встреча с Рузвельтом	57
4. Атлантическая хартия	75
5. Наша помощь России	95
6. Персия и Средний Восток	125
7. Силы Британии растут	153
8. Более близкий контакт с Россией	181
9. Предстоящий путь	199
10. Операция «Крестоносец»	223
11. Я п о н и я	247
12. Перл-Харбор	281
13. Путешествие в разгар войны	307
14. Намеченный план хода войны	329
15. Вашингтон и Оттава	349
16. Англо-американские соглашения	375
17. Возвращение к буре	397

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

Цена \$2.75

